

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

Истоки
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

Протоиерей
Владислав Цыпин

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ
И ХРИСТИАНСКОЙ

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

Издательство
Сретенского монастыря
Москва
2011

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Том I

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2011

УДК 271.22(470+571)(091)

ББК 86.372г

Ц96

Протоиерей Владислав Цыпин

Ц96

История Европы: дохристианской и христианской: В 16 т. Т. 1. Истоки европейской цивилизации / — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 368 с.

ISBN 978-5-7533-0581-7 (т. 1)

ISBN 978-5-7533-0580-0

УДК 271.22(470+571)(091)

ББК 86.372г

ISBN 978-5-7533-0581-7 (т. 1)

ISBN 978-5-7533-0580-0

© Сретенский монастырь, 2011

Предисловие

О б истории Европы написаны сотни тысяч книг и миллионы статей. Большинство из них посвящено частным темам либо отдельным странам, регионам и эпохам. Но существует немало и таких работ, которых охватывают, по замыслу авторов, всю европейскую историю. Поэтому еще раз приниматься за труд, темой которого является история этой части света, разумно лишь в том случае, если во всех наличных публикациях имеются изъяны, которые можно попытаться избежать. А они в них действительно есть. Автор мог убедиться в этом, когда приступил к преподаванию европейской истории в Московской духовной академии. Из множества книг, тематически соответствующих этому курсу, одностомных и многотомных, российских и переводных, не оказалось ни одной, которая бы могла вполне удовлетворить как самого преподавателя, так и студентов православной школы в концептуальном отношении. Кроме того, практически во всех отечественных и западных историях Европы имеются очевидные диспропорции, и связаны они с тем обстоятельством, что в российской школе из европейской истории изымается история России, которая преподается у нас в виде самостоятельной дисциплины, и подобное разделение материала отражается в литературе, а в западных трудах по европейской истории российская тематика оказывается либо за бортом, либо на недостойных ее задворках, по причине вековых предрассудков. В последнее время их принято называть русофобией — термин, представляющийся чрезмерно эмоциональным и не вполне корректным, по крайней мере, относительно личных убеждений многих ученых.

Этим дефектом не страдал, например, А. Тойнби, но выйти вполне из плена сложившихся на Западе стереотипов не мог и он, так что даже в его грандиозном труде «Постижение истории» Россия хотя и присутствует, но не в меру ее действительной роли в мировом историческом процессе. Выразительным примером не вполне добросовестной интерпретации российской истории на фоне общеевропейской может

послужить переведенная на русский язык книга Норманна Дэвиса «История Европы». Ее автор специально занимался славистикой и, казалось бы, благодаря этим своим штудиям, мог более основательно и справедливо представить роль России в драме европейской истории, но получилось нечто обратное: помимо традиционных на Западе предубеждений, Дэвис обогатил свою палитру еще и красками, позаимствованными у наших польских или «рутенских» доброжелателей, хотя книга его не лишена достоинств, написана по-журналистски занимательно.

Как в отечественные, так и в западные курсы по истории Европы входит, естественно, Византия. Среди западных историков есть ученые, которые способны достойно оценить величие Ромейской империи, нигде и никогда не превзойденную духовную высоту и рафинированность ее культуры, но это относится к тем из них, кто специально занимается ею, — к византологам, и лишь к лучшим из них. Когда же Византия включается в общеевропейский контекст, то западному ученому избавиться из плена Гиббоновой схемы, построенной на откровенной и демонстративной византиинофобии, практически не удастся. От нее не свободны до конца и наши отечественные историки. Речь идет не о византологах, а о тех авторах, которые пишут на западные сюжеты и участвуют при этом в написании трудов, посвященных европейской истории. Диспропорции в соотношении уже самих объемов текстов, посвященных в них, с одной стороны, западным, а с другой — синхронным им византийским сюжетам, поражают воображение. Что же касается основной идеи предлагаемого вниманию читателей труда, то она выражена в самом его названии: «История Европы: дохристианской и христианской», призванном обозначить главную тему и центральный нерв европейской истории. Что таким нервом служит христианство, — это очевидность, признание которой не предполагает определенных мировоззренческих предпосылок, а только добросовестный взгляд на предмет, называемый европейской историей. С констатацией именно этого обстоятельства органически связано и видение автором главной интриги истории европейского и средиземноморского региона в соотношении таких ключевых для нее метаисторических символов, как Рим — Новый Рим и Третий Рим, с одной стороны, преемствующих один другому, а с другой — синхронно сопребывающих.

Автор не ставил перед собой задачи расширить объем конкретных знаний по истории Европы, ввести, как принято говорить на академическом жаргоне, в научный оборот новые документы, выявить ранее не известные факты. Свою задачу он видит в том, чтобы, опираясь на уже выполненные научные исследования, корректно

и с соблюдением должных пропорций, изложить исторический материал исходя из такого видения драмы европейской истории, которое вытекает уже из самой его принадлежности к Православной Церкви.

В достаточной ли мере он вооружен для подобного труда? Судить об этом предстоит читателю, предупреждая которого можно лишь указать на первое, филологическое в области германистики, и второе, богословское образование автора, обозначить сферу его профессиональных интересов: история Церкви и каноническое право, — и дилетантских: всемирная и российская история, этнология и этнография, история искусства. Взяться за подобное предприятие при столь очевидных лакунах в историческом образовании его побудило, в частности, и такое соображение, что едва ли вообще могут сыскаться профессионалы, которые бы специально занимались всеми периодами европейской истории и всеми регионами, на пространстве которых она протекала. Подобные труды поэтому более ответственно могут выполнять лишь содружества, объединяющие историков разного профиля, но у коллективных изданий есть неизбежный порок: в них теряется целостность видения хода истории, а когда общая концепция задается в заранее готовом виде и все, что не умещается в нее, безжалостно отсекается, то возникает гнетущее впечатление идеологической зашоренности, тем худшее, что чаще всего она оказывается казенной и официозной. Поэтому есть смысл в том, чтобы за труды, превосходящие круг профессиональных знаний авторов ввиду широты своей тематики, принимались также и одиночки.

Относительно хронологических границ предлагаемого труда — это именно история, без археологии, в старинном смысле этого термина, иначе говоря, — это история европейской цивилизации, а не археологических культур. Спускаясь в глубину прошедших веков европейской истории, автор остановился на ступени, обозначающей рубеж III и II тысячелетий до Рождества Христова. Именно тогда на Крите сложилась развитая цивилизация, переросшая рамки археологической культуры. Для других регионов Европы — это другие эпохи. Систематическое изложение истории этих регионов, собственно, и начинается в предлагаемом труде в каждом случае с того момента, когда там происходила подобная метаморфоза, связанная обыкновенно с появлением письменности, государства, городов. В христианскую эпоху включение новых стран и народов в поток истории в Европе сопряжено было с их крещением. Но имели место и исключения: для Хазарского каганата параллельное значение имело принятие иудейской религии, для Булгарии — ислама. Чтобы не возникало ошибочного представления о появлении развитой цивилизации из ничего, из культурной пустыни, изложение истории региона с момента его

вхождения в цивилизованный мир предваряется представлением его географических характеристик, а также археологическими и этнографическими сведениями, относящимися к его предыстории. При этом особое внимание уделяется религиозным верованиям и языкам народов, переступавших рубеж, отделяющий археологическую культуру от развитой цивилизации.

Под историей традиционно подразумевается политическая история. Такой подход правомерен, хотя он нуждается в коррекции, потому что есть и другие стороны исторического процесса, и не только социальные и экономические, которые столь виртуозно исследовались учеными из школы «Анналов». Автор настоящего труда первостепенное значение придает религиозной жизни Европы, а значит и истории Церкви. Особый акцент делается на правовых системах и их эволюции. Такой подход вырос из убеждения об исключительной значимости для политической и социальной истории Европы римского права, а затем также обычного права европейских народов. Наконец, призмой, чрез которую можно наилучшим образом наблюдать эволюцию национального менталитета, является история искусства, как элитарного, так и фольклорного, которое в наше время знаменательным образом вытеснено суррогатом массовой интернациональной культуры.

Географические границы предлагаемого труда обозначены его названием. Но в представлении таких тем, как история Римской империи и ее прямой наследницы Византии, а также России и Советского Союза, европейских колониальных империй XIX и XX столетий, двух мировых войн истекшего века, выходы за пределы Европы становятся совершенно неизбежными.

Изложению истории предпослан пространный по объему, но ввиду неисчерпаемой массы наличной литературы предельно выборочный историографический очерк. Вопреки сложившейся в просветительскую эпоху высокомерной традиции не включать в подобные очерки характеристику превосходных трудов древних и средневековых историков и рассматривать их, наряду с рутинной продукцией канцелярий, в качестве источников, здесь они заняли место в одном ряду с исследованиями ученых нового времени. С точки зрения автора, хотя рубеж между научной и донаучной историографией проводится не без оснований, эти основания однако не представляются достаточно весомыми для дискриминации часто блестящих древних историков. Высокие литературные качества их трудов, равно как и их доверие к народным преданиям, которое шокировало позитивистскую науку XIX века, сами по себе еще не лишают эти труды научного качества. Но когда, подобно «Истории» Фукидида, они писались по живым следам событий, участниками которых

были сами писатели, то такие сочинения имеют и бесспорные достоинства источников.

Одним из дополнительных резонов включения характеристики книг античных и средневековых авторов в историографический очерк послужило отсутствие в предлагаемом вниманию читателей труде обзора источников. По логике вещей такой обзор лишен полемичности и концептуальности историографического очерка, он неизбежным образом бывает более нейтральным и академичным, чем историографические оценки. Поэтому автор без опасений прибегает к переадресации, отсылая любознательного читателя к имеющимся академическим трудам в области источниковедения.

Ввиду ориентации книги не на узкий круг специалистов в ней по большей части ссылки делаются лишь при прямом цитировании, чтобы не перегружать читателя обстоятельными отсылками там, где воспроизводятся общепринятые оценки, либо даже те, что вызывают возражения у одних ученых, но разделяются многими другими. При цитировании иностранных авторов предпочтение отдается уже имеющимся переводам их трудов на русский язык. Лишь при отсутствии цитируемых изданий на русском языке соответствующие места воспроизводятся в авторском переводе. В редких случаях в цитатах из имеющихся переводов скорректированы вкравшиеся в них ошибочные или неточные интерпретации, что каждый раз сопровождается соответствующими указаниями. Помимо исследовательских работ, автор широко прибегает к цитированию доступных читателю популярных изданий, предпочитая при этом те из них, которые написаны высококлассными профессиональными историками либо и не академическими учеными, но умными и наблюдательными писателями. Ради воспроизведения колорита описываемой эпохи в книге приводятся нередко весьма пространные выдержки из принадлежащих ей документов, а также из книг древних и средневековых историков.

Введение

1. География Европы

У топонима «Европа» не европейское, но азиатское, финикийское происхождение. Так мореплаватели финикийцы называли закат, или тьму, — «эреб», в противоположность восходу и свету — «асу», то есть «Азия». Иными словами, этимологически «Европа» значит «запад», что вполне согласуется с расхожими современными представлениями об этой части света. Заимствованное греками, это слово стало личным именем дочери финикийского царя Агенора, похищенной Зевсом, явившимся ей в образе быка и унесшим ее на Крит, где у нее родились Радаманф, Сарпедон и Минос, ставший царем этого острова, а в загробном мире, Аиде, мудрым судьей. Крит не только в пространстве мифа, но и в реальной истории стал очагом европейской цивилизации. Рационализируя миф, Геродот считал, что дочь фиванского царя по имени Европа похитили критские купцы.

В географическую номенклатуру «Европа» вошла в эпоху греческой архаики, и самая ранняя фиксация этого топонима в сохранившихся письменных источниках — у натурфилософа-досократика Анаксимандра, жившего в Милете на рубеже VII и VI столетий до Р.Х. В его географических построениях обитаемая земля, экумена, делилась на две части: Азию и Европу. Позже, под впечатлением Греко-персидской войны, жители Азии и Европы наделялись в представлении греков противоположными психическими и нравственными качествами. Знаменитый врач Гиппократ считал, что «европейцы отважны, воинственны и агрессивны, а азиаты мудры, образованны, но при этом настроены мирно, даже апатично» (цит. по: Ле Гофф. Рождение Европы. М., 2009, с. 22).

Европа — это часть света, которая однако не является одновременно и континентом, отличаясь этим от Африки или Австралии. Часть света — понятие из области географии, но применительно

к Европе и Азии географический фактор сам по себе не служит основанием для их разграничения, потому что Европа — это только большой полуостров на западе Евразийского материка. Европу и Азию различают не из-за географии, а из-за истории, а еще точнее, ввиду принадлежности их к разным цивилизациям. Но поскольку топонимы «Европа» и «Азия» включены в географический контекст, а география принуждает к картографической однозначности, граница между ними проводится с такой определенностью, которая не совпадает вполне с более зыбкими границами между цивилизациями, а только отчасти соотносится с ними.

Впрочем, эта граница не оставалась неизменной на протяжении веков, в древности ее проводили по Танаису (Дону), в средневековье — по Волге, в новое время проводят по Уральскому хребту, реке Урал, Каспийскому морю и затем — по Большому Кавказскому хребту, но тенденция к смещению этой границы — к экспансии Европы за счет Азии продолжается и в наши дни, по меньшей мере об этой тенденции свидетельствует такой международно-политический акт, как прием новообразованных закавказских и среднеазиатских государств в европейские организации. Есть логика и в том, чтобы протяженность Европы в широтном направлении измерять не четырьмя, как это общепринято было недавно, а 12 часовыми поясами — полагая ее восточным пределом не Урал, а российские берега Тихого океана.

Такие перемещения границы между Европой и Азией не обусловлены смещениями континентов или иными геологическими катаклизмами, за ними стоят явления религиозного, политического, социального, иными словами, исторического характера. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, следует уточнить, что односторонняя экспансия Европы на восток в области географической номенклатуры не отражает адекватно реальный исторический процесс, который демонстрирует скорее пульсирующий ритм перемещений действительной границы между европейской и азиатскими цивилизациями, так что не раз в истории она смещалась и в обратном — западном направлении, по меньшей мере так было во времена Чингисхана или Магомета Завоевателя, при преемниках которого Азия дважды продвигалась до самой Вены. А почти за тысячу лет до закончившейся поражением осады Вены османскими полчищами вооруженная экспансия Азии в Европу велась с юга, из Африки, и остановлена была в сердце современной Франции, под Пуатье.

Самая своеобразная картографическая черта Европы — это крайняя изрезанность ее береговой линии и значительное число примыкающих к ней крупных островов — на северо-западе и на юге — в Средиземном море; в этом отношении Европу можно сопоставить лишь с юго-восточной Азией. Хорографически Европа может быть разделена на две резко контрастирующие части: бескрайнюю равнину, протянувшуюся в восточном направлении от французской Бретани до невысоких Уральских гор и далее, уже за границами Европы, до Енисея, с равномерным расширением к югу, так что в пределах современной России она простирается от Баренцева и Карского морей до предгорий Кавказа, и разветвленную систему горных цепей, включающую в себя Пиренеи, Альпы, Карпаты, Апеннинские и Балканские горы и лежащий на границе Европы и Азии Большой Кавказский хребет. Помимо них, существует и еще ряд изолированных горных систем, таких, как горы в Скандинавии или в Великобритании.

Большая часть значительных рек Западной Европы течет с севера на юг: Рейн, Эльба, Одер, Висла; самые крупные реки Восточной Европы: Прут, Днестр, Днепр, Дон, Волга и пограничная между Европой и Азией река Урал — текут в обратном направлении, но река, на берегах которой произошло особенно много судьбоносных событий и которая в продолжение веков была самой протяженной водной границей мировой империи — Дунай, — течет с запада на восток. Самые большие европейские озера — Ладозское и Онежское расположены на северо-востоке Европы, в то время как даже такие крупные по западноевропейским масштабам озера, как Комо, Боденское или Балатон, на глобусе микроскопичны.

Климат в Европе разнообразный, от умеренно жаркого, субтропического, на юго-западе, в бассейне Средиземного моря, до холодного в северной части Восточной Европы и на севере Скандинавии, а на крайнем севере Восточной Европы, за полярным кругом, климат уже субарктический, едва совместимый с обитанием там человека. Характерная особенность европейского климата, связанная с влиянием Гольфстрима, заключается в том, что январские изотермы в Европе, в отличие от июльских, пролегают не в широтном, а в долготном направлении, а это значит, что зима на западе Европы относительно теплая, а холодная она не столько на ее севере, сколько на востоке, так что в Ирландии и даже Дании разница между зимней и летней погодой невелика — лето прохладное и зима мягкая, почти бесснежная, и круглый год

дожди, зато на юго-востоке Европы, в Калмыцкой полупустынной степи, климат резко континентальный — со знойным летом и суровой зимой, с жаркой дневной и холодной ночной погодой в осеннюю и весеннюю пору.

Во времена доисторические, до массовой вырубки и выжигания лесов, они покрывали большую часть европейской земли, и хотя впоследствии они отодвинулись перед наступлением поля, виды почвы на ранее занятой ими территории выдают ее принадлежность к зоне лесов, лиственных и смешанных на западе и в центральной части Восточной Европы, и хвойных — к северу от Волги. На крайнем севере, в Заполярье, тайга сменяется тундрой. Но начиная от долины среднего Дуная и Тиссы, расширяясь на восток, простирается степной клин, который охватывает все Причерноморье, затем покрывает пространство с юга на север от предгорий Кавказа до правых притоков Оки, занимает часть среднего и все нижнее Поволжье, продолжается в Заволжье и южном Приуралье и, не останавливаясь на рубеже Европы и Азии, переходит в казахские, южносибирские, монгольские и забайкальские степи, составляя арену многократно повторявшихся в истории переселений кочевых народов, — своего рода сквозняка, смертельно опасного для земледельческих и городских цивилизаций Европы, Ирана и Китая.

Было бы вульгарным натурализмом в географических особенностях видеть ключ к логике исторического процесса, но одним из факторов исторического развития является и природная среда, в которой складываются, растут и гибнут народы, государства и цивилизации, так что рельеф поверхности Европы, особенности ее речной системы, ее разнообразный климат в разных ее регионах оказали свое влияние на ее историческую судьбу и на характер ее цивилизации.

2. Христианская цивилизация Европы

На вопрос о том, что такое европейская цивилизация, самым лаконичным ответом будет: это христианская цивилизация, и как таковая она стоит в одном ряду с мусульманской, конфуцианской или индуистской цивилизациями. Этот ответ однако нуждается в ряде уточнений и существенных оговорок.

Прежде всего, сомнение самого общего характера: правомерно ли использование понятия «цивилизация» не в том первоначальном значении, в котором его употреблял в свое время Гизо,

противопоставляя ее варварству, но для обозначения отдельных обществ, включающих в себя совокупность государств и этносов, связанных единством своего религиозного стержня, духовной и материальной культуры и тесными контактами между принадлежащими к ней народами.

Но совершенно очевидно, что между универсальной историей человечества и историей отдельных этносов и стран есть промежуточное звено; а значит, для историка нужна дополнительная таксономическая единица, которую удобно назвать цивилизацией, или, в данном контексте в том же значении термина, культурой, хотя в немецкой терминологической традиции цивилизация противопоставляется культуре, как это делает, в частности, О. Шпенглер. Впрочем, термин «цивилизация», учитывая расхожее значение соответствующего слова, едва ли уместно применять по отношению к доисторическим, археологическим культурам, которые А. Тойнби называет примитивными.

Еще одно сомнение по поводу характеристики европейской цивилизации как христианской связано с тем, что первоначальный очаг христианства, как хорошо известно, не в Европе, а в Азии, в Палестине. Европа же задолго до своей христианизации переступила рубеж, отделяющий примитивные, или патриархальные, если угодно, доисторические общества от цивилизации, предполагающей существование государств, письменности, сложной социальной системы, а также поселений городского типа. В связи с этим необходимо уточнить: характеризуя цивилизацию Европы как христианскую, не следует до конца отождествлять понятия «европейская» и «христианская» цивилизации, такое сближение их лишь указывает на то лицо Европы, которое она имела на протяжении веков, по меньшей мере во второй половине первого и во втором тысячелетии от Рождества Христова, но, разумеется, не изначально. И все же право европейской цивилизации на наименование ее христианской подкрепляется тем еще обстоятельством, что в античную эпоху значение топонима «Европа» было существенно более локальным и применительно к той эпохе известным аналогом средневековой или новой христианской Европы был мир классического Средиземноморья, включавший в себя прибрежные территории трех частей света: Средиземноморье, а не Европа, оставалось регионом и христианской цивилизации, однако лишь до экспансии ислама, которая спутала старые историко-географические карты.

И в прошлом и ныне христианская цивилизация выходит далеко за границы Европы: не говоря уже о российской Сибири, Ливане, Эфиопии, Армении, Грузии, неведомо по какой причине совершившей в последние годы картографическую революцию и включившей себя в Европу, при том что расположенная к западу от нее Турция, за исключением действительно европейской Фракии, спокойно остается в Азии, — это еще и целый континент — Америка, Северная и Южная, сопоставимая в наш век с Европой и численностью населения и своим политическим и экономическим весом. И все же по праву первородства Америка должна уступить Европе приоритетное право на имя «христианская цивилизация». В то же время в Европе и исторически и актуально присутствует мир ислама — в прошлом в Испании и на Балканах, ныне, по меньшей мере, — в турецкой Фракии, Албании, на северном Кавказе и фрагментарно — в Поволжье и в Предуралье. Особую проблему с точки зрения географического распределения цивилизаций представляет мусульманская диаспора в Западной Европе.

Нет нужды входить в полемику по вопросу о системообразующем значении религии для общества, хотя, естественно, есть и противники такого подхода, причем не только среди атеистов и агностиков, зато и у одного из самых влиятельных классиков атеизма, автора «Немецкой идеологии», в отличие от большинства его эпигонов, мысль о колоссальном, хотя и вторичном, надстроечном, как он выражался, значении религии в истории человечества, присутствует. Религиозный генезис очевиден у культур, сложившихся в эпоху, которую, прибегая к терминологии Ясперса, называют осевым временем, и в последующий период. По большей части речь при этом идет о так называемых мировых религиях. Очень может быть, что таким же образом обстоит дело и с египетской, и с шумеро-аккадской, и с рядом других цивилизаций, но настаивать на абсолютной универсальности принципа рождения любой культуры исключительно из религии нет необходимости ввиду исторической и географической ограниченности тематики настоящей работы.

В наши дни стало едва ли не общепринятым штампом характеризовать современное общество Европы и Америки как постхристианскую цивилизацию. За такой констатацией стоит ряд очевидных печальных обстоятельств: чтобы в этом убедиться, достаточно включить телевизор. Но эта материя еще слишком свежа

и нова по меркам исторической науки — кризисное состояние христианской Европы бесспорно, но столь же бесспорна и неудача состоявшихся уже в XX столетии опытов построения новых постхристианских орднунгов в Европе. Есть все основания надеяться, что и осуществляемый ныне проект устройства в Европе, Америке и на всем пространстве земли общества политкорректности, воинствующей и нетерпимой ко всякой инаковости, игнорирующей религиозные и этические ценности народов, закончится таким же выкидышем, как и проекты нюрнбергских мечтателей о тысячелетнем райхе.

Во всяком случае, оставаясь в рамках истории и ретроспекции и отвлекаясь от неблагообразной сиюминутности и от опасных перспектив, позволительно держаться за старый добрый термин — «христианская Европа», не закрывая при этом глаза на давно уже прозябшие на европейской почве побеги, из которых выросли кошмары XX века, — одним из таких побегов была Великая французская революция, хотя и она была, конечно, не первым восстанием против Христа в крещеной Европе.

Выделение христианской цивилизации как некоей целостности расходится с концепциями авторитетных историков и философов, придерживавшихся полицивилизационного подхода к истории. Так, на противопоставлении романо-германской Европы и России как центра славянского мира строится концепция Н. Я. Данилевского, который систематизирует и доводит до провоцирующей крайности более гибкие и осторожные идеи ранних славянофилов. Евразийцы, ставя во главу угла российской цивилизации византийское наследие, в то же время тесно сближали Россию с кочевым миром тюрко-монгольских племен, считая воздействие степи на Русь более глубоким и интенсивным, чем поверхностное влияние христианского Запада: иными словами, придерживались старинной максимы Жозефа де Местра: «Если поскрести русского, обнаружится татарин», находя в ней повод не для самоуничтожения, а для гордыни. О. Шпенглер в перечне культур, которыми он называет приблизительно то же самое, что у А. Тойнби именуется цивилизациями, не упоминает христианской культуры, противопоставляя западную культуру арабской, которая для него охватывает и византийский мир, рассматривая при этом Россию как еще один тип культуры, отличный и отдельный от византийского и названный им не без неуклюжего немецкого остроумия «сибирским».

У Тойнби западнохристианская и восточнохристианская цивилизации представлены не в изоляции друг от друга и исключительно по контрасту, как у Шпенглера или Данилевского, но с учетом общности их происхождения из греко-римской цивилизации под влиянием христианской закваски. Тем не менее, и Тойнби видит в них не разновидности одной и той же, но две различные цивилизации.

Иными словами, гвоздь поставленного вопроса в том, являются ли, выражаясь конспективно, Византия и Россия, с одной стороны, и Запад — с другой модификациями одной и той же культуры или двумя разными мирами, родственные черты и исторические связи которых носят вторичный характер. Первый вариант ответа представляется более убедительным, если не сказать очевидным. Для того чтобы между востоком и западом Европы усматривать не меньшее отличие, чем между восточнохристианским миром и миром ислама или кочевых культур евразийской степи, требуется изрядная доля фанаберии и запальчивости. Упрек этот не относится к А. Тойнби, который отличался в своих оценках не западных цивилизаций и широтой взгляда, чуждого заскорузлого европоцентризма, и великодушием. Может быть, как раз чувство вины гуманного европейца за историческую вину империалистического Запада перед жертвами его экспансии подтолкнуло его к некоторым смещениям и диспропорциям в вычленении отдельных цивилизаций.

Но настаивая на существовании единой христианской цивилизации, не следует игнорировать вполне реальные и даже морфологические различия внутри нее, которые в основном, конечно, сводятся к различию двух ее разновидностей — Запада, католического и протестантского, и Востока — православного, но также и монофизитского и несторианского. Хотя у разделения внутри христианской цивилизации конфессиональная природа, это еще не значит, что имеет место точное соответствие между конфессиональным плюрализмом и многообразием разновидностей христианской культуры. Доктринально православие ближе к католицизму, чем лютеранство или кальвинизм, но протестантская Европа в цивилизационном отношении отличается от католической Европы несравненно меньше, чем от православного Востока. Объяснение этого обстоятельства лежит на поверхности, и связано с тем, что Реформация — это относительно поздний феномен: протестантизм появился слишком поздно, чтобы радикально

модифицировать уже сложившуюся культуру той части Западной Европы, которая была им охвачена. В то же время этот хронологический аргумент не может быть экстраполирован за пределы приведенного частного случая. Конфессиональное разделение между диафизитами, монофизитами и несторианами восходит к началу V столетия, но родственные узы, связующие православный мир с мирами коптского и сирийского христианства, оказались все-таки более прочными, чем те, что связывают западнохристианскую и восточнохристианскую цивилизации, церковное единство которых сохранялось вплоть до XI века.

Западная модификация христианской цивилизации, естественно, простирается далеко за пределы Европы, но, в отличие от восточной, не по суше, а через Атлантику, охватывая Южную и Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию и ряд анклавов в Азии и Африке. При этом специфический характер латиноамериканской цивилизации, отличающий ее от католической Европы, не имеет конфессиональных оснований и коренится в интенсивном воздействии на нее уничтоженных местных культур: ацтеков, майя, инков. Что же касается цивилизации Северной Америки, то в ее формирование внесло свой вклад протестантское диссидентство, маргинальное на родине североамериканской культуры — в Западной Европе; а фактически уничтоженные колонистами культуры североамериканских индейцев оставили свое наследие главным образом на географической карте Америки с ее Оклахомой и Миссисипи и еще в прославленном искусстве пионеров дикого Запада снимать скальпы.

Но наш предмет Европа, а не весь христианский мир. Есть основания, чтобы и восточнохристианскую и западнохристианскую цивилизации представить в виде более мелких структур. Христианский Восток в таком случае может быть разделен на три региона: южный — на Балканах, Кипре и в Закавказье, включающий как православную Грузию, так и монофизитскую Армению, и северный, российский, который объемлет, естественно, также Украину и Белоруссию, причем длительное присутствие в составе России Грузии и Армении и узы тесного этнического родства балканских славян со славянской Россией выделили христианское Закавказье, а также Сербию с ее боснийскими анклавами и Черногорией, Болгарию и Македонию в область, промежуточную между греческим и российским вариантами восточнохристианской цивилизации, при доминировании в ней обладающего

историческим приоритетом греческого элемента; третий регион восточнохристианского мира — это расположенная почти в самом сердце Африки Эфиопия, культура которой представляет собой своеобразную модификацию коптской цивилизации Египта. В случае с коптами налицо совмещение разных культур на одной территории: исламской и христианской.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ряде других регионов, в частности в Ливане и на Святой земле, в Галиции и на Северном Кавказе, в Боснии и, выходя далеко за границы нашей темы, в Кашмире. Феномен такого наложения или географического совмещения культур не следует однако усматривать в простом присутствии религиозной или этнической диаспоры, которая, чтобы стать существенным и инородным элементом в местной цивилизационной ситуации, должна, по крайней мере, укорениться исторически, на что требуются столетия. Поэтому Франция, несмотря на многочисленное присутствие в ней мусульман, несмотря на то, что значительная часть ее туземного населения утратила связь с Церковью, все еще остается католической страной, хотя, как ныне, вероятно, и во всей Европе, ее христианский облик уродливо деформирован.

Западнохристианский мир обладает не менее сложной структурой, чем христианский Восток, при этом конфессиональный фактор лишь отчасти влияет на линии его разделений. Культурное ядро современной Западной Европы может быть очерчено следующим образом: это Германия, Франция, страны Бенилюкса, Австрия, Швейцария, северная и центральная Италия, испанская Каталония, Чехия и Словения, но не Словакия или Хорватия. При этом разделение этого региона на католическую и протестантскую его части, проходящее приблизительно по римскому лимесу, хотя и имеет вполне реальную основу, все же вторично в сравнении с культурными границами, отделяющими этот регион в целом от Великобритании или Испании и даже от южной Италии. Фундаментальный исторический феномен, на котором зиждется это строение, — империя Карла Великого. Любопытное обстоятельство, которое, может быть, не является только курьезным совпадением, — это почти точное соответствие исторических границ культурного ядра Западной Европы с границами Европейского Союза в его первоначальном составе, когда он еще именовался Общим рынком. Но, видимо, только исторической шуткой явилось почти буквальное восстановление восточной границы

империи Карла Великого, когда железный занавес разделил Европу, так что Германия оказалась рассеченной надвое, приблизительно по Эльбе, как и во времена войн Карла Великого с германоязычными саксами.

За пределами этого цивилизационного ядра Западной Европы могут быть выделены как особые и периферийные культурные модификации — скандинавская и не вполне однородные с ней, с одной стороны, исландская, а с другой — финская и остзейская, а также британская и принципиально отличающаяся от нее культура католической и кельтской по своим этническим и культурным корням Ирландии, иберийская цивилизация в Испании и Португалии, но также и баскская в Пиренеях, южно-итальянская, которая включает в себя тесно родственную материковому югу Италии Сицилию и своеобразную культуру Сардинии вероятно, также и Корсику, несмотря на ее принадлежность Франции. Совершенно особый уголок Южной Европы — католическая и арабоязычная Мальта; наконец, к западнхристианской цивилизации принадлежит католический восток Западной Европы, в пределах которого могут быть выделены, с одной стороны, Польша, а с другой — Венгрия и долгое время входившие в орбиту ее господства Словакия и Хорватия.

Западная и восточная разновидности христианской цивилизации сосуществуют параллельно не со времени крещения Европы. Христианский Запад существенно разошелся с христианским Востоком в эпоху папства и феодализма, крестовых походов и схоластики, иными словами, во втором тысячелетии от Рождества Христова, но процесс разделения начался, естественно, раньше: на востоке — при императоре Ираклии, радикально пересмотревшем политику своих предшественников, стремившихся удержать или восстановить единство и целостность Римской империи, и сделавшем решительный шаг в сторону эллинизации Нового Рима; на западе аналогичное значение имели события, происшедшие на рубеже VIII–IX столетий, когда Карл Великий и папа Лев III создали, в действительности впервые, Западную Римскую империю. Плоды разделения созрели к 1054 г. А хрестоматийная дата разделения единой Римской империи на две — западную и восточную — 395 год, отмеченный кончиной св. императора Феодосия Великого и его завещанием, является вполне фиктивной — в таком роде, как разделил империю св. Феодосий в своем завещании между сыновьями, ее делили не раз и до и после него, когда

при наличии соправителей и при территориальном распределении границ их власти сохранялось единство правовой системы, — это было похоже скорее на выделение уделов младшим сыновьям московских государей, когда в действительности удельная система уже прекратила свое существование на Руси.

Важное, но все-таки не первостепенное значение в фактической дивергенции христианской цивилизации на западную и восточную имел этнический фактор: вторжения и завоевания германских варваров на западе и крещение южных и восточных славян от греков. Но в первом случае суть дела заключалась не в том, что вестготы, остготы, бургунды или вандалы изменили характер цивилизации Рима, завоевав его, а в том, что противостоявшая тогда цивилизации единого греко-латинского Рима культура германцев ариан, сама пронизанная влиянием Рима, исчезнув, оставила свой след на облике католического Запада. Что же касается крещения болгар, сербов и руси, то события эти совершались тогда, когда надлом единой христианской экумены был уже совершившимся фактом.

Есть серьезные основания утверждать, что на рубеже тысячелетий произошло не разделение единого христианского мира на две фракции, но обособление католического Запада от православного христианского мира, который на востоке оставался в существенных своих чертах тем же самым, каким он был ранее и в греческой и в латинской половине единой Римской империи, в особенности на ее периферии, — будь то в Грузии, на Сицилии или даже в Ирландии. Утверждение это голословно, но убедительным оно может стать только при опоре на фактический материал, которому нет места в вводной главе, и все же эту мысль можно попытаться хотя бы проиллюстрировать, указав на архитектуру древних христианских храмов не только нового, но и ветхого Рима, с одной стороны, и на столь не похожие на них готические соборы Франции и Германии — с другой.

Дихотомия христианской Европы находит известную параллель в дивергенции греческого и латинского элемента в едином классическом мире дохристианской древности. Но это их двуединство не обозначало паритета. Самым лаконичным образом суть их взаимоотношений можно выразить такой формулой: в результате политической и военной экспансии Рима, покорившего грекоязычные царства и полисы, недостаточно зрелая римская культура была поглощена греческой, находившейся тогда в той

космополитической стадии своей истории, которую принято называть эллинизмом. При этом необходимо уточнить, что разнообразные влияния эллинской стихии через Великую Грецию, занимавшую юг Италии, через этрусков, Рим испытывал с самого начала своей истории, и эти влияния не гипотетичны, они хорошо прослежены.

Римская цивилизация, поглощенная культурой побежденного народа, не была единственной на Апеннинах. Ряд других более или менее родственных Риму по своему культурному типу полисов и народов, как итальяйских, так и не итальяйских, стояли в канун их подчинения Риму и культурного слияния с ним на той стадии цивилизационного развития, которая отделяет примитивные археологические культуры от исторических и даже уже переступили этот порог — самого высокого уровня достигла на Апеннинском полуострове культура этрусков, испытывавшая несомненное влияние и эллинской и сирийской культур, но в основах своих вполне оригинальная.

Наконец, древнейшая цивилизация Европы — это та, что была открыта недавно, на рубеже XIX–XX столетий, — крито-микенская, которая, подобно классической греко-римской и христианской — западной и восточной, представляет собой, как это видно уже из ее наименования, тоже своеобразную хронологически смещенную дихотомию.

Кроме того, на средиземноморском побережье, а позже и в удаленных от морского берега городах уже со второго тысячелетия до Рождества Христова присутствовала сирийская диаспора: вначале финикийская — в колониях на побережье Испании, в Сицилии и Сардинии, затем в основном еврейская — дисперсно, в Греции и Италии, расселившаяся, как это видно из Деяний апостолов и посланий св. апостола Павла, в первом столетии от Рождества Христова повсеместно и составив заметную часть населения итальяйских и балканских городов.

В недавнем прошлом, по меньшей мере еще в XIX столетии, историю Европы почти отождествляли со всемирной историей. На страницах соответствующих компендиумов помимо развернутых европейских сюжетов помещались лишь несравненно более лаконичные очерки истории Египта, Месопотамии и Ирана, и уже совсем маргинально — Индии и Китая. Наследие литературного империализма в наше время преодолено и в историографии, по крайней мере, европоцентризм не является больше открыто

декларируемой позицией большинства европейских историков, в особенности политкорректных историков.

Это не значит однако, что классический европоцентризм изжит до конца. В трансформированном виде он сохранился и остается вполне популярным идеологическим направлением. Только ныне в центр мировой истории ставят уже не собственно европейскую историю с христианской закваской ее культуры, но западную цивилизацию, в составе которой собственно европейский элемент оттесняется на периферию, а во главу угла помещается детище Европы — Северная Америка, фактически Соединенные Штаты, при этом западную цивилизацию представляют как модель для незападных стран, постепенно включаемых в ее орбиту по мере их модернизации, — а в конечном результате этого процесса, по парадоксальному и провоцирующему выражению Фукуямы, на сознание которого произвело непропорционально сильное впечатление падение Берлинской стены, просматривается конец истории, не апокалиптический, а оптимистический, вроде марксистского пришествия коммунизма, только в капиталистической одежде, или, еще ближе, в виде хэппи-эндa голливудской продукции.

Неотразимую теоретическую критику этой концепции дал один из самых глубоких современных политологов Хантингтон, а 11 сентября 2001 г. вместе с последовавшими за ним провалами агрессивных акций единственной сверхдержавы наглядно проиллюстрировали иллюзорность очередной модной утопии. И все-таки в умеренных дозах европоцентризм в извращенной форме западoцентризма, или атлантизма, сохранился и до сих пор: и в сочинениях пишущих авторов, и в умах не пишущей публики, и в делах политиков.

Самым популярным и тривиальным обоснованием такой ориентации сознания является идея прогресса, поскольку, считается, двигаясь по пути прогресса, Запад обошел другие регионы мира. Это убеждение настолько въелось в умы современных публицистов, в особенности самых легкомысленных и рептильных из них — современных российских либералов, что в русле этой логики часто и, как кажется, без всякого ощущения несообразности с точки зрения традиционной географии, к Западу причисляют и экономически развитую Японию, которая в действительности может считаться Западом только в том случае, если смотреть на нее из Лос-Анжелеса, из Голливуда. В этом

случае, правда, пребывая в Калифорнии и обернувшись в противоположную сторону, следовало бы наименовать Дальним Востоком то, что принято называть Западной Европой.

Итак, Запад ставят в центр мироздания ввиду успехов его прогресса. Но о прогрессе чего при этом идет речь? Как заметил А. Тойнби, прогресс наиболее бесспорен в военной технике. И действительно, его самоочевидность тут в самом деле поразительна — достаточно только сравнить эффект хиросимской бомбы или бомбардировки Дрездена с самыми кровавыми боями давнего прошлого. Конечно, за развитием военных технологий, которые всегда были в авангарде прогресса, стоит развитие технологической системы в целом, иными словами, способности человеческих обществ трансформировать природную среду в собственных интересах. Хотя, с точки зрения «зеленых», такой прогресс не заслуживает восхищения, он по меньшей мере очевиден, и он действительно радикально изменил внешние условия человеческого существования в последние два века. Но если судить о прогрессе не с исключительно технологической точки зрения, а с экономической и социологической, через показатели душевого размера ВВП или индекса человеческого развития, то хотя прогресс и в этой области вполне зримая реальность, тут уже нет оснований говорить о его поступательном и непрерывном движении на протяжении длительного исторического времени. Русский социолог П. Сорокин в свое время подсчитал, что если бы во времена земной жизни Иисуса Христа один динарий был отдан в рост под скромные 2 процента, которые бы адекватно соответствовали весьма умеренному экономическому росту, то чтобы расплатиться с кредитором в XX столетии, должнику не хватило бы средств, даже если бы он обладал всем земным шаром, а тот был из чистого золота, из чего с математической очевидностью вытекает, что экономический рост неизбежным образом прерывался на протяжении истории катастрофическими падениями и длительными стагнациями.

И все-таки если прогресс измерять приведенными здесь критериями, к которым можно добавить и более человеческие — такие, как продолжительность жизни, уровень образования, — то приоритет западной, европейской и американской цивилизации предстанет бесспорным, но не с точки зрения историка, имеющего дело со столетиями, поскольку авангардная роль Европы и Америки в технологии, экономике и комфорте восходит, вероятно, лишь

к началу XIX века и имеет все шансы быть утраченной уже в текущем столетии по мере стремительного роста экономической мощи Дальнего Востока. Статистические выкладки Хантингтона на сей счет представляются убедительными.

Остается однако еще большим вопросом, стал ли человек в результате экономического прогресса более счастливым хотя бы в исключительно гедонистическом смысле слова. Ответ на него не может быть продемонстрирован статистически. На языке науки его нет и не может быть, но более релевантные тут философия, искусство, и в частности литература и кино, дают либо амбивалентные, либо скорее негативные ответы, во всяком случае, последние более обычны у мыслителей и художников, чем оптимистические, триумфалистские и прогрессистские.

Но суть дела заключается в том, что человек — существо духовное, предназначенное для вечной жизни, и потому гедонистический аспект человеческого существования не может иметь решающего значения в рассуждениях аксиологического характера, в том числе и по поводу прогресса. И поэтому важнейшей темой в сопоставлениях цивилизаций оказывается религиозная сторона дела, которая имеет самое прямое отношение к вечности человеческого существования. Поскольку между приверженцами разных религий не может быть ни договоренности, ни даже плодотворной дискуссии о приоритете той или иной религии, то, с эвристической точки зрения, рассмотрение проблемы человека и истории человеческих обществ и всего человеческого рода, *sub specie aeternitatis*, в аспекте абсолютных ценностей неадекватно; всякие рассуждения на этот счет могут иметь лишь конвенциональный характер и, строго говоря, лежат вне науки в собственном смысле слова.

Тем не менее историк человеческого общества, а не его частных проявлений вроде сталелитейного производства или банковского кредита не может игнорировать того, что составляет стержень человеческого бытия, так что историческая наука лишена возможности уместиться в прокрустовом ложе чистой науки, что, впрочем, всегда было известно и об истории и о других гуманитарных дисциплинах и что не должно смущать историка, который имеет веские основания поставить в центр мировой истории историю христианской цивилизации, что, конечно, при взгляде изнутри иных культур рискует быть расценено как необоснованная претензия и предвзятость. Но попытка обойти такую предвзятость

не может оказаться состоятельной. Безрелигиозный взгляд на мир и на историю атеиста или агностика вовсе не гарантирует недосягаемой нейтральности или объективности и носителями любого религиозного сознания воспринимается как узкопартийный и тенденциозный, к тому же продиктованный наивной гордыней, — тщетной попыткой изъять себя из потока истории и вскарабкаться на воображаемую, мнимую вершину выше Эвереста, откуда видно все, что происходило и происходит под солнцем. В свое время советские идеологи утверждали, что для этого надо всего лишь при наличии образования сохранить в себе круг понятий фабрично-заводского рабочего либо, при ином происхождении, усвоить себе пролетарское мировоззрение. Есть основания полагать, что они преувеличивали пользу рабочего происхождения или имитации пролетарских вкусов для историка.

Протоиерей Георгий Флоровский в свое время писал: «Беспристрастной истории нет и не может быть. У историков-эволюционистов предвзятых мнений не меньше, чем у верующих в Божественное Откровение — это всего-навсего иной род предвзятости. Эрнест Ренан и Юлиус Велльхаузен пристрастны не менее Риччотти и о. Лагранжа, ... а Райценштайн и Фрейзер — куда больше, чем Дом Одо Казель и Дом Грегори Дикс. Просто пристрастия у них различны. Слишком хорошо известно, что в угоду критическим предрассудкам историки порой искажают и извращают истину куда сильнее, чем из покорности традиции» (Флоровский Георгий, прот. Догмат и история. М.. 1998, стр. 43).

Между тем, историк-христианин имеет существенное преимущество. Марк Блок, не будучи христианином, в своей «Апологии истории» утверждал: «Христианство — религия историков. Другие религиозные системы основывали свои верования и ритуалы на мифологии, почти не подвластной человеческому времени. У христиан священными книгами являются книги исторические, а их литургии отмечают — наряду с эпизодами земной жизни Бога — события из истории Церкви и святых» (Марк Блок. Апология истории. М., 1966, с. 6). За этим суждением стоят по меньшей мере две идеи: христианская вера — это не только вера в вечное, внеисторическое бытие Троицы Божьего, но это также вера в реальность событий, имевших место в истории, вера в исторические факты Боговоплощения, Распятия Спасителя «при Понтийстем Пилате», говоря словами Символа веры, и Воскресения. Другая идея, восходящая к блаженному Августину, заключается

в том, что события Священной истории Нового Завета, с христианской точки зрения, в своей совокупности составили главный узел и центральный пункт всемирной истории, они наполнили историю смыслом, сообщили ей ориентир.

В представлениях историографов и философов языческой древности история представляла либо совокупность не связанных между собой событий, либо бесконечную цепь циклически повторяющихся процессов, подобную естественному годовому циклу. Для христианина же исторический процесс единократен, каждое событие в нем неповторимо, и главное, он имеет свою доминанту, свою направленность: от сотворения мира ко Второму пришествию.

Но осмысливая провиденциальный смысл истории, христианский мыслитель рискует сделать столь сильный и односторонний акцент на действительно центральном событии мировой истории — земной жизни Христа, а также эсхатологической перспективе, что для него утратит значение череда событий, заполняющих историческое время от Апостольского века до наших дней, и в таком случае ему грозит потеря интереса к истории и даже к истории Церкви. Для коррекции такого подхода к истории необходимо учитывать то обстоятельство, что хотя самое важное для человечества совершилось на Голгофе и при Воскресении Спасителя, но Господь, спасший Адама и в нем весь человеческий род, спасает и его потомков, спасает конкретные человеческие личности, погруженные в поток истории, и это спасение каждой отдельной человеческой ипостаси совершается не автоматически и не без произволения самого человека, в каждый момент своего бытия самовольно совершающего выбор между добром и злом. И потому христианину естественно обнаруживать живой и осмысленный интерес к истории, в которой путем синергии Божественной Благодати и человеческих деяний совершалось и совершается спасение людей.

Христианская цивилизация потому и составляет особенно значимый фрагмент человеческой истории, что он теснее других связан с историей Церкви. На первый взгляд, при таком подходе изгнанный через двери европоцентризм возвращается через окно. Но, во-первых, это все-таки не классический европоцентризм, который деградировал в «западнизм» — удачно изобретенное философом XX века клеймо, хотя бы уже потому, что история Церкви начиналась не в Европе и не в Европе,

а в азиатском Иерусалиме произошло важнейшее событие мировой истории, а во-вторых, смысловая важность событий европейской истории связана в таком представлении о мировой истории не с ее военным, политическим или экономическим доминированием, не с прогрессивным развитием науки и техники, а с эволюцией ее духовного состояния. И наконец, самое главное возражение против аттестации такой концепции как продолжающей традицию империалистического европоцентризма заключается в ее конфессионально мотивированном аксиологическом акценте на исторически восточнохристианскую, а по существу дела аутентично христианскую цивилизацию, претерпевшую в своем западном ареале на рубеже I и II тысячелетий мутацию, из которой в конечном счете и вырос современный Запад, ныне устремившийся в бездну постхристианства; к тому же христианский Восток на протяжении веков в своих взаимоотношениях с ближайшими соседями был чаще жертвой экспансии как с Запада, так и с Востока, чем агрессором.

Глава 1. Историографический очерк

1. Обзор историософских идей

Помимо исследований профессиональных историков, особую значимость для углубления понимания исторического процесса имеют идеи, высказанные профессионалами или гениальными дилетантами в иных областях, в особенности философами. Поэтому собственно историографический очерк уместно предварить обзором таких идей и концепций. Этот обзор условно можно назвать историософским. В него целесообразно включить и характеристику трудов профессиональных историков, концептуальная значимость которых перевешивает новизну их фактологического материала, — скажем, А. Тойнби. Поскольку наш предмет — история Европы, за рамками текста останутся историософские идеи, в которые не включены европейские сюжеты — ни те, что содержатся в ветхозаветных книгах, ни принадлежащие мыслителям древнего Египта, Месопотамии и Ирана, ни тем более те, которые можно почерпнуть из книг мудрецов Китая или Индии. Не будет здесь и обзора мусульманской историософии, хотя ряд мест в книгах средневековых историков, принадлежавших исламскому миру, касается событий европейской истории, и при этом они проливают дополнительный свет на эти события не только с фактологической стороны, но также и ввиду отстраненности своего иноконфессионального видения этих событий.

Спуск в глубину прошедших веков в поисках отправной хронологической точки для обзора наиболее глубоких и влиятельных историософских идей можно остановить на Платоне. Платон не был историком; и его идеалистической конструкции не свойствен историзм, интерес к эмпирической стороне событий или к анализу движущих факторов исторического процесса. Но как раз ввиду идеалистической брезгливости к печальной в его глазах современности автор «Государства» и «Законов»

первым в античном мире начертал утопический проект — не еще один литературный миф о золотом веке, а именно проект, основательно, до деталей продуманный, с подробной и жесткой регламентацией всего устройства жизни идеального полиса. Тем самым он предложил своего рода эталон, сравнивая с которым можно давать аттестацию реальному состоянию общества в разные моменты его существования, вооружил историков критерием оценки, который позволил им выходить за пределы эмпирической фактографии и субъективной пристрастности.

Совершенное государство Платона, управляемое философами, для которых высшей этической ценностью является справедливость, и при этом сочетающее в себе черты коммунизма, принудительного аскетизма и рабства, на наш вкус может показаться совсем не идеальным и даже устрашающим своеобразным сочетанием в нем казармы и животноводческой фермы, но в конце концов и все позднейшие утопии не лишены этих своих родовых платонических черт; и все же эта зловещая утопия несет на себе отблеск исчезавшего на глазах ностальгировавшего Платона Афинского полиса эпохи Перикла, в котором граждане воодушевлены были солидарной заботой об общем благе, столь контрастного платоновской современности, когда в общественных настроениях возобладал эгоистический индивидуализм. В «Законах», написанных Платоном в глубокой старости, есть еще одна новая для него идея — о двух мировых душах: доброй и злой, — предвосхищавшая манихейский дуализм. За этим стоит глубокая интуиция о противостоянии добра и зла, составляющем главную пружину не только индивидуальной человеческой жизни, но и истории человеческих обществ. Платон противопоставляет идеальное государство четырем порочным типам государственного устройства: тимократии, олигархии, демократии и тирании.

Этой типологии форм государственного устройства, аналитически разработав и усложнив ее, Аристотель в трактате «Политика» придал качества научной систематики. Поэтому даже современные теории государственного права опираются на классическую классификацию Аристотеля, всего лишь модифицируя ее. Аристотель различал монархию, когда государственная воля и власть принадлежат одному лицу, аристократию, когда власть принадлежит нескольким лицам, и политию, когда власть принадлежит всем свободным и полноправным гражданам. От этих правильных форм правления, при которых власть служит общему

благу, он отличал неправильные, когда каждый из сформулированных им механизмов правления действует в извращенном виде, а носители власти преследуют личные цели. Таковыми он считал тиранию, олигархию и демократию. В истории Аристотель наблюдает смену одних форм государственного строя другими, при этом он устанавливает и наиболее типичную последовательность такой эволюции: из монархии вырастает аристократия, та в свою очередь сменяется политией, а затем наступает черед неправильных форм — сначала олигархии, которая сменяется тиранией, когда же свергают тирана, то устанавливается демократическое правление. Характеризуя действительно существовавшие формы государственного устройства в современных ему полисах, а также известные ему из истории, он практически во всех них находит сочетание нескольких форм, хотя и при доминировании одной из них.

Непревзойденный мастер дефиниций, Аристотель предлагает солидно обоснованные и лапидарно сформулированные определения важнейших правовых и экономических категорий, которые и ныне поражают своей меткостью. Это относится, в частности, к таким понятиям, как государство и гражданин, свобода и рабство, торговля и деньги. При этом, в отличие от склонного к фантазированию платоновского Сократа или, скорее, самого Платона, во всегда взвешенных суждениях Аристотеля — почти конфуцианские трезвость и здравомыслие. Коммунистический проект платоновских «Государства» и «Законов» он подвергает убийственной критике, демонстрируя его несостоятельность и утопичность.

Свои теоретические обобщения Аристотель иллюстрирует примерами из политической и экономической истории греческих полисов, в особенности Спарты, Афин, городов Крита. Выходя за границы эллинского мира, он кратко, но вполне адекватно характеризует олигархическое правление в Карфагене, давая ему оценку, в которой, как и в большинстве иных его характеристик, критический элемент сочетается с апологетическим. Кроме того, в «Политике» анализируются как осуществленные, так и нереализованные законодательные проекты и успешных, и неудачливых реформаторов.

Христианизация эллинистического мира повлекла за собой радикальную перемену в исторических воззрениях тех греческих и латинских мыслителей, ум которых был озарен евангельским светом. Характеризуя новизну христианского восприятия

истории, британский философ Р. Дж. Коллингвуд писал: «Все люди и все народы вовлечены в осуществление божественных предначертаний, поэтому исторический процесс происходит везде, всегда его характер один и тот же. Любая часть его — это часть одного и того же целого. Христианин не может удовлетвориться римской историей или любой иной историей отдельного народа: ему нужна история мира в целом, всеобщая история, темой которой должно быть осуществление божественных предначертаний для человека. Вторжение христианских идей преодолевает не только гуманизм и субстанционализм, характерные для греко-римской историографии, но и ее партикуляризм» (Р. Дж. Коллингвуд. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980, с. 49).

Самой плодотворной в сфере идей реакцией на катастрофу 410 года — захват и разграбление Рима полчищами Аллариха — явился «Град Божий» блаженного Августина. Изображая бедствия, обрушившиеся на город, Августин стремится убедить читателя, что нет оснований упрекать в них христианскую веру, принятую в Империи незадолго до падения Рима, ибо эти страдания, с одной стороны, явились достойным возмездием грешникам и не представляют собой истинного несчастья, а с другой — благотворным испытанием для праведников, которым уготовано вечное блаженство.

В «Граде Божиим» Августин совершил подлинный переворот в философии истории, представив ход мировых событий в их устремленности от начала, от сотворения мира, к концу, в сoterиологической и эсхатологической перспективе. Для Августина главный стержень мировой истории — в противостоянии Града Божия и града земного. Начало Града Небесного в творении мира, его продолжение — в спасительном действии Промысла Божия по отношению к падшему человеческому роду, которое отражено в событиях Священной истории Ветхого Завета, его кульминация — в крестной смерти и воскресении Христа Спасителя — обетованного пророками Мессии. Град Божий затем здесь, на земле, предстает как Церковь Христова, в которой совершается спасение верных для вечной жизни со Христом. Земной град блаженный Августин отождествляет с градом дьявола, и потому его предначинание в падении ангелов, на земле его история открывается грехопадением Адама. Первого устроителя земного града блаженный Августин видит, в соответствии с книгой Бытия, в братоубийце Каине. Противостояние праведников и грешников

в земной истории человечества и составляет содержание всемирной истории, завершением которой станет воцарение Антихриста, Второе пришествие Христа, всеобщее воскресение из мертвых и последний суд Божий — на нем святые будут удостоены вечного блаженства со Христом, а нераскаянные грешники — вечных мук в удалении от Бога. Нравственный источник созидания Небесного Града праведниками, отзывающимися на призыв Божий, — в благодарной любви к Творцу, а земной град строится земной самостной любовью, доведенной до презрения к истинному Богу, прикрытием которой становится ложное благочестие, почитание мнимых богов, наделенных разнообразными греховными страстями. В «Граде Божием» Августин характеризует важнейшие события истории Рима, и отчасти также других государств, в свете действия Благодати Божией и противостоящей ей греховной человеческой воли. Значительный интерес для исторической науки представляет его опыт синхронизации истории ветхого Израиля и ближневосточных народов и государств, отраженной в Ветхом Завете, с историей эллинов и Рима.

Блаженный Августин в своем творении употребляет слово «народ» (*gens*) со своеобразным значением, противопоставляя христианскому народу римлян, то есть римских язычников. Современные ему и более ранние восточные отцы аналогичным образом писали о трех народах: христианском, иудейском и эллинском, подразумевая под эллинами язычников. Эллинами под пером христианских писателей становились и язычники не эллинского происхождения — при том, что язык христианского народа и язык самой Церкви все-таки и тогда именовался эллинским. А после святого Юстиниана, со времени тотальной христианизации империи, парадоксальным образом эллинами называли уже язычников исключительно не эллинского происхождения, и такое словоупотребление установилось на века, вплоть до начала антиосманской освободительной борьбы, которая велась под знаменем сразу и православия и эллинизма.

Совершенно иное значение на Востоке приобрело слово «римляне», в особенности в его греческом варианте — *ромеи*. Перенесение святым Константином императорской резиденции на Босфор, создание на месте второстепенного Византия грандиозной вселенской столицы — нового Рима осватило имя римлян в сознании христиан Востока, и оно усвоено было вскоре народом как его самоназвание, а впоследствии, ввиду отождествления

христианского Рима с вселенной, имя римлян, ромеев, до известной степени утратив связь не только с латинским, но и с эллинским этносом, опираясь на юридическую фикцию подданности всех православных христиан императорам Нового Рима, в почти полную противоположность терминологии блаженного Августина, стало обозначать православных христиан любой этнической или политической нации. Представленная здесь терминологическая эволюция проливает свет на исключительно важные процессы в историософском сознании Восточно-Римской империи, на самую суть феномена, который в науке получил общепринятое, хотя и неудачное наименование византинизма.

Один из столпов византинизма — симфония священства и царства. Основные принципы симфонических отношений Церкви и государства зафиксированы в канонах и государственных законах империи, отражены в святоотеческих писаниях. Суть симфонии составляют обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Классическая византийская формула взаимоотношений между государственной и церковной властью заключена в «Эпанагоге»: «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства». Та же мысль содержится и в актах VII Вселенского Собора: «Священник есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть посредством справедливых законов управляет земным».

Для историософской мысли Нового Рима характерна опирающаяся на догматический орос VI Вселенского Собора, на учение Максима Исповедника идея о том, что в исторических событиях воля Божия действует опосредованно, чрез самодеятельность людей, которые наделены свободной волей, что Промысл Божий не подавляет свободы человека, несущего перед лицом правды Божией полноту ответственности за содеянное им, — идея, чуждая всякого фатализма. В этом отношении чрезвычайно характерно не лишенное остроумия замечание знаменитого Михаила Пселла, относящееся к Константину Мономаху: «Он совершенно не заботился о своей безопасности, во время сна его спальня не запиралась... Когда его за это порицали, он не обижался, но упреки отводил, как несообразные с Божией волей.

Он хотел этим сказать, что царство его от Бога и Им одним оберегается... Я часто приводил ему в пример архитекторов, кормчих и, наконец, начальников отрядов и полководцев: “Никто из них, — говорил я, — делая свое дело, не отказывается от упований на Бога, но первый возводит строения сообразно правилам, другой кормилом направляет судно, а из людей военных каждый носит щит, вооружен мечом, на голову надевает шлем, а остальное тело покрывает панцирем”» (Михаил Пселл. Хронография. М., 1978, с. 109).

Одна из основополагающих основ византийской историософии — это отождествление вселенной с Римской империей, осознававшееся, несомненно, как условность, но как такая условность, которая совершенно необходима для конструирования краеугольного юридического догмата, на котором зиждется все строение православной Империи. Библейский корень этой идеи — в видении пророка Даниила, в толковании пророком таинственного сна царя Навуходоносора. В этом сновидении Даниил видит ответ, данный свыше, на раздумья царя о том, что будет после него, иными словами, останется ли созданное Навуходоносором царство вершителем судеб мира или уступит место иным царствам. По толкованию Даниила, золотая голова приснившегося царю истукана, его грудь и руки из чистого серебра, медное чрево и бедра и ноги, частью железные, частью глиняные, символизируют смену четырех мировых империй (Дан, 2, 37–43). Исторически такими последовательно доминировавшими царствами были монархии Вавилонская, Мидо-Персидская, империя Александра Македонского и Римская.

По толкованию, общепринятому у христианских экзегетов книги пророка Даниила, на время существования четвертой империи приходится появление Царства не от мира сего, Мессианского Царства. Мессианское Царство — это Церковь Христова. Но появление Мессианского Царства во время существования Римской империи дало византийской историософии повод для того, чтобы атрибут вечности, присущий Церкви, переносить на христианизированный Рим. В этой системе идей вечно существует не только Церковь Христова, но и Римская империя. Перенос столицы империи на Босфор и наименование Константинополя Новым Римом осмыслено было в Византии после церковного разрыва с Римом как провиденциальное событие, предвосхищавшее перемещение центра православного мира с Тибра на Босфор.

После падения Константинополя, в котором на Руси увидели Божию кару за Флорентийскую унию, Москва, с 1480 г. столица единственного независимого православного государства, стала восприниматься вначале на Руси, а потом и на православном Востоке как новый политический центр православного мира. Кроме того, мысль о переходе прав и привилегий императоров на Московского князя нашла себе подкрепление в браке великого князя Ивана III с племянницей последнего Императора Зоей Палеолог, которую на Руси переименовали в Софью. Мысль о Москве как Третьем Риме утвердилась в русском церковно-политическом сознании, получив полуофициальный статус в том виде, в каком она сформулирована в нескольких посланиях старца Филофея, имеющих характер религиозно-публицистических трактатов. «Да веси, христороубче и боголюбче, — пишет старец, — яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Росейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984, с. 452).

Существенная деталь в истории развития идеи о Москве — Третьем Риме заключается в том, что позднейшая интерпретация ее смещала первоначальную мысль старца Филофея с ее сильным эсхатологическим акцентом в сторону религиозно-политического триумфализма. Старец Филофей был, в сущности, весьма далек от апологии уклада жизни на Руси в его эпоху. Его посланиям свойствен не столько панегирический, сколько обличительный пафос. Москва — Третий Рим, а Четвертому не быти, потому что, по грехам нашим, приблизился конец времен и Второе пришествие Спасителя совершится скоро. Это, по мысли старца Филофея, повод не для национальной гордыни, а для эсхатологического трезвения. В завоевании Константинополя турками он действительно видел Божию кару за Флорентийскую унию, но в том, что после отказа от унии греки остались народом православным, старец Филофей не сомневался. Потеряли они только царство, а несравненно более ценное — православную веру сохранили. А печальная участь Константинополя — грозное предостережение его наследнику — Третьему Риму.

Для исторических представлений средневекового Запада, в отличие от трезвомыслящего и не утратившего исторической памяти византийского образованного общества, характерно

простодушное доверие к самым дерзким выдумкам фальсификаторов: фантазмагории легко превращались в идеологемы, в систему основополагающих мировоззренческих координат. В этом отношении весьма красноречив миф о даре Константина (*donatio Constantini*), впервые появившийся в качестве подложного акта в сборнике Псевдо-Исидоровых декреталов (*Collectio canonum Isidori Mercatori*) IX века. В этой грамоте Константин Великий пишет, обращаясь к святому папе Сильвестру, что он покидает Рим и Италию и переносит свою столицу в Константинополь, потому что недостойно оставаться подле Римского первосвященника, в дар которому он отдает Латеранский дворец, Рим, Италию и весь Запад вместе с императорскими регалиями. Впрочем надо заметить, что этот фальсификат впоследствии имел хождение и в Византии и даже вошел в нашу «Кормчую книгу», изданную при патриархе Никоне.

XV столетие стало эпохой кризиса западного мировоззрения. Одним из его проявлений был гуманизм, глубоко трансформировавший историософскую мысль Западной Европы. Один из истоков гуманизма — в эмиграции ученых греков в Италию, явившейся следствием османского завоевания. Основательное изучение греческого языка в кругу интеллектуальной элиты Италии под руководством византийских эмигрантов, свободное овладение классической латынью, усвоение которой окончательно превратило дискредитированную средневековую латынь, которой дотоле свободно владели клирики, юристы, медики, в мертвый язык, открыли для эрудитов — гуманистов новый, ранее известный лишь крайне фрагментарно, в своеобразном схоластическом преломлении, мир классической древности, и это новое видение оказалось настолько ослепительным, что прельстило многих. Редкие гуманисты прошли до конца по пути обращения в языческие верования древних, но своего рода шизофрения, расщепление сознания между приверженностью христианству и обольщением языческой древностью, стала родовой чертой западного гуманизма.

Виднейшим итальянским гуманистом был каноник и папский секретарь Лоренцо Валла — библиист, богослов, филолог. Весом и его вклад в историческую науку Запада. В трактате о «Константиновом даре» он представил неопровержимые доказательства подложности этого документа, ставшего краеугольным камнем исторического мирозерцания западного средневековья. По сути дела Л. Валла явился основателем критического

метода в историографии, сообщившего ей черты науки в современном смысле слова.

Одним из самых сильных и последовательных мыслителей эпохи гуманизма был Н. Макиавелли, политик, чиновник, дипломат и одновременно политолог и историк, автор блестяще написанной «Истории Флоренции», но известный миру главным образом своим «Государем» (*Principe*), который стал эпонимом аморализма, что не вполне справедливо. Макиавелли не пропагандист безнравственности в политике, он только реалистично представил политические приемы успешного правителя, опирающегося на силу, а не на право и не на мораль, удачно манипулирующего религиозными, нравственными и правовыми представлениями народа, и при этом Макиавелли не считал уместным давать нравственную оценку деяниям такого правителя, из чего еще нельзя делать вывод об аморализме или нравственном релятивизме писателя, хотя в его книге нельзя найти оснований и для опровержения расхожих представлений о нем. Оригинальная черта политологии Макиавелли — релятивизм в оценке той или иной формы государственного устройства с точки зрения ее целесообразности, так что исследователи его идей с почти одинаковым основанием находят в его суждениях основания для того, чтобы представить его и апологетом республики, и последовательным монархистом, своего рода теоретиком абсолютизма. Образ «Государя», вдохновением для которого послужил сын папы Александра Цезарь Борджиа, не уступавший отцу в попрании всех Божеских и человеческих законов, предвосхищает великих диктаторов XX столетия, которые, во вкусе своего времени, не утруждали себя облачением в монархические регалии.

Хотя родоначальником научной исторической критики стал гуманист и католик Лоренцо Валла, более существенным оказался вклад в развитие научного критицизма деятелей Реформации. В целях антикатолической полемики протестантские писатели должны были систематически выявлять фикции средневековой католической церковной истории, на которые опирались экклезиология и каноническое право Рима, отвергнутые реформатами. Особенно грандиозны для исторической науки результаты исследований французского гугенота Ж. Ж. Скалигера, ставшего подлинным творцом научной хронологии, основанной на хронологических изысканиях древних, в особенности александрийских ученых, которые он подверг критическому анализу, сделав

при этом ряд существенных уточнений. В своей «Сокровищнице времен» Скалигер на основании синхронического сопоставления событий классической античности с библейской историей и историей древнего Востока, присоединив к древней истории тщательно выверенную хронологию средневековья, опирающуюся на критический анализ документов, на астрономические наблюдения, составил основательно датированную схему мировой истории, настолько совершенную и, за исключением отдельных деталей, в основе своей непоколебленную до сих пор, что даже в наше время попытки ее радикальной ревизии выливаются в курьезные шарлатанские опыты.

По существу дела первым опытом научной социологии явился труд еще одного протестанта, Т. Гоббса, вышедший под аллегорическим и одновременно вполне информативным названием «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Это энциклопедический трактат по богословию, философии, этике, юриспруденции. Государство и общество представлены в нем как своего рода механизм, непознаваемым перводвигателем которого является Сам Бог. В основе учения Т. Гоббса об обществе лежит противопоставление естественно-го и положительного права. Естественное право без гражданского закона, по Гоббсу, создает ситуацию войны всех против всех, из чего и вытекает необходимость существования положительного права. Гоббс выдвинул теорию договорной природы положительного права и его источника и опоры — государства, которое, обладая высшей и абсолютной властью на подконтрольной ему территории, выводит общество из состояния всеобщей войны. При этом свобода суверена, носителя абсолютной власти, носит надзаконный характер, ибо сам суверен должен быть изъят из подчинения закону. Абсолютная власть монарха водворяет мир в границах государства, но в международных отношениях, ввиду суверенности государств, по Гоббсу, царит естественное право — всеобщая вражда, и неизбежным способом разрешения противоречий остается война.

Т. Гоббс также автор написанного в виде диалога блестящего исторического памфлета «Бегемот или долгий парламент», который представляет собой иллюстрацию его идей на примере английской революции, о которой он пишет как о событии ни с чем не сравнимом по своим масштабам: «Если бы во времени, как в пространстве, были более и менее возвышенные и низменные

места, то я поистине считал бы, что самым высоким было время между 1640 и 1660 гг.» — но это было также такое время, когда можно было «узреть все виды несправедливости и безумия, которые только может представить нам мир» (Гоббс Томас. Сочинения в 2-х томах. Т. 2, с. 591) — слова, которые могли бы послужить самым метким эпиграфом к истории любой великой революции.

На начало XVIII столетия приходятся труды Д. Вико, официального историографа Неаполитанского короля, которые оставались неизвестными в научных кругах до XIX века, пока их не перевели с латинского и итальянского языков на немецкий и потом на французский. Д. Вико первым попытался разработать философию истории. В противоположность восходящей к античной мысли и удержанной в средневековой схоластике философской формуле «сущее есть истина», Вико сформулировал радикально прагматический парадокс: *Verum quia factum est* (истинно, потому что содеяно, потому что является фактом, если под фактом подразумевать продукт деяния). Тем самым центр интереса у него смещался с неизменных сущностей на историческую феноменологию, важнейшей закономерностью которой он назвал цикличность, подчиняющую историю своего рода биологическим часам: все народы, по Вико, проходят свой путь от рождения до конца одинаковым образом и всемирная история — это круговорот повторяющихся циклов развития. Но циклическое движение истории у Вико, как справедливо заметил Р. Дж. Коллингвуд, «оказывается не простым вращением истории, прохождением ее через определенные фазы. История движется не по кругу, а по спирали, ибо она никогда не повторяется, а вступает в каждую новую фазу в иной форме, которую определяет предшествующее развитие... В этом отличие закона циклической эволюции Вико от старой греко-римской идеи строгого циклического движения в истории» (Коллингвуд, цит. изд., с. 66–67)).

Младшие современники Д. Вико во Франции — Ш. Монтескье и Вольтер бесконечно превосходили одинокого итальянского мыслителя прижизненной популярностью, влиянием на умы, вышедшим далеко за границы академической науки и литературы, но несомненно уступают ему и как ученые и как философы. Монтескье, автор знаменитого «Духа законов», а также «Размышлений о причинах величия и падения римлян», был также историком и теоретиком права, но главный порок его сочинений, и еще более трактатов Вольтера, автора «Опыта о нравах и духе

народов», в их дурной идеологичности, в том, что исторический материал для них не был предметом ни фактографического исследования, ни добросовестного теоретического осмысления, но резервуаром для иллюстрации предвзятых и поверхностных идей, именно ввиду своей плоскости и оказавшихся чрезвычайно влиятельными, сделавшими их популяризаторов властителями дум своих современников. А идеи эти сводятся к антиклерикализму, к стремлению ограничить абсолютизм, укрепить гражданские и политические свободы, ввести во Франции, по примеру Англии, парламентаризм.

За этими банальностями на более глубоком уровне стоит антропология, принципиально отличная от христианской. Ее суть в апологии падшего состояния человека, которая вытекает из игнорирования этой падшести. Естественной человеческой природой просветителями провозглашается природа человека, не преображенная в горниле борьбы со грехом, и для раскрепощения ее от пут несвободы они прокламируют борьбу с устаревшими и порочными средневековыми институтами, со средневековой христианской моралью, затрудняющей человека в поисках удовольствия, и в особенности борьбу с Церковью. Отсюда и знаменитое вольтеровское: «Раздавите гадину». В то же время присущее им обоим здравомыслие удерживало их, в особенности Монтескье, от атеистических крайностей энциклопедистов, таких, как Гольбах или Дидро. Очевидно, что при столь прямолинейной заданности идей собственно исторические изыскания Вольтера и более серьезного ученого Монтескье были крайне тенденциозными и не отличались академической добросовестностью.

Более оригинальным мыслителем был Ж.-Ж. Руссо, который хотя и может считаться одним из идейных вдохновителей Великой революции и якобинского террора, в то же время не вмещался в дюжинный майнстрим просветительства. Просветительская идеология включала в себя в качестве существенной составляющей картезианский рационализм, доведенный до примитивного культа разума. Руссо же противопоставлял бездушному разуму апологию чувства, став одним из родоначальников литературного сентиментализма. Неуравновешенный и крайне себялюбивый эгоцентрик, он тем не менее был проповедником сострадания, в чем более всего обнаруживается связь его идей с христианским наследием, которое он в его основополагающих догматах отвергал, предложив проект создания гражданской религии, которым

впоследствии воспользовались якобинцы. С иррационализмом Руссо связано и его крайне негативное отношение к прогрессу, его эскапизм, культ природы, противопоставленной цивилизации, апология естественного человека — дикаря и естественного состояния человеческого общества, которое не опиралось ни на какие положительные исторические или археологические данные, являясь идеологическим конструктом. Предвосхищая своего почитателя Л. Толстого, Руссо видел только вред в развитии наук и искусств, которые, как он утверждал, не несут людям благо, а делают их все более несчастными.

Утопический проект Руссо, который, впрочем, оказал огромное влияние на идеи французских революционеров, а через них и на другие революционные идеологии и тем самым на ход мировой истории, содержится в его «Общественном договоре», написанном не без влияния теории Гоббса, но в отличие от Гоббса, который считал общественные договоры уже заключенными и подлежащими неукоснительному исполнению в рамках монархического государства, Руссо настаивал на пересмотре прежних договоров, утверждая, что полнота власти всегда принадлежит народу и народ, как подлинный суверен, вправе вернуть себе отнятую у него власть. Для осуществления своей воли в делах государственного правления народ, во-первых, не должен передавать своих полномочий представителям — тем самым безусловно отвергался принцип представительной демократии, а во-вторых, беспощадно подавлять всех, кто дерзает противодействовать или даже только противоречить воле народа-правителя. Так Руссо имеет все основания почитаться идейным отцом политического тоталитаризма. Начиная свои рассуждения с апологии свободы как высшей ценности, он затем, как софист и демагог, но в то же время в строгом соответствии с закономерностями реальной революционной политики, подменяет ее равенством и почти буквально произносит лозунг Великой революции «свобода или смерть» в той его интерпретации, которая принадлежит Ф. М. Достоевскому.

Давая характеристику воззрениям Руссо, необходимо отметить, что это был до крайней капризности непоследовательный мыслитель, в сочинениях которого можно найти мысли, противоположные тем, которые изложены здесь. И все же он оказал масштабное и устойчивое влияние и на идеологов последующей эпохи и на политическую практику. В то же время его наивно

парадоксальная философия истории, с провоцирующим задором представленная в раннем трактате «Содействовало ли возрождение наук и художеств очищению нравов», оказалась более привлекательной не для революционных идеологов, приверженных тривиальной просветительской идее прогресса, а для реакционных мыслителей, таких, как Ницше, а через него на идеологов нацизма и фашизма, на проповедников консервативной революции, подобных Генону.

Но Руссо повлиял и на своих младших современников — во многом далеких от него и более основательных и умеренных немецких философов. И. Г. Гердер, пастор и придворный проповедник в Веймаре, был основоположником научной фольклористики, поэтом и философом, автором знаменитых «Мыслей о философии истории человечества». В духе эпохи просвещения Гердер в этой своей книге отстаивает оптимистическую идею прогресса, но при этом, не без влияния Руссо, высшую ценность он находит в любви, связующей людей, и поэтому подлинным прогрессом считает постепенное развитие в человеческом обществе гуманности и любви. В отличие от своих современников просветителей, Гердер сохранил верность христианству, и один из важнейших тезисов его труда заключается в том, что как в природе, так и в истории человечества действует Промысл Божий. Одно из несомненных достоинств философии Гердера в том, что, будучи апологетом идеи единства истории человеческого рода, он в то же время высоко ценит специфические черты культуры, особенности народной жизни, склад национального характера как родного ему немецкого народа, так и иных народов. Из этого его интереса к своеобразию национальных культур, прежде всего народов Европы, и выросла его исключительно плодотворная деятельность фольклориста, собирателя шедевров народной поэзии и талантливое перевождение их на немецкий язык.

Одна из вершин немецкой философской классики — труды Г. Ф. Гегеля, который, кажется, не оставил без теоретической интерпретации ни один из аспектов человеческого бытия. Написал он и «Философию истории». Во всемирной истории Гегель видел завершающий фазис объективации духа, предшествующий его переходу на ступень абсолютного духа. До Гегеля история противопоставлялась вечным сущностям — единственному достойному предмету философии. В гегелевской системе абсолютного идеализма история обретает неотъемлемо необходимый

и высший смысл, ибо дух, по представлениям Гегеля, — развивающаяся субстанция, которая реализуется в истории. В истории человечества нет места случайному, произвольному, в ней все необходимо, в ней все детерминировано, в ней, по сути дела, нет места человеческой самодеятельности, или точнее сказать, чрез деятельность исторических личностей и движения народов осуществляется Божественный Промысл, который при этом лишен личностного начала, но тождествен безличностному абсолютному духу. Во всяком случае гегелевская философия истории предельно далека от укорененной в Библии идеи диалога личного Бога с людьми как личностями, наделенными свободой воли. Поэтому в ней нет места для идеи греха, отчего его систему идей часто не вполне адекватно характеризовали как тяготеющую к имморализму. Было бы точнее сказать, что и самый грех у Гегеля не является грехом в полном смысле слова, потому что и он необходимым образом проистекает из предвечного замысла Божия о человеке и человечестве. Гегель рассматривал свой труд как «теодицею, как оправдание Бога в истории. Примирить дух с всемирной историей в действительности, — писал он, — может только понимание того, что то, что совершилось и совершается повседневно, не только не произошло помимо Бога, но по существу есть дело Его самого» (Г. В. Ф. Гегель. Философия истории. СПб., 1993, с. 455), но гегелевский Бог — это, говоря словами Паскаля, Бог философов, а не Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Исторический процесс Гегель интерпретирует в строгом соответствии со своей знаменитой диалектической схемой с ее борьбой и единством противоречий, переходом количества в качество и отрицанием отрицания, заключенным в триаде тезиса, антитезиса и синтеза. При этом кульминацией мирового исторического процесса он считал его христианский этап, а ось истории человечества видел в Боговоплощении.

Ни у одного другого философа или историка события всемирной истории не систематизированы столь продуманно, как у Гегеля, но при этом и не без порой обескураживающего насилия философского смысла над здравым смыслом: в политическом и юридическом устройстве современной ему Германии, и в особенности Пруссии, какой она стала при Фридрихе Великом, он нашел вершину исторического процесса, своего рода конец истории. Напрасно в этом видели в свое время проявление крайнего

конформизма и даже сервилизма. Эта апология существующего порядка не проистекала и из недостатка воображения. Она понадобилась Гегелю потому, что объяснить тайну истории, — а его задача состояла именно в этом, — можно только тогда, когда она в существе своем пройдена до конца. И почему немцу и пруссаку не должна была современная ему Германия представляться более достойной послужить завершающим аккордом исторического процесса, чем современная Франция или Великобритания.

Гегель попытался открыть и объяснить тайну Великой французской революции. Та же цель явилась решающим импульсом для исторических размышлений ряда его выдающихся современников. Один из самых глубокомысленных среди них Ж. де Местр, католик и ультрамонтан, характеризовал революцию в христианских категориях греха и возмездия за грех. В его трактовке Великая революция несет в себе сатанинское начало, но при этом, предваряя мысли некоторых свидетелей и противников Русской революции, не ограничивавшихся одними только филиппиками в ее адрес, но пытавшихся разгадать ее тайну в свете веры в Божественный Промысл, Который и самое зло властен обратить в благо, де Местр находил, что свирепый якобинский террор и потом империя узурпатора Наполеона уберегли Францию от расчленения и, вопреки намерениям революционеров, подготовили ее для реставрации легитимной власти Бурбонов.

Де Местр, в юности бывший последователем Руссо, в своих зрелых сочинениях с остроумной язвительностью обрушивается на теорию естественного человека, естественного права, равенства людей и общественного договора, как на абстракции и фикции, которым нет никаких соответствий в реальной жизни, где все органично. «Я встречал, — писал он, — на своем веку французов, итальянцев, русских, благодаря Монтескье я знаю, что можно быть даже персиянином, но я решительно вам объявляю, что сочиненного вами человека я не встречал ни разу в моей жизни» (цит. по: Вл (адимир) С (оловьев). Мэстр. — Энциклопедический словарь. Т. XX. СПб, 1897, с. 350). Апологет абсолютной монархии, он выводит ее из Божественной воли, потому и повиновение подданных государю своим основанием имеет, в его концепции, не фиктивный общественный договор, но нравственный и религиозный долг, ибо власть монарха носит священный характер как власть Богопоставленная. В этом контексте де Местр делает далее крайние папистические выводы, ибо папа для него,

в соответствии с Божественным правом, сосредоточивает в себе полноту верховной власти в христианском мире. Развивая свои богословские идеи, де Местр предвосхитил догматическое определение II Ватиканского Собора о папской непогрешимости. Мысли де Местра составляют вершину реакционной политологии романтической эпохи.

По глубине, но не по оригинальности идей ему далеко уступает еще один интерпретатор основной пружины Великой революции Гобино, который в «Трактате о неравенстве человеческих рас» увидел в ней столкновение рас: высшей арийской, к которой принадлежало дворянство, и палеоевропейской, к которой принадлежало большинство третьего сословия. Эта экзотическая теория едва ли верна относительно действительного расового состава французской нации. Ввиду событий, связанных с завоеванием Галлии франками, в жилах древней французской аристократии, выражаясь по-старинному, текло больше германской крови, чем ее было у третьего сословия, но оставался ли и ко времени революции расовый состав французского дворянства тем же самым, что и при Меровингах, — это, разумеется, еще вопрос, тем более нет никаких солидных оснований полагать, что древние германцы были большими арийцами, чем галлы или италики, и в частности римляне, чьей крови, может быть, было и больше в жилах французов третьего сословия. Во всяком случае идеи, которые, когда они были выражены впервые, представлялись только оригинальной экзотикой, после деяний эпигона Гобино А. Розенберга и его единомышленников уже не воспринимаются как невинный курьез, что, впрочем, не навлекает вину на основоположника научного расизма. Что же касается самого распределения рас на низшие и высшие, то одиозным оно стало считаться только после Гитлера, а во времена Британской империи и Р. Киплинга с его гимнами цивилизаторской миссии Запада оно было фактически общим местом у этнографов, не говоря уже о расхожем общественном мнении высокомерной Европы.

Своеобразной реакцией на потрясшую Европу революцию явилась и русская историософская мысль. Но для русских мыслителей особую важность имел вопрос о месте России в общем потоке всемирной истории, и прежде всего о взаимоотношениях России и Запада. Наиболее чуткими мыслителями было угадано, что главный водораздел между Россией и Западной Европой носит религиозный характер, что своеобразие нашей исторической

судьбы связано с Православием. В зависимости от того, какая оценка давалась этой связи, в общественной мысли обозначились два противоположных направления: западники и славянофилы.

С изумительной четкостью вопрос о месте России во всемирной истории поставлен в «Философском письме» П. Я. Чаадаева. И он дал на него самый мрачный ответ: «Мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку... Народы — существа нравственные, точно так же, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей — годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество» (П. Я. Чаадаев. Сочинения. М., 1989, с. 18, с. 21), а коренная причина неисторичности России, утверждал он кроется в ее оторванности от христианского Запада, от Рима. Впоследствии Чаадаев переменял свои взгляды. В «Апологии сумасшедшего», продолжая настаивать на мнимой неисторичности русского народа, он увидел в ней залог блестящего будущего России.

Чаадаев был первым религиозным западником. Его идейные последователи, не отличавшиеся изощренной тонкостью Чаадаевской мысли, люди более прямолинейные, такие, как князь И. С. Гагарин, В. С. Печерин, в своей духовной измене Отечеству дошли до религиозного отступничества и прямого перехода в католичество. А безрелигиозными продолжателями Чаадаева явились идеологи русского либерализма: Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин. С западничеством связано и увлечение незрелой студенческой молодежи 60-х годов нигилизмом.

В противоположность западникам, славянофилы в своеобразии русского исторического пути, органически связанного с православной верой русского народа, видели не слабость, а силу России. Пагубным и тупиковым они находили не русский, а как раз западноевропейский исторический путь. Отправной точкой в духовном блуждании Запада славянофилы считал великую схизму 1054 г. — отпадение Рима от Вселенской Православной Церкви. В петровских реформах они находили роковую ошибку. Смыкаясь с западниками в критическом отношении к современности, славянофилы расходились с ними в объяснении причин негативных явлений. Либералы-западники утверждали, что России не хватает политических свобод и что ее несвобода — это продолжение исконного русского деспотизма, унаследованного Московским

государством у Византии и Золотой Орды; а славянофилы убеждены были в том, что бюрократическая казенщина Николаевской эпохи порождена Петровскими реформами, исказившими русскую православную и народную государственность, привившими византийско-московскому самодержавию чуждые ему черты западноевропейского абсолютизма. Допетровская старина, которую одни славянофилы, вроде К. С. Аксакова, видели в радужном свете, другие же расценивали гораздо более трезво, без особой идеализации, — для всех них была мерилom в оценке исторического процесса и понесенных при Петре утрат.

Одним из наиболее глубокомысленных авторов-славянофилов был А. С. Хомяков, богослов, философ, историк, поэт. Его удачно называли «рыцарем Православной Церкви». По словам Н. А. Бердяева, «Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковно твердым» (цит. по: Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Paris, 1988, с. 271). Сыновняя преданность Церкви этого на редкость талантливого и остроумного человека, непревзойденного полемиста и диалектика, опиралась на его молитвенный опыт. В средоточии богословской мысли Хомякова стояла Церковь. Особенно дорога была Хомякову мысль о соборности Церкви. Хомяков не устал повторять свой главный тезис: «Церковь одна». Поэтому о западных исповеданиях он писал всегда, как об обществах, отделившихся от Единой Церкви.

Самую серьезную причину отпадения Западной Церкви от Православия он увидел в ее рационализме и усвоенном ею римском юрицизме. На первый приблизительный взгляд такое объяснение генезиса католицизма может показаться убедительным: высокоразвитая юридическая культура античного Рима, который, в отличие от греческого мира, не имел вкуса ни к физике, ни тем более к метафизике, а также чрезвычайно тщательно разработанное каноническое право Римско-Католической церкви с интенсивным вторжением правовых конструкций в область нравственного богословия представляются солидными аргументами, подтверждающими хомяковскую этиологию католицизма, но если посмотреть на событие 1054 г. и его исторический фон более пристально, то окажется, что славянофильская концепция отпадения Рима построена на зыбком основании. Любая попытка вывести *Filioque* из явлений, внешних по отношению к имманентной богословской логике, оказывается натянутой и искусственной; что же касается гипертрофии примата епископа

Рима, развившейся в папский абсолютизм, то римский юридизм тут совсем не причем. Римской империей, построенной на филигранно разработанном римском праве, в эпоху, когда притязания пап на вселенскую юрисдикцию осложняли взаимоотношения между кафедрами Ветхого и Нового Рима, что в конце концов и вылилось в разрыв общения между ними, была империя со столицей не на Тибре, а на Босфоре, в Новом Риме — Константинополе, в то время как древний Рим оставался островком римской цивилизации, сущностно идентичным с новым Римом, даже несмотря на некоторую эллинизацию Империи при Ираклии, окруженным стихией германского варварства. Время, когда обозначилась и потом расширялась трещина между Восточной и Западной Церковью, приведшая в конце концов к схизме, — была эпохой провала римского права как раз на Западе, где его потеснило право германских народов, в своих основных началах имевшее большее родство с обычным правом славян, чем с римским правом, хотя славянофилы видели как раз в славянской ментальности залог приверженности славянских народов аутентичному христианству — православию. И если уж позволительны объяснения церковно-исторических событий народной психологией, то в самом акте разрыва 1054 г. с западной стороны весьма определенно проявился германский, а не только латинский фактор — имена кардинала Гумберта и потом Гильдебранда (папы Григория VII) говорят сами за себя. Да и по существу дела притязания пап на вселенскую юрисдикцию не имели под собой никаких солидных канонических и юридических оснований, а были скорее их игнорированием и попранием и потому иллюстрируют вовсе не торжество юридизма, а скорее нечто противоположное. Во всяком случае со стороны Восточной Церкви в ту пору полемика против этих притязаний велась на языке каноническом, и следовательно, юридическом.

В сочинениях поздних славянофилов религиозная и богословская проблематика отступает на второй план, в сравнении с вопросами историософского и национально-политического характера. Это относится и к идеям Н. Я. Данилевского о разнородных типах культуры Православного Востока и Запада, изложенным в книге «Россия и Европа», и к его политической публицистике, главной темой которой было освобождение славян от турецкого ига.

Парадоксальным образом в России несравненно влиятельнее идей отечественных славянофилов оказался заимствованный

на западе марксизм, причем не только в советскую эпоху, когда он приобрел статус официальной идеологии, но и в предшествующий период — в свое время марксистами были такие отвернувшиеся от него впоследствии религиозные мыслители как Н. А. Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков, С. Л. Франк, П. Б. Струве. Впрочем, влияние марксистской идеологии не ограничивается Россией, оно оказалось настолько масштабным, что в этом отношении ее можно поставить в ряд с мировыми религиями. Во всяком случае воздействие марксизма на ход мировой истории несопоставимо с местом самого К. Маркса в истории человеческой мысли. Его имя стоит, очевидно, в первом ряду классиков политэкономической науки, рядом с именами А. Смита, Рикардо и Кейнси. Наверно, без характеристики его философских идей не может обойтись объективный очерк истории философии, во всяком случае его афоризм: «Философы лишь разным образом объясняли мир, дело же в том, чтобы его изменить» — получил хрестоматийную известность и стал одним из главных девизов революционного утопизма, но в философии наследие Маркса все-таки несопоставимо с наследием И. Канта или Г. Ф. Гегеля. В наши задачи не входит попытка объяснить тайну поразительного успеха его доктрины, слабые места которой представляются очевидными.

Для исторической науки не лишена интереса та часть марксизма, которая была названа историческим материализмом. Его суть заключается в провозглашении ключевого значения в историческом процессе экономического фактора, названного базисом, по отношению к которому религия, политика, философия, наука и искусства представляют собой только надстройку. Такая концепция объективно может считаться материализмом не столько в том смысле, в каком этот термин употребляется в онтологии или гносеологии, сколько разве по некоторой параллели с материализмом в расхожем бытовом значении слова. Иначе говоря, на почве экономического материализма могут без логического противоречия стоять и те, кто не является материалистом в своих собственно философских взглядах. Что же касается научной и философской ценности самой этой основополагающей идеи исторического материализма, то, если позволительно перенести в сферу социальных и гуманитарных наук принцип относительности, можно утверждать, что, при взаимосвязанности всех элементов человеческого бытия, что считать базисом, а что надстройкой — политику, экономику, человеческую психологию или

физиологию — зависит от выбора точки наблюдения, и этот выбор диктуется не качествами исследуемого объекта, а только целями, интересами, навыками наблюдателя. Более пристальное внимание историков XIX и XX столетий к экономическому фактору, инициированное, в частности, и идеями К. Маркса, позволило заполнить существовавшие ранее лакуны в знаниях об этой стороне исторического процесса, но гипертрофия экономизма в работах советских историков деформировала создаваемый ими образ общества, которое было предметом их исследований.

Марксова схема мировой истории основана на последовательной смене пяти общественных формаций, или, что то же, способов производства: первобытного коммунистического, рабовладельческого, феодального, капиталистического и коммунистического, с приходом которого история в традиционном смысле слова прекращается и сама природа человека претерпевает радикальную перемену. Конечно, и эта схема, подобно многим другим, придуманным философами и историками, позволяет как-то систематизировать материал эмпирических исследований. Но воспринимать ее не как подручный конвенциональный классификаторский аппарат, вроде архивной, библиотечной или музейной рубрики, а как саму научную истину, подобную закону Архимеда или периодической системе Менделеева, — это лежит уже за пределами здравого смысла и за пределами того, чего хотел от своих последователей сам Маркс, который писал, например, и об азиатском способе производства, не потрудившись, к огорчению своих последователей, уточнить, идет ли при этом речь о еще одном, уже шестом, способе, или о разновидности одного из пяти, которые он перечислял обычно. Во всяком случае, когда ему предъявляли претензии в связи с противоречиями в собственных высказываниях, он отвечал с обескураживающей очевидностью, что от него напрасно требуют систематизации своих идей, потому что он всего лишь Маркс, а не марксист.

Эвристическая уязвимость расчленения исторического процесса на пять формаций обнаруживается уже в том, что в одном и том же обществе в одно и то же время можно наблюдать присутствие черт самых разных формаций. Торговый капитализм процветал в Вавилоне и Финикии, рабство отменено было в Соединенных Штатах не во времена перехода к феодализму, которого, как и большинство других не западноевропейских обществ, Америка не знала вовсе, а в эпоху расцвета американского

капитализма. И наконец, в чем существенное отличие реального, а отчасти и юридического статуса заключенных в тюрьмах или лагерях, а также военнопленных от статуса государственных рабов? В действительности, если исходить из оригинальных значений терминов, рабовладение, феодализм и капитализм — это понятия из разных сфер: рабство — это юридический институт, весьма относительно связанный с экономическими отношениями, феодализм — это по преимуществу форма политического устройства, и только капитализм, действительно, имеет самое прямое отношение к экономике. Капитализм и был главной темой научных исследований Маркса, и хотя его модель капиталистической экономики в настоящее время устарела, но в свою эпоху именно она дала повод называть его социализм, столь же утопичный, как и социализм Сен-Симона или Фурье, с той же самой хилиастской закваской, научным, потому что в наследии Сен-Симона или Фурье, в отличие от Маркса, и не было ничего кроме утопий и социальной сатиры.

К. Маркс вместе со своим alter ego Ф. Энгельсом — автор ряда язвительных памфлетов, посвященных революционной истории Франции XIX века, написанных крайне тенденциозно и односторонне, но с изрядным аналитическим талантом и литературным мастерством. В особенности это относится к «18 брюмера Луи Бонапарта». Идеологическая узость автора этих работ в гипертрофии классового фактора политической истории. Маркс, как известно, был левым гегельянцем, но гегелевкий «диалектический закон» единства и борьбы противоположностей он усвоил односторонне, с великим энтузиазмом делая акцент на борьбе, и испытывая к тому, что Гегель называл единством, синтезом противоположностей, эмоциональную идиосинкразию, воспринимая его как невыносимое филистерство. Ф. Энгельс был автором солидного, но предвзято идеологического труда по истории Германии эпохи Реформации «Крестьянская война в Германии».

Ряд сочинений многочисленных эпигонов Маркса, среди которых наиболее значительными в теоретической сфере, но не в политике, были К. Каутский, Г. В. Плеханов, А. Грамши, Д. Лукач, Г. Маркузе, посвящены исторической тематике. Что же касается профессиональных советских историков, как впрочем, и историков других коммунистических государств, то их вклад в науку, как правило, был тем серьезнее, чем более формальной, а еще лучше, лишь ритуальной, была их принадлежность к марксистской школе.

В центре теоретических интересов Маркса стоял капитализм. Генезис капитализма был главной темой исследований и классика социологической науки М. Вебера. При этом Вебер выбирает исходной точкой в интерпретации тайны зарождения современного капитализма нечто прямо противоположное тому выбору, который лежит в основе марксизма. Маркс из капитализма как экономической формации выводил капиталистическую политику, идеологию, искусство, и даже насаждая здравый смысл, религию, а М. Вебер происхождение капитализма выводит из протестантской, по преимуществу кальвинистской, сотериологии и морали. По Веберу, неуверенность в своем спасении побуждала последователей Кальвина стремиться к жизненному успеху, в котором они с удивительной богословской наивностью пытались высмотреть знаки Божественного благоволения. В то же время их серьезность в приверженности к христианской этике в однобокой интерпретации Кальвина, у которого пафос любви стусевывается перед раскаленной ненавистью к неисправимым грешникам, предвечно обреченным на безысходные муки ради вящей славы Божией, отвращала капитанов раннекапиталистической промышленности из числа пуритан от расточительности, побуждала их строго относиться к себе и не щадить нанятых рабочих, для которых, очевидно, изнурительный труд и бедность были уделом, который этим отверженным дал Господь ввиду их еще до появления на свет прозираемой Им порочности. Мысль оригинальная и если ее воспринимать с известным реализмом и сдержанностью, отчасти объясняющая стремительный рост капиталистической промышленности в Великобритании, в особенности в Шотландии, и потом в Соединенных Штатах.

Когда в период краха советского коммунизма у нас получил широкую медийную известность переведенный тогда же М. Вебер, прежние пропагандисты научного коммунизма, в мановение ока превратившиеся в увлеченных энтузиастов капиталистического преобразования России, из идей Вебера по закоренелой привычке попытались создать систему «научного веберизма» и вполне серьезно рассуждали о том, что надо у нас в ближайшее время переменить религию, заменив православие на пресвитерианство, другие же либо горько сокрушались либо злорадствовали по тому поводу, что не получится в России капитализма по причине православного исповедания большинства ее населения. Но сам Вебер, чуждый идеологической одержимости, исключительно

трезвый и добросовестный ученый, не может нести ответственности за забавные карикатуры, повод которым дали его мысли.

Одним из самых ошеломляющих философских дебютов эпохи между первой и второй мировыми войнами явилось появление первого тома «Заката Европы» О. Шпенглера. Концепция цивилизации у О. Шпенглера, распекавшего единую историю человеческого рода на фактически лишенные существенной общности фрагменты, представленные у него как совершенно самостоятельные явления, в которых однако имеют место не генетические, но типологические параллели, представляется хотя и остроумной, но насилующий здравый смысл идеей, которую задолго до него сформулировал Н. Данилевский. Но Шпенглер, повторяя мысли Данилевского, не заимствовал их у него, а формулировал их вполне самостоятельно, потому что не знал даже о самом существовании этого русского автора: в ту пору «*russicum non legendum*» было тривиальной очевидностью. При этом нельзя не признать, что «Закат Европы» написан с несравненно большим блеском, чем «Россия и Европа», тем более, что материал, с которым работает Шпенглер, — культура и ее морфология, — гораздо органичней для того видения истории, которое в известном смысле сближает его с Данилевским, погруженного однако в политическую эмпирию, раскаленная сиюминутность которой отодвигала на второй план религиозную и культурную тематику. Но термин «культурно-исторический тип» принадлежит все-таки русскому автору. Один из лейтмотивов «Заката» — противопоставление античной, аполлоновской, как ее называет Шпенглер, культуры культуре западноевропейской — фаустовской. Такое противопоставление до известной степени обоснованно, но однобоко, поскольку очевидна и преемственность этих культур. Разделяя аполлоновский мир и мир фаустовский как два разных культурных типа, Шпенглер последовательным образом отвергает и традиционное расчленение мировой истории на древнюю, средневековую и новую, полагая, что каждая из культур, в том числе античная и египетская, знали свое средневековье и свое новое время. Типология культур у Шпенглера, убедительная там, где он тривиален, когда он пишет о культурах индийской, египетской, античной или западной, приобретает курьезный характер, когда он становится вполне оригинальным. Как иначе можно оценить включение в арабскую культуру поздней античности, раннего христианства и Византии. Воздействие Шпенглера на читателя

держится не столько на неотразимости рациональных аргументов, сколько на интуитивной пронизательности и незаурядном литературном таланте. Ф. Кафка сказал однажды о Шпенглере: «Многие так называемые ученые транспонируют мир поэта в другую, научную плоскость и добиваются на такой лад славы и значимости» (G. Janouch. *Gespraeche mit Kafka*. Frankfurt an Main, 1968, S. 109). Может быть, как раз поэтому влияние Шпенглера на европейскую мысль XX столетия оказалось огромным. Оно обнаруживается у таких масштабных авторов как Ортега-и-Гассет, Адорно, Хейзинга, Бродель, и в особенности у Тойнби.

А. Тойнби заимствовал у Шпенглера и Данилевского основополагающую идею о существовании отдельных культур, которые он однако, оставаясь в традиции англо-саксонской терминологии, называет цивилизациями. При этом, в отличие от Шпенглера, Тойнби обнаруживает в своей концепции научную трезвость профессионального историка. И он, пожалуй, проводил между выделенными им цивилизациями, слишком глубокие рвы, делая чересчур резкий акцент на их специфике и изолированности, в ущерб единству мирового исторического процесса, тем не менее самый факт единства мировой истории был для него очевидным как аксиома.

Труд А. Тойнби над «Постижением истории» продолжался почти три десятилетия, с 1934 по 1961 г. В процессе творчества он кое-что пересматривал, не корректируя на основании новых подходов ранее написанный текст, так что существенные отличия обнаруживаются между началом и концом его многотомного исследования и в самом перечне и счете зафиксированных им цивилизаций.

Первоначальный перечень включал египетскую, андскую, китайскую, минойскую, шумерскую, майяную, индскую, хеттскую, сирийскую, эллинскую, западную, православную, дальневосточную, иранскую, арабскую, индуистскую, вавилонскую, юкатанскую и мексиканскую цивилизации — всего 19, при этом он вводит внутренние разновидности в дальневосточной цивилизации, которую он делит на основную (в Китае) и производную (в Корее и Японии), и в православной, разделяя ее на основную (византийскую) и производную — российскую. Кроме развитых цивилизаций, Тойнби выделяет еще цивилизации недоразвившиеся: эскимосскую, кочевническую, османскую и спартанскую, — и реликтовые: первую сирийскую, дальневосточную

христианскую — несторианскую, дальнезападную христианскую, то есть ирландскую, и скандинавскую. В окончательном варианте список цивилизаций выглядит уже следующим образом: независимые цивилизации — центральноамериканская и андская, не относящиеся к другим; а также не аффилированные другими: шумеро-аккадская, египетская, эгейская (соответствующая минойской в первом варианте схемы), индская и китайская, затем аффилированные другими — сирийская, эллинская, индийская, православная христианская, западная и исламская; цивилизации-сателлиты — миссисипская, юго-западная в Центральной Америке, североандская, южноандская, эламитская, хеттская, урартская, иранская, корейская, японская, вьетнамская, итальянская, юго-восточноазиатская, тибетская, русская, которую Тойнби характеризует как сателлита сначала православной, а затем западной; и недоразвившиеся цивилизации — первая сирийская, несторианская, монофизитская, дальнезападная христианская, скандинавская и космос средневековых городов-государств. Три последних, по Тойнби, были поглощены современной западной цивилизацией. К тематике нашей книги из этого перечня имеют прямое отношение эгейская, эллинская, православная и западная, а также из числа сателлитов русская, и из недоразвившихся поглощенные западной цивилизацией — дальнезападная христианская кельтская в Ирландии, скандинавская и космос средневековых городов-государств.

Принципиальное возражение в связи с этой классификацией вызывает таксономический уровень разделения в действительности единой христианской цивилизации на западную и православную, это разделение обоснованно и реально, но правомерно было бы ввести его на ином уровне — не как совершенно самостоятельные цивилизации, но как разновидности одной и той же цивилизации. Впрочем, и у самого Тойнби есть некоторые колебания по этому поводу.

Для приверженцев культурноморфологической интерпретации истории до Тойнби и после него (Данилевского, Леонтьева, Шпенглера, Хантингтона) характерна приверженность правым политическим взглядам. Не то у Тойнби, который разделял многие из прекраснодушных иллюзий своей левоориентированной эпохи, и критическое отношение к коммунистическому тоталитаризму он соединял с острым неприятием капитализма и колониализма.

Подлинный вклад этого высокопрофессионального историка и одновременно оригинального мыслителя в постижение истории заключается в выработанных им моделях исторического процесса, которые он подкрепляет блестящими иллюстрациями. Прежде всего это модель вызова и ответа, в соответствии с этой моделью стимулом развития являются трудно преодолимые испытания, с которыми сталкивается общество: суровость климата, опасное соседство сильных врагов, религиозная или расовая дискриминация, это затем модели ухода и возврата, мимесиса, раскола и палинггенеза. Тойнби решительно вводит в свою систему идей новые понятия, употребляя для этого хорошо известные и до него, но переосмысленные им термины, вроде внутреннего и внешнего пролетариата, в качестве которого у него, например, выступают варвары-германцы по отношению к Римской империи.

Едва ли кто еще из историков так часто цитирует Священное Писание как А. Тойнби. Цитаты его при этом часто имеют смысл иносказательный и лежащий вне библейского и богословско-го контекста, приводятся для иллюстрации ситуаций, не связанных с собственным содержанием цитируемых мест. Из этого еще не следует, что Тойнби считал себя христианином. Он несомненно разделял основополагающие принципы христианской этики, он был воспитан на ней и ею, и не отвернулся от нее, он не отвергал и метафизику христианства, но, по его собственному признанию, он не разделял идеи исключительности христианства, и только поверхностно зная другие религиозные учения, допускал, что и они имеют основание претендовать на такую же относительную истину как, по его убеждениям, и христианство, и в связи с этим лелеял, помимо иных иллюзий, призракную надежду на появление в будущем единой мировой религии.

И все-таки его модель исторического процесса представляется конструктивной, дающей материал для убедительных прогнозов. Недаром один из виднейших политологов наших дней С. Хантингтон выбрал названием своей нашумевшей книги заголовком статьи Тойнби «Столкновение цивилизаций».

Огромное влияние на современное восприятие мировой истории оказали мысли знаменитого философа экзистенциалиста К. Ясперса об осевом времени. Полемизируя с О. Шпенглером и А. Тойнби, Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» отстаивает идею единства мировой истории, в которой он выделяет

особую эпоху, с IX по III столетие до Рождества Христова. Ее он и называет осевой, ибо в этот период у разных народов (в Китае, Индии, Иране, Палестине и Греции) возникли философские системы и новые религии, обращенные к внутренней жизни человеческой души, заменившие древние мифы. В этом ряду он упоминает Конфуция и Лао Цзы, Будду, Заратустру, Сократа и библейских пророков. Из этого духовного движения и вырос человек современного типа, человек с обостренным самосознанием, сознающий хрупкость своего бытия. При этом Ясперс не только не объясняет причину этого параллелизма в духовной жизни разных народов, связи между которыми не имели устойчивого характера, но даже считает этот феномен принципиально не поддающимся рациональному, каузальному объяснению, поскольку через осевое время открылось присутствие в эмпирической истории человечества священной истории, у которой неземные корни. Трудно объяснимым представляется то обстоятельство, что Ясперс с его христианскими убеждениями не только не поставил в самый центр осевой эпохи время земной жизни Христа Спасителя, но даже вывел этот в действительности центральный момент мировой истории за границы осевого времени. Его собственное объяснение этого отклонения от христианской традиции заключается в том, что для него Боговоплощение определило историю только христианских народов, но не человечества в целом, но несомненно, что влияние учения Будды и тем более Заратустры не выходило за границы собственного культурного ареала.

Вопреки Ясперсу, трезвый историк имеет интеллектуальное право оставаться с убеждением блаженного Августина и мудрого Гегеля, что осью человеческой истории явилось воплощение Божественного Слова.

2. Историография эгейской цивилизации

Эгейская, или, по-другому, крито-микенская цивилизация — первая в Европе, появившаяся в пору существования во всех других ее регионах примитивных обществ, и единственная из европейских цивилизаций, которая не была известна непрерывно.

Погрузившись в пучину забвения, она была извлечена отсюда как средиземноморская Атлантида гениальным дилетантом от археологии Г. Шлиманом. После раскопок Трои он в 1876 г. принялся за Микены, и его дикое на сциентистский вкус современников доверие к Гомеру и Павсанию не подвело Шлимана

и на этот раз. Не важно, что, как и в случае с Троей, он ошибся в хронологии и атрибуции, неважно, что раскопанные им гробницы Агамемнона, Клитемнестры и Эгисфа в действительности не могли принадлежать современникам Троянской эпопеи и относятся к более ранней эпохе, но Шлиман открыл новую цивилизацию, связь которой с позднейшей эллинской хотя и бесспорна, но это все-таки связь разных культур, а не разных эпох внутри одной культуры.

Продолжив Шлимана, греческий археолог К. Цунтас вскрыл в Микенах еще ряд захоронений, обгоревшие остатки дворца и частных домов. Вместе с И. Манатттом он написал и опубликовал в 1897 г. книгу «Микенский век».

В 1900 г. британский археолог А. Эванс начал вести систематические раскопки на Крите в Кноссе и нашел руины знаменитого дворца, который в греческую мифологию вошел как критский лабиринт. Эванс обнаружил поразительное сходство артефактов Кносса с находками в Микенах, при этом критские находки отличались более высоким мастерством их изготовителей, что свидетельствовало о более высоком уровне развития критского ареала минойской цивилизации, названной так по имени известного из греческого мифа критского царя Миноса, в сравнении с микенским, из чего А. Эванс сделал отвергнутый позднейшей наукой вывод о том, что Греция или, по меньшей мере, ее южная часть, была колонией Крита.

Затем раскопки велись и в иных местах существования открытой цивилизации: в Тиринфе и Пилосе на Пелопоннесе, в Элевсинах и Фивах, на Кипре. Особую ценность среди находок представляли извлеченные из земли глиняные таблички с надписями. Эванс нашел такие таблички уже в 1900 г. при раскопках кноссского дворца, затем их находили по всему острову: при раскопках дворцов в Хагии, Триаде и Фесте, а также на Балканах — в Элевсинах, Фивах, Микенах, но самое значительное их число обнаружено было в 1939 г. в Пилосе — в настоящее время число пилосских табличек далеко перевалило за тысячу.

Первичная систематизация находок позволила обнаружить три системы письменности, которыми пользовались древние писцы: самые архаичные иероглифические, или пиктографические надписи, датируемые рубежом третьего и второго тысячелетия до Р. Х.; затем линейное письмо типа А., которое относится к первой половине второго тысячелетия и зафиксировано, как

и иероглифические надписи, исключительно на Крите; и позднейшее линейное письмо типа В, просуществовавшее до XII столетия до Р.Х., — к этому типу относятся надписи на табличках, найденных не только на Крите, но, в еще большем числе, на континенте: в Микенах, Тиринфе и в Пилосе.

Началась работа над дешифровкой, которая представляла большие затруднения, чем осуществленное в свое время Шампольоном прочтение египетских иероглифов. Шампольон располагал двуязычными текстами, и кроме того, хорошо был известен коптский язык, который представлял собой позднейшую трансформацию древнеегипетского. В случае критско-микенских табличек язык не был известен заранее. Но в 1952 г. расшифровка микенских табличек завершилась. Британский архитектор М. Вентрис дешифровал линейное письмо В. В дешифровке микенской письменности ему помог лингвист из Кембриджа Д. Чедвик. Язык табличек с линейным письмом В оказался архаической стадией древнегреческого языка. Этот неожиданный вывод заставил историков датировать заселение Пелопоннеса и островов Архипелага эллинскими племенами более ранней эпохой, чем это предполагалось прежде. На предыдущем этапе свой вклад в дешифровку внесли американка Э.Е. Кобер, немецкий археолог К. Блеген, Э. Беннет Младший.

В 1950-е — 1980-е гг. раскопками в Микенах, Пилосе и на Кипре занимался У. Тейлор. Выходец из титулованной британской аристократии, он занялся археологией, и вообще наукой, лишь на 5-м десятке своей продолжительной жизни, но успел сделать в изучении эгейской цивилизации больше своих современников. При этом он сосредоточил исследовательский интерес на микенской керамике, ей он посвятил докторскую диссертацию, которую защитил в 1958 г. Именно Тейлору на тщательно изученном археологическом материале удалось представить наиболее систематизированную и убедительную, выверенную в хронологическом и географическом отношении схему истории крито-микенской цивилизации, которая отражена в его рассчитанной на широкого читателя книге «Микенцы. Подданные царя Миноса».

Эгейской цивилизации посвящены работы русских ученых С. Я Лурье «Язык и культура микенской Греции» (1957), Т. В. Блаватской «Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э.» (1976) и Ю. В. Андреева «Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы» (1989)

3. *Историография античной эллинской цивилизации*

Античная цивилизация связана с современным миром непрерывным преемством исторической памяти. Тексты историков этой цивилизации сохранились до наших дней, и они всегда были доступны для чтения хотя бы узкому кругу эрудированных знатоков — иными словами, их не надо было расшифровывать.

Нам не представляется обоснованным ставший едва ли не общепринятым подход к древним историкам как к историкам донаучной эпохи, заставляющий рассматривать их труды вне обзора исторической науки, а как всего лишь источники, наравне с текстами древних документов. Конечно, критический и даже аналитический элемент в этих древних памятниках присутствует в иной и меньшей мере, чем у современных историков, но уместнее в связи с этим говорить о развитии, о прогрессе исторической науки, а не проводить вместо этого жирную черту, отделяющую научную историю от донаучной историографии.

Поэтому не станем выводить за скобки нашего историографического очерка «отца истории» Геродота из Галикарнаса, автора знаменитой «Истории греко-персидских войн», написанной по живым следам описываемых событий. Кроме истории этой великой войны, значительную ценность представляют и приводимые им сведения об истории эллинского народа и эллинских полисов архаической эпохи, а также основанные на путевых наблюдениях этого неутомимого путешественника и его беседах с чужестранцами лаконичные и подчас граничащие с вымыслом, но чаще все-таки вполне достоверные повествования об образе жизни, среде обитания варваров, как уже вступивших в историческую фазу своего существования, вроде мидийцев и персов, так и пребывавших на стадии примитивной культуры, вроде кочевых иранцев Северного Причерноморья — скифов, почерпнутые не только из мифологических и легендарных, но также и из исторических преданий. Мера критичности Геродота по отношению ко всему, что ему было рассказано и что он воспроизвел в своем повествовании, иногда только ввиду занимательности рассказа, вовсе не настаивая на его достоверности, соответствует, конечно, не требованиям научной акривии, но скорее здравому смыслу. «Мой долг, — писал он, — передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» (Геродот. История в девяти книгах. Лг., 1972, с. 353).

Другой классик античной историографии — афинянин Фукидид, написавший «Историю Пелопоннесской войны». Этот труд писался не только свидетелем, но и прямым участником событий, причем далеко не второстепенным. Одно время Фукидид в должности стратега командовал афинской эскадрой, а потом был обвинен в измене и изгнан из родного города. В этом отношении его труд можно сопоставить с «Историей II мировой войны» Уинстона Черчилля, который, правда, в отличие от Фукидида, стяжал на войне не горечь обвинений, но всемирную славу. И все-таки общее у этих двух историков и политиков — в стремлении соединить документальную точность в изложении событий с откровенной тенденциозностью, придающей историческому повествованию черты апологии и обвинительной речи. При этом сам Фукидид искренне убежден, что отыскание истины — это высшая цель его труда. Он, действительно, помимо собственных воспоминаний об описываемых событиях, опирается на документы, вроде договоров, которые он помещает в своей «Истории», на противоречивые свидетельства участников боевых действий или политической борьбы, достоверность которых он подвергает критическому анализу. Но при этом он предельно далек от беспристрастности и псевдо-олимпийской отстраненности от оценки происходившего, и его интересуют не только причины событий и их результаты, но и заслуги одних и вина других военных и политических деятелей.

В «Истории» Фукидида помещено множество речей великих и менее значительных участников событий, но документальная их ценность не велика, — это все-таки риторические сочинения самого историка, который и не скрывал их сочиненности: «Что до речей..., то в точности запомнить воспроизвести их смысл было невозможно — ни тех, которых мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по- моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, — замечает он все-таки, — насколько возможно ближе, придерживаясь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории» (Фукидид. История. М., 1993, с. 13). «Историю» Фукидида справедливо почитают за вершину античной историографии как в отношении научной критики, так и в качестве литературного памятника. Смерть помешала Фукидиду завершить свой труд.

Продолжить его взялся Ксенофонт. Сам будучи афинянином, он писал свою «Греческую историю», в которой отразилась и Пелопоннесская война, не с позиций родных Афин, а как апологет враждебной Афинам Спарты, на сторону которой он перешел. В отличие от своих демократических по убеждениям предшественников Геродота и Фукидида, Ксенофонт был приверженцем своеобразного политического устройства Спарты, в котором сочетались демократические, аристократические и монархические начала. Значительно уступая Фукидиду глубиной исторического анализа, Ксенофонт не уступает своему старшему современнику как мастер слова, как писатель. «История» Ксенофонта в не меньшей мере, чем труд Фукидида, представляет собой также и своего рода мемуары.

Мемуарный характер носит и другой его знаменитый труд «Анабасис» (восхождение), посвященный участию греческих наемников в междоусобной войне в Персии на стороне потерпевшего поражение Кира Младшего, и их полному мучительных испытаний переходу из Месопотамии на побережье Черного моря. Ксенофонт был плодовитым писателем, и многие его трактаты дошли до нас — это педагогическая утопия «Киропедия», «Государственный строй Спарты», «Экономика», «О доходах». Его «Воспоминания о Сократе» являются наиболее достоверным источником сведений об этом мудреце.

Р. Дж. Коллингвуду принадлежит остроумное наблюдение над критическим методом греческих историков: «Эллины были искушенными людьми в практике судопроизводства, и грек без труда мог подвергнуть историческое свидетельство такой же критике, которую он привык применять по отношению к показаниям свидетелей в суде. Сочинения Геродота или Фукидида основываются большей частью на рассказах очевидцев, с которыми они лично контактировали. И их искусство исследователей заключалось в том, что они подвергали свидетеля свершившихся фактов перекрестному допросу до тех пор, пока в сознании последнего не вырисовывалась гораздо более полная и связная картина тех событий, чем та, которую он мог бы дать сам. В результате в сознании самого рассказчика впервые возникало подлинное знание тех событий, очевидцем которых он был, но о которых до сих пор у него было только докса (мнение), а не эпистими (знание).... Та необычайная основательность и связность повествований Геродота и Фукидида о Греции пятого века, несомненно, основывается

именно на этом методе использования показаний очевидцев» (Коллингвуд, цит. изд., с. 26—27).

Из историков эллинистической эпохи самым масштабным и глубоким был Полибий, один из вождей Ахейского союза, попавший в Рим в качестве заложника и надолго задержавшийся там. Он предпринял первый серьезный опыт составления «Всемирной истории», от которой сохранилась лишь небольшая часть — из 40 написанных книг уцелело 5, до нас дошли также отрывки еще из нескольких книг. По характеристике А. Тойнби, «даже эти крохи показывают, что работа принадлежит одному из четырех величайших историков, которых когда-либо знала эллинская история. Два первых места по праву занимают Фукидид и Геродот; Полибию эллинисты отводят третье место, а четвертое автор этих строк отдал бы не Ксенофону, а Прокопию» (А. Дж. Тойнби. Постигание истории. Сборник. М., 1991, с. 422).

До некоторой степени первые книги «Истории» Геродота тоже вводят читателя в ход событий мировой истории, но, во-первых, у Геродота это только пролегомены к истории греко-персидской войны, составляющей прямой предмет сочинения, а во-вторых, в сравнении с Полибием, Геродот был все-таки еще слишком наивным историком, что позволяло Фукидиду ставить его в один ряд с древними логографами, вроде Гекатея Милетского или Гелланика из Митилены, которые полными руками черпали из сокровищницы древних мифов, простодушно смешивая мифологию с историей.

Во «Всемирной истории» Полибия излагается история эллинистических государств от 220 до 146 г. и история Рима с 220 по 168 г. до Р. Х.; при этом, в соответствии с названием книги, история классического мира сопряжена у него с историей других известных ему культурных народов, в частности, карфагенян. Грандиозный успех римской экспансии Полибий объясняет не даром судьбы, но преимуществами политического устройства Рима, превосходством его учреждений, его военного строя. Римское господство историк считает не бедствием, но благом для покоренных народов, потому что оно даровало им мир и порядок. Полибий был принципиальным сторонником аристократического правления, которое, как считает он, обеспечило Риму успех в завоевании Эллады, чьи полисы пришли в упадок и разложение вследствие преобладавшего в них демократического строя, неизбежным образом вырождающегося в анархию или тиранию.

Усматривая в исторических событиях проявление Судьбы, или Фатума, Полибий сосредотачивает внимание на анализе политических и социальных факторов исторического процесса. В то же время он убежден в большом влиянии на ход истории выдающихся деятелей, таких как Сципион Старший, Ганнибал или Персей, причем не только полководцев и правителей, но и скромного изобретателя и ученого, вроде Архимеда — создателя военной техники, задержавшей покорение Сицилии Римом. Полибий подкрепляет повествование изложением документальных источников, и при этом критически относится к ним. В своем труде он помещает речи политических деятелей сомнительной подлинности, но прибегает к этому приему гораздо сдержаннее и осторожнее, чем Фукидид. Из наблюдений над историей многих греческих полисов Полибий делает вывод, который потом повторили Вико, Данилевский и Шпенглер, — что каждое государство проходит в соответствии с природным порядком стадии рождения, роста, упадка, разложения и гибели.

Полибий первым употребил понятие «прагматическая история»; он считал, что ознакомление с событиями (праксис) прошлого призвано помочь правителям, политикам и полководцам избегать ошибок их предшественников.

Хотя творческий опыт написания всемирной истории первым предпринял Полибий, но на уровне компилятивного свода такую историю сумел составить Диодор Сицилийский, а время пощадило этот его труд — «Историческую библиотеку», в которой содержатся в синхроническом изложении важнейшие сведения из истории Греции, Рима и Востока. Предваряя научный подвиг Скалигера, Диодор попытался систематизировать хронологию, сопоставляя разные системы летосчисления: по архонтам, по олимпиадам. «Библиотека» сохранила для позднейших читателей сведения, содержащиеся в утраченных текстах других историков, на которых опирался Диодор, в том числе Полибия и его продолжателя Посидония, написавшего «Историю», в которой события, происходившие в Риме, включены в контекст истории эллинистической экумены.

На протяжении многих веков самой массовой популярностью из античных писателей пользовался Плутарх, уроженец беотийской Херонеи, учившийся в Афинах, не раз побывавший в Риме, при Адриане исполнявший должность прокуратора по управлению императорскими имениями в Ахайе. Исключительно

плодовитый писатель, он более всего знаменит как автор «Параллельных биографий». Это собрание жизнеописаний знаменитых правителей, политических деятелей и полководцев — греков и римлян, которые приводятся попарно: рядом с биографией грека помещается жизнеописание римлянина, потому что в их жизни и деятельности Плутарх часто обоснованно, иногда произвольно и искусственно обнаруживает сходство — параллели. Плутарх не стремился к научной акривии, его не особенно интересовала достоверность известных ему сведений из жизни описываемых им деятелей, он определенно склонен к идеализации своих героев, оставляя на заднем плане, в тени, их недостатки и пороки. Занимательность изложения и морализаторская направленность «Параллельных биографий» делают их скорее памятниками художественной прозы, чем историографии в собственном смысле слова, но их историческая ценность в том, что они содержат рассказы и о таких событиях и эпизодах, которые неизвестны из других источников. При этом однако остается вопрос, насколько можно доверять этим рассказам. По своим взглядам Плутарх был сторонником сложившегося в его время государственного строя — принципата, но в оценках исторических деятелей он отталкивался не столько от их политической позиции и роли, сколько от их нравственных качеств.

Младший современник Плутарха Флавий Арриан, уроженец азиатской Никомидии сделавший блестящую карьеру в императорском Риме, где он достиг консульства, потом в должности проконсула правивший в Каппадокии, написал блестящую биографию Александра Македонского под заимствованным у Ксенофонта названием «Анабасис», или «Поход Александра». Он несомненно опирался на не сохранившиеся источники, на письма полководца, которые копировались в царской канцелярии и дошли до него, на записки сподвижника Александра Птолемея Лага, ставшего царем Египта и основателем династии Лагидов, а также на тексты Аристобула и флотоводца Александра Македонского Неварха, критически сопоставляя противоречивые свидетельства современников великого полководца. Особое достоинство книги составляет блестящая эрудиция ее автора в географии и военном деле. «История Александра» написана увлекательно, драматично, и при этом без риторической напыщенности, достоверно и убедительно. Это был не единственный труд Арриана. Среди других его сочинений большую ценность представляют записанные им

«Беседы» философа Эпиктета и краткое изложение его учения под названием «Руководство» (Энхиридион).

Для истории древнего мира огромную ценность представляют труды, относящиеся к иной, смежной дисциплине — географии, прежде всего «Описание Эллады» Павсания и «География» Страбона, в которой содержится подробное, почти топографическое и при этом отличающееся изрядной точностью описание всего известного тогда мира, включая трансальпийскую Европу, Кавказ, Месопотамию, Египет с Ливией и Эфиопию. Особенно тщательно у Страбона отражена, конечно, география Греции, Малой Азии и Италии. «География» Страбона, помимо того, содержит колоритные и вполне достоверные этнографические характеристики и многочисленные исторические реминисценции.

События античной эпохи воспроизводились в многочисленных византийских хрониках и хронографах, охватывающих, по замыслу их составителей, всю историю мира от его сотворения до времени написания каждой из таких хроник. Одна из первых хроник принадлежит писателю VI столетия Гизехию Милетскому. Широкую известность приобрели хроники Иоанна Малалы, Иоанна Антиохийского, Георгия Синкела, Георгия Амартола, Симеона Магистра, Михаила Глики. В византийских хронографах центральное место занимают события священной истории, и общая мысль, пронизывающая их, заключается в том, чтобы усмотреть действие Промысла Божия в истории, в том числе и в истории языческой Греции. Из хроник, переведенных на славянский язык, грамотные люди древней Руси, — в основном это были монахи, — почерпали сведения о всемирной истории.

Среди таких хроник, написанных, в отличие от трудов тех византийских историков, кто рассказывал о событиях современных либо относительно недавних, всегда компилятивно и часто без какой бы то ни было попытки критического отношения к источникам и предшественникам, выделяется «Хроника» Иоанна Зонары, одного из трех великих канонистов Византии XII века. Труд Зонары отличается и относительной независимостью от предшественников в выборе источников, и критическим отношением к ним, и широким использованием сочинений античных историков, в том числе не дошедших до наших дней, благодаря чему в его «Хронике» помещены надежные сведения о событиях античной истории, не известных помимо него.

Отражения древнегреческой истории в средневековых западных хрониках представляет значительно меньший интерес. Да и самый интерес на Западе к эллинским древностям пробуждается только в эпоху гуманизма под влиянием эмигрантов из разрушенной Византии. На рубеже XIV — XV столетий в Италии и потом в других странах Европы вышли печатные издания подлинников и переводов греческих классиков, в том числе и исторические сочинения. В связи с этим начинают составляться и публиковаться издания справочного и комментирующего характера. Затем, уже в 1624 г., в голландском Лейдене вышел первый труд, специально посвященный греческим историкам — «*De historicis graecis libri IV*» Г. И. Фосса.

Для гуманистов и их последователей памятники античной литературы представлялись верхом совершенства, в такой же мере не подлежащими критической оценке, как Священное Писание для благочестивых христиан. Гуманисты безгранично доверяли достоверности исторических свидетельств, содержащихся в этих памятниках. При этом отсутствие критического подхода обнаруживалось и в области текстологии, так что научно-критическое отношение к наследию античности обнаруживается только на исходе XVII столетия — в 1699 г. У. Бентли опубликовал диссертацию, в которой доказал подложность писем, приписывавшихся Фемистоклу, Сократу и Еврипиду.

Для понимания духовного мира античности, самого типа ее культуры огромное значение имел труд, посвященный не истории Греции, а ее искусству, главным образом скульптуре. Это была «История искусства древности» гениального дилетанта Винкельмана, который буквально заворожил своих современников. Книга Винкельмана, несмотря на то, что она содержала ряд ошибочных заключений, неизбежных из-за недостатка археологических знаний его эпохи, стала надолго эталоном, которым руководствовались в суждениях не только об античном искусстве, но и о складе души человека античного мира.

Среди появившихся в XVIII веке научных трудов, посвященных античности, наиболее солидным была «История Греции» У. Митфорда. Митфорд был современником и, как и подобало добропорядочному англичанину, противником Великой французской революции; и в своей книге он на материале истории Афин и Спарты, устройство которой представил в несравненно более привлекательном виде, попытался проиллюстрировать

мысль о пагубности революций и переворотов, которые несут с собой бедствия и всеобщее разорение, но не в состоянии бывают радикально изменить исторически сложившийся политический строй, заменив его иным, не укорененным в народе или полисе, подвергшемся революционному смерчу.

Оппонентом Митфорда был Д. Грот, который увлекся исторической наукой, сделав ранее карьеру банкира и политика. В своей 12-томной «Истории Греции» (1846—1856 гг.) Грот, полемизируя с Митфордом, выступил с апологией демократических Афин. Грот стремится к строгой научности в исследовании архаического периода, и задавая тон исторической науке последующей эпохи, охваченной пафосом критицизма, обнаруживает крайне скептическое отношение к сюжетам древних мифов и исторических преданий, отраженных в гомеровских поэмах и греческих трагедиях, датируя начало достоверной истории Греции первой олимпиадой 766 г. до Р.Х. В изображении жизни древних Грот прибегает к модернизации, сближая экономический уклад, политическое устройство и нравы афинян с характерными чертами современного ему английского общества. В течение многих десятилетий труд Грота, переведенный на европейские языки, в том числе и на русский, являлся самой читаемой книгой по древнегреческой истории.

В первой половине XIX века крупнейшим историком античности в Германии был А. Бек, издатель выполненного на высоком критическом уровне многотомного «Свода греческих надписей» (*Corpus Inscriptionum graecorum*), из которого выросла современная эпиграфика, и 3-хтомной монографии «Государственное хозяйство афинян», посвященной теме, которая в ту пору оставалась вне поля зрения антиковедов, занимавшихся почти исключительно политической историей и искусством классической древности.

В середине XIX вышла «Греческая история» немецкого ученого Э. Курциуса, в которой, в отличие от работы Грота, акцент делается на истории греческой художественной культуры, представленной вслед за Винкельманом, как абсолютно совершенная норма и критерий для оценки художественных достижений других народов. Курциус более других античников уделял внимание влиянию географического фактора на историю народов.

Значительный вклад в изучение греческой истории внес И.Г. Дройзен, обратившийся к той эпохе, которая у его

предшественников, своего рода пуристов и апологетов классической периода — века Перикла, оставалась в тени и даже в пренебрежении. Дройзен написал «Историю Александра Македонского» и «Историю эллинизма». В своей исторической концепции он был последовательным гегельянцем, разделяя народы на исторические и неисторические. Исключительно важное значение он придавал влиянию великих деятелей на ход истории. Об Александре Македонском Дройзен пишет с едва ли не религиозным воодушевлением, видя в нем идеального политика и военачальника. Одна из резко выраженных тенденций Дройзена — противопоставление централизованной и героической Македонии с ее «офицерским» корпусом Греции, раздробленной на враждующие между собой миниатюрные полисы, для которых завоевание их Филиппом явилось спасительным благодеянием. За всем этим трудно не угадать волновавшую автора германскую современность: Пруссию, Бисмарка и преодоление германской раздробленности.

Дройзену принадлежит заслуга введения в научный оборот термина «эллинизм», основанного на распространенной в его время ошибочной интерпретации библейского этнонима «эллинисты», под которым подразумевали иудеев, говоривших на смешанном греко-еврейском языке, в действительности, конечно, никогда не существовавшем. И вот с легкой руки Дройзена эллинистической стали называть цивилизацию, представлявшую сплав эллинских и восточных начал. Несмотря на ошибочную этимологию, термин оказался исключительно живучим и очевидно удачным. В своей апологии эллинизма Дройзен доходил до парадоксального утверждения, что христианская религия стоит ближе к религиозной философии эллинистического мира, наследницей которого он ее считал, чем к Ветхому Завету.

Среди французских ученых XIX века самый значительный вклад в изучение античности внес Н. Д. Фюстель-де-Куланж, автор «Античного города» и ряда других трудов по истории древности. В центре интересов историка, в соответствии с общим тоном позитивистской эпохи, — не политическая история и тем более не деяния великих полководцев и государственных мужей, а жизнь народа. Но при этом, как считал Фюстель-де-Куланж, основу быта и экономического строя и греков, и римлян, как, впрочем, и остальных народов, составляют их религиозные верования. Ключ к пониманию внутренней истории Греции Фюстель

видит в эволюции религиозных идей и представлений греческого народа, а эта эволюция вела от культа предков чрез почитание богов — покровителей городов и народов к идее единобожия. Параллельно с этим происходила и трансформация общества от родового строя к полисному, затем к более крупным политическим образованиям, завершившаяся поглощением Греции единой мировой империей Рима.

В 1893—1902 гг. вышла многотомная «История греческой культуры» Я. Буркхардта, который не просто посвятил свое исследование истории греческого искусства, но и попытался в самом его стиле найти ключ к пониманию природы греческой цивилизации, своим акцентированным эстетизмом предвосхитив О. Шпенглера. По следам Буркхардта шел и русский ученый Ф. Ф. Зелинский, автор 4-томного труда под названием «Из жизни идей», в котором он основу политического устройства греческих полисов объяснял их религией и философией, господствовавшими в греческом обществе идеями.

Противоположным направлением характеризуется 3-томный труд его немецкого современника Ю. Белох «История Греции» (1893—1904), который охватывает период от истоков до 222 г. до Р.Х. Белох написал его во всеоружии современных ему статистических методов, дав исключительно информативный материал об экономической жизни архаической, классической и эллинистической эпох, причем не ограничиваясь, как это делали его предшественники, Афинами, Спартой и затем Македонией, но собрав и обобщив сведения, касающиеся всех греческих областей. Белох сумел убедительно скорректировать существовавшие ранее у историков греческого общества преувеличенные представления о распространении рабства в Элладе. Не лишен интереса и вывод историка о близости греческого экономического устройства с современным капиталистическим, поскольку и в греческих полисах широко использовался наемный труд.

Давая оценку историческим деятелям, Белох, вопреки сложившейся традиции, нашел в Фемистокле, а не в Перикле, того политика, кто заложил основы могущества Афин. В завоевании свободных полисов Македонией ученый видит не катастрофу, но завершение процесса национального объединения, весьма высоко оценив в связи с этим всемирную роль царя Филиппа II, при этом Демосфен выглядит у него как заскорузлый и упрямый сепаратист, не понимающий подлинных потребностей своего

народа. Последовательный позитивист, Ю. Белох обнаруживает гиперкритицизм по отношению к ранним источникам, так что даже столь очевидно присутствовавшее в исторической памяти греческого народа переселение дорян на Пелопоннес, основательно подкрепляемое археологическими данными, он не считал достоверным историческим фактом.

На рубеж XIX и XX веков приходятся труды еще одного немецкого антиковеда Э. Мейера, автора «Истории древности», в которой история греков представлена на фоне мировой истории, при этом особое внимание уделяется взаимоотношениям Эллады с Ближним Востоком. Э. Мейер — сторонник циклической концепции истории. Европейская история, считает он, прошла два цикла — один в античности, который включал в себя первобытную фазу, свое средневековье, свой капитализм и свою катастрофу, завершившуюся падением Западной Римской империи, и новый цикл, начавшийся с образования варварских королевств на развалинах Империи и затем повторивший вслед за древним миром те же фазы развития и упадка.

Крупнейшим русским антиковедом XIX столетия был М. С. Куторга, автор монографий и статей, посвященных истории Атики и в особенности Афин архаической и классической эпохи. В афинском полисе ученый видел высшую форму политического развития, которая выросла на греческой почве. Его труды были высоко оценены за пределами России и переводились на иностранные языки. Куторга явился основателем научной школы, из которой вышел ряд талантливых ученых.

Один из его выдающихся последователей Ф. Ф. Соколов стал основателем греческой эпиграфики в России, в свою очередь учеником Соколова был В. В. Латышев, область интересов которого составляла эпиграфика греческих, а также латинских надписей Причерноморья. Результатом его фундаментальных исследований явилось 3-томное «Собрание древних надписей Северного Причерноморья» (1885–1901), над которым ученый работал три десятилетия. Издание приобрело мировую известность. Эпиграфика Северного Причерноморья стала с тех пор дисциплиной, где бесспорный приоритет принадлежит русской науке. В начале XX столетия вышли труды С. А. Жебелева «Из истории Афин 229–31 гг. до Р. Х» и «Ахаика», в которых тщательно прослежены недостаточно изученные ранее перипетии из политической истории Атики и всей Греции эллинистической и римской эпохи. К числу

крупных русских антиковедов конца XIX и начала XX столетия принадлежали также В. П. Бузескул, Р. Ю. Виппер, М. М. Хвостов.

Самым выдающимся русским антиковедом XX столетия был М. И. Ростовцев. О широте его научных интересов говорит уже перечень наименований его работ: «Античная декоративная живопись на юге России», вышедшая в 2-х томах в Петербурге в 1914 г., «Эллинство и иранство на юге России» (1918), «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических» (1925), и написанная уже в эмиграции и опубликованная в Оксфорде в 1941 г. на английском языке 3-томная «Социальная и экономическая история эллинистического мира». Этот труд представляет собой до сих пор непревзойденное по широте охвата, по колоссальному объему обработанного материала и глубине анализа исследование экономики и социальной жизни эллинистического общества. Подобно тем историкам, кто был очевидцем Великой французской революции, М. И. Ростовцев, переживший еще более разрушительную революцию в России, считал многочисленные перевороты, которые испытали полисы древней Греции, настоящим бичом для ее экономики и культуры. Исследуя экономическую структуру эллинистического мира, ученый находит в ней многие элементы капитализма, обнаруживая в греческом обществе буржуазию и пролетариат. Наемный труд в хозяйстве античного мира занимал, по его наблюдениям, несравненно более важное место, чем труд принудительный, рабский.

В Советском Союзе историческая наука находилась под давлением идеологического диктата; по меньшей мере с начала 1930-х гг. ученые обязаны были сопрягать свои характеристики и выводы с марксистской доктриной, а часто также с последними идеологическими установками режима. Тем не менее и в эту эпоху русское антиковедение, отдавая, вольно или невольно, дань идеологическим штампам, не осталось бесплодным. Официальная концепция заключалась в утверждении рабовладельческого характера античного общества, в интерпретации политической истории Греции и Рима чрез призму классовой борьбы рабовладельцев и рабов. С этой концепцией не могли не считаться историки, они не могли не воспроизводить ее в своих публикуемых работах. И все же им удавалось оставаться подлинными учеными, которые устанавливали не известные ранее исторические факты, в особенности что касается археологии Северного

Причерноморья, но также и других тем, в частности экономической истории античного мира, в которой, с одной стороны, идеологическая предвзятость была более жесткой, чем в истории культуры или искусства, но, с другой — ввиду того, что соответствующая проблематика ставилась во главу угла и тщательное углубление в нее официально поощрялось — в этой области открывалась возможность для серьезных исследований и наблюдений эмпирического характера.

Блестящими знатоками античного мира были такие советские историки, как А. И. Тюменев, автор «Истории древних рабовладельческих обществ» (1934), С. Я. Лурье, С. И. Ковалев, В. С. Сергеев, написавший многократно переиздававшийся учебный курс «Истории Древней Греции», присутствие в котором марксистских штампов не лишает его ни научных, ни дидактических, ни литературных качеств, поскольку это труд великолепного эрудита и мастера слова.

В послевоенные годы в России появились такие солидные монографии, как «Эллинизм и его историческая роль» А. Б. Рановича и «Римские провинции Балканского полуострова» О. В. Кудрявцева. В наше время одним из видных специалистов по истории Древней Греции является В. И. Кузищин. Значительный вклад в изучение периферии античного мира внесли русские скифологи и сарматологи, специалисты по Северному Причерноморью, опиравшиеся на классические исследования в этой области М. И. Ростовцева: М. И. Артамонов, Т. В. Блаватская, Б. Н. Граков, И. И. Толстой, Д. С. Раевский, К. Ф. Смирнов.

Одну из вершин мировой гуманитарной науки представляет многотомный труд великого русского философа А. Ф. Лосева, посвященный истории античной религии, философии, искусства и культуры, который назван им «Историей античной эстетики». Если позволительно говорить о подвиге ученого, то самым поразительным в истории науки подвигом явилось создание этого труда, написанного полуслепым, а потом и вовсе ослепшим ученым и религиозным мыслителем, пережившим публичную травлю, лагеря, изоляцию и забвение, которому однако Господь судил редкое долголетие и сохранение творческих сил до конца земной жизни.

Этот труд для Лосева был, очевидно, вынужденным занятием — публиковать оригинальные философские труды, не сопряженные с марксизмом, в 1930-х гг. стало уже невозможно,

а писать — смертельно опасно, в особенности для бывшего узника. И ссылки на Маркса, и даже реверансы в его сторону, которые он делал, может быть не всегда только ритуально, поскольку и Лосеву, не меньше, чем Марксу, претили всякие проявления буржуазности, не могли помочь ему активно существовать в мире чистой философии, в которой его достижения силой и виртуозностью мысли превосходят созданное другими отечественными философами. Тем не менее «История античной эстетики» по полноте исследованного материала, связанного, главным образом, с философским наследием античности, по глубине, неотразимой убедительности и тонкости анализа идей, отраженных в греческих и римских памятниках разных эпох, наконец, даже по исчерпывающей полноте учтенной в этом труде литературы, действительно не знает себе равных в мировой науке. Это исследование выполнено мыслителем, который в самом деле был равным тем, о ком он писал. Равным, но не конгениальным. Никто до Лосева не смог так глубоко проникнуть в тайну античного мировосприятия, и этой открытой им тайной был пантеизм, который по-разному выразился и в народной религии, и в философских построениях самых разных систем: в материализме Демокрита, в идеализме Платона и неоплатоников, у Пифагора и Аристотеля, — пантеизм, иными словами, обожествление природы; а значит, в этой системе идей нет места ни личному Богу, ни человеческой личности. И Бог, и человек для древних — это только субстанции, сущности. На языческий пантеизм древних Лосев смотрит глазами христианина, чрез призму творений святых отцов, и видит за ним древнее заблуждение падшего человека, поклонившегося твари вместо Творца.

В XX веке не только в Советском Союзе, но и на Западе исключительно важное значение придавалось экономическому фактору эволюции древнегреческого общества. Один из наиболее солидных трудов, вышедших в канун Второй мировой войны, принадлежит английскому ученому Х. Митчелу, он так и озаглавлен — «Экономика Греции». Митчел, в противоположность Ю. Белоху или М. М. Ростовцеву, которые проводили смелые параллели между античным и современным обществом, подчеркивает примитивный характер греческой экономики. При этом историк опирается на весьма представительный статистический материал.

Концептуально Митчелу близок его младший современник М. Финли, который также принципиально противопоставлял свои оценки модернизаторским идеям. Финли исследовал разные аспекты жизни античного общества — его политическую и социальную историю, аграрную экономику, историю рабства. В своем важнейшем труде — «Античной экономике» (1973) — он делает вывод о преобладании в античном обществе натурально-го, а не товарного хозяйства, в связи с чем к экономике древних, считает историк, неуместно применять такие понятия, характеризующие капиталистическую экономику, как спрос, предложение, капиталовложение, прибыль.

В своей «Истории Древней Греции» профессор из Кембриджа Н. Хаммонд радикально порывает с гиперкритической традицией позитивизма и обнаруживает продуктивное доверие к тем сведениям по ранней истории Эллады, которые содержатся в гомеровских поэмах и в мифах, составивших сюжеты греческих трагедий, считая их либо вполне достоверными, либо подвергшимися поэтическим искажениям, но при этом не утратившими исторической основы, которую он и пытается реконструировать.

В 1980–1990-е гг. появился ряд работ, посвященных проблематике, которая в прошлом либо вовсе не затрагивалась, либо оставалась на периферии научных интересов, в частности, вопросам географии, экологии и демографии античного общества. В этой связи уместно назвать монографию Дж. Тергуда «Человек и средиземноморский лес» (1981), исследование датского историка М. Хансена «Демография и демократия» (1986 г), книгу П. Гарнси «Голод и производство продовольствия в греко-римском мире», работу Г. Коэна «Эллинистические поселения в Европе, на островах и в Малой Азии» (1995).

Проблемами античной историографии, и глубже и шире, разными типами восприятия исторического времени в древности, а также в последующие эпохи занимается французский историк Ф. Артог, продолжающий традиции школы «Анналов», автор таких монографий как «Зеркало Геродота» (1980), «Память Одиссея» (1996), «XIX век и история. Случай Фюстеля де Куланжа» (2001), «Режимы историчности. Презентизм и эксперименты со временем» (2003).

К числу крупных ученых XX века, посвятивших свои исследования истории Древней Греции, принадлежат У. Вилькен, У. Уэстерман, Й. Фогт, Дж. Хаксли, Х. Хабиخت, Г. Шефер, Ж. Валле,

Д. Джианелли, Д. Карателли. Выдающимся специалистом по истории искусства эллинистического мира, в особенности его восточного ареала, был французский археолог Д. Шлюмберже.

Характерная черта науки XX века — создание многотомных коллективных трудов, в том числе и по истории целых народов, эпох и цивилизаций. Классическими примерами таких изданий являются «Всеобщая история» в 13 книгах, выполненная под редакцией Г. Глотца (1923–1938), где истории Древней Греции посвящены 4 тома, и 12-томная «Кембриджская древняя история», (1930–1937), в которой история Эллады, включая эллинистическую эпоху, излагается в томах от 2-го до 8-го. Неизбежный недостаток подобных коллективных трудов — это отсутствие в них единой концепции. Профессионалу отражение в разных главах подобного свода противоречивых подходов не мешает адекватно воспринимать материал, но для читателя из более широкого круга, которому подобные труды по преимуществу и бывают адресованы, комфортнее и, может быть, полезнее иметь дело с единой авторской концепцией, с тем чтобы иные подходы и оценки присутствовали вне основного пространства текста — маргинально, в виде ссылок и отсылок, полемических, но при этом добросовестных характеристик отвергаемых позиций.

Одну из форм существования современной науки представляют научные конференции, материалы которых публикуются. Так, по материалам международных конференций по проблемам Великой Греции, которые ежегодно проводятся в итальянском городе Таренте — в прошлом одной из главных греческих колоний на Апеннингах, в 1985–1990 гг. было под редакцией П. Карателли осуществлено 4-томное издание «Великая Греция», содержащее ценные публикации по истории эллинских колоний в Италии.

4. *Историография древнего Рима*

История Рима отражена в трудах упоминавшихся выше греческих историков Полибия, Посидония и Диодора Сицилийского. При этом в сохранившихся частях «Всеобщей истории» Полибия воспроизведены события, относящиеся к эпохе Пунических войн (264–146 гг. до Р.Х.). В «Истории» Посидония история Рима представлена только в контексте его взаимоотношений с эллинистическими городами. В сохранившихся фрагментах «Исторической библиотеки» Диодора излагаются полулегендарные сюжеты римской архаики (V–IV веков) и события, приходящиеся

на рубеж I–II столетий до Р. Х. Удивительно точные сведения по географии, этнографии и отчасти истории Рима содержатся в «Географии» Страбона. Наконец, «Параллельные биографии» Плутарха имеют не меньшее отношение к римской истории, чем к греческой. Для ранней эпохи особенно важны составленные Плутархом полулегендарные биографии Ромула, Нумы Помпилия, Кориолана, Камилла. Настоящими литературными шедеврами являются написанные Плутархом жизнеописания Суллы, Мария, Цезаря, Цицерона.

Специально римской истории посвящены написанные по-гречески и гекзаметром «Анналы» участника Второй Пунической войны грека Квинта Энния, охватывающие римскую историю от переселения троянца Энея в Италию до последних событий, свидетелем которых был сам поэт. Из этой грандиозной по размерам поэмы сохранилось 600 стихотворных строк. Первой прозаической историей Рима, написанной также на греческом языке, была не сохранившаяся «Хроника» современника Энния сенатора Квинта Фабия Пиктора — консула и великого понтифика, которого в историографии принято называть анналистом, потому что в его сочинении события описываются погодно. Повествование Фабия Пиктора начинается с появления в Италии троянца Энея и заканчивается рассказом о Второй Пунической войне. Фабий пользовался как греческими, так и латинскими источниками — фастами и анналами. В свою очередь из «Хроники» Фабия черпал материал классик римской историографии Тит Ливий. К числу старших анналистов принадлежал еще один грекоязычный автор Луций Цинций Алимент, «Летопись» которого утрачена.

Исключительно римской истории посвящены «Римские древности» греческого писателя, переселившегося в Рим в 30 г. до Р. Х., Дионисия Галикарнасского. 9 книг из них, сохранившихся полностью, относятся к древнейшему периоду, до 442 г.; из остальных книг остались только фрагменты. Дионисий, в соответствии с очевидными лингвистическими данными, настаивает на родственной связи греческого и латинского народа, которой он объясняет значительное сходство политических институтов Рима и эллинских полисов. Источниками Дионисию, указанными им самим, служили греческие историки, старшие и младшие римские анналисты, вероятно, также его современник Ливий, с которым он в разных местах своего сочинения вступает в полемику, нигде не называя его по имени.

Во втором столетии от Р.Х. появилась написанная по-гречески «Римская история» Диона Кассия в 80 книгах; она начинается с рассказа о беглеце из Трои Энее и заканчивается 229 г. от Р.Х. Лучше всего сохранились те ее части, которые относятся к гражданским войнам середины и второй половины I века до Р.Х., завершившиеся утверждением принципата. Последние книги, от 61-й до 80-й, известны по их сокращенному изложению, выполненному в XI веке Ксифилином, и по извлечениям из них в «Хронике» Зонары. У Диона не было продуманной концепции исторического процесса. По большей части, считал он, причины исторических событий непостижимы человеческому разуму, за ними стоит Судьба. Богине Судьбы, явившейся автору во сне, он благодарен за самое решение приступить к труду, она же обещала ему бессмертие его сочинений. У Диона вообще особый вкус к знаменательным и чудесным явлениям. Свои политические идеи он выразил речью, вложенной в уста Мецената, который советует Августу учредить монархию, с тем однако, чтобы император избирался сенатом. Достоверность всех вообще речей исторических деятелей у Диона, как, впрочем, и у других античных историков, сомнительна. Продолжателем Диона Кассия был сирийский грек Геродион, который описал события, происходившие от смерти императора Марка Аврелия до 238 г.

Современником Диона был александрийский грек Аппиан, «Римская история» которого построена не хронологически или анналистически, а по тематическому принципу, с выделением книг, посвященных отдельным территориям и народам и войнам Рима: «О войнах с самнитами», «Война с Ганнибалом», «Сирийские дела», «Митридатовы войны». Вторая часть «Римской истории» в том виде, в каком она дошла до нас, посвящена «Гражданским войнам», начиная с эпохи Гракхов и до середины 30-х гг. I столетия до Р.Х. Сам Аппиан довел свою «Историю» до эпохи Траяна. Труд Аппиана отличается особой достоверностью, документальной обоснованностью излагаемого материала, критическим отношением к источникам, которые он нередко и обоснованно поправляет и уточняет, необычным для античных писателей вниманием к экономической и социальной проблематике: одной из пружин затянувшихся гражданских войн историк считал борьбу за собственность на землю. Несмотря на свое греческое и александрийское происхождение, Аппиан был римским патриотом и в расширении римской империи видел несомненное

благо. Почитатель Цезаря, он считал его убийство преступлением, а возмездие погубившим его заговорщикам справедливой карой.

События, происходившие в Римской империи в эпоху Флави-ев, отражены в «Иудейской войне» грекоязычного еврея Иосифа Флавия, хотя, как это видно уже из названия его хрестоматийной книги, эпицентром ее является дальняя периферия Империи — Палестина. Что особенно драгоценно, в другой своей книге — в «Иудейских древностях», из-за которой он был назван еврейским Титом Ливием, Иосиф Флавий, оставшийся фарисеем и после того, как под впечатлением разрушения Иерусалима под сокрушительным ударом мировой военной державы стал апологетом Рима, так что даже принял фамильное имя императора, не утаил событие, которое стало осью мировой истории — распятие Иисуса Христа, и написал о Нем без фарисейской недоброжелательности, но с благоговением: «Около этого времени жил Иисус, Человек мудрый, если Его вообще можно назвать Человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к Себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любил Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по Его имени» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2. М., 1994, с. 218—219). Сам Иосиф христианином не стал, что породило ныне окончательно развенчанные позднейшие подозрения в том, что это место в «Иудейских древностях» — христианская интерполяция.

В III столетии сирийцем Геродианом были на греческом языке написаны «Восемь книг истории от смерти божественного Марка», которые охватывают историю Рима от кончины императора Марка Аврелия до смерти Максимиана. Несмотря на напыщенно риторический стиль и отсутствие у автора аналитического дара, этот труд ценен свои фактографическим материалом.

Латинская историография Италии и Рима начинается с «Анналов», или летописей — кратких погодных записей о важнейших политических событиях, природных катаклизмах, необычных явлениях, которым давалась религиозная интерпретация. Эти записи присоединялись к именам консулов-эпонимов. «Анналы»

велись понтификальной коллегией в календарных целях, вероятно, уже с середины V столетия до Р.Х. С 320 г. эти записи помещались по указанию великого понтифика на белых досках в Регии на Форуме, где была его резиденция. Дополнениями к «Анналам» служили «Комментарии» понтификов, включавшие предписания богослужебного характера. Большая часть древних «Анналов» и «Комментариев», по свидетельству Ливия, погибла в пожаре Рима при его завоевании галлами. Но их оставшаяся часть послужила верховному понтифику Публию Муцию Сцеволе материалом для составления и издания около 130 г. до Р.Х. свода «Великих анналов» (*Annales maximi*) в 80 книгах, из которых до нас дошел лишь отрывок в виде цитаты у позднего римского автора. Достоверные сведения в «Больших анналах» соседствуют с фальсификациями, более или менее выявленными наукой нового времени.

Параллельно с анналами составлялись консульские фасты (списки консулов), названные так в связи с римским календарем, который велся по именам консулов (летоисчисление «от основания Рима» — это всего лишь кабинетное изобретение римских антикваров I века до Р.Х.) и в котором указывались *dies fasti* — дни, в которые можно было созывать народные собрания и творить суд, и *dies nefasti*, когда по религиозным причинам запрещалось совершать какие бы то ни было государственные акты. В Риме велись также другие списки магистратов — *libri magistratorum*, которые хранились в храме Юноны Монеты. Сами фасты, списки магистратов, до нас не дошли, но на основании трудов римских историков и отчасти также по эпиграфическим материалам они известны начиная с самого основания республики в 510 г. до Р.Х., однако достоверность этих списков до 364 г. вызывает вопросы, поскольку задним числом в консульские фасты вносились интерполяции, главным образом, из-за стремления влиятельных персон позднейшего времени обрести знатных предков из круга высших магистратов. После Сцеволы составление погодных анналов прекратилось.

Первую связную прозаическую историю Рима на латинском языке под названием «*Origines*» («Начала») составил Марк Катон Старший. Свое повествование он начинает с изложения греческих и местных преданий об основании Рима и завершает 149 г. — годом своей смерти. Из 7 книг «Начал» до нас дошли лишь отрывки. Катон был первым из старших анналистов, писавших на латинском языке. Его современниками были Луций Кассий Гемин

и Гней Гелий, хроники которых совершенно утрачены, в виде многочисленных цитат сохранились отрывки из «Хроники» Луция Кальпурния Пизона, цензора 120 г.

Историки первой половины I столетия до Р. Х.: Квинта Клавдия Квадригария, Гая Лициния Макра, Валерия Анциата, Элия Туберона — принято называть младшими анналистами. Источниками для них, помимо анналов и фастов, служили также элоги, похвальные записи в честь выдающихся деятелей, составлявшиеся после их смерти, а также *laudationes* — похвальные речи, которые произносились при погребении знаменитых покойников и потом записывались. Младшие анналисты испытали влияние греческой риторики. На свои труды они смотрели не как на добросовестную хронику событий, но, в отличие от старших анналистов, как на изящную литературу, построенную на историческом материале. Отсюда и их стремление к занимательности повествования, к драматическому эффекту, к фантастическим преувеличениям. Вольность в обращении с историческими фактами доходила не только до сочинения вымышленных речей исторических деятелей (подобные речи — родовая черта всей почти античной историографии), но даже до придуманных персонажей. Цицерон не высоко оценил надежность младших анналистов: «История нашего прошлого, — писал он, — наполнилась ошибками; в нее включены были события, которых никогда не было: воображаемые триумфы, многочисленные консулаты, ложные известия о патрицианских родах, ставших плебейскими» (цит. по: Н. А. Машкин. История Древнего Рима. М., 2006, с. 14). От всей этой литературы уцелели крохи, но ее влияние на классиков позднейшей римской и греческой историографии ощутимо. Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский и Плутарх заимствовали у младших анналистов сведения сомнительной достоверности.

Несравненно ценнее сочинение Терренция Варрона «*Antiquitates rerum humanarum et divinarum*» («Древности дел божеских и человеческих»), сохранившееся в отрывках. Это не история в собственном смысле слова, но сочинение энциклопедического и антикварного характера, в котором содержится множество сведений из ранней истории Рима. Особый интерес Варрон проявлял к хронологии, основание Рима он датировал третьим годом 6-олимпиады по греческому летосчислению, что приходится на 754–753 гг. до Р. Х. Для реконструкции римской

истории значительный интерес представляют и другие труды этого разностороннего эрудита, в особенности его частично сохранившийся трактат «О латинском языке».

Многочисленные и вполне достоверные с фактической стороны, хотя и часто тенденциозно интерпретируемые сведения о римском обществе содержатся в сочинениях Марка Туллия Цицерона, в особенности в трактатах «О законах» и «О государстве». В его речах против Катилины и против Верреса присутствуют как исторические реминисценции, так и свидетельства о бурной современности, принадлежащие однако не стороннему наблюдателю, но вовлеченному и пристрастному участнику отраженных в этих текстах событий.

Гай Юлий Цезарь также был прямым и главным участником событий, описанных им в его удивительно лаконичных, содержательных и стилистически блестящих ввиду отсутствия всякой риторики «Записках» «о галльской» и «о гражданской войне»; и это ценнейшие тексты по политической истории Рима, по истории и этнографии древней Галлии и Германии. При своей несомненной тенденциозности эти мемуары производят однако на читателя впечатление не автоапологии, а документа, подлинность которого засвидетельствована нотариусом. Уже чрез это качество его сочинений приоткрывается тайна магнетического воздействия Цезаря на современников.

Собственно историческими трудами были книги Гая Саллюстия «Заговор Катилины», «Югуртинская война» и сохранившаяся во фрагментах «История», посвященная гражданским войнам рубежа II и I столетий до Р. Х. Сам участник гражданской войны на стороне Цезаря, назначенный им проконсулом Нумидии и колоссально нажившийся на управлении этой провинцией, а затем затративший большие средства на сооружение великолепных садов в Риме, Саллюстий после убийства своего покровителя отошел от политики и в основном занимался литературной деятельностью. В своих исторических трудах он остается последовательным цезарианцем, проводит антисенатскую тенденцию, выражая демократические настроения популяров, к партии которых принадлежал и сам Саллюстий и Цезарь, обвиняя в бедствиях, обрушившихся на Италию, деградировавший нобилитет и идеализируя далекое прошлое царского Рима. Саллюстий подражал Цезарю стилем своих сочинений, писал сжато, энергично, избегая многословия и риторических изысков,

умея давать выразительные, меткие характеристики историческим деятелям, попавшим в поле его зрения.

Классика римской историографии — знаменитая «История Рима от основания города» («*Ab urbe condita libri*») уроженца Падуи (древней Патавии) Тита Ливия, написанная в 142 книгах, из которых сохранилось только 35; и они охватывают события от основания Рима до 293 г., и затем от 219 до 167 г. до Р.Х. Это самый полный из дошедших до нас сводов древнеримской истории, составленных в самом Риме. «История» Ливия написана пером прямолинейного и потому не лишенного наивности, предельно искреннего патриота и одновременно завязтого республиканца, хотя писалась она в золотой век Августа, когда за республиканской номенклатурой принципата проступали отчетливые черты единоличного правления. Сам Август называл Ливия помпейцем, но не притеснял его и даже покровительствовал ему, возможно потому, что этот профессиональный ритор и литератор на государственной службе никогда не состоял и реальной политикой не занимался. К тому же республиканцем своего рода был и сам Август, а пиетет перед славной историей Рима составлял одну из основ идеологической программы созданного им принципата.

«История» Ливия на века стала классической книгой в самом собственном смысле слова, потому что именно она составляла основу преподавания истории в гимназических классах вплоть до конца XIX века. В эпоху господства в исторической науке позитивизма и гиперкритицизма Тит Ливий подвергнут был тотальной дискредитации. В «Истории Рима» Моммзена совершенно игнорируются многочисленные сведения, приводимые Ливием, в особенности из ранней эпохи Рима, — и совершенно напрасно. Ливий не был только ритором, который развлекал и патристически воспитывал читателя героическими легендами, каким представило его расхожее научное мнение конца XIX столетия, но писателем, сохранившим в своей действительно насыщенной риторикой и сочиненными речами исторических деятелей книге много достоверных сведений из ранней истории Рима, которые были подтверждены новейшими результатами археологических, лингвистических, эпиграфических исследований. В основе его «Истории» лежат не сохранившиеся материалы из «Великих annales», опубликованных около 130 г. до Р.Х. великим понтификом Публием Муцием Сцеволой, «Хроника» Фабия Пиктора, а также «Всеобщая история» Полибия — иногда Ливий простодушно

пересказывает греческого историка, и это наиболее надежные с точки зрения фактографии места его блестяще написанной монументальной компиляции.

Основатель принципата Август в 14 г. от Р. Х. составил свою автобиографию, которая после его смерти была выгравирована на бронзе, снабжена названием «Деяния божественного Августа» («*Res gestae divi Augusti*») и установлена перед его мавзолеем, а также в других местах — в Риме и в провинции на стенах храмов в честь богини Ромы и самого посмертно обожествленного императора. Этот монументальный памятник был обнаружен в Анкаре в 1555 г. и оттого получил название «*Monumentum Ancyranum*». В нем Август рассказывает о своих важнейших государственных деяниях, причем вполне достоверно, без фальсификаций, но он продуманно выбирает события, представляет их в надлежащем свете, так что в результате создается образ мудрого и успешного правителя, каким он, впрочем, и был в действительности. «Анкийский монумент» содержит в себе также своего рода политическую программу, изложение тех оснований, на которых строится созданная Августом новая система республиканского правления в виде принципата.

Кратким изложением истории Рима от основания до 30 г. от Р. Х стал труд, написанный Веллеем Патеркулом со столь же патриотических позиций, как и «История» Ливия, но уже не республиканцем, а апологетом принципата, причем идеальным правителем у него предстает его современник Тиберий. Неприкрытая лесть правящему принцепсу писателя не смущала, читателя она способна раздражать, но в то же время, ввиду того, что другие историки, и прежде всего самый влиятельный из них Тацит, представили Тиберия в крайне негативном свете, труд панегириста может до известной степени сбалансировать представление об этом историческом деятеле.

Корнелию Тациту, выходцу из италийской всаднической семьи, в 87 г., при императоре Нерве, его коллеге по консулату, принадлежат историографические шедевры — «История» и «Анналы». В «Анналах», из 18 книг которых утрачено более 6, отражена история Рима от смерти Августа до падения Нерона, а в «Истории», состоявшей из 12 книг, из которых уцелели 4 первые и часть 5-й, — гражданская война 68 г. и начало правления Веспасиана, так что Тацит, современник Флавиев, доживший до Адриана, писал по живым следам событий. Это был великий писатель,

блестящий стилист, увлекательный рассказчик, завораживающий своим повествованием воображение читателя. Но он был крайне пристрастным автором, исполненным ностальгии по падшей олигархической республике и гневным неприятием мизерной в его глазах современности, заполненной низкими интригами, коварством и предельной неразборчивостью средств в борьбе придворных клик и рептильных сенатских партий, деспотического произвола кровожадных императоров.

Тацит — писатель-моралист, обличитель упадка нравов римского общества, но его мораль — это совсем не то, что стало считаться моралью в христианском мире. Так, один из крайне печальных примеров нравственной деградации общества он усмотрел в том, что после убийства господина его рабом не были казнены, как это делалось в добрые старые времена во исполнение справедливого закона, все рабы убитого рабовладельца. Нравственность нравственности рознь, поэтому столь своеобразная по нашим представлениям обличительная сентенция Тацита по поводу этого происшествия не ставит под вопрос искренность его морального негодования по поводу описываемых им событий и общественных нравов, сообщающего особую энергию его словам, дышащим гневной страстью, которую он умеет сдерживать, не переходя нигде в истерику или пустую и напыщенную риторику.

Знаменитый Моммзен не высоко ставил Тацита как историка, считая, что он писал не о том, о чем следовало писать. Но Тацит писал не на заказ ученой корпорации XIX столетия, так что у него, действительно, мало сведений об административных и политических институтах, об экономике Римской империи, о ее социальной структуре. Но что есть, то есть, а чего нет, того и не могло быть у писателя II века от Р.Х. Тацит — блестящий мастер психологического портрета, но начертанные его пером портреты правителей Рима — Тиберия или Нерона и их гнусных приспешников вроде Сеяна или Тигеллина писались с жгучей ненавистью, подобной той, которая вдохновляла Данте на создание фигур, осужденных им на вечное пребывание в глубинах ада, и это при том, что сам Тацит провозглашал своим литературным девизом писать *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Писатель рассказывает о хорошо известных ему действительных событиях, он не искажает факты, но выделяет и комбинирует их с такой изобретательной и беспардонной ловкостью, что ему удается

деформировать реальную историю, при этом наивный читатель, захваченный самым неподдельным жгучим пафосом автора, легко способен подчиняться ему и с полным доверием принимать его крайне односторонние оценки. Но, как остроумно заметил русский романист С. И. Ковалев, «уже априори кажется невероятным, что римское государство могло в течение многих лет существовать под властью безумцев. С другой стороны, этому противоречат факты (часто сообщаемые тем же Тацитом), говорящие о многих разумных мероприятиях тех людей, место которым было только в больнице. Как могло такое случиться? Очевидно, великий римский историк был крайне субъективен» (С. И. Ковалев. История Рима. М. — СПб., 2006, с. 555).

О том, насколько несправедлив мог быть этот темпераментный писатель, выразительно говорит то обстоятельство, что, не доверяя слухам о поджоге Рима христианами, он злорадствует по поводу учиненного над ними массового избиения, сопровождаемого неслыханными зверствами, только потому, что ему несимпатична их карикатурно представленная им вера во Христа. Похоже, в расправах над христианами он находит единственное деяние Нерона, заслуживающее похвалы. С нескрываемым отвращением пишет Тацит и о евреях, религия которых, по его убеждению, исполненная всяческих суеверий, побуждает их отделяться от всех иных народов.

Уникальные сведения этнографического характера о древних германцах содержатся в Тацитовской «Германии», которая, при сопоставлении ее с «Записками» Цезаря «О галльской войне» позволяет проследить эволюцию германских племен за полтора столетия. Но пристрастность Тацита сказывается и на этой книге, проявляясь в идеализации патриархальных варваров, строгие и чистые нравы которых он противопоставляет декадентской морали развращенных римлян императорской эпохи. Тацит написал также биографию своего тестя Юлия Агриколы, который был наместником в Британии, и в этом «Жизнеописании» много редких и потому особенно ценных сведений о быте и нравах кельтских племен Британии.

Младшим современником Тацита был Гай Светоний Транквилл, автор знаменитой «Жизни Двенадцати Цезарей», — от «божественного Юлия» до Домициана, лишённого атрибута «божественности». Материалы, содержащиеся в этих биографиях, с избытком оправдывают морализаторский и обличительный

пафос Тацита, но сам Светоний, чуждый всякого ригоризма, его вовсе не разделяет. Он литератор чистой воды, и литератор поверхностный, который самые жуткие истории и самые гнусные нравы своих героев воспроизводит как забавные анекдоты, призванные развлечь, а часто просто посмешить читателя. Но в любом случае Светоний написал книгу, насыщенную множеством исторических персонажей, масштабных и заурядных событий, характерных реалий эпохи Юлиев и Флавиев. Читатель Светония обретает возможность соприкоснуться с подлинной жизнью императорского двора, с атмосферой, царившей в римских легионах, с бытом и нравами римлян разных сословий, с самим воздухом императорского Рима.

Ценные сведения по истории Рима рубежа I и II столетий сохранились в письмах консула 100 г. и потом правителя Вифинии Гая Плиния Младшего, адресованных императору Траяну и своим друзьям. В этих письмах много достоверных сведений об имперской столице и о провинциальной жизни. Из них мы почерпаем ясное представление о положении христиан во времена Траяна и в правление Домициана, о юридическом обосновании гонений и о порядке судебного разбирательства дел по обвинению в исповедании Христа.

Уже в иную эпоху, в конце IV столетия, вышли «Деяния» писавшего на латинском языке антиохийского грека Аммиана Марцеллина, приближенного императора Юлиана Отступника. Подражая Тациту, Аммиан написал продолжение его «Истории», начав повествование с правления Нервы и завершив его 378 г. Первые 13 книг «Деяний» утрачены, но и сохранившиеся книги исключительно информативны, в особенности, когда Аммиан описывает события, участником или свидетелем которых он был, а он в качестве legionera участвовал в войнах против алеманов и персов. В сочинении чувствуется хороший знаток военного дела. Помимо рассказа о войнах и политических событий, его труд содержит множество сведений географического и этнографического характера. Ученик Тацита, Аммиан обнаруживает особо пристальный интерес к характеристике личных качеств портретируемых им императоров, стремится проникнуть в их внутреннюю жизнь, понять психологические мотивы их действий. В эпоху христианизации Империи Аммиан остался язычником, но о христианах и о христианской Церкви он высказывался с уважением. Идеализируя Юлиана Отступника как высоко

эрудированного и мужественного человека, он в то же время укоряет его за религиозную нетерпимость к христианам.

Одним из выдающихся христианских писателей первой половины IV века был писавший на греческом языке Евсевий Кесарийский, который заслужил имя отца церковной истории. Ему действительно принадлежит первый из сохранившихся трудов по истории Церкви, основанный на утраченных трудах предшественников, на живых воспоминаниях его старших современников, на его собственном опыте участия в церковной жизни с конца III столетия. Евсевий, работая над «Церковной историей», пользовался книгами и документами, которые хранились в крупных церковных библиотеках его времени и в императорском архиве, опирался, в частности, на утраченный церковно-исторический труд Егезиппа. «Церковная история» Евсевия исключительно достоверная книга; она знакомит читателя с важнейшими церковными событиями от эпохи Мужей Апостольских, из которых особенно полно и ярко охарактеризован священномученик Поликарп Смирнский, до 324 г. — кануна Никейского Собора. Евсевий был плодовитым писателем, автором многих разнотемных сочинений. Среди них для исторической науки особую ценность представляет «Жизнь царя Константина», к которому Евсевий был приближен, и посвященный ему панегирик. В жизнеописании равноапостольного Императора много эпизодов, не известных из других источников.

Евсевий написал также «Хронику», в которой содержится пересказ событий всемирной истории от сотворения мира до 20-го года царствования святого Константина; в ее написании он опирался на утраченный труд александрийского пресвитера III века Секста Юлия Африкана, в котором излагается всемирная история от сотворения мира до 221 г. Подлинный текст «Хроники» Евсевия также не сохранился, но в 1792 г. был найден ее перевод с греческого на древнеармянский язык. А ранее она была известна только по ее изложению у блаженного Иеронима, создателя латинской Библии — «Вульгаты». «Хроника» Иеронима, действительно в значительной своей части представляет перевод Евсевия Кесарийского, но она становится вполне самостоятельной в заключительном разделе, посвященном событиям церковной и политической истории от 325 до 378 г.

Продолжателями Евсевия в области церковной истории были грекоязычные писатели блаженный Феодорит, Сократ и Созомен.

В 417 г. был завершен еще один труд по всемирной истории — «7 книг историй против язычников» («*Historiarum adversus paganos libri VII*») пресвитера Павла Оросия, выходца из испанской Тарагоны. Оросий написал эту историю по совету блаженного Августина, который в эти же годы создавал свое грандиозное творение «О граде Божием». «История» Оросия написана в виде всемирной хроники от Адама до падения Рима и устройства на его развалинах Готского королевства. При этом он обнаруживает основательное знание римских историков и римской истории, в отличие от греческой и восточной. Главная идея его труда, созвучная мыслям его учителя Августина, в том, чтобы опровергнуть суждения язычников, которые увидели причину падения Рима в принятии христианства. Язычество, по убеждению Оросия, обречено было на гибель ложностью своей основы, и его крах не обозначал конца империи, принявшей истинную религию — христианство.

В VI веке Кассиодор составил хронику, в которой приводятся списки консулов. Его утраченный труд «История готы» был использован Иорданом, написавшим на латинском языке историю этого народа.

История дохристианского Рима отражена в ряде византийских хронографов, из которых, как уже было сказано, выделяются своей достоверностью и стремлением к документальной акрибии «Хроника» Иоанна Зонары, а также, в меньшей мере, хроники Иоанна Малалы и Георгия Кедрина, компилятивный труд монаха Ксифилина.

Средневековых западных хронистов привлекали, главным образом, события, совершившиеся после падения Рима и появления новых ваварских государств на его развалинах. Поэтому, в отличие от византийских историков, которые хотя и писали на ином языке, но гораздо больше сознавали себя римлянами, ромеями, для латиноязычных авторов средневекового Запада, равно как и для тех, кто писал на новых романских или германских языках, история Рима была уже историей другого и чужого народа, а они сами по своему самосознанию были готами, франками, англами. Исключение представляет только короткий эпизод с каролингским ренессансом, имевшим по преимуществу школьный, почти только игровой характер. Но из кружка Алкуина при дворе Карла Великого, при всей его увлеченности древним Римом и любви к классической латыни, не вышло ни одного сочинения по истории Рима.

Гораздо более плодотворным оказалось стремление стать прямыми наследниками древнего Рима, пробудившееся, порой как навязчивая идея, у гуманистов XIV–XVI веков. Уже в XIII столетии знаменитый Петрарка пишет на латинском языке «*Vitae virorum illustrium*» («Биографии знаменитых мужей»), посвященные великим деятелям древнего Рима. При этом он не только пересказывает древних писателей, но критически анализирует подлинность документов. Гуманист XV века Леонардо Бруни написал представляющие научную ценность труды, посвященные происхождению городов Рима и Мантуи. Папе Пию II (Пиколомини) принадлежит сочинение, которое, по замыслу автора, должно было охватить всемирную историю — «*Historia rerum ubique gestarum locorumque descriptio*». Своеобразно построение этого незавершенного труда — по частям света, с обстоятельными географическими описаниями. Автор успел написать две первые и важнейшие части, посвященные Европе и Азии. И в них значительное место уделено истории Рима.

Самые выдающиеся историки эпохи гуманизма — это уже упомянутые ранее Лоренцо Валла и Скалигер, результаты исследований которых далеко выходят за рамки классической древности, по существу дела именно они заложили основы современной исторической науки. Н. Маккавелли, помимо эпохального политологического трактата «Государь» и «Истории Флоренции», написал своеобразный комментарий к «Истории» Ливия — «рассуждения о первой декаде Тита Ливия», в котором он, на основании свидетельств древнего историка, предпринял опыт реконструкции государственного устройства и организации вооруженных сил Римской республики. Итальянскому гуманисту XVI века Карло Сигони принадлежит источниковедческий труд «Консульские и триумфальные фасты», а также «История Западной империи от Диоклетиана до смерти Юстиниана», большая часть которой относится уже к ранневизантийской эпохе.

В конце XVII столетия аббатом С. Ленэном де Тиллемоном, автором 16-томной церковной истории, был составлен фундаментальный труд «История императоров и других государей, которые царствовали в течение первых шести веков христианской церкви». В характеристиках римских императоров Тиллемон, естественно, исходит из их отношения к христианской Церкви. Это был великолепный эрудит, прекрасный знаток латинских и греческих писателей, отцов Церкви. При описании событий

из политической истории Рима Тиллемон критически сопоставляет источники, обнаруживая в них противоречия и выбирая предпочтительные версии.

Его младший современник Шарль Роллен написал «Римскую историю», посвященную эпохам царей и республики, а его ученик Жан Кревье составил продолжение многотомного труда своего учителя — «Историю римских императоров». Уже при жизни авторов эти книги были переведены на разные европейские языки, перевод на русский выполнил В. К. Тредиаковский.

В XVIII веке в западноевропейской историографии Рима усиливается критическая тенденция, направленная главным образом на развенчание классической версии истории царей и ранней республики, которая идет от Тита Ливия. Так, Д. Вико считал, что достоверная история начинается только от Пунических войн, а все, что у Ливия относится к более ранней эпохе, — это только отраженная в исторической прозе мифологическая поэзия, и Ромул — не историческое лицо, а поэтическое олицетворение мифологемы основания города. В 1737 г. были напечатаны «Рассуждения о недостоверности первых пяти веков Римской истории» француза Бофора. Свою главную мысль автор сформулировал уже в названии книги. В изложенной у Ливия ранней истории подозрительный Бофор находит плод тщеславных стремлений римских нобилей придать своим фамилиям аристократический блеск рассказами о мнимых подвигах вымышленных предков.

Один из самых читаемых историков XVIII столетия — Э. Гиббон, многотомный труд которого под названием «История упадка и падения Римской империи» переведена на основные языки мира и переиздается до наших дней. Впрочем, только первый том этой «Истории» посвящен собственно Риму и охватывает период от конца II века до 476 г., в остальных томах излагается уже история Нового Рима — Византии. Мысль Гиббона о том, что византийская история — это прямое продолжение истории Рима верна, причем, при всей своей очевидности, она скорее расходится, чем совпадает с общепринятыми штампами, но как раз с Гиббоном более всего связана дурная западноевропейская традиция изображать Византию как царство окостенелости и застоя, лишенное каких бы то ни было творческих начал. Популярность этого историка в среде, захваченной идеями французского Просвещения, более всего объясняется тем, что Гиббон выстраивает

прямую связь между успехом христианской проповеди в римском обществе и усугублением кризисного состояния империи. Поэтому за флером некоторой двусмысленности грубо проступает мысль автора, дважды менявшего свое вероисповедание, пережившего в юности увлечение католицизмом, а потом, после религиозного кризиса, вернувшегося в протестантизм, о том, что христианская Церковь погубила империю с ее блестящей культурой.

Освобождение историографии Рима от тенденциозных переделок и тем самым вхождение ее в берега академической науки связано с именем великого историка первой половины XIX века Георга Нибура, сына известного путешественника-ориенталиста, профессора Берлинского и Боннского университетов. Он создатель научно-критического метода, который чужд односторонности легкомысленного скепсиса XVIII столетия и позднейшего позитивистского гиперкритицизма. В своей 4-томной «Римской истории», доведенной до конца Первой Пунической войны, Нибур опирается на результаты классической филологии, которая в его время переживала расцвет.

Признавая недостоверность многих сюжетов Тита Ливия, Нибур не заменяет эти сюжеты зияющей пустотой неизвестности, но, во всеоружии лингвистических знаний, находит способы убедительной реконструкции действительной истории раннего Рима. В результате он приходит к выводу, что версия Ливия имела свою фактическую основу, хотя эта основа и подверглась под его пером существенной трансформации. Технику исторической реконструкции Нибура современники сравнивали с палеонтологическим методом зоолога Кювье. Источником Ливия, считал он, была эпическая поэзия, не та, что возникла позже, в эпоху эллинизации римской культуры, как подражание Гомеру, но древняя, выросшая на своей собственной почве. Из сокровищницы героического эпоса царской эпохи, в котором сохранялись следы подлинных событий, преобразованные творческим воображением, Ливий черпал свои классические сюжеты. Вполне исторический период Рима начинается, по Нибуру, с сецессии 493 г. до Р. X. — ухода плебеев на священную гору. С этих пор политическая история фиксируется в фастах — записях, которые велись жреческими коллегиями, а также в официальных и частных, семейных анналах. И Ливий, считал Нибур, использовал фасты и анналы, в отдельных случаях прямо цитируя их, подобно тому, как для эпохи царей он использовал отрывки из исторического эпоса.

В «Римской истории» Нибура делает особый акцент на рождении римского народа из разных этнических элементов, на развитии римского общества от родового строя до государственного устройства, основанного на территориальном начале, дает убедительную интерпретацию разделения римских граждан на два сословия: патрициев и плебеев, проистекающего из первоначального гражданства исключительно патрициев. Эти его выводы остаются в своей основе не поколебленными позднейшими изысканиями.

Своего рода критическим дополнением к «Истории» Нибура стала изданная в середине XIX века «Римская история» рано скончавшегося тюбингенского профессора А. Шwegлера. Шwegлер отрицал существование исторического эпоса у римлян, но он высказал гипотезу о существовании иного фольклорного жанра с исторической основой, который он назвал этиологическим, заключавшегося в фиксации исторических преданий, объяснявших происхождение религиозных обрядов, народных поговорок и топонимов. Что же касается гипотезы Нибура о фастах и анналах, то ее Шwegлер принимает частично, предполагая действительное существование только частных семейных хроник. На их реконструкции и критическом использовании Тита Ливия и основывает он свою версию истории Рима царской эпохи, которую доводит до законов Лициния.

С позиций крайнего гиперкритицизма концепцию Нибура и Шwegлера относительно достоверности событий римской архайки отвергал английский ученый Льюис, который находил, что историк в своих исследованиях должен относиться к документам с такой же придирчивостью, с какой суд подходит к показаниям свидетелей, не придавая важного значения показаниям того, кто знает о расследуемом факте лишь понаслышке. Живая народная память о происшедших событиях без опоры на письменную фиксацию, считал он, не может сохраняться более 100, в редких случаях 180 лет, так что при отсутствии подлинных документов Ливию не на что было опереться и он внес в свое повествование об эпохе царей и ранней республике вымыслы и легенды, а подлинная достоверная история Рима начинается только с эллинистического периода, с победы римлян над эфирским царем Пирром.

В культурном наследии Рима едва ли не самое ценное — это римское право. Его крупнейшим знатоком и исследователем был младший современник Нибура марбургский и потом берлинский

профессор и государственный деятель Пруссии Ф.К. фон Савиньи, основатель исторической школы права. Его главные труды — 6-томная «Система современного римского права», а также «История римского права». Работы Савиньи отличаются исключительно тонким, поистине виртуозным анализом источников римского права, умением воссоздать из многочисленных и часто противоречивых источников целостную и убедительную правовую догму, а также кристальной ясностью изложения конечных выводов — все это сделало его классиком своей дисциплины.

Французская революция обострила интерес к истории Рима: как известно, ее деятели любили рядиться в костюмы героических фигур Римской республики. В русле этой тенденции прямой наследник революции Наполеон с особо пристальным интересом относился к деяниям Цезаря, в котором он видел конгениальную себе личность. Из этого его интереса выросло сочинение «История Юлия Цезаря (его войны)», автор которого предложил высокопрофессиональный анализ кампаний римского полководца. Интерес к Цезарю — фамильная черта Бонапартов: Наполеон III, опираясь, в частности, и на труд своего великого дяди, написал пространную биографию римского полководца — «Историю Юлия Цезаря», которая также представляет собой опыт проецирования собственных идей, приемов политической борьбы и техники государственного управления на эпоху, удаленную от автора двумя тысячелетиями. Оба эти увлекательно написанные сочинения были переведены на русский язык в 1860-х гг. Министр просвещения в правительстве Наполеона III Дюрюи составил 7-томную «Историю римлян с древнейших времен до вторжения варваров». Работа основана на исследованиях, выполненных другими учеными, но ее несомненное достоинство — в содержательной насыщенности, увлекательности рассказа и литературном мастерстве автора.

В 1840 г. вышла «Политическая экономия римлян» французского ученого М. Дюро де ла Малля. Опираясь на труды классиков английской политэкономии, де ла Малль на основании богатого фактологического материала, относящегося к аграрному хозяйству, в том числе и к земельному кадастру, к денежной системе, к ценам на товары, включая рабов, делает выводы о численном соотношении разных категорий населения в Риме, Италии и провинциях, о количестве рабов в разные периоды. В распространении рабства он, в духе аболиционистских настроений своей эпохи, усматривает негативный фактор в жизни римского

общества и государства. На работу де ла Малля опирались позднейшие исследователи римского рабовладения. Вслед за исследованием де ла Малля, в 1848 г., появилась 3-томная «История рабства в древности» французского ученого А. Валлона, в которой приведены чрезвычайно детальные и всеобъемлющие сведения о рабстве в Греции и Риме и сделан вывод о рабовладельческом характере античной цивилизации.

Одним из самых ярких и литературно одаренных французских романистов был Гастон Буассье, автор увлекательно написанных работ по истории римского общества, по язычеству и раннему христианству, по археологии Италии и латинской филологии. В его статьях и книгах, среди которых особенно замечательны «Археологические прогулки по Риму», «Картины древнеримской жизни», «Римская религия от времен Августа до Антонинов», с замечательной рельефностью, с острым чувством стиля, колорита, самого воздуха изображаемой эпохи представлено повседневное существование разных слоев римского общества; они написаны для широкого читателя, но от этого не утрачивают своей научной ценности. Буассье не погружает читателя в детальную интерпретацию документов, но в своих широких, остроумных и убедительных обобщениях опирается на превосходное знание источников. В научном отношении особенную ценность имеет его фундаментальная монография «Цицерон и его друзья». В книге «Оппозиция при цезарях» Буассье, вопреки сложившимся до него стереотипам, показал, что положение в провинциях в эпоху принципата значительно улучшилось в сравнении с республиканским периодом. Характеризуя оппозиционно настроенные круги в правление императоров из династии Юлиев и Флавиев, историк не обнаружил в их среде носителей реставрационных республиканских идей. Критики тогда, включая даже таких мужественных и последовательных деятелей, как Сенека или Тразея, недовольны были не правлением цезарей, считая его неизбежным в мировой империи, простиравшейся на территории трех частей света, а лишь тем, что это были аморальные цезари вроде их палача Нерона. Буассье — замечательный мастер исторического портрета. Его характеристики римских политиков, полководцев, поэтов и философов психологически убедительны, исторически достоверны, метки и остроумны. По словам его биографа Р. Пишона, который выше всех книг этого историка ставил «Падение язычества», «в духе времени, как и в душе отдельной личности,

Буассье ищет самое глубокое — человеческую душу вообще. Он умеет разглядеть ее изначальные устремления под тем, во что она наряжается в ходе веков. Можно подумать, что Буассье увлечен только своими римлянами, но очень скоро мы убеждаемся в том, что он и в них старается найти образцы вечной человечности. Он описывает жестокость Тиберия и Нерона, которая напоминает ему нашу революционную резню; и здесь и там — все тот же язвительный и мучительный контраст между убийствами и привычками к роскошной утонченности и к философскому спокойствию, характерными как раз для той эпохи, когда эти ужасы происходили» (Буассье Гастон. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 2. СПб, 1993, с. 314).

Самый значительный вклад французской науки XIX века в романистику связан с именем Н. Фюстеля де Куланжа, книга которого «Античная гражданская община», уже упоминалась ранее в очерке историографии Древней Греции. Разрушение римской общины ученый связывает с трансформацией государственного строя Римской республики в монархию и с распространением христианства. Специально римской истории посвящена классическая монография Фюстеля «Римский колонат» (1885), переведенная на основные языки, в том числе и на русский, вскоре после ее выхода в свет. Как и другие труды этого великого историка, она построена на исключительно корректном анализе источников. В своих характеристиках экономических, социальных и юридических аспектов колоната ученый избегает соблазнительных и поверхностных параллелей с похожими институтами Средневековья или нового времени. В этом отношении он был последовательным антимодернистом.

Его старший современник английский историк Ч. Мериваль написал «Историю римлян в эпоху Империи», выходящую в 7 томах с 1850 по 1862 г. Вразрез с популярным в научной среде его эпохи, особенно во Франции, либерализмом и республиканизмом Мериваль с энтузиазмом пишет о благотворном влиянии на римское общество падения республики и установления принципата. Расцвет античной культуры он видит осуществленным в императорскую эпоху.

Немецкий экономист Карл Родбертус в переведенных на русский язык «Исследованиях в области национальной экономики классической древности» настаивал на натуральном характере античного, в том числе и римского хозяйства, ориентированного

не на рынок, а на домашнее потребление. Его концепцию развивал Карл Бюхер в монографии «Возникновение народного хозяйства», перевод которой на русский язык выдержал несколько изданий. Обмен в античном и средневековом мире Бюхер считал явлением маргинальным, поэтому и деньги служили тогда не столько инструментом торговли, сколько для тезаврации, средством сохранения богатства, и приобретали на них в основном предметы роскоши. С Бюхером полемизировал Э. Мейер, автор «Экономического развития древнего мира» (1895) и «Рабства в древности» (1898). Повторяя мысли Д. Вико, он утверждал, что античный мир пережил полный цикл исторического процесса, имел свое средневековье и свой расцвет, типологически подобный европейскому новому времени, и свой упадок, совпавший с поздней империей. В эпоху расцвета античного общества его экономика была не натуральной, но рыночной и носила капиталистические черты.

После Нибура крупнейшим историком Рима был Теодор Моммзен, историк, филолог и юрист. Сын пастора из Шлезвига, он по окончании юридического факультета Кильского университета получил командировку в Италию для изучения надписей. Помимо преподавания в университетах, в основном в Берлинском, где специально для него была создана кафедра римской истории, он также занимался политикой, был депутатом рейхстага, и по своим политическим взглядам Моммзен был либералом и шовинистом, печатал антифранцузские статьи во время франко-прусской войны, а когда в конце столетия обострился славянский вопрос в Австро-Венгрии, Моммзен опубликовал открытое письмо, в котором выразился с истинно немецкой прямолинейностью: «Если чешский череп и недоступен для логики, он вполне доступен для ударов» (Машкин, цит. изд., с. 50).

Творческое наследие Моммзена удивительно по новизне, основательности, тематическому разнообразию и даже по уникальному количеству написанных им книг и статей, которых было до полутора тысяч. Моммзену принадлежат блестящие исследования и публикации по латинской эпиграфике, под его руководством осуществлена многотомная публикация «Корпуса латинских надписей», в который вошло более ста надписей. Он одним из первых в классической филологии углубился в собирание и изучение памятников, написанных на итальянских языках, или наречиях, считая их весьма важными источниками

по истории древней Италии. Моммзен также крупнейший после Савиньи специалист по римскому праву. Он подготовил критически выверенные издания «Кодекса» Феодосия и «Корпуса гражданского права» святого Юстиниана. Исследователи его наследия высшим его достижением называют труд «Римское государственное право», над которым он работал почти два десятилетия (с 1871 по 1887 г). Последней монографией Моммзена стало «Римское уголовное право».

Но самая популярная его книга, переведенная на многие языки и неоднократно переиздававшаяся, — это «Римская история», написанная с таким стилистическим блеском, что ее автор, доживший до глубокой старости и переступивший рубеж XX столетия, был одним из первых удостоен Нобелевской премии по литературе. «История» Моммзена включает 1, 2, 3 и 5 том, 4-й том не публиковался. Первые три тома охватывают события римской истории от ее начала до убийства Юлия Цезаря, а 5-й посвящен истории римских провинций в I–III веках, которая до него была мало исследована в западной науке. В своей «Истории» Моммзен, продолжая гиперкритическую линию Бофора и Льюиса, в духе своего позитивистского века, игнорирует Ливия и начинает изложение истории Рима двумя веками позже Нибура. Моммзен сделал вывод об отсутствии каких бы то ни было следов существования частных семейных анналов. Древнейшими письменными источниками он считал фасты, связанные с календарными записями, которые велись в понтификальной коллегии. Из календарных фаст выросли позже погодные записи с именами консулов, а потом и других магистратов. Правильная хронография, по Моммзену, в Риме сложилась не раньше второй самнитской войны (326–304 гг до Р.Х.). Несомненным промахом историка является отрицание существенного влияния на формирование римской государственности и культуры этрусков. Приверженность Моммзена гиперкритическому методу побуждает его делать выводы, опровергнутые в новейшей историографии, так что отношение к римской архаике Нибура представляется более адекватным. Наибольшую научную ценность в «Истории» Моммзена представляет изложение хода политических и военных событий с рядом уточнений в сравнении с их классической версией, которые внесены были на основании тщательного исследования и адекватного прочтения неизвестных ранее эпиграфических документов, а также реконструкция зарождения и эволюции законодательных,

административных и судебных учреждений Рима, других институтов римского общества, его сословной и социальной структуры, борьбы политических партий.

Моммзен — мастер исторического портрета, в чем с особой силой проявился его исследовательский и одновременно литературный талант. Но в своих характеристиках исторических деятелей он не чужд пристрастности. Политически ангажированный ученый, Моммзен близко к сердцу принимал процесс объединения Германии, современником которого он был, и в перипетиях римской истории хотел увидеть параллели происходившему на его глазах. Возлагая надежду на то, что объединителем Германии станет демократически ориентированный монарх, опирающийся на широкую народную поддержку, историк встраивал фигуру Цезаря в рамку идеального образа такого правителя. Моммзен, конечно, не оригинален в том, что самым великим римлянином представил Цезаря, который своими реформами проложил дорогу к изобретенному Августом принципату — системе правления, восстановившей римское общество из глубокого упадка, в который его повергли предшествующие гражданские войны, но у Моммзена почти панегирический характер приобретает и портрет такого деятеля, как Сулла. В то же время он, возможно, недооценил других римских политиков, например Тиберия Гракха, Катона Младшего, Цицерона или Помпея, представленного у него как само воплощение посредственности. Модернизируя античность, сближая ее прозрачными параллелями с современностью, Моммзен уподобляет бездарную и упрямую сенатскую олигархию Рима реакционному прусскому юнкерству.

Одним из критиков Моммзена выступил его современник Карл Нич, романист, принадлежавший к школе Нибура. Нич выполнил исследование о реформах Гракхов, в его интерпретации — крупнейших деятелей римской истории: «Гракхи и их ближайшие предшественники», написал монографию по римской анналистике, посмертно были издан его курс лекций «История Римской республики», позже переведенный на русский язык.

Историк, филолог и искусствовед Якоб Буркхардт, немецкоязычный швейцарец по происхождению, автор выдающихся трудов по искусству Ренессанса, написал также вышедшую впервые в 1853 г. книгу «Век Константина Великого», в которой с литературным блеском, хотя и с точки зрения исторической критики поверхностно и тенденциозно, представлена не только эпоха

святого императора, но и предшествующий период, фактически все третье столетие от Р.Х. Буркхардт не делает тайны из своих паганистических увлечений, подлинный герой этого опуса не тот, имя которого присутствует в его заголовке, но Диоклетиан. Автор характеризует его как одного «из величайших римских императоров, спасителя империи и цивилизации, проницательнейшего судью своего времени» (Буркхардт Якоб. *Век Константина Великого*. М., 2003, с. 238–239). Более того, поводом для гонений на христиан, учиненных Диоклетианом, послужил, по версии Буркхардта, заговор придворных и офицеров христианского исповедания, стремившихся произвести государственный переворот и передать власть правителю-христианину (см. там же, с. 248).

Главной пружиной деяний св. Константина Буркхардт считал непомерное властолюбие; издание Миланского эдикта, покровительство христианам проистекали, по нему, из политических расчетов этого императора. Его религиозные взгляды биограф характеризует как деистические, при этом, считает он, Константин не усматривал существенной разницы между почитанием божества солнца, поклонниками которого были его предшественники на престоле, как и он, — выходцы из Иллирика, и почитанием Христа. За всеми этими выводами не стоят какие-либо новые источники, которые бы проливали иной свет на личность святого Константина и дискредитировали восходящую к Евсевию Кесарийскому христианскую традицию, за подобным оценками стоит всего лишь авторская интуиция, которую на более прозаическом языке пристоит квалифицировать как необоснованные домыслы.

Русская школа романистики складывалась в середине XIX столетия. Первым русским ученым, выполнившим самостоятельные исследования в области римской истории, был профессор Московского университета Д.Л. Крюков, автор опубликованной вначале по-немецки, а потом посмертно, в 1854 г., на русском языке монографии «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении», в которой он, на основании источников, делает оригинальный, но при этом построенный на анализе источников вывод о том, что элементы символизма, как он их обозначает, в религии древних римлян восходят к верованиям тех этнических элементов, из которых складывался патрициат, а антропоморфное начало было изначальным свойством религии римского плебса. Еще один также рано скончавшийся русский историк С.В. Ешевский прочитал в Московском

университете посмертно опубликованный курс лекций «Центр римского мира и его провинции», в котором он впервые в мировой романистике сделал предметом исследования провинции Римской империи.

Романист П. М. Леонтьев занимался аграрной, а В. И. Герье политической историей древнего Рима. Герье, разносторонний ученый, писавший также работы по истории Польши и Франции, широко известен как основатель высших женских курсов в Москве. Он прочитал курс лекций по истории Рима в Московском университете, написал ряд биографических работ, посвященных великим людям, в том числе Августу и блаженному Августину. В Петербургском университете историю Рима в конце XIX столетия читали Ф. Ф. Соколов и И. В. Помяловский. Выдающийся знаток античной эпиграфики, Соколов избегал широких обобщений, называл себя «фактопоклонником». Его наиболее ценное исследование по романистике — это журнальная статья «В области древней истории. Хронология событий римской истории IV в. до Р. Х.»

На рубеже XIX–XX столетий появляются труды романистов В. И. Модестова, М. М. Хвостова и Р. Ю. Виппера. Русский историк И. М. Гревс в 1899 г. выпустил фундаментальные «Очерки по истории римского землевладения», в которых он проделывает своего рода микроанализ хозяйственной жизни в имениях поэта Горация и крупного землевладельца Помпония Аттика. Опираясь на концепцию К. Бюхера, Гревс делает не лишенный односторонности вывод о преобладании в римской аграрной экономике натурального ойкосного хозяйства над товарным производством.

И. В. Нетушил — автор большого числа статей по романистике, а также общих курсов «Обзор римской истории и источниковедения» и «Очерка римских государственных древностей», в которых он, вслед за Моммзеном, придерживается скептической позиции относительно достоверности событий, относимых к эпохе царей и ранней республики, хотя при этом не впадает в крайности Льюиса и своего современника итальянского историка Э. Пайса. И все же, например, историю Тарквиниев Нетушил считает легендой, сложившейся под впечатлением событий, связанных с заговором Катилины. Русский ученый Э. Д. Гримм в «Исследованиях по истории развития римской императорской власти» выступил с критикой концепции, лежащей в основе монографии Т. Моммзена «Римское государственное право»; Моммзен рассматривал государственное устройство Рима в эпоху

принципата, от Августа до Диоклетиана, как диархию, в которой власть принцепса сочеталась с коллегияльными властными полномочиями сената. Гримм фиксирует постепенное нарастание в государственном строе Рима монархических элементов. Русский историк находит также необоснованной концепцию Моммзена о принципиальной неизменности основных институтов римской правовой системы на протяжении ее тысячелетней истории. В работе Гримма значительное внимание уделено характеристике и систематизации политических идей эпохи принципата.

Тема распространения христианства в Империи имела, естественно, ключевое значение для изучения римского общества императорской эпохи. Одним из крупнейших католических историков Древней Церкви был ученый XIX века епископ К.-И. Геффеле. Значительный вклад в историческую науку внесли русский ученый В. В. Болотов, автор напечатанных после его ранней кончины «Лекций по истории Древней Церкви», которые были прочитаны в Петербургской духовной академии, французский католик Дюшен, немецкий библиист А. Гарнак, автор 7-томного «Дополнения к введению в Новый Завет» (1906—1916), высоко ценимый им русский богослов, патролог и библиист Н. Глубоковский, занимавшийся аналогичной проблематикой, которую он разрабатывал в русле православной традиции.

Немецкий ученый Роберт Пельман в монографии «История античного коммунизма и социализма» (1893—1901) появление социально-утопических идей связывает с распространением христианства, в особенности с хилиастическим сектантством, носившим революционный характер. Классовая борьба, считает Пельман, привела к разрушению античного капитализма, являвшегося питательной базой античной культуры, и в конечном счете к гибели Римской империи.

На рубеже XIX и XX столетий появились исследования, посвященные отдельным периодам римской истории, разным сторонам жизни римского общества и государства, тем или иным провинциям империи. О. Зеек в 6-томном труде под названием «Падение античного мира» (1896—1910) объясняет причину упадка и разрушения Рима расовым фактором. Немецким военным историком Г. Дельбрюком была написана «История военного искусства в рамках политической истории», значительная часть которой посвящена истории войн и военного искусства древнего Рима. М. Гельцер в монографии «Нобилитет Римской

республики», вышедшей в 1912 г., представил процесс формирования нобилитета как включение в ранее исключительно патрицианское сенаторское сословие верхушки плебса. Эта концепция была затем более полно разработана другим немецким романистом Ф. Мюнцером. В первой трети XX века историки выбирают часто объектом исследований римские провинции. Во Франции вышли книга К. Жюльена «История Галлии» (1907—1926), труды Ж. Тутена по римской колонизации Северной Африки: «Римские города Туниса» (1894), «Античные города Северной Африки» (1909), «Римская армия в Северной Африке» (1912—1913), английский историк Р. Холмс написал ряд работ по истории римской Британии.

Самым влиятельным итальянскими романистом начала XX века был Г. Ферреро, автор 4-томного «Величия и падения Рима», в котором значительное внимание уделено социальной истории римского общества и классовой борьбе. При этом автор проводит прозрачные параллели с состоянием современного ему европейского общества рубежа столетий, отмечает рост крупного землевладения и пролетаризацию римских граждан в эпоху поздней республики. Ход истории Ферреро рассматривает как стихийный процесс, не контролируемый его участниками, лишенными способности предвидеть последствия предпринимаемых ими действий. Ученый дает позитивную оценку имперской экспансии Рима, среди выдающихся деятелей он выделяет полководца Лициния Лукулла, возвеличивая его как первого из колониальных императоров. Цезарь представлен у него авантюристом и властолюбцем, стремившимся к неограниченной монархической власти, к автократии в эллинистическом стиле, а Август не его политическим преемником, а скорее продолжателем дела его антагониста Помпея, так что саму систему правления, введенную в действительности Августом, историк называет принципатом Помпея. Ферреро обладал незаурядным литературным талантом, его исторические портреты написаны ярко, о политических и военных событиях он рассказывает увлекательно, подчас не сдерживая себя исследовательской акривией, давая волю воображению.

Рецидивом крайнего гиперкритицизма явились труды еще одного итальянского историка начала XX столетия Э. Пайса — «История Рима» и «Критическая история Рима в течение первых пяти веков». Пайс решительно отвергал достоверность римской традиции, классическим выражением которой служит труд Тита

Ливия. Относительно достоверная история начинается, по Пайсу, только с войны римлян против Эпирского царя Пирра. Фактически все, что рассказано у него о событиях первых четырех столетий, протекших от, как он считает, мифического основания Рима Ромулом, представляет собой цикл легенд, сочиненных под влиянием греческой историографии и в подражание ей. Деятели раннего Рима — это мифические персонажи и даже божества: например, Тарквиний, превратившийся в основателя этрусской династии, первоначально почитался римлянами как бог Тарпейской скалы. Один из приемов исторических фальсификаций, воспроизводимых Ливием и легковерно принятых наукой нового времени, это дубликация, перенос действительных событий относительно позднего времени, происходивших в III или II столетии до Р. Х., в седую и легендарную древность. Даже составившее стержень раннереспубликанской истории Рима противостояние патрициев и плебеев Пайс считал вымыслом римских историографов, которые перипетии борьбы оптиматов и публиканов, восходящей к эпохе Гракхов, перенесли в отдаленное прошлое.

Пайсу с его крайним скептицизмом по отношению к традиции, убедительно возражал другой итальянский ученый де Санктис, написавший «Историю Рима» в 4-х томах, выходящую с 1907 по 1923 гг. Пожар Рима, устроенный галлами в 387 г. до Р. Х., считал он, не мог уничтожить все документы. Ранние римские анналы и фасты должны были частично сохраниться, и они содержали в основном достоверные сведения, которыми пользовались позднейшие анналисты и Тит Ливий. Но и де Санктис ставил под вопрос ряд положений традиции: так, он относил начало комплектации легионов на основе центурий не к эпохе Сервия Туллия, а только к рубежу V и IV столетий до Р. Х.

Русская историческая наука развивалась в XX веке в экстремальных условиях — в эмиграции либо в тисках идеологической цензуры у себя на родине. Самый крупный русский романист М. И. Ростовцев в конце XIX века дебютировал монографией «История государственного откупа в Римской империи». В ряде статей, опубликованных на русском и немецком языках, он высказал оригинальную концепцию фомирования колоната, выводя его из принудительной аренды, сложившейся на почве экономического и юридического строя эллинистического мира. После революции этот выдающийся антиковед не нашел себе места в советской России и эмигрировал. В 1926 г. появился опубликованный

впервые по-английски, а затем в переводе на другие языки, но написанный еще в России классический труд «Социально-экономическая история Римской империи». Тематика этого исследования попадала как раз в тон господствующей ориентации советской исторической науки, но для нее неприемлема была ни методология историка, ни его выводы и оценки. Как и в работах, посвященных Древней Греции, Ростовцев обнаруживает в социальном строе римского общества отдельные элементы капитализма и не считает, что в экономике Рима преобладал рабский труд. Гибель Рима Ростовцев, прибегая к модернистской терминологии, связывает не столько с нашествием варваров, сколько с пролетарской революцией, произошедшей раньше, уже в III столетии (с. 60, 66). Одну из причин гибели античной цивилизации Ростовцев видит в том, что в имперскую эпоху широкое распространение культуры сопряжено было с ее вульгаризацией, с падением ее интенсивности.

Русские историки, оставшиеся в советской России, вынуждены были снова и снова повторять одни и те же заранее заданные натянутые концептуальные схемы: о господстве в римском обществе рабовладельческого строя, о борьбе рабовладельцев и рабов как движущей пружине исторического развития, о классовой мотивации религиозных представлений и философских идей, о надстроечном характере государственного строя и политики, общественной морали и искусства Рима.

Для советской науки приоритетной темой были восстания рабов, поэтому одна из наиболее солидных монографий 1930-х гг. — это «Спартакосское восстание» А. В. Мишулина, труд, содержащий массу сведений как о восстании Спартака, так и о некоторых других выступлениях рабов, в особенности на Сицилии во II столетии до Р.Х. Мишулин стремился идти в ногу с господствующей идеологией, но и его строго поправляли, отвергая выдвинутый им термин «революция рабов» как слишком односторонний и не чуждый модернистского оттенка.

С официальной идеологией вынужден был считаться в своих трудах по древней истории даже такой великолепный знаток античности, как В. С. Сергеев, автор опубликованных в 1938 г. «Очерков по истории древнего Рима»: переход от республики к принципату он объяснял в основном экономическими факторами. Характеризуя римское общество как рабовладельческое, В. С. Сергеев в поздней империи нашел ростки зарождающегося

феодализма. Изложение истории имперской эпохи отличается у него полнотой и фундаментальностью, при этом особое внимание уделено поздней империи. Оригинальность авторской концепции в том, что среди выдающихся деятелей Римской республики он выделяет так называемых «предимператоров», к числу которых относит Сципиона Африканского Старшего, Мария, Суллу. Мастер исторического портрета, В. С. Сергеев обнаружил в своих «Очерках» блестящую эрудицию, тонкое понимание душевного склада, психологии людей античной цивилизации и блестящий литературный талант.

Одной из специальностей отечественной романистики стало исследование имперской периферии, вошедшей впоследствии в состав Российского государства. А. Б. Рановичем написан обзорный труд «Восточные провинции Римской империи в I и III вв.», армянский романист Я. А. Манандян в 1943 г. издал фундаментальное исследование «Тигран Второй и Рим»; Д. П. Калистов опубликовал в «Вестнике древней истории» ряд статей, посвященных северному Причерноморью после его включения в сферу римской имперской власти, и среди них «Этюды из истории Боспора римского времени» (1938) и «Политика Августа в Северном Причерноморье» (1940), В. Ф. Гайдукевич в 1949 г. издал книгу «Боспорское царство». В. Н. Дьякову принадлежит вышедшая в 1942 г. монография «Таврика в эпоху римской оккупации» — такое название навеяно временем, в которое над нею работал ученый. В послевоенное время была опубликована написанная им «История римского народа», в которой ученый выразил скептическое отношение к достоверности римской традиции.

Иная концепция ранней римской истории содержится в «Истории Рима», написанной профессором Ленинградского университета С. И. Ковалевым и вышедшей первым изданием в 1948 г. Ковалев доверяет традиции, хотя и не безгранично. В рассказе Ливия об основании Рима Ромулом и Ремом он находит воспроизведение ранее сложившейся официальной версии, представляющей собой по своему происхождению конгломерат «бродячих» легендарных мотивов. Но Ковалев склоняется к признанию историчности других 6 римских царей. Ученый особое внимание уделяет властным институтам Римской республики, соотношению их полномочий, конструкции государства на разных этапах его истории. Отдавая дань официальной марксистской идеологии, Ковалев представил принципат как военную монархию, служащую

интересам рабовладельческого класса. Трудно сказать, насколько эта схема соответствовала его действительным взглядам, но он не мог по меньшей мере не осознавать ее односторонности. Ковалев с немалым литературным талантом рисует портреты выдающихся государственных деятелей и полководцев Рима и тех народов, против которых воевали римляне, — не только Суллы, Помпея и Цезаря, но также Пирра и Ганнибала.

Следуя официальной доктрине, историк придерживается мифологической версии происхождения христианства, отличаясь в этом от автора другого классического учебного курса, появившегося почти одновременно с трудом Ковалева, в 1947 г. В своей «Истории Древнего Рима» Н. А. Машкин уклоняется от выбора между мифологической и исторической версиями происхождения христианской Церкви, но для проницательного читателя советской эпохи само это уклонение очевидным образом обозначало присутствие веских причин для того, чтоб не присоединиться к идеологически заданной концепции, а такой причиной не могла быть одна только научная корректность — подобная бравада в ту пору была со всех точек неуместной, настолько, что даже карающие инстанции нашли бы ее менее извинительной, чем когда причиной уклонения от директивно установленной доктрины были «религиозные пережитки», в послевоенные годы попуславшиеся беспартийным ученым старшего поколения, которым не сразу удавалось усвоить марксистское учение в его окончательном совершенстве, так что опытные в чтении современники выдающегося романиста советской эпохи имели навыки адекватного восприятия текста: «Согласно новому учению, во исполнение иудейского закона и древних пророчеств в одном из иудейских городов чудесным образом от Девы Марии рождается Младенец, Который по достижении зрелого возраста принимает крещение от иудейского проповедника Иоанна, прозванного Крестителем, и посвящает Свою жизнь проповеди истинного учения. Он учит народ и творит чудеса. Его деяния были исполнением пророчеств и закона. Но Его возненавидели иудейские священники и книжники. Незадолго до праздника Пасхи Он был выдан Своим учеником Иудой, осужден иерусалимским синедрионом и по приговору римского прокуратора Понтия Пилата распят на кресте. В третий день Иисус воскрес, явился ученикам, а потом вознесся на небо. Иисус, по учению евангелистов, был истинный Мессия, Христос. Смерть и воскресение Его означали избавление людей

от первородного греха» (Машкин, цит. изд., с. 549–550) — не как острого изложения христианского учения, а как исповедания веры, несмотря даже на то, что у автора прописные и строчные буквы расставлены были иначе, чем здесь, по правилам атеистической советской орфографии.

Существенным достоинством учебного курса Н. А. Машкина было тщательное рассмотрение в нем системы римского права в ее эволюции. Характеризуя труд своего учителя, И. Л. Маяк писала: «Николай Александрович, уделяя внимание социально-экономическому фактору (под влиянием М. Вебера, М. И. Ростовцева Д. М. Петрушевского), а под воздействием марксистской доктрины показывая его решающее значение в историческом движении Рима, не сводил историю к общественно-хозяйственным схемам. В его учебнике действуют живые люди с их побуждениями и интересами. Среди них особенно занимающие его герои: Сципион, Гракхи, триумвиры, император Август, его семья, члены других императорских династий. Много места отведено в учебнике культурному развитию Рима, а точнее — Италии» (И. Л. Маяк. *Vita brevis, ars longa*. — Н. А. Машкин, цит. изд., с. 643). Н. А. Машкиным написан также ряд статей по истории Рима и переведенная на итальянский язык монография «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность», выросшая из докторской традиции. Книга построена на исключительно разностороннем материале. Впрочем, характеристика историком принципата как разновидности монархии вызывает возражение. Более адекватной представляется все-таки концепция Моммзена, считавшего принципат диархией — двоевластием.

Искоренение классического образования пагубно сказалось на состоянии советской романистики послевоенных и более поздних лет, когда в историческую науку пришли ученые, которые не получили классического образования в школьном возрасте. К тому же при общем небрежении властных инстанций к гуманитарным знаниям, особенно характерном для хрущевской и брежневской эпохи, классическая древность была в совершенном загоне. И все же талантливые люди никогда не переводились. Даже в эти выморочные времена у нас появлялись солидные работы по истории древнего Рима, в особенности по периферийной тематике, например: «Египет на рубеже двух эпох» И. Ф. Фихмана (1965) или «Эстетика поздней античности» В. В. Бычкова (1981), труды романиста и этрусколога А. И. Немировского, А. Р. Корсунского,

Е. С. Голубцовой, А. Г. Бокщанина. Среди видных ученых этой эпохи могут быть названы имена таких историков древнего Рима, как Е. М. Штаерман, Г. С. Кнабе, Л. А. Ельницкий, С. Л. Утченко, работы которых хотя и были изуродованы официальной идеологией, тем не менее не лишены научной ценности. Профессор Московского университета В. И. Кузищин написал солидные монографии по аграрной экономике Рима: «Римское рабовладельческое поместье» (1973) и «Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э.—I в. н. э.)» (1976). Им же написаны «Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.—I в. н. э.» и большая часть учебного курса «История древнего Рима», вышедшего уже в 2002 г.

Часть этого курса принадлежит одному из крупнейших в мировой романистике специалистов по истории Рима царской и раннереспубликанской эпохи И. Л. Маяк, автору исключительно добротных по своим научным качествам монографий «Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II в. до н. э.» (1971) и «Рим первых царей: Генезис римского полиса» (1983). В последнем труде автор находит убедительные аргументы в защиту традиции относительно времени основания Рима, правления царей, достоверности их имен, даты падения царской власти. В 1986 г. вышла посвященная просопографической тематике информативно насыщенная работа Н. Н. Трухиной «Политика и политики “золотого века” Римской республики (II в. до н. э.)».

Когда в конце 1980-х гг. возникли предпосылки для восстановления в России нормальной научной среды в сфере гуманитарных дисциплин, появились исследования, свободные от идеологической закрепощенности. Так, в 1988 г. вышла книга А. Б. Ковельмана «Риторика в тени пирамид», посвященная анализу массового сознания населения Египта во II—IV веках. К числу видных историков-романистов наших дней принадлежат также Э. Д. Фролов, А. Б. Егоров, Я. Ю. Межерицкий. В 1990-е гг. был опубликован ряд работ по римскому праву, изучение которого приблизилось у нас в предшествующий период к состоянию клинической смерти. Это — «Обязательственное право в архаическом Риме» Л. Л. Кофанова, работы Д. В. Дождева, В. А. Савельева. Впервые в России вышел полный перевод «Дигест», создан Центр римского права, который выпускает журнал «Древнее право».

На Западе одним из самых крупных романистов первой половины XX столетия был американский ученый Т. Франк, автор

«Экономической истории Рима», вышедшей в 1920 г., и монументального 5-томного «Экономического обзора древнего Рима», печатавшегося с 1933 по 1940 г. В своих оценках экономики Рима Франк близок к Ростовцеву, обнаруживая в ней многие черты, параллельные с современным капитализмом. Занимаясь проблематикой, которая ставилась во главу угла марксистскими историками, Франк, в отличие от них, не считал тщательно исследованные им экономические отношения, в том числе связанные с промышленностью и сельским хозяйством, с наемным и рабским трудом, с денежным оборотом, важнейшим и исходным фактором жизни римского общества, его базисом. Напротив, он выводил особенности экономического устройства из строя религиозной, нравственной и культурной жизни Рима.

В эпоху между двумя мировыми войнами существенный вклад в изучение истории Рима внесли английский ученый Р. Сайм, автор «Римской революции» (1939), посвященной кризису республики и установлению принципата, — этот бурный процесс, сопровождавшийся чередой гражданских войн, историк и называет революцией, — а также французские романисты Л. Омо, в центре интересов которого стояла эволюция административных учреждений Римского государства, и Ж. Каркопино, который последовательно проводил мысль о том, что для народов, завоеванных Римом, их включение в состав империи имело исключительно позитивные последствия. Блестящую монографию по римской Британии выпустил в 1923 г. английский историк Ф. Хейерфилд.

Английский романист М. Грант в опубликованной в 1947 г. монографии, посвященной эпохе Августа, сосредоточил внимание на ключевом понятии политической системы, созданной первым принципсом, — авторитете (*auctoritas*). Он считает, что авторитет, представлявший собой неформальную личную власть, при Августе и затем при его преемниках заменил в качестве источника высшей власти былой *imperium* (империй). В книге «Крушение Римской империи» Грант выразил скептическое отношение к попыткам историков выделить какую-либо одну главную причину падения Рима; за этим событием, считал он, стоит комплекс взаимосвязанных внешних и внутренних факторов: переселение народов, напряжение в отношениях между Римом и Константинополем, развал армии, волнения социальных низов. Помимо монографий и статей, М. Гранту принадлежит также написанная для широкого читателя книга «Цивилизация древнего Рима».

Такой же популяризаторский характер носит и увлекательно написанная книга Ф. Коуэлла «Древний Рим».

Еще один британский ученый Х. Лэст выдвинул оригинальную концепцию противостояния патрициата и плебса, отрицающая изначальное существование в Риме этих двух сословий; патрициат он считал социальной группой, постепенно выделившейся благодаря своему экономическому благополучию и политическому влиянию, а в V веке окончательно замкнувшейся в своего рода касту, закрытую для проникновения в нее со стороны остальной массы свободных, но социально приниженных людей, которых и стали называть плебеями. Сословная организация плебса явилась реакцией на самоорганизацию господствующего патрициата, властным учреждением которого стал сенат. Направленная против сенататской олигархии, или патрициата, борьба плебеев началась, по Лэсту, в первой половине V столетия. Идеи Лэста развивали в послевоенные годы итальянский историк Де Францизи и французский Ж.-Кл. Ришар.

В XX столетии в исторической науке заметно возросла роль археологии, причем современная технология позволяет осуществлять археологические изыскания несравненно более точными, виртуозными методами. Археологи используют аэрофотосъемки, их результаты отражены в работах Д. Бедфорда и Р. Шевалье, посвященных южной Галлии. Своеобразной отраслью археологии стало исследование объектов, находящихся под водой. Великим подводным путешественником Ж.-И. Кусто вместе с Ф. Бенуа осуществлены исследования затонувших кораблей вблизи Марселя.

В послевоенные годы особенно интенсивные раскопки велись в самом Риме. Под руководством шведского ученого Э. Гьерстада проведены были археологические исследования на Палатине, на Форуме и на Бычьем рынке. Основываясь на материалах этих раскопок, Гьерстад в капитальном труде «Ранний Рим» и ряде статей предложил существенную коррекцию даты основания Рима, отнеся ее к началу VI столетия до Р. Х. — два предшествующих века он считал периодом «протогорода», а соответствующую традицию дату упразднения царской власти интерпретировал как время воцарения этрусской династии Тарквиниев. Учреждение республики историк отодвигал к середине V века, связывая его с установлением и затем падением власти децимвиров.

Хронологические новации Гьерстада отвергнуты были большинством романистов. Опираясь также на археологические

данные, выдающийся итальянский романист и этрусколог М. Паллотино в «Истории первоначального Рима» и ряде журнальных публикаций приводит веские аргументы в пользу традиционной хронологии раннего Рима, включая и время основания Вечного города. Большее понимание среди историков встретила датировка Гьерстадом установления республиканского правления в Риме. В этом его поддержал автор опубликованной в 1963 г. монографии «Начало Римской республики» немецкий историк Р. Вернер.

Главным предметом исследований знаменитой французской школы «Анналов» было Средневековье и первые этапы формирования экономических, социальных и политических институтов капиталистической Европы, но к этой школе принадлежал и такой выдающийся романист, как А. Пиганьоль, который написал ряд работ, посвященных разным периодам римской истории, в особенности эпохе святого Константина. При этом он важное значение придавал влиянию религиозной жизни общества на его социальные и политические институты. Главной причиной падения Рима Пиганьоль, как и многие его предшественники, в частности историк XIX в. Г. Буассье, считает нашествие варваров, а не внутренние факторы.

В 1974 г. вышла монография С. Мадзарино «Античность, поздняя античность и эпоха Константина», в которой император Константин был назван величайшим революционером в истории Европы. Под пером историка-марксиста, каким был этот крупный итальянский романист, столь неожиданная характеристика содержала в себе высокопозитивную оценку и самого императора и его главного подвига — христианизации империи. У Мадзарино совершенно оригинальная и при этом весьма влиятельная концепция замены царского правления республиканским в раннюю эпоху, которую он изложил в своей ранней монографии «От монархии к республиканскому государству». Он считал, что это был постепенный процесс, растянувшийся на целое столетие. Начал его Сервий Туллий, этруским именем которого было Мастарна. Это имя и послужило, по Мадзарино, основой для образования титула высшего должностного лица — магистр или магистрат, а царь с этих пор стал царем для священнодействий — *rex sacer*. Тарквиний Гордый и был, по Мадзарино, в начале своего царствования лишь *rex sacer*, но он попытался вернуть в свои руки реальную власть, однако эта его попытка провалилась. Магистратура,

вначале пожизненная, в начале V века была ограничена во времени, а затем перестала быть единоличной.

Опираясь на идеи Мадзарينو, де Мартино в «Истории римской конституции», вышедшей в 1972 г., относил падение монархии в Риме к концу VI столетия, при этом первой республиканской магистратурой он считал диктатуру, которая первоначально устанавливалась не в чрезвычайных обстоятельствах, а при нормальном течении дел; диктатора избирали на один год, но затем диктатуру заменили на коллегия из 10 лиц — децемвиров, пока через два года их не сменили в свою очередь на двух преторов, один из которых был вышестоящим — *maius*. Иногда преторов заменяли военными трибунами, и только в 367 г. до Р.Х. претора уступила место коллегии из двух равноправных консулов.

Современный немецкий романист К. Холькескамп в труде «Возникновение нобилитета. Исследования по социальной и политической истории Римской республики в 4 столетии до Р.Х.» (1987) подверг ревизии общепризнанную ранее концепцию формирования нобилитета, разработанную Гельцером и Мюнцером. Новая аристократия, нобилитет, по Холькескампу, сложилась на принципиально иной основе, чем древний патрициат, как своего рода служилое сословие, для которого главным стимулом было занятие государственных и военных должностей, стремление к бескорыстному служению родине, вознаграждаемому исключительно почестями. И формировалось это новое сословие не чрез присоединение плебейской знати к патрициату, а из двух сословий: патрициев и плебеев, так что за бортом нобилитета осталась немалая часть прежних патрициев, которые в результате опустились в плебс поздней республики, а некоторые из их потомков даже на его пролетарское дно. Обильный материал для своего построения историк почерпал в работах, посвященных просопографической тематике, популярной в послевоенной историографии. В 1950–70-е гг. были опубликованы такие труды, как «Магистраты Римской республики» Т. Р. С. Броутона, «Всадническое сословие в республиканскую эпоху (312–43 до Р.Х.) Николе, “Новые люди в римском сенате. 139 г. до Р.Х.–14 г. от Р.Х.” Вайсмана.

Тематика, особенно привлекательная для историков наших дней, отражена уже в самих названиях работ современных ученых, вышедших в 1990-х гг., например: «Деревни римского средиземноморья» Ж.-П. Валле, «Земля и пространство в Римской республике» К. Шуберта, «Люди, земля и дороги в центральной

Италии» Е. Миллиарио, «Средиземноморская долина — ландшафтная археология и повествовательная история в долине Биферно» Д. Баркера. Французскому романисту П. Грималю, скончавшемуся в 1996 г., принадлежат блестяще написанные монографии «Цивилизация античного Рима», «Сады античного Рима», «Цицерон, Тацит, Сенека». Среди маститых романистов наших дней следует упомянуть имена таких историков, как итальянцы А. Момильяно, А. Скиавоне, испанец Х. Бласкез, американец Ч. Старр. Крупным специалистом по сакральному праву древнего Рима является итальянский ученый П. Каталано, ряд исследований в этой области принадлежит его ученику Ф. Сини. Хорошим историографическим ориентиром в романистике может служить написанный немецким ученым Г. Бенгтсоном «Очерк римской истории с источниковедением. Республика и императорская эпоха до 284 г. от Р.Х.», вышедший третьим изданием в 1982 г.

Истории Рима посвящены и коллективные многотомные труды, издание которых характерно для стиля научной жизни XX века. Так, в уже упомянутом выше в связи с историей Древней Греции французской «Всеобщей истории древности», изданной под редакцией Г. Глотца, Риму посвящены 4 тома, в «Кембриджской древней истории» половина томов — 6 из 12 — отведена римской тематике. С 1972 г. в Берлине и Нью-Йорке выходит многотомный коллективный труд «Расцвет и упадок римского мира», в котором только эпохе принципата посвящено уже более 40 томов. В 1990-е гг. осуществлено основательно переработанное переиздание «Кембриджской истории», в которой история Рима занимает 5 последних томов из 11. Этот свод с особой полнотой отражает результаты научных исследований последних лет. В Италии с 1930-х гг. стала выходить грандиозная по объему «История Рима» в 30 томах, из которых 19 посвящены древнему Риму. В 1990-е вышла еще одна итальянская «История Рима» в 7 томах.

История Рима в ее разных аспектах составляет тему ряда регулярно проводимых историографических и междисциплинарных международных и национальных конференций, симпозиумов, семинаров. Так, начиная с 1981 г. ежегодно в Риме, в Капитолии, в апрельские дни, когда празднуется основание «вечного» города, проходят междисциплинарные семинары «От Рима к Третьему Риму», организатором которых стали П. Синискалько и П. Каталано. В рамках этой же тематики регулярно проводятся семинары

в Москве. И это, разумеется, только один из примеров многих международных научных встреч, посвященных римской тематике.

К романистике тесно примыкает этрускология. Происхождение этрусков представляло загадку уже для античных историков, придерживавшихся в своих предположениях на сей счет двух версий: одни вслед за Дионисием Галикарнасским считали этрусков автохтонами Италии, другие, как Геродот, — пришлым народом, переселившимся с востока.

В конце XVIII века Н. Фрере выдвинул концепцию о нордических корнях этрусков, о том, что в Италию они, подобно латинам, самнитам и умбрам, пришли с севера, через Альпийские перевалы. Эту версию принял Нибур. В XIX столетии, после того как в Реции нашли надписи на этруском языке, концепцию Н. Фрере признали доказанной, однако впоследствии выяснилось, что часть этрусков в IV веке до Р. Х., под давлением галлов, ушла из Падуанской долины в Альпы, в места поселения древних ретов. С тех пор стало уже невозможно настаивать на тождестве этрусков и ретов, и важнейший аргумент в пользу северного происхождения этрусков утратил силу.

В 1885 г. французские ученые Кузен и Дюррбак нашли на Лемносе погребальную стелу с надписями, выполненными греческими буквами, но на языке, который обнаружил несомненное сходство с языком этрусков, в ту пору, впрочем как отчасти и до сих пор, еще не расшифрованным; и все же находка послужила в высшей степени убедительным подкреплением восточной, по меньшей мере эгейской версии происхождения этрусков.

Но несмотря на это открытие, один из крупнейших романистов и этрускологов XX столетия М. Паллотино остался приверженцем концепции автохтонного генезиса этрусков, или, как они сами себя называли, расенов. Его позицию разделяют Тромбетти и Ф. Альтхайм. По версии этих ученых, Лемнос и Этрурия — это два региона, где сохранился палеоевропейский язык, вытесненный на разделяющей их территории индоевропейскими языками. Этрусколог Э. Макнамара также придерживается автохтонной версии. Но другой современный этрусколог Р. Блок, сторонник концепции восточного происхождения этрусков, находит ряд параллелей в религиозных обрядах Вавилона и Этрурии. Так, этрусские гаруспики считались знатоками в области фульгаритуры — предсказаниях, основанных на истолковании молний и ударов грома, но этому искусству обучены были и вавилонские

жрецы. Аргументы в пользу восточного происхождения расенов Блок находил в стилистических особенностях их искусства, в отразившемся в этрусской скульптуре антропологическом типе этого народа и даже в гематологических особенностях современных жителей Тосканы, предполагаемых потомков расенов, сближающих их с населением Леванта.

Как известно, этрусский язык, остающийся до наших дней не до конца разгаданным, представляет серьезные трудности в отнесении его к какой-либо языковой группе. Болгарский ученый В. Георгиев высказал гипотезу о хеттоязычии этрусков, а Майяни о принадлежности этрусского языка к илирийской семье. Но обе эти версии обнаружили свою несостоятельность, несмотря на присутствие в языке этрусков и хеттских и илирийских элементов. Этот язык, при наличии в нем заимствований из разных индоевропейских языков, в том числе также из греческого и итальянских, все же не является индоевропейским.

В исследование социальной структуры этрусского общества, его экономического развития заметный вклад внесли русские романисты XX в.: эмигрант М. И. Ростовцев, а также И. Л. Маяк и А. И. Немировский, автор вышедшей в 1983 г. книги, которая так и озаглавлена: “Этруски”. В 2002 г. была опубликована работа Г. И. Соколова “Искусство этрусков”.

5. Византология

Существовала ли Византия, если иметь в виду не город, а империю, — это большой вопрос. Во всяком случае в мире никогда не было государства с таким наименованием, а обозначаемая задним числом этим именем империя саму себя называла Римской или, по-гречески, Ромейской, но византология существует бесспорно. Этот термин, с принципиальной точки зрения вызывающий возражения, тем не менее употребляется здесь ввиду своей укорененности и общепринятости, делающей попытки заменить его иным, концептуально более верным, не особенно удобными и чрезмерно притязательными. Раз уж историки, исследующие христианскую Римскую империю со столицей на Босфоре, называют себя византинистами, а объект своих штудий Византией, то с этим ничего не поделаешь — приходится смириться. Необходимо только пояснить, что хотя ниже речь будет идти об историографии Византии в тех ее хронологических, географических и лингвистических границах, в которых она обыкновенно и бывает

представляема, то есть о восточной, грекоязычной по преимуществу половине империи от кончины святого Феодосия Великого и до падения Константинополя, но все-таки до коронации Карла Великого существовала единая империя на востоке и западе, и даже те западные страны, в основном вне Италии, которые были вне политического контроля со стороны Нового Рима, находились в поле его религиозного и духовного притяжения и влияния, при всей специфике социального и культурного мира вестготской Испании или королевства франков при Меровингах, так что было бы адекватней с точки зрения действительных цивилизационных процессов говорить об эпохе Нового Рима, который доминировал во всем христианском мире до Карла Великого или даже до великой схизмы 1054 г. Но поскольку сложившаяся в науке периодизация и таксономия культур искажает действительную историческую перспективу, мы вынуждены, по крайней мере в историографическом обзоре, считаться с вековым предрассудком и не игнорировать неудачно придуманные, но успешно прижившиеся кабинетные термины “Византия” и “византология”.

Византийская историография — это одно из высших достижений мировой культуры и, вслед за патристикой, наиболее ценное достояние в литературном наследии Восточной империи. Помимо популярных, рассчитанных на широкий круг читателей всемирных историй — хроник, или хронографов, которые уже упоминались здесь, и в которых, наряду с дохристианской древностью, от сотворения мира, отражалась и история христианской империи, — причем наиболее содержательными хронографами такого рода были труды Иоанна Малалы, Георгия Синкела, Георгия Амартола, а также великого канониста и исключительно разностороннего писателя Иоанна Зонары, — в Новом Риме писались удивительные по документальной достоверности “истории”, которые отчасти носят мемуарный характер, потому что отражают события, свидетелем или прямым участником которых был сам автор; он однако, в отличие от мемуаристов нового времени, не ставил себя в центр повествования, но стремился зафиксировать важнейшее из того, очевидцем чего ему пришлось быть, отчасти же рассказывал о недавнем прошлом, которое еще хранилось в живой памяти старших современников писателя. Составители таких “историй” опираются и на устное предание, но главным образом на уцелевшие от минувшей эпохи документы — глубина

ретроспекции в этих “историях” обыкновенно не идет далее одного–полутора столетий.

В середине IV века были написаны “Сказания” Прииска Пантийского, который при императоре Феодосии II в свите сановника Максимиана участвовал в посольстве к гуннскому хану Аттиле, вел в гуннской ставке дневник и эти свои исключительно ценные записи, содержащие достоверные сведения об Аттиле и гуннах, об их войнах и дипломатических отношениях, в особенности с Римской империей, положил в основу “Сказания”.

Одним из самых блистательных византийских историков был Прокопий Кесарийский, эллинизированный сириец из Палестины, автор “Войн” “с вандалами”, “готами”, “персами” и “Тайной истории”, или по-другому “Анекдотов”, в переводе с греческого — “не изданного”. А. Тойнби ставит его на четвертое место в ряду великих греческих историков — после Фукидида, Геродота и Полибия, впереди Ксенофонта. Это был современник святого Юстиниана и полуофициальный историограф его политических деяний и военных побед, состоявший при полководце Велизарии, который однако держал камень за пазухой и швырнул его и в своего благодетеля Велизария, и в самого императора, и в святую царицу Феодору со страниц “Анекдотов”. “Тайная история” справедливо была охарактеризована французским византинистом Ш. Дилем: “Это не историческое сочинение, а политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами” (см.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993, с. 448) — столько в нем злобы, горечи и саморазоблачительной, не знающей удержа клеветливой вражды, при чтении этого заряженного лютой ненавистью текста возникает впечатление об одержимости его автора. Похоже, что Прокопия отталкивали не только карикатурно изображенные им государственные деятели, но и весь уклад общества той переходной эпохи, когда складывалась культура, которая не без прокопиевской желчи названа была потом на западе “византийской”. Прокопий был, очевидно, крещеным человеком, но его взгляд на жизнь, на мир, на историю, на масштабных и заурядных участников этой истории даже в его официальных “Войнах”, а не только в “Тайной истории”, не растворен христианской любовью и состраданием, и всякое его упоминание о Церкви, о христианах по меньшей мере производит впечатление отстраненности, так что сочинения Прокопия — весьма удобный документ

для историков и публицистов, которые ведут многовековой обвинительный процесс против Нового Рима.

И все-таки это книги литературно талантливого, наблюдательного, аналитически одаренного и хорошо эрудированного, только совсем не беспристрастного историка. Одной из величайших эпох в истории человечества, веку Юстиниана, в который он жил, Прокопий выносит безапелляционный приговор, который, впрочем, может всерьез рассматриваться только в одном отношении — стремление Юстиниана восстановить целостность Империи, географически изуродованной варварскими вторжениями, хотя и увенчалось почти полным успехом, но действительно привело к расстройству экономики, истощению казны и большим человеческим потерям.

На рубеже VI — VII столетий самым значительным историком был Феофилакт Самокатта, “История” которого охватывает период от 582 до 602 г. и содержит ценные сведения о войнах ромеев с персами, аварами и славянами и о внутренней истории империи. В рассказах о быте и нравах авар или славян у Самокатты много фантастического, но политические, военные и церковные события представлены у него с большой достоверностью. Классическая эрудиция Самокатты подчас побуждает его предаваться несколько вялой и утомительной риторике, при этом часто эти свои риторические опусы он, по примеру древних, влагает в уста политических деятелей, так что от читателя требуются изрядные аналитические навыки, чтобы отделить истину от прикрас. В первой половине IX века появилась “Сокращенная история” патриарха Константинопольского св. Никифора, охватывающая эпоху от 602 до 769 г. Это наиболее содержательная хроника, относящаяся к эпохе иконоборчества. В ту же эпоху была написана “Хронография” преподобного Феофана Исповедника, посвященная продолжительному периоду от начала правления Диоклетiana до 813 г. Наибольшую ценность и в этой хронике представляют сведения об иконоборческой эпохе, которые автору известны были в основном не из вторых рук.

Одним из самых своеобразных писателей X столетия был император Константин Багрянородный, или Порфирогент. Его научные и литературные интересы поражают своей энциклопедической многосторонностью. По его инициативе составлялись агиологические своды, писались труды по естествознанию и военному искусству, он сам написал биографию своего деда

императора Василия Македонянина, составил слово на перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста. Но вклад Константина Порфирогенета в византийскую литературу и историографию более всего связан с его трактатами “О церемониях”, “О фемах”, “Об управлении империей”. Книга “О церемониях” содержит записи протокольного характера обо всем, что происходило в императорском дворце — сердце империи. Документальная достоверность этих записей исключительно надежна. В книге “О церемониях” сохранилась подробная протокольная информация о визите святой княгини Ольги в Константинополь, при этом однако в ней нет упоминания о крещении русской княгини.

По поручению императора Константина святой Симеон Метафраст составил грандиозный житийный свод, в котором он критически отредактировал, исправил и заново изложил древние жития — отсюда и прозвище автора Метафраст (перелagатель), добавив к ним жития собственного сочинения. Агиографический сборник Метафраста представляет большую ценность не только для религиозно-назидательного чтения, но и как труд по истории Церкви и Империи.

Среди историографов X столетия, золотого века византийской литературы, к числу которых принадлежали такие выдающиеся писатели, как Лев Грамматик, Симеон Магистр, Генесий, выделяется Лев Диакон, автор “Истории”, отличающейся замечательными литературными качествами и фактической точностью. Лев Диакон писал о событиях своего времени, с 959 по 975 г., так что он был свидетелем многих из них. В центре его повествования два правителя, которым принадлежала власть в пору малолетства династических автократов: родственники Никифор Фока и свергший его Иоанн Цимисхий. Значительное место в Хронике Льва уделено балканским войнам, и в контексте этой батальной истории с написанных им страниц “Хроники” встает великолепно написанный колоритный портрет русского князя Святослава, архонта и полководца варваров и язычников, увиденного глазами человека высококультурной и христианской цивилизации.

Вершина византийской историографии приходится на век Комнинов. В самом начале эпохи написал свою “Хронографию” один из самых талантливых византийских писателей Михаил Пселл. Это был придворный, чиновник, дипломат и ученый монах с широкой эрудицией и большим писательским талантом.

Ученый разносторонних интересов, щеголявший своей начитанностью, риторическим даром и диалектическим искусством, он как личность представляется поверхностным и даже мелким. Его религиозным убеждениям не был свойствен скепсис или сомнения, но светская жизнь увлекала его, и монашеством он тяготился.

Михаил Пселл не придавал важного значения своим историческим сочинениям; кроме знаменитой “Хронографии”, он написал еще “Краткую историю царей старшего Рима, а также и младшего”, считая себя ритором и философом, но философом он был вторичным, не оригинальным, а вот его “Хронография”, охватывающая период в сто лет, от 976 до 1075 г., представляет насыщенный достоверной информацией очерк византийской истории рубежа тысячелетий, написанный с изумительным литературным талантом. Михаил Пселл превосходил своих предшественников мастерством психологического портрета. В этом отношении рядом с ним можно поставить только таких древних историков, как Фукидид или Тацит, а из византийских, пожалуй, лишь Прокопия. Образы последних автократоров из Македонской династии — Василия Болгаробойцы, его брата Константина, их сестер Зои и Феодоры, одного из мужей Зои Константина Мономаха, основателя новой династии Иоанна Комнина начертаны пером искусного и наблюдательного писателя, знатока движений человеческого сердца и в то же время политика, посвященного в хитросплетения дворцовых интриг. В своих характеристиках Михаил Пселл не склонен к комплиментарности, может быть, порой и сгущает краски, но при этом все-таки старается быть справедливым и к тем, чьи портреты у него получаются не особенно выигрышными, не забывая отметить их добрые качества, во всяком случае он далек от той сосредоточенной ненависти, с какой писались “Анекдоты” Прокопия.

В эпоху Комнинов историческими писателями были лица, принадлежавшие к самой императорской семье. Кесарь Никифор Вриенний составил записки о событиях того же периода, которому посвящена “Хронография” Михаила Пселла — с 976 по 1087 г., талантливым литератором была его супруга и дочь императора Алексия Комнина Анна, которая в своих записках продолжила хронику мужа. Анна Комнина обладала удивительно разносторонним даже для византийской цивилизации образованием: она основательно изучила богословие, греческую поэзию и прозу, философию, математику. Записки Анны, посвященные главным

образом ее отцу, о котором она писала правду, но такую, которая уместна под пером преданной, любящей и искренне восхищенной дочери, были названы “Алексиадой”; это один из шедевров византийской исторической прозы. Огромный интерес представляют содержащиеся в “Алексиаде” характеристики крестоносцев, на которых Анна смотрела с неподдельным любопытством как на экзотические фигуры, но и не без свойственного ромеям сознания своего превосходства над западными варварами. При этом она не скрывает восхищенного удивления некоторым из изобретений франков, например арбалету.

Никита Акоминат, крупный государственный деятель своей эпохи, написал “Хронику”, в которой запечатлены события, происходившие в эпоху Комнинов и Ангелов, от 1118 по 1206 г. Он описал также захват и погром столицы крестоносцами. Вторая часть его “Хроники” вышла из-под пера прямого свидетеля и даже участника описанных событий, тем выше ее документальная ценность. Акоминат был замечательным писателем, ему превосходно удавались литературные портреты исторических деятелей: императоров, полководцев, политиков. В его “Хронике” с большой достоверностью отразилась повседневная жизнь византийского общества с ее характерными реалиями. Никите Акоминату принадлежит также обширный церковно-исторический труд под названием “Сокровище Православия”, в котором с исторической точки зрения особую ценность представляют заключительные главы, посвященные церковной жизни эпохи последних Комнинов и Ангелов, свидетелем которой он был.

Гибель Империи под ударами крестоносцев произвела тягостное впечатление на византийское общество, и в сравнении с блестящим расцветом предыдущего периода период Никейской империи был в культурном отношении несравненно беднее, но и он оставил потомкам своего историографа — Георгия Акрополита, который, принимая участие в политических событиях, писал о них со знанием дела, так что, наряду с анонимной “Морейской хроникой”, в которой отражены события, происходившие в Латинской империи, где греки были поработаны франками, “История” Акрополита стала наиболее важным историографическим документом Византии XIII столетия.

Историографами последней фазы в существовании Империи, продолжавшейся почти два столетия — от Михаила Палеолога до захвата Нового Рима османами, — стали Георгий Пахимер,

Никифор Григора и император Иоанн Кантакузен, который, удалившись после отречения от престола в монастырь, описал там бурные события, происходившие в Византии в его время, с 1320 по 1357 г. Самый канун падения Константинополя описан в исторических сочинениях Дуки, Георгия Франца и Лаоника Халкондилы, при этом Халкондила особое внимание уделил народу, который погубил христианскую империю — османам, представив в своей “истории” превращение одного из многих эмиратов Малой Азии в могущественное государство, которое уже тогда нанесло ряд сокрушительных ударов балканским грекам и славянам.

Падение Константинополя повлекло за собой быстрое увядание греческой культуры и массовую эмиграцию в Италию. Следствием этой эмиграции стал расцвет западноевропейского гуманизма. Любопытные итальянцы, а потом также французы и немцы обучались греческому языку у беженцев с порабожденных Балкан, но в эпоху возрождавшегося паганизма этот язык нужен был овладевшим им гуманистам не для того, чтобы лучше узнать мир, свидетелями гибели которого были они сами или их ближайшие предки, но для того, чтобы проникнуть умом во времена, канувшие в прошлое за полторы и за две тысячи лет до них. Гуманисты были обольщены вначале римскими, а потом эллинскими древностями, и христианская Византия оставалась у них в пренебрежении. На паганистические предубеждения накладывалась давняя антиправославная фанаберия католического Запада.

И все-таки уже в XV столетии на Западе писались труды, в которых отражены события, происходившие на востоке христианской Римской империи. Так, в 1483 г. итальянец Ф. Бьондо написал “Исторические декады от падения Римской империи”. Его ученику Лету Помпонию принадлежит “История цезарей”, охватывающая период от III до VII столетий. По мысли Помпония, прямым наследником павшего Рима стала Восточная Римская империя.

В век гуманизма в Италии коллекционируют византийские манускрипты. Богатые собрания греческих рукописей, вывезенных из Константинополя и других городов, а также из монастырей Византии, в основном относящихся уже к христианской империи, складываются в Риме, Венеции, Флоренции, Париже, затем в Базеле и Мадриде. Начиная с XVI столетия в Западной Европе ведется систематическое изучение византийского наследия.

В 1529–1531 гг. Г. Галоандер опубликовал “Corpus juris civilis”, включая новеллы св. Юстиниана. В 1560-е гг. базельский гуманист Иероним Вольф издал исторические труды Иоанна Зонары, Никиты Хониата и Никифора Григоры. Комментируя их, издатель впервые употребил кабинетный термин “Византийская империя”, и при всей его условности он удивительно легко прижился в науке. В конце XVI столетия немецкий ученый Левенклав подготовил к публикации и напечатал источники византийского гражданского и церковного права “Jus graeco-romanum” (Греко-римское право). Памятники светского и церковного права привлекали особое внимание западных ученых. Так, в 1661 г. французы Велль и Жюстель (Voellus et Justellus) выполнили критическое издание древних канонических сборников, по преимуществу грекоязычных — “Bibliotheca juris canonici veteris” («Библиотека древнего канонического права»). В ту же эпоху, в 1672 г., англиканский пастор Беверидж (Beveregius), впоследствии епископ, издал в Оксфорде в двух фолиантах “Sinodikon” («Синодикон») — свод греческих источников канонического права.

В эпоху реформации и контрреформации в полемике между католической и протестантской сторонами особое значение приобрела история Церкви. В появившихся тогда многотомных церковно-исторических сводах — изданных под руководством лютеранина М. Флация “Магдебургских центурий” (1554–1574) и “Церковных анналах” кардинала Цезаря Барония (1588–1607) значительное место занимает история Церкви на христианском Востоке. С 1643 г. в Антверпене иезуитами из Болландистского монастыря публикуются “Acta Sanctorum” — жития святых, в том числе и тех, кто подвизался на Востоке уже в византийскую эпоху.

Французский король Людовик XIII знал греческий язык и даже перевел на французский один из византийских памятников — наставления диакона Агапита императору Юстиниану. Королевский министр в период малолетства Людовика XIV кардинал Мазарини, увлеченный собиранием древних рукописей, создал богатую коллекцию греческих манускриптов христианской эпохи, после смерти министра перешедшую в королевскую библиотеку, о пополнении рукописного фонда которой византийскими рукописями заботился потом другой выдающийся министр Людовика XIV Кольбер. В 1688 г. немецкий ученый К. Келлер опубликовал “Историю средних веков со времен Константина Великого до взятия Константинополя турками”.

Наиболее яркое имя в европейской византистике XVII века — Шарль Дюканж. Это был издатель византийских и латинских текстов, филолог, историк. В 1680 г. он выпустил на латинском языке “Византийскую историю” в двух частях, первая из которых озаглавлена “О византийских фамилиях”, а вторая — “Христианский Константинополь”. Его самые грандиозные труды — два словаря: греческих (1688) и латинских писателей (1678), в которые вошли библиографические сведения о средневековых авторах опубликованных и неопубликованных текстов. При этом Дюканж в этих своих глоссариях выходит далеко за границы задач лексикографа, знакомя читателей с политическими событиями, бытовыми реалиями разных эпох западного и византийского средневековья. Замечательно и то, что Дюканж не разделял антивизантийских предубеждений позднейших западноевропейских историков.

Современник Дюканжа Ж. Мабилльон издал «Дипломатику» (1681), положившую начало новой вспомогательной историко-ведческой дисциплине, специально посвященной официальным документам, и в этом его собрании актов значительное место уделено документам византийской эпохи. Византийские рукописи и византологические исследования публиковались в «Парижском корпусе византийских памятников», который выходил с середины XVII века в течение целого столетия. В этом издании впервые опубликованы хроники преподобного Феофана Исповедника, Георгия Синкелла, Михаила Глики. В конце XVII века Лаббе издал акты Вселенских и Поместных Соборов в 18 томах. Л. Аллаций, католик греческого происхождения, исследовал патристическое наследие.

В начале следующего столетия Б. Монфокон опубликовал монументальную «Греческую палеографию», к которому византисты обращаются и в наше время. В первой половине XVIII столетия в Париже вышли работы бенедиктинского монаха Бандури «Восточная империя» («*Imperium Orientale*») и «Христианский Восток» («*Oriens christianus*») Лекьена, содержащие многочисленные надежные сведения по истории, географии и археологии Византии. Доминиканский монах Ж. Гоар, впервые издавший греческий «Евхологион», заложил основания научного изучения византийского богослужения. Во второй половине XVIII столетия во Флоренции и Венеции вышел подготовленный И. Д. Манси самый полный свод актов Вселенских и Поместных Соборов

и относящихся к ним источников — «*Sacrorum cociliorum nova et amplissima collectio*».

В век так называемого просвещения в Западной Европе складывается и доминирует негативный образ Византии, до известной степени унаследованный у Средневековья. Только если в прошлом главным клеймом Восточно-христианской империи была «схизма», теперь, в пору ренегатства интеллектуальной элиты Запада, Византии вменяется в вину сама ее приверженность христианству, третируемому как суеверие. Из государственного строя Восточной империи писатели подобного направления выводили ненавистный им новоевропейский абсолютизм, на Византию они проецировали свои антимонархические идеи, империю на Босфоре представляли как царство косности, стагнации и постепенной деградации. В концентрированном виде этот клубок предубеждений и фобий отразился в исключительно популярной «Истории упадка и гибели Римской империи», охарактеризованной выше в связи с историографией Рима. «Подданные Восточной империи, — писал Гиббон, — усвоившие и бесчестившие название греков и римлян, представляют безжизненное однообразие гнусных пороков, в которых не видно даже той энергии, которая воодушевляет выдающихся преступников» (Левченко, с. 4) Подобные перлы рассыпаны в сочинениях не менее знаменитых властителей дум Вольтера или Монтескье.

Негативное отношение к Восточной империи отразилось и в исключительно подробной, но при этом вполне компилятивной «Истории поздней Империи» («*Histoire du Bas-Empire*») Лебо, печатавшейся с 1757 по 1786 г. Лебо плохо знал греческий язык и пользовался в основном латинскими переводами текстов, которые служили ему источниками. Двусмысленное именование империи в заглавии этого труда — слово *bas* значит не только «поздний», но в первую очередь «низкий», ставшее расхожим в европейской исторической науке, — позволяло уже самому названию страны придавать уничижительный оттенок.

Пристрастно несправедливое восприятие самого феномена Византии, ее культурного наследия, ее политических традиций, выросшее из многовековой конфессиональной вражды, стало характерной чертой не только западной науки, но и обыденного сознания католической и протестантской Европы. О возникших на этой почве, глубоко укоренившихся и не изжитых поныне «клише и стереотипах» метко говорил современный русский

византинист С. Карпов: “Возьмем самый верхний лингвистический срез и посмотрим, что обозначает слово “Византия” и его производные в современных европейских языках. В английском языке *byzantine* — коварный, предательский, интриганский, по-французски *byzantinisme* — начетничество, склонность к пустым спорам, по-немецки *byzantinisch* — низкопоклоннический, раболепный, по-итальянски *bizantino* — педантичный, буквоедский, начетнический, впрочем, также изысканный, утонченный (о стиле), *bizantismo* — вычурность, по-испански *bizantino* — беспредметный, пустопорожний». (Документы и материалы Международных конференций в Венеции (2006) и Братиславе (2007). М., 2007, с. 67). Эта лексическая справка дает превосходный материал для исследования этнических и цивилизационных фобий.

И все же на Западе появлялись солидные и объективно написанные византологические труды. Одним из центров этой дисциплины стала основанная еще в 1754 г. в Вене Академия восточных языков. Самый значительный вклад в византинистику в XIX веке внесли немецкие ученые. В Бонне с 1829 по 1897 г. вышел богатейший свод источников по истории Византии — «*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*» в 50 томах.

С оригинальной концепцией выступил немецкий ученый Я. Ф. Фальмерайер, который в 1830 г. опубликовал первый том «Истории полуострова Мореи в средние века», в котором он, идя вразрез с охватившей тогда европейское общественное мнение солидарностью с борющимся за независимость греческим народом, в котором видели прямых преемников древних эллинов, отрицал какую бы то ни было этническую связь современных греков с древними. Фальмайер считал, что население Балкан претерпело радикальные перемены вследствие славянской колонизации VI столетия, а затем в XIV веке славяно-греческое население было оттеснено албанскими переселенцами, так что восстание в Морее против османского владычества было делом албанцев, а не в ту пору уже не существовавших потомков Перикла и Софокла, как то воображали охваченные энтузиазмом филэллины. Парадоксальные выводы автора были, конечно, оспорены его оппонентами, но заслуга Фальмайера в том, что он обратил внимание на действительные факты этнической истории южных Балкан, связанные прежде всего с их славянской колонизацией в ранневизантийскую эпоху, а затем, в финальный период истории Империи, с участием в ней населявших Эпир албанцев.

В 1867 г. вышла книга Карла Гопфа «История Греции с начала средневековья до нашего времени», в которой он, полемизируя с Фальмайером, впадает в противоположную крайность, минимизируя присутствие славян в Греции. Он считает, что славянские поселения в Аттике и на Пелопоннесе существовали лишь с 750 по 807 г. Значение солидного труда К. Гопфа выходит, конечно, далеко за рамки темы славянского присутствия в Византии. Одним из его последователей был Ф. Грегоровиус, автор фундаментальной монографии «История города Афин в средневековье». В 1883 г. вышел труд Г. Ф. Герцберга «История Византийской и Османской империй», позже переведенный на русский язык. Герцберг выступил в этой книге не хулителем, а, напротив, апологетом Византии, политический и юридический строй которой он представил образцовым, считая причиной гибели империи не ее внутренние болезни, а внешний фактор — напор превосходящих сил исламского мира.

Крупными византологами были также филолог К. Крумбахер, церковный историк кардинал Иосиф Гергенретер, специалист по юридическим и каноническим памятникам Византии Цахарие фон Лингенталь. Голландский историк Д. Гесселинг опубликовал в 1902 г. книгу «Византия. Исследования в области нашей духовной культуры со времени основания Константинополя», в которой он уходит от господствовавшей ранее в западноевропейской науке тенденции к принижению византийской культуры и меры ее влияния на Запад.

Важнейшим вкладом французской науки XIX века в византологию стало подготовленное аббатом Ж. П. Минем издание «Полного курса патрологии», вышедшего с 1844 по 1866 г. в параллельных сериях на греческом и латинском языках. Автором ряда блестящих монографий по истории и археологии Византии, знатоком византийского искусства был французский ученый рубежа XIX и XX столетий М.-Ш. Диль. Его перу принадлежат такие труды, как «Равенна. Исследования по византийской археологии», «Исследования о византийской администрации в Равеннском экзархате», «Церковь и мозаики монастыря святого Луки в Фокиде». Последний труд Диля «Основные проблемы истории Византии», вышедший в 1943 г., был вскоре после его публикации переведен на русский язык. По контрасту с Гиббоном Диль высоко ценит культурный уровень византийской цивилизации и, в соответствии с действительным положением дел, сравнивает

значение Византии для России и балканских славян со значением Рима для германского мира. В Византии он видит воспитателя и учителя славянских народов.

Учениками Диля были такие крупные ученые, как Л. Брейе, Ф. Шаландон и Ж. Эберсолт. В Италии в конце XIX столетия вышел солидный труд П. Гауденци «О взаимоотношениях между Италией и Восточной империей от 476 до 554 г. ».

Одним из выдающихся византинистов XIX века был английский историк Георг Финли, который написал 7-томную «Историю Греции от ее покорения римлянами до настоящего времени — с 146 г. до Р. Х по 1864 г. », составленную из нескольких трудов, посвященных разным периодам истории греческого народа. Это была книга увлеченного филэллина, участника войны за независимость Греции, поселившегося и скончавшегося в этой стране в 1876 г. Византийская эпоха составляет, естественно, только часть истории греческого народа, но его, с точки зрения Финли, хотя и не лучшую, однако вполне органическую часть. Начало этой эпохи историк связывает с вступлением на престол Льва Исаврянина в 716 г., а конец — с покорением Константинополя крестоносцами в 1204 г. Предшествующий период, который Финли начинает с завоевания Греции римлянами, он рассматривает как эпоху господства в Греции римских начал, а в периоде, начавшемся с IV крестового похода и завершившемся 1453 годом, он видит всего лишь вырождение Византии. Периодизация Финли своеобразна и не бесспорна, но она основательно аргументирована и не лишена фактических оснований.

Самым значительным достижением английской византистики стали труды ученого рубежа XIX и XX веков Дж. Б. Бьюри. Его монументальные исследования, посвященные разным эпохам византийской истории, носят характерные названия: «История поздней Римской империи от Аркадия до Ирины», «История поздней Римской империи от падения Ирины до вступления на престол Василия I». Уже самим наименованием работ Бьюри стремится показать, что история Римской империи не закончилась в IV или V веке, что ее непрерывное существование продолжалось до падения Нового Рима в 1453 г., а употребление по отношению к ней таких характеристик, как византийская или греческая империя, только затемняет и искажает суть дела, заключающуюся в сохранении прямого преемства от Августа до Константина IX. Со времени Карла Великого существовали уже две соперничавшие

Римские империи — западная и восточная, так что только 3-й том своего фундаментального труда, в котором описываются события, происходившие после 800 г., Бьюри называет «История Восточной Римской империи», но прилагать характеристику «Восточная» и «Западная империя» к более раннему периоду, к эпохе, которая началась с преемников Феодосия Великого, нет оснований, равно как фиктивным событием было и падение Западной империи в 476 г., — с точки зрения Бьюри такой империи тогда еще не существовало. Ситуацию, сложившуюся после святого Феодосия Великого, Бьюри считает принципиально не отличающейся от той, которая была ранее, когда империей управляли сыновья святого Константина Великого Констанций, Константин и Констант, которые были независимы один от другого, но действовали в рамках единой политической и правовой системы — империи, подвергшейся действительной дезинтеграции значительно позднее времен Аркадия и Гонория — при Карле Великом.

В XIX и XX веках заметный вклад в византологию внесли греческие историки, обратившиеся к изучению прошлого своей родины. В 1840-е годы появились работы Папарригопуло, посвященные истории Византии, в том числе исследование «О поселении некоторых славянских племен на Пелопоннесе». Его главный 5-томный труд, заверченный в 1877 г., — «История эллинского народа с древнейших времен до новейших». Работа отличается пламенным филэллинизмом. Автор склонен минимизировать значение римского элемента в истории Византии. Папарригопуло особенное внимание уделил императорам-иконоборцам, реформы которых он находит проникнутыми эллинизмом чистейшей воды. Историк отвергал существование внутренних причин падения Константинополя в 1204 г., считая единственной причиной катастрофы внешнее насилие.

В 1886–1908 гг. вышли 6 томов «Истории Греции с древнейших времен до взятия Константинополя», написанных С. Ламбросом. Эта богато иллюстрированная работа предназначена преимущественно для широкого читателя, но при этом, по характеристике А. А. Васильева, она «ясно и толково излагает события византийской истории до конца существования Империи» (А. А. Васильев. Лекции по истории Византии. Т. 1. Пг., 1917, с. 26).

По очевидным причинам особенно весомый вклад в византистику внесла русская наука — Русь, крещенная греческими миссионерами, сложилась как государство и как народ в лоне

православной византийской цивилизации, а после падения нового Рима на Руси естественным образом возникла идея о византийском наследии, о Москве — Третьем Риме. В византинистике труды отечественных ученых вносят более весомый вклад, чем в область древней истории, вполне сопоставимый с результатами византологических изысканий самых значительных национальных европейских школ. О масштабах развития этой области знания в России начала XX века говорят уже такие факты, как существование византологических кафедр во всех 4-х духовных академиях и в университетах, открытие российского археологического института в Константинополе, издание двух специальных византиноведческих журналов.

Первые специальные византологические исследования появились у нас в середине XIX века: это были «Осада и взятие Византии турками» М. М. Стасюлевича, «Образование Трапезундской империи» А. А. Куника, статьи А. П. Зернина об императорах Василии Македоняnine и Константине Багрянородном и о св. патриархе Фотии. Основоположителем полноценной научной византистики в России должен считаться В. Г. Васильевский, сын сельского священника, учившийся после окончания Петербургского университета в Германии у Моммзена и Дройзена. Его первые самостоятельные шаги в науке связаны с русской и древней историей, но его мировая известность в научном мире началась со статьи «Византия и печенеги», опубликованной в 1872 г. Наиболее крупные работы Васильевского — «Материалы для внутренней истории Византийского государства» и сборник статей под обобщающим названием «Русско-византийские исследования». В этих «Исследованиях» опубликованы славянские тексты житий святых Георгия Амастридского и Стефана Сурожского — самые ранние документальные свидетельства соприкосновения Руси с христианством.

Первый опыт составления общей истории Византии в русской историографии предпринял профессор Киевского университета Ю. А. Кулаковский. По своим первоначальным научным интересам он был романистом, посвящая свои изыскания истории римских институтов императорской эпохи, но затем переключился на позднейший период — на Византию. С 1910 по 1915 г. вышли три тома его «Истории Византии», которые охватывают период от Феодосия Великого до начала иконоборчества. Изложение исторических событий, основанное на источниках и на работах

западноевропейских историков, отличается у него чрезвычайной, иногда, возможно, чрезмерной подробностью, погружением в детали, недостаточно критическим отбором более важных событий из моря фактов, зафиксированных в документах. Но ко времени своего появления труд Кулаковского давал русскому читателю самую полную на его родном языке информацию по ранней истории Византии вместе с изложением основных концепций западных историков по византологической проблематике.

Выдающийся русский византист Ф.И. Успенский вышел, как и Васильевский, из духовной среды. В течение 20 лет, с 1894 по 1914 г., он работал в Константинополе, занимая там должность директора основанного им Русского археологического института. Таким образом, он имел возможность изучать Византию в ее эпицентре, там, где, хотя и в искаженном позднейшими перестройками виде, стоит Святая София, где сохранились другие великолепные памятники всех эпох Нового Рима, где под ногами, в земле, покоились бесчисленные следы этой погибшей цивилизации, где, наконец, в ту пору еще оставались не изгнанные из своей родины живые наследники христианской Империи — ромеи. Поэтому так достоверны, конкретны и убедительны результаты археологических и исторических исследований Успенского, среди многочисленных статей и монографий которого могут быть выделены такие работы, как «Очерки по истории византийской образованности» и посмертно опубликованные в 1929 г. «Очерки по истории Трапезундской империи».

Но самый монументальный труд Успенского — его 3-томная «История Византийской империи», которая до сих пор представляет собой самое полное на русском языке изложение истории Византии, написанное, в отличие от «Истории упадка и падения Римской империи» Гиббона, пером добросовестного непредубежденного ученого, умеющего при всей своей академической объективности оценить величие той цивилизации, история которой была предметом его исследований, и ее особенное значение для России. «Византизм, — писал Успенский, — становится идеалом славянского царства.., с Юга византизм доходит до Киева и Москвы, по византийским началам складывается историческая жизнь восточноевропейских народов. В связи с византизмом стоит распределение Европы на две половины: православную и католическую» (Ф.И. Успенский. История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996, с. 18). Ученый уделяет должное внимание

политической и социальной истории византийского общества, событиям церковной жизни, этнографическим процессам в границах империи на протяжении целого тысячелетия.

Ф. И. Успенский явился одним из создателей первого в мировой науке византологического журнала — «Византийского временника», выходящего с 1894 г., этот журнал — один из редких примеров периодического издания, выпуск которого, прерванный революционной катастрофой, был возобновлен в 1927 г. и продолжается до наших дней.

Хронологически последним из трех выдающихся русских византинистов был А. А. Васильев, который, как и его друг М. И. Ростовцев, вынужден был в 1920-е гг. эмигрировать. Наиболее значительные труды послереволюционного периода писались им в Соединенных Штатах и по-английски. В Америке он стал по существу дела основоположником византологической школы. За год до своей кончины, в 1952 г., Васильев был избран почетным президентом Византийского конгресса в Фессалониках — и это стало справедливым признанием масштабности вклада русского историка в византологию.

В первый период научного творчества главной темой Васильева были взаимоотношения Византии с арабами: в 1901–1902 гг. вышла его двухтомная монография «Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии» и «Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии». В эмиграции он написал такие книги, как «Готы в Крыму», «Нападение руссов (норманнов) на Константинополь» и «Юстин Первый». Васильев выполнил критические издания арабоязычных христианских историков Яхьи Антиохийского и Агапия Мандбиджского. Еще в России ученый начал работать над общей историей Византии, и в 1917–1925 гг. в Петрограде вышли в 4 выпусках его «Лекции по истории Византии». В эмиграции Васильев продолжал работу над синтетической историей Византии; в результате в 1928–1929 гг. была напечатана его «История Византийской империи, 324–1453» по-английски, затем, в 1932 г., был опубликован расширенный текст этой «Истории» в Париже, на французском языке, и, наконец, наиболее полный вариант был напечатан в 1952 г. снова по-английски, в 2-х томах. В этой «Истории» Васильев отразил новейшие результаты византологических исследований. Как и Успенский, в центр своего изложения византийской истории он поставил политические

события, отражен у него и социальный аспект, но специфика его работы в том, что значительное внимание в ней уделено церковной истории, духовной и культурной жизни византийского общества, литературе и искусству Византии.

Крупными византинистами русской эмиграции были живший в Югославии и писавший на английском, немецком и сербском языке Г. А. Острогорский, его ученик В. А. Мошин, а также И. И. Шевченко.

Значительное место в русской византистике занимают труды историков Церкви. Огромный вклад в собирание, изучение и публикацию древних и средневековых церковных памятников внес епископ Порфирий (Успенский), который значительную часть своей жизни провел там, где хранились эти рукописи, — в Палестине, на Афоне, в Константинополе. В 1884 г. в качестве докторской диссертации был опубликован труд Н. А. Скабалонovichа «Византийское государство и Церковь в XI в. от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина». В том же году он напечатал еще один солидный церковно-исторический труд «Разделение церквей при патриархе Михаиле Керуларии». Среди русских церковных историков по научной акривии и богословской глубине анализа бесспорное первенство принадлежит В. В. Болотову. Большая часть его «Лекций по истории Древней Церкви» относится к эпохе Вселенских Соборов — к ранневизантийскому периоду.

Плодовитым историком был А. П. Лебедев, автор ряда книг, вышедших в конце XIX столетия: «Вселенские Соборы IV и V в.», «Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX — XI вв.», «Греческие церковные историки IV, V и VI вв.». Лебедев не был вполне оригинальным исследователем, он опирался в своих публикациях на труды других, главным образом западноевропейских историков, но писал он с изрядным литературным талантом, при этом однако не без налета поверхностной публицистичности. Несравненно более глубоким и оригинальным ученым был И. Е. Троицкий, автор замечательной монографии «Арсений, Патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты», в которой он обнаружил главный нерв во взаимоотношениях Церкви и государства в поздней Византии — спор акривистов и икономистов. В начале XX века были опубликованы церковно-исторические труды И. И. Соколова «Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX

до начала XIII века (842–1204)», «Избрание Патриархов в Византии», «Избрание архиереев в Византии IX–XV вв.», «Вселенские судьи в Византии».

Русская византистика — это также труды литургистов И. Д. Мансвотова и А. А. Дмитриевского, канонистов А. С. Павлова и Ф. А. Курганова, церковных археологов, и среди них в первую очередь Н. П. Кондакова, автора «Истории византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей», «Мозаики мечети Кахрие-Джамие» и, наконец, самого фундаментального в его наследии труда — «Иконографии Богоматери». Учениками и продолжателями Н. П. Кондакова стали Д. В. Айналов, выехавший из России в Болгарию в 1920 г., эмигрировавший на Запад А. Н. Грабар и В. Н. Лазарев, автор классической «Истории византийской живописи», вышедшей в 1947 г., и не в эмиграции, а в Советском Союзе.

Самые блестящие достижения отечественного источниковедения византийского церковного права связаны с трудами канониста XX века В. Н. Бенешевича. Ему принадлежат тщательно выверенные публикации важнейших памятников церковного права: «Синагоги в 50 титулах» Иоанна Схоластика и «Синтагмы в XIV титулах». Скрупулезное исследование рукописных источников привело его к убеждению, что, в отличие от «Кодекса» Юстиниана, ни один императорский закон иконоборческой эпохи (VII–IX вв.) не был признан как общецерковная норма. Эти выводы он изложил в книге «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г.». (1905).

В эмиграции были созданы блестящие патрологические труды П. Карсавина и протоиерея Георгия Флоровского. Особенно значителен вклад русских ученых в изучение наследия святителя Григория Паламы, и в этой связи в первую очередь следует упомянуть исследования архиепископа Василия (Кривошеина) и протопресвитера Иоанна Мейендорфа.

В Советском Союзе после смерти Ф. И. Успенского в 1928 г. византистика оказалась фактически в летаргическом состоянии. Работы, подобные последним его статьям или упомянутому выше труду ученика Кондакова Лазарева, представляли собой редкие исключения. А правилом стало, во-первых, пренебрежение к самой этой дисциплине ввиду ее неизбежной включенности в контекст истории Православной Церкви, в которой, по меньшей мере в 1920 и 1930-е гг. виделся главный мировоззренческий

противник господствующей идеологии; во-вторых, если уж и допускалось продолжение исследований в области византологии, то почти исключительно по экономической и социальной тематике, в интерпретации политических событий во главу угла должна была ставиться классовая борьба; а еще, с марксистской концепцией пяти общественных формаций связана была навязчивая идея о вселенской универсальности феодализма, которая насильствовала историческую науку, принуждала отыскивать и в Византии черты западноевропейского феодализма, причем не только в эпоху после императора Ираклия или во времена крестовых походов, когда по крайней мере там наблюдались некоторые параллельные с западным обществом явления и процессы, но даже в царствование святых Константина и Юстиниана. К тому же советская школа, и средняя и высшая, давала минимальную базу знаний для профессиональной работы в византистике.

И все же студенты исторических факультетов нуждались в учебной литературе, в том числе и по Византии. В 1940 г. была напечатана «История Византии» М. В. Левченко. Ее автор был хорошо образованным ученым, так что даже этот насквозь идеологизированный учебник способен был дать читателю представление о действительной истории Византии, а при умелом чтении, с мысленной поправкой на концептуальную деформацию, это представление могло быть и достаточно объективным.

В послевоенные и поздние советские годы отечественные историки научились отделяться дежурными, почти ритуальными идеологическими клише и парой цитат из Маркса или Ленина, не важно, имеющих или не имеющих отношение к делу, а в остальном заниматься уже добросовестными исследованиями. Кроме того, идеологический курс в последние годы Сталинского правления включал патриотический компонент, внимание к национальным корням, а культурные корни русского, грузинского, армянского и молдавского народов уходили в византийскую почву.

Предпринятое тогда переиздание «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского послужило мощным толчком к регенерации отечественной византистики. Среди историков позднесоветского периода, которые внесли реальный вклад в изучение Восточной христианской империи, должны быть упомянуты М. Я. Сюзумов, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова и в особенности А. П. Каждан, который, впрочем, окончил жизнь в эмиграции.

Выдающимся знатоком византийского наследия, ее богословской и философской литературы был исключительно одаренный ученик Лосева С. А. Аверинцев, который, начав свою научную деятельность в 1960-е гг., и тогда умел быть свободным от господствующей идеологии, избегая в большинстве случаев даже церемониальных знаков поклонения ей.

В наши дни нет идеологических тормозов для развития византиноведения, и в этой области не без успеха работают талантливые ученые И. П. Медведев, М. В. Бибиков, Г. М. Прохоров. В этом ряду следует упомянуть и имя недавно скончавшегося византиниста С. Чичурова. Фундаментальную «Историю Трапезундской империи», ранее изученной недостаточно, написал современный византинист С. П. Карпов, снискавший ранее признание в научном сообществе монографией «Латинская Романия». Труд, посвященный Трапезундской империи, построен на продланном с исчерпывающей полнотой анализе разноязычных источников. Опубликованный в 2007 г., он представляет собой на сей день самое полное и достоверное в мировой византинистике исследование по истории этого осколка великой империи, включенного в сложный контекст взаимосвязей с католическим Западом, Русью и исламским миром. Трапезундская тематика стоит также в центре научных интересов историка Р. М. Шукурова, выдвинувшего концепцию латентной тюркизации византийского общества, в особенности Понтийского региона.

Заметных успехов достигла возрождающаяся ныне церковная наука в дисциплинах, соприкосновенных с византологией: в этой связи следует упомянуть труды патрологов митрополита Илариона (Алфеева) и А. И. Сидорова, литургистов А. М. Пентковского и диакона Михаила Желтова. О живом интересе в России к истории Нового Рима, законным преемником которого стал Третий Рим, выразительно свидетельствует ошеломляющий успех научно-публицистического фильма «Гибель Империи», сценарий которого написан архимандритом Тихоном (Шевкуновым).

И все же лидирующее положение российской науки в византиноведении, утраченное в советскую эпоху, пока еще не восстановлено, и после А. А. Васильева крупные национальные византологические школы Запада были более успешны, чем русская византинистика. Причем западная византология в XX веке начала освобождаться от негативных стереотипов, доставшихся ей в наследие от Гиббона и просветителей и продолжающих

господствовать в расхожих представлениях западных обывателей о Византии.

Крупный ученый первой половины столетия Рамзей, автор блестящих работ по эпиграфике и исторической географии, в «Исследованиях по истории и искусству восточных провинций Римской империи» приходит к выводу о высоком уровне жизни и процветающей экономике в малоазийских провинциях Империи. Французский историк Байе сравнивает культурную роль Константинополя не только для восточнохристианского мира, но и для средневекового Запада с ролью Афин и Рима в античном мире или Парижа в новое время.

Вполне благоприятные заключения о состоянии сельского хозяйства в Византии делают историки первой половины XX века А. Гарди, Шнебель и Ж. Руайар, написавший монографию под названием «Гражданская администрация в византийском Египте». Руайар вместе с П. Голомом в 1937 г. опубликовал свод актов Великой Афонской Лавры. В 1932–1937 гг. В. Грюмелем были опубликованы «Регесты актов Константинопольского Патриархата» в 3-х томах.

В послевоенные годы значительный вклад в византологию внесли итальянские ученые Э. Фольери и Ф. Коньяссо, французы П. Лемерль, Р. Жанен и церковный историк Г. Барди, немцы Ф. Дельгер и фон Штейнманн, Г. Подскальски и Х. Г. Бекк, австриец Х. Хунгар, американцы Джон Шнейдер и П. Харанис — оба ученики Васильева. Выдающимся бельгийским византологом XX столетия был А. Грегуар, занимавшийся такими разными темами, как византийская поэзия и павликианская ересь, издавший свод ранних христианских надписей из Малой Азии.

В Великобритании в конце XX века вышел рассчитанный на широкого читателя, написанный живо и увлекательно, но при этом научно корректный труд Дж. Ю. Норвича «Византия», посвященный истории империи от святого Константина до падения Нового Рима. Он состоит из трех отдельных книг: «Ранние века» (1988), «Апогей» (1991) и «Упадок и падение» (1995). В центре внимания автора — политическая история империи. Заимствуя отдельные оценки, восходящие к Гиббону, Норвич в целом свободен от его антивизантийских предубеждений. Свой труд он предпринял для того, чтобы развеять сложившиеся в сознании западного общества закоренелые и несправедливые стереотипы и продемонстрировать читателю величие империи,

просуществовавшей столь долго и погибшей под ударами внешних врагов. Заслуживает всяческой поддержки убеждение историка в реальном существовании единой христианской империи в течение многих веков после мнимого ее раздела в 395 г., до эпохи Карла Великого, до 800 г.

Самый крупный византинист второй половины XX столетия — английский историк русского происхождения Д. Оболенский. В монографии «Византийское содружество наций» он очертил границы мира византийской цивилизации, в рамках которого существовало не только религиозное единство и культурная идентичность, но присутствовали также элементы политического союза, имевшего и правовую основу, заключавшуюся в признании особого места императора в православном мире.

В ряд с большими западноевропейскими византологическими школами в XX веке встала и греческая наука. Среди крупных греческих византинистов следует упомянуть исследователя византийской культуры и быта Ф. Кукулеса, специалиста по экономической истории Византии Я. Кордатоса, а также С. Трояноса, К. Пицакиса и Я. Конидариса, труды которых посвящены главным образом византийскому правовому наследию. Крупными византологами были также чех Ф. Дворник, румын Н. Йорга, сербские ученые Н. Радойич и Б. Ферьянич — оба ученики Острогорского.

В 1924 г. в Бухаресте состоялся первый международный византологический конгресс, с тех пор такие конгрессы проводятся регулярно, последние проходили в Москве (1991), Копенгагене, Париже и Лондоне (2006), и многие из зачитываемых на них докладов демонстрируют серьезные научные достижения.

6. Славистика и балканистика

Эти две области объединены здесь потому, что они в значительной части своей накладываются одна на другую. Но за пределами этого наложения остаются, конечно, историография России, о которой речь будет идти в особом, следующем разделе, а также историография западославянских народов, новой Греции, Румынии и Албании. С цивилизационной точки зрения, соединение балканистики, предмет которой составляет органическое продолжение византологии, и историографии Польши, Чехии и Словакии — это беспринципная эклетика, но такова сложившаяся традиция, и важен не формальный уход от нее, но понимание того, что мир западных славян, как, впрочем, и словенцев

с хорватами, связанный узами лингвистического и кровного родства с православным славянским миром, принадлежит все-таки иной ветви христианской цивилизации — западноевропейской.

Славянское просвещение и книжность своим происхождением обязаны подвигу святых братьев Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности, переводчиков Священных и богослужебных книг на созданный ими литературный язык, в основание которого были положены разные славянские наречия, более других македонских болгар, но при этом подвергнутые в письменном языке радикальной трансформации: словарный фонд они обогатили иноязычной лексикой, в основном греческой, и, что еще важнее, святые братья сообщили созданному ими литературному языку эллинский синтаксический строй.

На этом языке и писались первые славянские книги, вначале в Болгарии, а потом и по всему славянскому миру, с известными оговорками относительно западных славян. В Болгарии были переведены на славянский язык византийские хронографы Иоанна Малалы и Георгия Амартола, писались там и оригинальные сочинения, в том числе и те, что содержали исторический материал, в частности статья Храбра о создании славянской письменности.

В Польше в XII — XIV веках составлялись хроники, или летописи, национальные по содержанию, но на латинском языке. Известны имена составителей таких хроник. Это епископ Балдуин Галл из Крушевицы, иностранного происхождения, Викентий Кадлубек, Башко, Янко из Чарнкова. Замечательные чешские хроники, причем на отечественном, чешском языке, были написаны в XVI столетии: в эту эпоху расцвета чешской литературы Даниил-Адам Велеславин написал «Исторический календарь», Вацлав Гаек — «Чешскую хронику», Бартош Писарь — «Пражскую хронику». Выдающимся писателем XVII столетия был хорват Юрий Крижанич, много путешествовавший по славянским странам, посетивший Россию и побывавший в 15-летней сибирской ссылке, один из первых проповедников славянского единства. В трудах этого слависта и панслависта много ценных сведений филологического и историографического характера.

В 1762 г. монахом афонского Хиландарского монастыря святым Паисием было завершено первое систематическое изложение истории Болгарии под названием «О царях и святых болгарских и всех деяниях болгарских». Славное прошлое болгарского народа должно было, по мысли писателя, побудить его

соотечественников к сохранению своего национального лица и к восстановлению независимости Болгарии.

Вполне научный характер славистика приобретает в XVIII столетии в трудах чешских ученых. В 1745 г. появляется книга И. Иордана «О происхождении славян» («De originibus slavicus»). Его последователями были историки Г. Дебнер и Ф. Пельцель, труды которых посвящены общеславянской и специально чешской истории, филолог и знаток славянских древностей И. Добровский.

Польский историк епископ Луцкий Адам Нарушевич составил «Историю польского народа от начала христианства», которую он довел до 1386 г. Эта «история», основанная на критическом изучении средневековых летописей и архивных документов, представляет первый солидный опыт научного изложения истории Польши. В своих политических воззрениях Нарушевич был одновременно националистом, демократом, стремившимся к упразднению сословного деления общества, и монархистом, мечтавшим о восстановлении самодержавного правления, какое он, не без очевидных натяжек, обнаруживал в эпохе Пястов. Крупнейшим польским историком-славистом рубежа XVIII и XIX столетий был Л. Суrowецкий.

Польский революционер первой половины XIX века И. Лелевель в своих исторических трудах стремился реконструировать польскую историю в духе крайнего республиканского доктринерства, идеализируя республиканские элементы в государственном устройстве Речи Посполитой. В кругу последователей и эпигонов Лелевеля сложилась столь характерная для национально-политического и религиозного мировоззрения революционной шляхты идея польского мессианства.

Во второй половине XIX века польская историография постепенно освобождается от гипноза лелевелевской идеологии и входит в русло академической науки. Это было заслугой таких профессиональных историков, как Шуйский, Калинка, Лиске, Белевский, Павинский, Войцеховский, Кентржинский, Плебанский. Их занимала главным образом отечественная история.

Общеславянская проблематика, славянские древности разрабатывались в XIX веке по преимуществу чешскими и русскими учеными. Самое громкое имя в чешской славистике этой эпохи — Павел-Иосиф Шафарик, который, впрочем, был по происхождению словаком, а писал не только по-чешски, но и по-немецки. Шафарик был поэтом, филологом и историком. Его важнейший

труд — «Славянские древности» (1837) послужил отправной точкой для дальнейших исследований славистов. Истоки славянской истории были выведены Шафариком из области легенд и мифов и поставлены на твердую почву достоверных документально подтверждаемых фактов, при этом ранняя история славян представлена у него в контексте взаимоотношений славян со скифами, сарматами, германцами, кельтами, финноязычными народами. Уже в самый год появления этого труда на чешском языке в России вышел его частичный перевод, полный перевод опубликован был в 1848 г. Друзьями и учениками Шафарика были первые русские слависты — Бодянский, Срезневский, Григорович.

Современник Шафарика, чешский политический деятель Ф. Палацкий опубликовал вначале на немецком, а потом на чешском языке 5-томную «Историю Чехии». В этом монументальном исследовании история Чешского государства и народа представлена во взаимоотношениях с историей Германии и славянских стран. Палацкий выделяет эпоху Яна Гуса и гуситских войн как один из важнейших моментов в истории борьбы чешского народа за свою национальную независимость и религиозную свободу. Громкую известность приобрели многочисленные оригинальные труды и переводы чешского ученого и общественного деятеля В. Ганки, в основном посвященные славянской филологии. Впрочем, в академических кругах его репутация пострадала из-за выполненных им по патриотическим мотивам литературных мистификаций, которые не вполне корректно были квалифицированы в этой среде как фальсификации древних памятников.

Во второй половине XIX века наиболее значительными чешскими славистами были К. Иречек, В. Кржыжек, И. Первольф. К этой же эпохе относятся труды сербских историков Крстича, Дучича, П. Сречковича, хорвата И. Кукулевича-Сакцинского, Ф. Рачкого, С. Любича, болгарских ученых архимандрита Неофита и Златарского. С историографической и этнографической тематикой соприкасаются отдельные труды крупнейших филологов-славистов словенца Ф. Миклошича и хорвата И. В. Ягича.

Систематическое изучение славянской филологии и истории в России связано с инициативами государственных сановников начала XIX века канцлера графа Н. П. Румянцева и министра народного просвещения и президента Российской академии адмирала А. С. Шишкова, задумавшего открыть кафедры славистики во всех российских университетах, а также его преемника

по министерству графа Уварова, при котором этот замысел и был осуществлен.

Одним из первых значительных славяноведческих трудов в России было сочинение О. М. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен» (1855). Затем появляются работы А. Гильфердинга, посвященные истории западных и балканских славян, и Новикова — о Яне Гусе. Самым крупным русским славистом второй половины XIX—начала XX столетия был академик В. И. Ламанский, исследования которого посвящены проблемам, связанным с созданием славянской письменности святыми Кириллом и Мефодием, славянской этнографии, истории славянских литератур, но главным образом политической и культурной истории славянских народов. До него в российской славистике преобладала филологическая тематика, а многочисленные ученики Ламанского занимались уже в основном историческими темами.

В начале XX столетия славистика в России переживает расцвет. В этой области работают ученые, главной специальностью которых была история России: Готье, Греков, М. К. Любавский, который в 1912 г. опубликовал «Историю западных славян». Эти ученые старой школы, оставшиеся в Советском Союзе, продолжали научную деятельность, кто, как Греков, приспосабливаясь к господствующей идеологии, кто, как Любавский, пытаясь, насколько это было возможно, сохранить для себя свободу исследований, часто ценой внешней свободы.

В наше время появились замечательные монографии академика Седова и С. В. Алексеева, посвященные славянским древностям; средневековая история славянских стран и народов составляет предмет научных интересов Б. Н. Флори, истории славянских стран XIX и XX столетий посвящены исследования Волкова.

Крупнейшим русским славистом XX столетия был эмигрант А. В. Флоровский, брат протоиерея Георгия Флоровского. Большую часть времени, проведенного в изгнании, А. В. Флоровский преподавал в Пражском университете, и его главный труд, над которым он работал более 10 лет, посвящен чешско-русским отношениям — «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений X–XVIII вв.». Его первый том вышел в 1935, а второй только в 1947 г. Эта монография отличается исключительной обстоятельностью, тщательным анализом использованных в ней архивных материалов, осторожностью и выверенностью выводов, иными словами, тем, что можно назвать

научной акривией. Еще один большой труд Флоровского, вышедший на чешском языке, посвящен узкой, но характерной теме — присутствию чешских иезуитов в России (*Cesti Jesuite na Rusi*, 1941).

Среди собственно чешских славистов XX столетия самое громкое имя — это Л. Нидерле. Его монументальный труд «Славянские древности», представляющий собой собрание очерков, переведен на русский язык и выходил с 1902 по 1934 г. В послевоенный период особенно значительный вклад в славистику внес Франтишек Дворник, чех по происхождению, писавший на родном языке, а также по-французски, немецки и английски. Его книга «Славяне в европейской истории и цивилизации», выросшая из курса лекций, прочитанных в Гарвардском университете, переведена на русский язык. Среди польских славистов масштабностью результатов своих исследований выделяется ученый второй половины XX столетия Ловмянский. Другой талантливый польский историк Г. Лябуда, как и словенец Б. Графенауэр, посвятил свое самое значительное исследование славянскому протогосударству Само. Заслуживают упоминания и такие польские слависты, как Яжджевский, Лециевич, В. Хенсель, Комша, чешский историк Б. Достал, болгарин Овчаров.

История славянских народов уже в XIX веке изучалась и западными учеными, в том числе одним из крупнейших немецких историков А. Ранке, который в 1828 г. написал книгу по истории Сербии. На рубеже XIX и XX столетий появились труды французских славистов Л. Леже, Э. Дени, А. Рамбо, в 1920–1940-е гг. в этой области трудились французские историки А. Мейе и А. Мазон, в послевоенную эпоху — английский историк В. К. Мэтьюс, немецкий И. Херманн.

Начало румынской историографии восходит к XVI и XVII векам, когда писались хроники, посвященные событиям, происходившим в Молдавии и Валахии. Авторы некоторых из них известны — это Й. Некулче и М. Костин, другие хроники, или летописи, безымянны. Научное изучение румынской истории начинается только в XIX веке, когда появляются труды Й. Богдана, посвященные славянским источникам по истории Молдавского и Валахского княжеств, а также медиевиста Д. Ончула. Многотомную историю румынского народа написал тогда же А. Ксенопул. В XX столетии одним из крупнейших румынских историков был Й. Йорг, работы которого пронизаны

романтически-националистическими идеями. В 1984 г. в Лос-Анжелесе вышла «Румынская история» эмигранта В. Георгеску, позже переведенная на английский язык.

7. Историография России

У истоков российской историографии — Первоначальная летопись, которая по первым ее словам названа «Повестью временных лет». Традиционно составление «Повести» усваивается преподобному Нестору, бесспорному автору «Жития преподобного Феодосия» и «Сказания о Борисе и Глебе»; но «Повесть» представляет собой компиляцию, включающую ряд последовательных наслоений, так что преподобный Нестор мог быть и, весьма вероятно, действительно был составителем, редактором и частично автором одного из летописных сводов, вошедшего в окончательную редакцию «Повести», помещенной в позднейших Ипатьевском и Лаврентьевском летописных сводах.

Первоначальное ядро «Повести», ее прототип, по реконструкции А. А. Шахматова, представляет собой рассказ о «начале земли Русской», относящемся к легендарным Кие, Щеке и Хориву, о призвании варягов, о Крещении Руси и о позднейших событиях, современником которых был уже сам летописец, живший во времена Ярослава Мудрого. В основе этих рассказов лежат отчасти народные предания, отчасти же записи о важнейших событиях, которые могли вестись в Киеве начиная с князя Олега. Этот свод датируется приблизительно концом 1030-х гг.

В 70-е гг этот текст был восполнен сведениями, заимствованными из переводного хронографа Георгия Амартола о походах русских князей на Царьград, — тогда же в летопись были, вероятно, включены и тексты двух знаменитых договоров князей Олега и Игоря с властями Империи, — повествование о событиях, происходивших в конце жизни Ярослава и после него, и принят первый опыт распределения событий по годам от сотворения мира. Составление и редакция этого «Начального свода» усваивается игумену Киево-Печерского монастыря преподобному Никону Великому.

Затем «Первоначальный свод» был дополнен еще рядом материалов исторического и этнографического характера, превратившись в «Повесть временных лет», составление которой было завершено около 1113 г., вероятно, преподобным Нестором — монахом Киево-Печерского монастыря. В 1116 г., как это видно

из приписки к летописи, она была еще раз переработана игуменом киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром. При этом значительной переделке подверглась, очевидно, лишь заключительная часть «Повести».

В этой редакции «Повесть» помещена в Лаврентьевской летописи 1377 г., которая продолжает первоначальную летопись, сосредоточиваясь на событиях, происходивших в Северо-Восточной Руси, в отличие от Ипатьевской, древнейший список которой датируется началом XV века, куда «Повесть временных лет» вошла в еще одной редакции — 1118 г. и где, несмотря на то что эта Летопись обнаружена в Костроме, продолжение «Повести» по преимуществу относится к истории Юго-Западной Руси. «Повесть» помещена также в Радзивилловском и Московско-Академическом сводах XV века.

Некоторые из источников «Повести» представляют собой отдельные сочинения вроде «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпцю Борису и Глебу» Иакова Черноризца и ему же приписываемое житие святого князя Владимира.

«Повесть», писавшаяся в монастырских стенах, отличается строго христианским воззрением на историю, живым чувством действия Промысла Божия во всем совершающемся. В народных бедствиях летописец видит воздаяние за грехи, которым Господь вразумляет правителей — князей, бояр — и простых людей, призывая их к покаянию и исправлению. Такое устроение характерно и для позднейших летописцев, в особенности тех, кто был свидетелем татарского погрома Руси, обрушившегося на нее «по грехам нашим».

Как это свойственно было средневековым писателям, летописцы излишне, с точки зрения критической историографии нового времени, доверяли народным преданиям и легендам, но там, где они рассказывали не о старине, а о событиях, самовидцами которых были сами, они обнаруживают исключительную добросовестность, избегая тенденциозных искажений или литературных преувеличений. Тенденциозность, связанная с ориентацией на политические интересы центральной власти или удельных князей, иногда даже тех или иных группировок, партий, обнаруживается уже только в позднем летописании, не раньше XV века.

«Повесть временных лет» составила ядро позднейших летописей, причем в одних она воспроизводится текстуально с содержательно незначительными вариациями, а в других только

излагается с большей или меньшей полнотой. Летописи велись не только в Киеве, но и в других русских городах. Наибольшую важность среди них представляют новгородские летописи. Древнейший список новгородского летописного свода относится к XIV веку, но в составе «Софийского Временника» сохранились фрагменты свода XIII столетия, который включал в себя записи, сделанные по меньшей мере уже в XI веке. Новгородские летописи заметно отличаются от киевских не только содержанием, но и стилистически. В отличие от живописных и драматических рассказов из «Повести», они написаны лаконично, сухо, по-деловому, в протокольном стиле, отчасти напоминающем исландские саги.

В Пскове летописание началось в XIII столетии и восходит к повести о святом князе Довмонте, которая легла в основу всех псковских сводов. Летописи велись также в Галиче и Владимире-Волынском, в Ростове, Суздале и Владимире-на-Клязьме, позже, уже во времена ига, в Костроме и Москве, в других удельных городах. При этом одни летописи содержательно носили общерусский характер, другие же сосредоточивались на местных событиях. Региональные сюжеты доминируют в летописях, которые велись в Вологде, Великом Устюге, Нижнем Новгороде, в XVII столетии — в городах и острогах Сибири.

На рубеже XVII и XVIII веков тобольский боярский сын Семен Ремезов написал «Краткую сибирскую (или кунгурскую) летопись», доведенную до 1649 г. и содержащую ценные этнографические сведения о сибирских жителях; ему же принадлежит «Чертежная книга Сибири» с картами сибирских земель. В 1710 г. он составил «Переписную тобольскую книгу» с поименным перечислением служилых и податных жителей Тобольского уезда.

Особое место в русском летописании занимают литовские летописи, написанные на языке, который ныне принято называть белорусским. В литовских летописях выделяются две основные редакции: одна из них охватывает события, происходившие от смерти Гедимина до 1446 г., а другая начинает повествование с незапамятных времен, вполне легендарное, а завершается 1505 годом. Эти летописи велись в Вильне, Киеве, Смоленске. Украинские, казацкие летописи относятся к XVII и XVIII векам и сосредоточены главным образом на войнах гетмана Богдана Хмельницкого. Их составители в основном известны поименно — это Самуил Величка и полковник из Гадяча Грабянка, который

описывает события, происходившие от 1648 до 1709 г. Летописание прекратилось в России в XVIII столетии.

Исключительно содержательным историческим источником являются жития святых. Среди агиографических памятников выделяется и своей достоверностью, и глубокой религиозно-нравственной назидательностью, и высокими литературными качествами «Киево-Печерский Патерик», выросший из относящейся к началу XIII века переписки печерского монаха Поликарпа с постриженником этой обители Владимирским епископом Симоном, который, утешая и вразумляя Поликарпа, скорбевшего по малодушию о незначительности своего положения, написал ему слова, исполненные удивительной духовной силы: «Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона, сея соборныя церкви, красоты Володимирския, и другыя Суждальския церкви, юже сам создах? Колика имееа градов и сел... и тем всем владеет наша худость. И сия вся бых оставил... всю сию славу и честь вскоре яко кал вменил бых, да и аще бы ми трескою торчать за враты или сметием помятену быти в Печерьском монастыи или и попираему человеки, или едину быти от убогих пред враты честныя тоя лавры и сотворитися просителю» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 482–484).

К этому посланию епископ Симон присоединил девять рассказов о подвигах преподобных насельников лавры, затем Поликарп, вразумленный Симоном, пишет письмо игумену обители Акиндину, присовокупляя к нему жития других монастырских подвижников. В самое начало Патерика был затем помещен рассказ епископа Симона о создании лаврской церкви Успения Божией Матери. Затем в Патерик было включено житие преподобного Феодосия, составленное Нестором, и ряд других агиографических текстов.

Дошедшая до нас древнейшая редакции «Патерика» датируется 1406 г. и названа именем епископа Тверского Арсения, который был инициатором составления этой редакции. Независимо от нее в самой Киевской лавре монахом Кассианом были составлены две редакции «Патерика»: в 1460 и в 1462 гг.

В XVI столетии, при Иване Грозном и святителе Макарии, в Москве создаются монументальные своды. Один из них — «Степенная книга», создание первой редакции которой относится к более ранней эпохе и, вероятно, принадлежит святому митрополиту Киприану, но завершена она была в конце жизни

митрополита Макария. «Степенная книга» названа так потому, что события излагаются в ней в последовательности родословных степеней, или поколений великих князей. Это был первый опыт систематизации летописных сведений, из которых, по существу дела, складывалось изложение российской истории, причем события, относящиеся к гражданской истории, соседствуют с церковными событиями, с житиями святых, подвизавшихся в правление тех или иных великих князей.

Еще будучи Новгородским архиепископом, святитель Макарий задумал вместе со своими книжными помощниками собрать «все чтомые книги, яже в Русской земле обретаются». Этот грандиозный труд под названием «Великие Четьи Минеи» завершен был уже в Москве. Помимо житий, из которых 60 написано самим святителем и его помощниками, в «Минеи» вошли другие церковные сочинения разных жанров, предназначенные для назидательного чтения.

Одним из самых плодовитых русских писателей XVI века был бежавший в Литву князь Андрей Курбский, историк, богослов, политический мыслитель и публицист. Его главное сочинение — «История князя великого Московского» — биография Ивана Грозного, в которой излагаются события от рождения царя до 1578 г. и одновременно ведется яростный спор с царем, исполненный искреннего гнева и неумеренных преувеличений, до крайности ожесточенный. Курбский был первым обличителем тирании Грозного, бессудных и жестоких расправ с жертвами его болезненной подозрительности. Этот спор с царем Курбский прямым образом ведет в переписке с ним, которая представляет собой документ исключительной исторической ценности и высоких литературных качеств, причем Иван Грозный обнаруживает себя в нем литературно более талантливым писателем и более искусным полемистом, хотя и менее начитанным в творениях святых отцов, но не в Священном Писании, которое оба корреспондента знают одинаково хорошо.

Лучшим историографом первой российской смуты стал троцкий келарь Авраамий Палицын, написавший замечательное по своей достоверности и основательности «Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах». В XVII веке московский дьяк Федор Грибоедов написал «Историю о царях и великих князьях земли Русской». Немалый интерес представляет сочинение его современника

Григория Котошихина, эмигранта, бежавшего в Польшу, наконец оказавшегося в Швеции, где он был потом обезглавлен по обвинению в убийстве. Это сочинение под названием «О России в царствование Алексея Михайловича» написано в Стокгольме и переведено там на шведский язык. Оно содержит подробное описание придворного быта, официальных церемоний, нравов бояр, служилых людей, устройства центральной и местной администрации, организации войска, торговли, крестьянского земледелия, дипломатических сношений Московских государей, — одним словом, бесценные сведения для потенциального противника России и очень полезные для историков. Устройство управления Московского государства Котошихин характеризует весьма критически, подчас пасквильно. Его положительные идеалы, как кажется, близки тем, которыми вдохновлялся потом великий преобразователь России Петр.

Своеобразными источниками по истории древней Руси явились сочинения иностранных путешественников, побывавших в России. Короткие фрагменты о Москве содержатся в путевых записках венецианских послов XV века И. Барабаро и А. Контарини, проездом посетивших столицу Руси. Замечательным памятником этого рода являются выдержавшие ряд изданий и переведенные с латинского на современные европейские языки «Записки о московских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, посла Германии и словенца по рождению, который мог без переводчиков объясняться с русскими людьми. Герберштейн дважды посетил Москву: в 1517 и 1526 гг. Из его «Записок» Западная Европа впервые могла получить целостное и достоверное представление о России, о ее географии, истории, церковной жизни, придворных обычаях, нравах и быте народа. Герберштейн, помимо личных наблюдений и бесед, почерпал свои сведения из польских и русских памятников, в том числе из летописей.

События, происходившие на Руси в конце царствования Ивана Грозного и в правление его сына Федора, отразились в «Записках» Джерома Горсея, английского коммерсанта, выполнявшего в Москве дипломатические поручения. Ряд сведений, сообщаемых им, почерпнут из вторых рук, основан на слухах и потому расходится с действительностью, другие же, основанные на личных наблюдениях или услышанные от надежных информаторов, вполне достоверны и проливают свет на события, происходившие в России в царствование последних московских Рюриковичей.

Горсей был пристрастным свидетелем, его характеристики Бориса Годунова, еще не коронованного правителя Руси, резко меняются, из комплиментарных становятся крайне негативными после перемены отношения Годунова к нему. Эпоха смуты отражена в записках участника событий французского наемника Жака Маржерета, служившего вначале Борису Годунову против Гришки Отрепьева, а потом самозванцу, и в «Московской хронике» ландскнехта из Люнебурга Конрада Буссова, успевшего послужить царю Борису, первому и второму самозванцу и польскому королю Сигизмунду III.

Россию наблюдали и описывали не только иностранцы, приезжавшие в Москву с Запада, но и путешественники с Востока, и среди них дважды посетивший Москву, в 1655–1656 и потом во время Большого Московского собора 1667 г., со своим отцом, Антиохийским патриархом Макарием, архидиакон Павел Алеппский. Его «Путешествие в Россию» написано наблюдательным человеком, талантливым писателем и при этом православным христианином, который смотрел на единоверную державу, в особенности на великолепие ее церквей, восторженными глазами, вовсе не идеализируя при этом москвитов, о которых он, ссылаясь, правда, на суждение одного христианина из евреев родом из Салоник, писал, что хотя «евреи превосходят все народы хитростью и изворотливостью, но что москвиты и их превосходят и берут над ними верх в хитрости и ловкости» (с. 323). Удивляет темпераментного и бойкого путешественника из Леванта и немногословность москвитов, в чем они, по его суждению, похожи на франков, то есть западных европейцев.

Начало научной историографии России обычно возводят к XVIII веку. Первым русским историком нового времени был В. Н. Татищев, один из «птенцов гнезда Петрова», но при этом, в отличие от некоторых других любимцев Петра, весьма знатного происхождения — род Татищевых, хотя и утративший княжеский титул, тем не менее восходит к Рюрику. Свои исторические изыскания Татищев начал вести по совету знаменитого Брюса, не имея до тех пор никакой профессиональной подготовки для этого, но увлекся ими, хотя ему приходилось совмещать ученые труды, и не только по истории России, но и по ее географии, с государственной службой на высоких административных постах. Результатом его исторических штудий стала «История Российская»

в 5 томах, изданных уже после кончины ее автора. Источниками Татищеву служили летописи, «Степенная книга», переписка царя Ивана Грозного с Курбским, «Русская правда», «Судебник» 1550 г. и другие письменные памятники русского средневековья. Среди его источников и весьма сомнительная в отношении своей подлинности так называемая «Иоакимовская летопись», известная ныне только по татищевским цитатам из нее, удачно заполняющим лакуны в последовательности событий из ранней русской истории, сведения о которых почерпнуты из надежных источников — действительно древних летописей. Татищев не был профессионально подготовленным текстологом или археографом, чтобы давать сравнительную критическую оценку использованным им источникам, но недостаток школьной выучки он отчасти компенсировал здравым смыслом, историческим чутьем, опытом личного участия в государственных делах, который помогал ему лучше понимать мотивы и психологию государственных деятелей прошлого, в шкуры которых труднее войти академическому историку.

Татищеву удалось систематизировать и связно, непротиворечиво изложить содержавшийся в источниках фактический материал и таким образом представить историю России в целостном изложении. Предложенная им ее периодизация (древнейшая эпоха до 860 г., затем период от призвания Рюрика до нашествия монголов 1238 г., эпоха ига и, наконец, период от Ивана III до избрания на престол Михаила Федоровича) была принята последующими историками и в целом сохраняется в науке поныне. Свою историю Татищев писал как апологет самодержавия, и первых русских князей рюриковичей он не вполне корректно представляет единодержавными правителями Руси.

Современником Татищева был немецкий историк Г.З. Байер (1694–1738), который приглашен был в Петербургскую академию для исследований по истории России. Байер не выучился русскому языку и летописи читал во фрагментарных переводах на латынь. В большей мере, чем на летописи, Байер опирался на скандинавские и византийские источники по истории России. Он написал ряд сочинений по истории Византии и древней Руси на латинском языке, и среди них — «О варягах», «О первом походе руссов на Константинополь», «География Руси... по Константину Порфирогенету», — которые печатались в «Записках Академии наук».

Байер стал основоположником норманской теории, вокруг которой впоследствии сломано было много копий. Для ее адекватной оценки надо, очевидно, различать два ее слоя: один, собственно исторический, и другой — идеологический, когда на основе норманистических построений делаются по разным причинам, в том числе и ввиду своей ложности, неприемлемые выводы относительно отсталости славян в сравнении с норманами, об их неспособности к государственному строительству — одним словом, о цивилизаторской миссии норман на Руси, — концепция, которая побуждала крайних антинорманистов искать негерманские корни варягов, выводить Рюрика из населенного славянами Рюгена, объявлять славянами древних скифов или сарматов, — одним словом, впадать в грубые исторические ошибки, подчас граничащие с мистификациями.

Норманское происхождение династии Рюриковичей и вообще варягов представляется бесспорным, но вот вопрос об этимологии этнонима «русь» существует и до сих пор не разрешен вполне удовлетворительно. При этом, конечно, «норманистическая» интерпретация этой темы убедительней, чем иные остроумные версии, потому что опирается на твердые источники, хотя бы уже на «Повесть временных лет», но контраргументы антинорманистов остаются при этом не опровергнутыми, хотя, как уже сказано, их собственные версии изобретательны, но не достоверны.

Если же иметь в виду не генеалогическую и лингвистическую сторону дела, а его историческую суть, то влияние нормано-варяжского элемента на формирование русского государства и русской цивилизации значительно уступает германскому (франкскому) фактору в сложении Франции, нормандскому (французскому) для Англии после Вильгельма Завоевателя или болгарскому (тюркскому) для Болгарии, но, очевидно, оно более значимо, чем, например, то обстоятельство, что российская императорская династия была гольштинской, а династия, правящая ныне в Великобритании, хотя и стала называться полвека назад Виндзорской, в действительности ганноверская. Высокомерие, в том числе и научное, норманистов-немцев давало повод антинорманистам переступать пределы необходимой самообороны в дискуссии, которая из научной превращалась в идеологическую и прямо политическую со свойственным такого рода турнирам ожесточением сторон.

Наиболее солидный вклад в историографию России из немецких выходцев XVIII века внес Ф. И. Миллер, который, в отличие от Байера, должен уже, несмотря на свое происхождение, считаться русским ученым, во всяком случае он принял российское подданство. Миллер приехал в Петербург из Вестфалии одновременно с Байером, в год смерти Петра Великого, но он был тогда еще не зрелым ученым, как Байер, а 20-летним студентом, который, впрочем, скоро стал профессором. С 1748 г. он носил звание российского историографа. До этого он совершил продолжительное путешествие по Сибири, плодом которого явилась не только 3-томная «История Сибири», но и обнаружение многочисленных документов в архивах сибирских городов, их систематическое собирание и первичная научная обработка — составление реестров, описей. В Сибири Миллер нашел летопись Ремезова. Назначенный впоследствии директором московского архива иностранных дел, Миллер занялся выявлением и изучением договорных грамот русских князей и позднейших дипломатических актов. Собранные и обработанные им материалы создали солидную источниковедческую базу для исследований российских историков нескольких поколений. Миллер явился основателем целой школы ученых-архивистов, к которой принадлежал и такой известный архивариус, как Бантыш-Каменский.

В конце своей жизни, разбитый параличом, Миллер занимался изданием исторических памятников — он подготовил к печати «Степенную книгу» и «Судебник» Ивана Грозного, он же явился издателем писем Петра Великого графу Б. П. Шереметеву, «Описания Камчатки» С. П. Крашенинникова. Миллер напечатал «Российскую историю» Татищева. Его оригинальный вклад в российскую историческую науку связан также с тем, что он первым из историков стал интересоваться темами, выходящими за границы древней истории, написав «Опыт новейшей истории России», а также «Известие о дворянах российских».

Что же касается вопроса о варяжском факторе в истории Руси, то, вслед за Байером, и Миллер был норманистом. В 1749 г. он подготовил для торжественного заседания Академии наук речь о «Происхождении народа и имени российского», которая встретила жесткую отповедь со стороны великого М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова и других русских академиков, уязвленных ею в своих патриотических чувствах.

Энциклопедический М. В. Ломоносов не был таким же профессионалом в истории, каким он обнаружил себя в химии, физике или даже в филологии. Но его напечатанная посмертно, в 1766 г., «Древняя российская история», написанная по тем временам хорошим русским слогом и потому более привлекательная для относительно широкого читателя, чем исторические сочинения его современников, — все-таки он, как потом Карамзин, был еще и талантливым литератором, — основана на основательном изучении известных тогда русских и иностранных источников. Но Ломоносов в этом труде задавался по преимуществу не исследовательской, а просветительской и патриотической целями — показать, что, как он писал в предисловии к этой книге, «немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют внешние писатели» (М. В. Ломоносов. Избранная проза. М., 1986, с. 211–212), под которыми он подразумевал, конечно, и не совсем внешнего России, натурализовавшегося Миллера. В этом утверждении Ломоносов был, конечно, прав, но, став по существу дела основоположником антинорманизма, он без достаточных оснований отвергал очевидные факты, например скандинавское происхождение Рюрика. Тем не менее крупнейший русский историк С. М. Соловьев, причем норманист, высоко ценил Ломоносова за использование им иностранных источников по ранней истории славян, а также за то, что он пытался выявить древние языческие верования славян из наблюдения над современными ему народными песнями, играми и бытовыми обрядами. М. В. Ломоносову принадлежит также сжатый очерк российской истории от ее истоков до Петра Великого под названием «Краткий российский летописец».

После Миллера звание русского историографа перешло к историку русского происхождения — князю М. М. Щербатову, автору «Истории Российской», построенной только в своих первых томах на летописях, а потом в основном на архивных актах. Исторические события Щербатов объясняет как результат целенаправленной деятельности правителей, подчиняющих своей воле народные массы. Горячий патриот, он не видел однако нужды, вслед за Ломоносовым, ополчаться на построения норманистов, которые он с их фактической стороны вполне принимает. Но, как и Ломоносов, он, в отличие от историков России немецкого происхождения, задачу исторической науки не считал исключительно эвристической

и находил, что постижение связи причин и следствий в событиях прошлого научает правильной ориентации в будущем и даже прямо «дает власть над будущими временами». Таким образом, это был характерный пример прагматического направления в историографии.

Помимо «Российской истории», князь Щербатов написал еще ряд сочинений, и среди них посмертно и впервые вне России опубликованный памфлет «О повреждении нравов в России», в котором современный ему екатерининский век и сама Екатерина Великая отражены в тонах злой сатиры, справедливой во многом, но чрезмерно раздраженной и пристрастной. С особым гневом пишет Щербатов о равнодушии императрицы к религии: «Имеется ли она веру к Закону Божию, ибо естли бы сие имела, то бы самый Закон Божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ее на путь истины. Но несть, упоено безразмыслительным чтением новых писателей, Закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает» (О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1985, с. 129).

С князем Щербатовым вступил в полемику еще один историк России XVIII века И. Н. Болтин. Поводом для его исторических трудов явилась компилятивная «История России» французского писателя Н. Леклерка, который в своем весьма поверхностном 6-томном труде, переполненном фактическими ошибками, опирался на Щербатова. В результате появились «Примечания на историю древней и нынешней России г-на Леклерка» и «Критические примечания на историю кн. Щербатова». В отличие от Щербатова, Болтин ищет причины исторических событий не в психологии и намерениях государственных деятелей, но в закономерностях, которые он выводит главным образом из климата страны и других природных условий, формирующих народные «нравы», которые, в свою очередь, влияют и на законы. Болтин внимательно изучал правовые памятники древней Руси и находил адекватные подходы к интерпретации правовых терминов и институтов. По оценке В. О. Ключевского, Болтин приближается к правильному объяснению происхождения крепостного права в России, истоки которого он видел в запрете свободного перехода крестьянина, в прикреплении его к земле, а не к личности землевладельца.

Современником Щербатова и Болтина был еще один историк России из немцев А. — Л. Шлецер, который провел в России

менее 10 лет, побывав там в 1760-е гг., а затем вернулся в Германию и преподавал в Геттингене, куда к нему иногда, как к российскому академику, присылали для занятий русских ученых. Шлецер сосредоточился на изучении «Повести временных лет», к анализу которой он применял критический метод современной ему науки. Результаты его штудий отражены в книге «Нестор», написанной по-немецки. В ней он устанавливает зависимость первоначальной летописи от византийских хроник. Кроме того, Шлецер без особой убедительности пытается реконструировать оригинальный текст «Повести временных лет», принадлежащий преподобному Нестору и искаженный последующими переписками. Культурное состояние Руси на рубеже IX–X столетий Шлецер характеризует как крайне убогое: «Конечно, — пишет он, — люди тут были, Бог знает, с каких пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их поля» (цит. по: Вернадский Георгий. Русская историография. М., 1998, с. 54). Нечего и говорить, насколько способны были такие изречения провоцировать пылких патриотов на антинорманистские выпады.

Против столь мизерабельной оценки состояния дохристианской Руси возражал экономист и историк А. К. Шторх, который отмечал транзитную роль Приднепровья в торговле с греками и арабами.

Неоценим вклад в развитие российской историографии археографов — собирателей, исследователей и издателей летописных источников и актов. Среди них выдающееся место занимает любитель древностей граф А. И. Мусин-Пушкин, который в бытность его обер-прокурором Св. Синода, опираясь на помощь со стороны ученых сил из духовенства, собрал многочисленные рукописные памятники, и среди них сборник древнерусских повестей XVI века из ярославского Спасо-Преображенского монастыря со «Словом о полку Игореве» в конце манускрипта. Издателем собрания исторических памятников под названием «Древняя российская вифлиофика» был знаменитый масон Н. И. Новиков.

Канцлер и министр иностранных дел при императоре Александре I граф Н. П. Румянцев явился инициатором собирания и издания дипломатических актов. По его поручению Н. Н. Бантиш-Каменский издал 1-й том «Собрания государственных грамот и договоров». После его смерти в 1814 г. помощниками Румянцева в издании последующих томов были А. Ф. Малиновский

и К. Ф. Калайдович. Затем, уже в николаевскую эпоху, археографическими исследованиями занимались Я. И. Бердников и П. М. Строев, которые совершали экспедиции по древним книгохранилищам, в особенности монастырским, сделав опись ряда библиотечных и архивных фондов, скопировав множество документов. Собранные ими материалы легли в основу издания 4-томных «Актов Археографической экспедиции» (1836) и последовавших за ними «Актов юридических», «Актов исторических» и «Дополнений к актам историческим». В 1846 г. Археографическая комиссия, подготовившая эти публикации, приступила к грандиозному предприятию — систематическому изданию «Полного собрания русских летописей».

Самое громкое событие в российской историографии александровской эпохи — выход 12-томной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Этот знаменитый труд до сих пор читается, в отличие от «историй» его предшественников, не только профессионалами. Этим он в значительной мере обязан своим литературным качествам, своим слогом, хотя и риторическим, часто напыщенным и манерным, но не тяжеловесным, какими воспринимаются сочинения писателей докарамзинской эпохи, понятным без усилий и по-своему ярким. Труд Карамзина затмил историков XVIII столетия, может быть и не вполне заслуженно. Чтобы не перегружать, не утомлять читателя, Карамзин поместил тексты документов, их критический анализ, различные справки источниковедческого характера в примечания, которые составили отдельную серию томов, предназначенных для специалистов и чрезвычайно ценных, тем более что некоторые из помещенных или процитированных тут источников впоследствии были утрачены.

«История» Карамзина основана на тщательном и критическом изучении летописей, актов и иных материалов. Автор, создавая ее, вдохновлялся патриотическими целями — представить прошлое России достойным гордости, что, в отличие от Ломоносова, не мешало ему принимать заключения норманистов о начальном периоде нашей истории. «История» Н. М. Карамзина — типичный пример прагматической истории, написанной с дидактическими, воспитательными, идеологическими, как стали говорить после знаменитого историографа, задачами. Будучи апологетом самодержавия, Карамзин, как и Татищев, преувеличивает элементы единодержавия на Руси во времена ее первых князей, гневно

бичует пороки удельной эпохи, возвеличивает объединителя Руси великого князя Ивана III, но при этом находит гневные слова для обличения тирании Ивана Грозного, в правление которого он находит два резко контрастирующих периода, и первому из них дает апологетическую характеристику.

Карамзинская «история» доведена до смуты, до 1610 г. Смерть помешала историку продолжить этот колоссальный труд. Современники оценили научный подвиг Карамзина чрезвычайно высоко. А. С. Пушкин сравнил его с открытием Колумбом Америки, что, впрочем, не помешало поэту в юности высказаться об «Истории» Карамзина, материалами из которой он воспользовался в своем «Борисе Годунове», в язвительной эпиграме: «В его “Истории” изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластья и прелести кнута».

А. С. Пушкина следует упомянуть тут не только потому, что он написал эпigramму на Карамзина. Он и сам, всегда живо интересовавшийся историей и писавший поэмы, стихи, драмы и повести с историческими сюжетами, в конце своей короткой жизни настолько увлекся историей, что из-под его пера вышли две блестящие монографии — «История пугачевского бунта» и «История Петра Великого», отличающиеся не только несравненным литературным талантом их автора, но и замечательным умением проникать в душевные пружины исторических деятелей, живым ощущением описываемой эпохи, тем более что писал Пушкин об относительно недавних временах, а собирая материалы для истории пугачевского бунта, он имел возможность беседовать со свидетелями событий. Пугачев у Пушкина — не пугало, а человек, дикую и своеобразную душу которого он хорошо понимает, как понимал он и настроения рядовых мятежников, но это Пушкин сказал: «Не дай нам Бог видеть русский бунт, бессмысленный и кровавый».

Несмотря на «африканский» темперамент А. С. Пушкина, его ум отличался поразительной трезвостью, суждения поэта чужды односторонности и склонности к легковесным парадоксам. И вот по теме, которая после него стала главной в идеологических контрверсах — о месте России во всемирной истории, теме, разделившей западников и славянофилов, — Пушкин высказался в письме к зачинщику этого векового спора Чаадаеву с неотразимой убедительностью: «Нет сомнения, что схизма (разделение Церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы

не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. Изд. 3-е, М., 1966, с. 874).

В одно время с Карамзиным над изучением русской истории работал дерптский профессор Г. Эверс, написавший такие труды, как «Предварительные критические исследования для российской истории», «Русская история» и наиболее ценный из них — «Древнейшее русское право в историческом его развитии». В отличие от других историков России немецкого происхождения, Эверс не был норманистом. Он выводил русь от хазар и считал, что первоначальным местом ее обитания было Причерноморье. В книге, посвященной русскому праву, Эверс выдвигает концепцию генезиса государства из семейного и родового быта, которая была воспринята потом С. М. Соловьевым.

Весьма оригинальным историком был профессор Московского университета М. Т. Каченовский, которого считают основателем скептической школы. Его скептицизм, а лучше сказать нигилизм, выражался в эпатажных тезисах о баснословном характере всей истории Руси киевской эпохи. Каченовский отвергал подлинность летописей, считал фальсификацией «Русскую правду» и, чем прославился особенно широко, объявил плодом мистификации «Слово о полку Игореве». Польза от столь легковесного скептицизма была разве в том, что побуждала серьезных историков к более тщательному критическому отношению к источникам.

Убедительным оппонентом Каченовского был М. П. Погодин, по происхождению из крепостных, ставший профессором Московского университета и академиком. Погодин продолжил труд собирателей древних рукописей, составив из них исключительно ценное «Древнехранилище». Его магистерская диссертация 1823 г. озаглавлена «О начале Руси». Главный труд Погодина — «Исследования, замечания и лекции по русской истории».

Вдумчивый ученый, он, прибегая к критическим методам в изучении летописей и других древних источников, доказывал их подлинность и подлинность отраженных в них событий. По своим взглядам Погодин был приверженцем официальной народности в духе Уварова и в древнерусской истории, вслед за Карамзиным, которого всегда высоко ценил, находил обильный материал для апологии самодержавия. Искренний патриотизм и национализм не мешали Погодину разделять норманистическую концепцию. В событиях российской истории Погодин усматривал очевидное действие Промысла Божия.

Писатель и журналист Н. А. Полевой, выходец из купеческого сословия, написал хотя и дилетантский, но оригинальный труд по истории России, который он со значением, в пику «Истории государства Российского» Карамзина, назвал «Историей русского народа». В этой книге Полевой пишет о Российском государстве, а вовсе не на этнографические темы, однако особенности его исторического пути он выводит не из идей и дел государей и других великих деятелей, но из склада народного характера, и потому стремится отыскать в истории русского народа некие закономерности, отличающие ее от истории других народов и в то же время устанавливающие место российской истории во всемирной истории. В отличие от своих предшественников, Полевой не считал, что Русь в своем начальном периоде пережила единоедержавие, которое потом уступило место удельной раздробленности; удельный период был временем не ослабления, а усиления княжеской власти, которая позже, уже в эпоху возвышения Москвы, доросла до единоедержавия.

Важнейший труд профессора Петербургского университета Н. Г. Устрялова, написанный в середине XIX века, посвящен не древней Руси, которой по преимуществу занимались тогда историки, а новой России, и озаглавлен он «История царствования Петра Великого». Хотя эта 5-томная история носит официальный и апологетический характер, она тем не менее представляет большую ценность, поскольку в ней впервые на строго документальной основе была представлена одна из самых важных, переломных эпох в истории страны.

Самая полная история России принадлежит профессору и ректору Московского университета С. М. Соловьеву, сыну московского протоиерея. На пути к грандиозному обобщающему труду были магистерская диссертация «Об отношении Новгорода к русским

великим князьям» и докторская — «История отношений между князьями Рюрикова дома». Первый том его колоссальной «Истории России с древнейших времен» вышел в 1851 г., а затем, — и это было настоящим подвигом изнурительного научного труда, — каждый год печатался очередной том, пока смерть не прервала страду ученого труженика, — последний, 29 том был опубликован посмертно в 1879 г.: при этом историк довел систематическое изложение событий российской истории до 1774 г. и успел написать в качестве дополнения еще и очерк внешних сношений Российского правительства до 1780 г. Попутно Соловьев подготовил несколько монографий и статей, и среди них — «Историю падения Польши», «Император Александр Первый. Политика. Дипломатия», «Наблюдения над исторической жизнью народов».

На концепцию С. М. Соловьева оказала влияние «Философия истории» Гегеля. Историю он стремится представить не как череду событий, соединенных разнородными, случайными связями, но как закономерный процесс. Два основных участника этого процесса, по Соловьеву, — это государство и народ. Кроме того, важным фактором исторического процесса он считал природную среду, климат. Суровый климат России обусловил невысокую плотность населения и его текучее состояние — непрекращающиеся перемещения, которые, впрочем, вызывались также опасным соседством с кочевой степью. Вслед за Эверсом Соловьев выводит корни первоначального русского государства из родового строя древних славян. При этом с фактической стороны он вполне принимает норманскую концепцию, как она изложена у Карамзина и Погодина. Стержень мировой истории он видит в глобальном противостоянии Европы и Азии — судьба России складывается из перипетий этого противостояния, ареной которого является ее территория.

Из-за колоссальной насыщенности информацией «История» Соловьева поверхностному и непрофессиональному читателю может показаться чересчур перегруженной, сухой и утомительной. Но и такому читателю она может быть полезна, послужив ему надежным и полным справочником по любой эпохе российской истории — от истоков до Екатерины Великой.

В Петербурге самым крупным историком России был профессор университета К. Н. Бестужев-Рюмин, основатель знаменитых Высших женских курсов, названных по нему Бестужевскими. Его главные труды — «О составе русских летописей до конца XIV века»

и «Русская история» в 2-х томах, вышедших в 1872 и 1885 гг. Стремясь к научной корректности, Бестужев-Рюмин избегал приносить в свое изложение истории какие бы то ни было предвзятые идеи и схемы, он стремился построить не концептуальную, а, насколько это вообще возможно, предельно беспристрастную, объективную историю. Поэтому в своей «Русской истории» он дает обстоятельный очерк источников, в том числе археологических, в который включает и литературные памятники, представляющие бытовую и культурную сторону истории, отличную от той, которую он называл «былевой», событийной. Исключительной полнотой отличается и предвещающий его собственное изложение истории историографический обзор, предназначенный для того, чтобы, ознакомив читателя не только с материалом, но и со взглядами других историков, не навязывать ему собственных идей, побуждая его тем самым к самостоятельному осмыслению истории.

Своеобразным ученым и мыслителем был проживший недолгую жизнь А. П. Шапов, уроженец Сибири, сын сельского церковнослужителя и бурятки, ставший профессором Казанской духовной академии и Казанского университета. После подавления знаменитого крестьянского бунта в Бездне он вместе со своими студентами из Духовной академии молился за панихидой по убитым крестьянам и произнес антиправительственную речь. Его подвергли аресту, но вскоре освободили, однако права преподавания он лишился. Шапов писал работы по истории старообрядчества, по истории и этнографии Сибири. Одна из наиболее оригинальных его статей — «Естествознание и народная экономика», в которой он, в народнически-просветительском духе, ратовал за внедрение медицины и гигиены в народный быт. У Шапова была своя идея хода русской истории — он усматривал в ней эволюцию от особнообластного к соединенно-областному (федеративному) устройству, которое, как он считает, утвердилось после смуты через Земские соборы — идея, соприкосновенная со славянофильством.

Видными историками второй половины XIX столетия были А. Г. Брикнер, преподававший в Петербургском, Новороссийском, Дерптском и Казанском университетах, автор ряда монографий и статей по истории денежной системы в России, по иностранной россике, по эпохе Петра Великого, и В. С. Иконников, создатель первого подробного «Опыта русской историографии» в 2-х

томах, вышедшего на рубеже столетий, а также солидных монографий «Максим Грек» и «Граф Н. С. Мордвинов».

Особое место в российской историографии и по тематике исследований и по своим взглядам, отличавшимся от расхожих в академической среде, занимает И. Е. Забелин, археолог и москвовед, великолепный знаток русского быта Московского периода, с 1872 г. возглавлявший «Общество истории и древностей российских» и руководивший деятельностью Исторического музея в должности товарища председателя музея. Забелин придерживался монархических убеждений с консервативно-народническим оттенком, для чего в пору деспотизма либерального общественного мнения требовалась независимость от предрассудков окружающей среды и своего рода интеллектуальное мужество. Из многочисленных монографий и статей И. Е. Забелина в первую очередь заслуживают упоминания «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях», «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях», «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век)», «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время». В своей «Истории русской жизни с древнейших времен» Забелин полемизирует с норманской теорией.

Одним из крайних консерваторов, охранителей, как их тогда называли, по своим убеждениям был Д. И. Иловайский. Помимо 4-томной «Истории России», он написал еще ряд специальных работ, и среди них «Историю Рязанского княжества», «Разыскания о начале Руси», учебные пособия для средней школы по русской и всеобщей истории. Как и Забелин, Иловайский был одним из немногих историков XIX века, кто, вслед за Ломоносовым, заявил себя решительным противником норманской теории. Антинорманистские аргументы Иловайского не выдерживают критики и даже для своей эпохи представляются несколько неуклюжими, но его концепция приазовской Руси оказалась плодотворной и получила развитие в позднейших исследованиях.

Существенный вклад в изучение истории России внесли ученые, работы которых посвящены эволюции правовых институтов, — историки права. Среди них — один из отцов русского либерализма К. Д. Кавелин, философ-гегельянец и автор статьи «Взгляд на юридический быт Древней Руси» (1847), оказавшей в свою очередь влияние на историко-правовые идеи другого

гегельянца Б. Н. Чичерина, по своим политическим убеждениям государственника умеренно либерального направления, написавшего среди прочих трудов «Опыты по истории русского права», «Областные учреждения России в XVII веке» и монографию о земских соборах под названием «О народном представительстве». В этом ряду следует упомянуть также правоведа и публициста А. Д. Градовского, важнейший труд которого озаглавлен «Начала русского государственного права». Он составляет три тома, которые выходили с 1875 по 1883 г. Источникам русского права и правовых институтов Руси посвящены также исследования В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова и М. А. Дьяконова, ученого более позднего поколения — рубежа столетий. Его главный труд «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси» вышел уже в 1906 г.

Старшим современником Дьяконова был В. О. Ключевский, изумительный талант и невероятное трудолюбие которого поставили его в ряд с великими историками мировой науки. В. О. Ключевский родился в семье потомственного сельского священника, после семинарии окончил Московский университет и преподавал потом русскую историю в университете, а также в Московской духовной академии и на Московских женских курсах, причем, по отзыву своего ученика Кизеветтера, он был «гениальным профессором» — столь глубокое впечатление производили на студентов его лекции не только своим содержанием, но и поразительным мастерством их чтения. Ключевский не был, в отличие от Карамзина, ни поэтом, ни беллетристом, но своим литературным талантом он превосходит всех русских историков.

Все три диссертации Ключевского, включая кандидатскую «Сказания иностранцев о Московском государстве» и затем магистерскую «Древнерусские жития святых как исторический источник» и докторскую «Боярская Дума древней Руси», представляя собой солидные монографии. Среди важнейших трудов Ключевского — «История сословий в России», «Происхождение крепостного права в России», а также «Методология русской истории», «Терминология русской истории», «Источники русской истории», «Лекции по русской историографии».

Поразительны по глубине анализа, убедительности выводов и яркости изложения его отдельные статьи и опубликованные публичные лекции и речи, и среди них такие шедевры, как «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря», «Русский

рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему», «О добрых людях древней Руси», «Петр Великий среди своих сотрудников», «Евгений Онегин и его предки», «Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства».

Наконец, главное в его наследии — это лекции, которые читались в течение нескольких десятилетий и вылились в «Курс русской истории», последний, пятый том которых был издан уже посмертно. Курс лекций не содержит полного изложения истории России, это скорее комментарии к ней, сконцентрированные на ключевых ее темах.

На исторические воззрения Ключевского оказали влияние Б. Н. Чичерин, А. П. Щапов, а из историков XVIII века Болтин, но, конечно, больше других — его учитель и предшественник по университетской кафедре С. М. Соловьев. В своем «Курсе» Ключевский опирается в основном на Соловьева, разделяя ряд его основополагающих идей, например о колонизации как одном из важнейших факторов российской истории. Но, в отличие от Соловьева, в центре внимания которого была политическая история, Ключевский смещает акцент в сторону социальной и, в меньшей мере, юридической и культурно-бытовой тематики.

У Ключевского своеобразная периодизация русской истории, в основу которой в связи с важностью колонизационного фактора он положил своего рода географический принцип, выделяя периоды: днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский, который он начинает смутой и завершает кануном великих реформ. Особую, и вполне адекватную, позицию занимает Ключевский и по такому сквозному вопросу русской историографии, как норманский: с фактической стороны Ключевский — норманист, поскольку доверяет первоначальной летописи в ее рассказе о призвании варягов и происхождении названия народа русь, но, с другой стороны, он не считает эти обстоятельства сколь-либо важными, поскольку центром формирования русской государственности был не Новгород, но Киев и Поднепровье, и началось оно до прихода туда варягов.

Одна из центральных тем В. О. Ключевского — происхождение и развитие крепостного права. Ключевский выделяет ряд существенных моментов в развитии этого института: ограничение свободы перехода крестьянина от одного землевладельца к другому, восходящее еще к XVI столетию, отмена Юрьева дня, полное прикрепление крестьян к земле и уже только

вследствие этого к землевладельцу — по «Уложению» 1649 г. и, наконец, введение подушной подати, уравнившее крепостных крестьян и холопов.

В. О. Ключевский — непревзойденный мастер исторического портрета, лаконичного, меткого, часто язвительного, саркастического и незабываемого. Со страниц его книг и статей встают мастерски написанные живые картины минувших эпох. У него была редкая способность воспроизводить не фантастические, а достоверные образы прошлого. А. А. Кизеветтер так вспоминал его лекции: «Ключевский в течение всей речи мысленно видел перед собою то, о чем он говорил». Его глубокие и яркие афоризмы вошли, подобно фразам из крыловских басен или Грибоедовской комедии, в расхожую речь, по крайней мере, образованного общества. Кто не знает и не повторял такие его изречения, как «Империя пухла, а народ голодал» или по поводу «Манифеста о вольностях дворянских» — «По требованию исторической логики или общественной справедливости, на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права, она и последовала на другой день, только спустя 99 лет», «История учит даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает» — это уже из дневниковых записей.

В конце жизни политические взгляды В. О. Ключевского левели; после революции 1905 г. он даже вступил в кадетскую партию. Тогда же он внес в свой дневник и такое суждение, может быть и несправедливое и пристрастное, но проливавшее свет на характер предстоявшей катастрофы: «После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится, после Болгарской войны (1877–1878) и русская интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится, теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство и его интеллигенция никуда не годятся» (цит. по: Вернадский Гергий, цит. соч., с. 147).

Влияние В. О. Ключевского на развитие исторической науки в России было огромным. Крупными историками стали его прямые ученики А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, М. М. Богословский, Н. А. Рожков, Ю. В. Готье и другие видные ученые первой половины XX столетия.

Особое место в историографии России занимают работы, посвященные Юго-западному и Западному краю, ныне названному Украиной и Белоруссией — исконное значение топонима

«Украина» относилось лишь к Поднепровью — польской украине и Слободской украине, как, впрочем, и к некоторым другим окраинам Московской Руси — например, Дикому полю, а Белоруссией первоначально называли только восточные области современной Белоруссии. Собираением актов, относящихся к истории Малороссии в XVIII веке, занимался выпускник Киевской духовной академии Григорий Полетика. Ему же, весьма вероятно, принадлежит и обработка или прямое авторство знаменитой «Истории руссов», опубликованной уже только в следующем столетии, составление которой первоначально приписывали святителю Георгию (Конисскому). Хотя в этой книге, как в старинных летописях, повествование начинается с происхождения славян от Иафета, но, по существу, ее прямой предмет — доведенная до века Екатерины Великой, окончательно упразднившей гетманство, история Украины, которая для малороссиянина и в XVIII веке называлась еще Русью, причем Русью по преимуществу, в отличие от Великой, значит, периферийной России, что вполне корректно с точки зрения эволюции этнонима. Но совсем не корректна и даже, говоря старинным языком, баснословна предлагаемая в этой «Истории» версия происхождения наименования казачества — козаки от козар (хазар), которые, оказывается, были, наряду с древлянами, но также с болгарами, половцами и печенегами одной из ветвей славянства: козарами называли «всех таковых, которые езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги» (Георгий Конисский, Архиепископ Белорусский. История руссов или Малой России. М.. 1846, с. 2). Автор этой книги воодушевлен региональным патриотизмом, но сепаратистских идей в ней нет.

На «Истории руссов» строит свою «Историю Малороссии», вышедшую в 1842–1843 гг., Н. Маркевич. Более достоверна ранее написанная и напечатанная впервые в 1822 г. «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. Систематическое научное изучение истории Юго-Западной России, в том числе и малороссийского казачества, на документальной основе связано с именами таких ученых как О. М. Бодянский, П. А. Кулиш, а также филолог и историк М. А. Максимович, автор ряда ценных статей, в том числе озаглавленных так: «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево», «О гетмане Сагайдачном», «О Богдане Хмельницком».

Но самый знаменитый историк Украины XIX века, научные интересы которого, впрочем, выходили за ее пределы, — это Н. И. Костомаров. Он был сыном помещика-великоросса и его крепостной — украинской крестьянки. Мировоззрение историка складывалось под влиянием особенностей его происхождения. Его украинофильство, его приверженность идее славянской федерации при Николае II сочли крамолой, и он вместе с другими участниками харьковского кружка — Кирилло-Мефодиевского братства подвергнут был аресту и ссылке, но Костомаров в действительности не был ни революционером, ни последовательным сепаратистом. К совершенному отделению Украины от России он не стремился, но, несомненно, хотел для нее по меньшей мере автономии, а его несбыточным идеалом всегда оставалась славянская федерация.

Костомаров внес огромный вклад в изучение источников по истории Малороссии, подготовив к изданию 9 томов «Актów, относящихся к истории Южной и Западной России». В 1859 г. он напечатал две монументальные биографии: «Богдан Хмельницкий» и «Разин», затем написал еще ряд монографий по истории Украины («Гетманство Выговского», «Мазепа и мазепинцы»), России («Северорусское народоправство», «Смутное время Московского государства»), Польши — «Последние годы Речи Посполитой». Его самый монументальный труд — «Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей».

Главные идеи, которым Н. И. Костомаров оставался верен до конца, сформулированы им уже в названиях двух его ранних статей — «Мысли о федеративном начале Древней Руси» и «Две русских народности». Под ними он подразумевал южнорусскую, или украинскую, и среднерусскую, или великорусскую. Оригинальная черта его этнографической схемы заключалась в том, что новгородцев он считал выходцами с Поднепровья и сближал с украинской, а не с великорусской народностью. Сопоставляя украинцев с великоруссами и поляками, действительно оказавшими огромное влияние на историю Западной Руси, Костомаров считал, что по языку они ближе к великоруссам, а по складу души — к полякам: украинцы, как и поляки, по натуре индивидуалисты, но в отличие от поляков с их аристократическими замашками, украинцы демократичны, великоруссы же склонны к общинному строю, поэтому южная и новгородская русь создали вечевое правление, а великоруссы — московское единодержавие.

Н. И. Костомаров противопоставлял свою историческую концепцию соловьевской: в центре внимания М. С. Соловьева судьба Российского государства, а для Костомарова важней и интересней была история народа с его местными, областными, этнографическими особенностями. Но при этом он был также мастером исторического портрета и на редкость талантливым писателем.

В следующем поколении близко к Костомарову по своим взглядам стоял выходец из дворянства, происходящего от казачьей старшины, М. П. Драгоманов, историк и политический деятель крайне либерального и даже социалистического направления, отношения которого с правительством приобрели настолько острый характер, что после закрытия в 1876 г. киевского юго-западного отдела Русского географического общества, в котором он принимал деятельное участие, он эмигрировал. Драгоманов вслед за Костомаровым отстаивал федеративные идеи и был ревнителем официального употребления украинского языка, при этом для себя он считал за правило писать по-украински все, что относится непосредственно к Украине либо к распространению там социалистических идей, и писать по-русски на либерально-политические темы. Его главный исторический труд, заряженный политическими тенденциями, — «Историческая Польша и великорусская демократия». Полемизируя в этой книге с польскими националистами, которые стремились к восстановлению Речи Посполитой, Драгоманов отстаивал жизненные интересы Западной Руси — по его убеждениям, жертвы великорусской бюрократии и польской аристократии.

Вместе с Драгомановым в деятельности юго-западного отдела Русского географического общества участвовал В. Б. Антонович, написавший «Очерк истории великого княжества Литовского» и монографию «О происхождении шляхетских родов в Западной России». Как и Драгоманов, Антонович считал украинцев отдельным этносом, и хотя прямо политической деятельностью он не увлекался, но украинские сепаратисты и в нем видят одного из своих предшественников. Но сепаратистские идеи были чужды таким историкам Западной и Юго-Западной Руси, как Ф. И. Леонтович, автор монографий «Крестьяне юго-западной России по литовско-русскому праву XV и XVI веков» и «Рада великих князей Литовских», а также работ, посвященных истории права древней Руси и народов Востока, как ученые более позднего поколения, главные труды которых вышли уже в XX столетии: М. К. Любавский,

автор нескольких исследований по истории Литовско-Русского государства, истории западных славян и «Лекций по древней русской истории», М. В. Довнар-Запольский, Александра Яковлевна Ефименко, Д. И. Багалей, который, впрочем, избранный в 1918 г. вице-президентом основанной тогда Украинской академии наук, после этого писал уже свои труды по-украински.

По-украински писал и еще один историк и политический деятель М. С. Грушевский, который в 1918 г. провозглашался президентом Украины. Его главный труд, 10-томная «История Украины-Руси», выходявшая до революции во Львове и Вене, а в советскую эпоху — в Киеве, представляет собой самое полное изложение украинской истории, сделанное профессиональным и хорошо эрудированным ученым, но не чуждое сепаратистской тенденции; концептуально и идеологически Грушевский — продолжатель В. П. Антоновича и М. П. Драгоманова. В украинском народе историк видит прямого и, так сказать, законного наследника древней Руси, в то время как в генезисе великорусской народности он не без преувеличения усматривает весомое значение угро-финского компонента. Его эпигоны-самостийники извлекают эту концепцию из контекста академической науки, в котором она оставалась еще у Грушевского, и сообщают ей маниакально-карикатурные черты пропагандистского слогана.

В XIX веке появились солидные труды по истории Русской Церкви. Крупным ученым начала столетия был митрополит Киевский Евгений (Болховитинов). Любимыми предметами его занятий были история, археография и археология. Во всех городах, где ему пришлось служить, он тщательно изучал местные архивы и библиотеки, собирал и издавал археографические памятники. Результатом его текстологических и археологических изысканий стали «История княжества Псковского с историей Псковской иерархии», «Описание Воронежской губернии», «Исторические сведения о Вологодской иерархии и о Пермских, Вологодских и Устюжских архиереях», «Описание монастырей Вологодского края», «Жизнеописание епископа Тихона Воронежского» и еще целый ряд исторических исследований по различным темам.

Чрезвычайно ценными справочными пособиями, не утратившими значения в настоящее время, являются два его библиографических словаря: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви» (1818) и «Словарь светских писателей», изданный посмертно, в 1840 году.

Самый значительный труд митрополита Евгения, «История Русской иерархии» в 6 частях, вышел под именем архимандрита Амвросия (Орнатского), позже епископа Пензенского. Святой Амвросий только помогал митрополиту Евгению в составлении этой «Истории».

Крупным церковным историком был архиепископ Черниговский святитель Филарет (Гумилевский) (1805–1866), питомец Московской духовной академии, ее профессор и ректор. В 1848 году он издал пятитомную «Историю Русской Церкви». Это исследование серьезного ученого, с широкими и продуманными обобщениями. У архиепископа Филарета впервые вся русская церковная история представлена как живое целое, от Крещения Руси до царствования Николая I, и рассказана она вдумчиво, с глубиной заинтересованностью. Суждения автора отличаются резкостью, остротой. История синодальной эпохи написана у него по тем временам необычайно откровенно и смело.

Известно, сколь велико было влияние архиепископа Филарета на становление русской церковно-исторической школы, на углубление историзма в отечественных трудах по патрологии и догматическому богословию, на формирование научно-богословского мировоззрения ректора Московской духовной академии протоиерея Александра Горского, главным предметом научных интересов которого была история Русской Церкви и русская духовная литература. Вместе с К. И. Невоструевым он составил 6-томное «Описание славянских рукописей Московской Патриаршей (синодальной) библиотеки», ценнейшее историческое, текстологическое и палеографическое исследование. Вклад протоиерея А. Горского в науку не исчерпывается его собственными трудами. Он был несравненным ректором и учителем. Он учил воспитанников и лекциями, и беседами, и примером своей жизни. Его научный подвиг и энтузиазм благотворно воздействовали на студентов. В Московской духовной академии он создал школу церковных историков, из которой вышли академик Е. Е. Голубинский и профессор Н. Ф. Каптерев.

Один из самых маститых церковных историков XIX века — митрополит Московский Макарий (Булгаков). Ему принадлежит «История Русской Церкви» (1857–1883), прерванная кончиной автора на 12 томе, повествующем о Соборе 1667 г. По богатству и полноте материала этот капитальный труд до сих пор не знает себе равных в историографии Русской Церкви. Он сопоставим

разве что с гражданской «Историей России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Митрополит Макарий ввел в научный оборот ряд новых документов — неизвестных ранее летописных текстов, рукописных житий святых. Благодаря ему достоянием науки стало много неизвестных прежде исторических фактов. При этом встречавшиеся в источниках противоречия митрополит Макарий разрешал тонко и осторожно. Русская Церковь, по верному представлению историка, является только частью Вселенской Православной Церкви, и она всегда сохраняла полное внутреннее единение с другими Поместными Церквями, содержала одинаковую с ними веру, один и тот же устав, свято блюла древние каноны. Автор разделяет историю Русской Церкви на 3 периода: период полной зависимости от Константинопольской Церкви — до 1240 г., период постепенного перехода к самостоятельности — до 1589 г. и, наконец, период ее автокефального бытия — с 1589 г. Монументальная «История» митрополита Макария стала бессмертным памятником изумительного трудолюбия, любознательности и эрудиции ее автора. Митрополиту Макарию принадлежат и другие исторические труды: «История русского раскола», «История Киевской Духовной Академии».

В 1871 г. вышло «Руководство к русской церковной истории» профессора Казанской академии П. В. Знаменского, многократно переиздававшееся и ставшее на многие годы лучшим семинарским учебником по истории Русской Церкви. «Руководство» Знаменского — не научное исследование, а учебное пособие, но эта книга, отличающаяся необычайной емкостью, умелым отбором наиболее важных исторических фактов, взвешенностью и продуманностью оценок, к тому же написанная живым, выразительным языком, является превосходной книгой для тех, кто впервые приступает к систематическому изучению истории Русской Церкви. П. В. Знаменскому принадлежат также церковно-исторические монографии: «Чтения из русской церковной истории за время царствования Екатерины», «Черты из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I», «Духовные школы в России до реформы 1808 г.», «История Казанской Духовной Академии».

Появление в 1880 г. «Истории Русской Церкви», написанной Е. Е. Голубинским (1834–1912), явилось событием в исторической науке. Вышедший из школы протоиерея Александра Горского, Голубинский унаследовал у него стремление к документальности,

к тщательному критическому анализу памятников. От Горского идет и сравнительный метод Голубинского. Но в отношении Голубинского и к историческим документам, и к традиционным, устоявшимся оценкам, и даже к самим верованиям и благочестивым преданиям народа есть роднящий его с нигилистической публицистикой гиперкритицизм, мнительная недоверчивость и подозрительность. У него слишком заметен неуместный в историческом исследовании обличительный, почти разоблачительный пафос. По своему историческому мировоззрению Е. Е. Голубинский был западником, апологетом Петра I, склонным к весьма мрачной оценке всей допетровской старины. Положительную черту в исторических воззрениях ученого составляет его особый интерес к религиозно-нравственной жизни народа. Голубинский предлагает свою периодизацию русской церковной истории: киевский, московский, петербургский, или синодальный, периоды. Им написаны также такие солидные труды, как «История канонизации святых в Русской Церкви», «История Троице-Сергиевой Лавры».

Ученик протоиерея А. В. Горского, профессор Н. Ф. Каптерев выбирал для исследования узкие темы, но ему удавалось включить их в широкую перспективу исторического процесса. Ему принадлежит фундаментальная монография «Патриарх Никон и царь Алексей», посвященная одному из переломных моментов в истории Русской Церкви и Русского государства.

В XIX веке вышел ряд научных трудов по истории западнорусской Церкви. Профессор Петербургской духовной академии М. О. Коялович написал «Историю русского самосознания», посвященную Брест-Литовской церковной унии. На высоком научном уровне написана вышедшая уже в начале XX века монография С. Т. Голубева «Петр Могила и его сподвижники».

В XIX веке систематический характер приобретают археологические исследования. Основателем отечественной научной археологии стал граф А. С. Уваров, который уже в 40-е гг. осуществил раскопки на юге России, результаты которых были отражены в изданной на русском и французском языках книге «Исследования древностей южной России и берегов Черного моря». Затем он провел раскопки в Суздальской земле и по их материалам написал монографию «Меряне и их быт по курганным раскопкам». В 1864 г. Уваров возглавил Московское археологическое общество. Последний труд патриарха российской археологии,

вышедший незадолго до его кончины, в 1881 г., — «Археология России. Каменный век». Собранные им коллекции вошли в фонды основанного по его инициативе Исторического музея в Москве. Продолжателями его дела стали такие видные археологи, как А. А. Спицын и В. А. Городцов, среди прямых учеников которого самые талантливые археологи советской эпохи: Б. Д. Греков, А. В. Арциховский, С. Ю. Юшков.

Начало XX века — это эпоха расцвета исторической науки в России, прерванного революционной катастрофой, трагически отразившейся на жизни и научной деятельности большинства ученых, застигнутых ею. В январе 1919 г. в Петропавловской крепости были расстреляны великие князья, и среди них Николай Михайлович, историк, автор до сих пор непревзойденных исследований эпохи его двоюродного деда Александра I: «Императрица Елизавета Александровна, супруга Императора Александра I», «Граф П. А. Строганов (1784–1817)» и, наконец, 2-томной монографии «Император Александр I. Опыт исторических исследований», изданной в первый раз в 1912 г. Кроме того, великий князь Николай Михайлович подготовил к изданию многотомное собрание документов под названием «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона», а также «Переписку Императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной».

В 1933 г. в ссылке, пережив до нее публичную травлю и арест, скончался последний из классиков русской исторической науки академик С. Ф. Платонов, сын мелкого провинциального чиновника, окончивший Петербургский университет и впоследствии преподававший там общий курс русской истории. Напечатанные по записям студентов, авторизованных профессором, его лекции до 1913 г. выдержали 8 изданий — настолько высоко оценила их читающая Россия. Лекции Платонова дают читателю сжатый систематический обзор российской истории, которую он разделяет на три периода: от истоков до Ивана Грозного, затем от первого царя до Петра Великого и, наконец, до кончины Императора Николая I. В лекциях, посвященных древнейшему периоду, С. Ф. Платонов не разделяет концепцию Эверса и Соловьева о родовой общине у славян, утверждая, что общинный строй у славян держался на началах соседства, территориальной близости. Решающим фактором государственного объединения Руси Платонов

считал принятие христианства. Центр тяжести его «Лекций» — в их второй части, в характеристике эпохи Ивана Грозного и смуты. Нравственный образ Ивана Грозного у Платонова в основном соответствует историографической традиции, идущей от Карамзина. Однако Платонов неоднозначен в оценке опричнины, в которой он увидел не только проявление свирепой жестокости царя, порожденной страхом потерять власть, но и продуманную политику — истреблением боярской знати, и особенно княжат, царь стремился выдвинуть как главную опору государственной власти дворянство, в том числе его низший слой, и горожан.

Докторскую диссертацию «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII веков» (1899), которую он защитил в Киеве, С. Ф. Платонов считал своей лучшей работой. Это, действительно, монументальное исследование, в котором внимательно прослежены все перипетии затянувшегося бедствия, корни которого были в предшествующей эпохе.

После революции С. Ф. Платонов продолжал интенсивную научную деятельность: в 1921 г. он выпустил замечательную биографическую книгу «Борис Годунов», в которой, вероятно, все-таки без достаточных оснований снимает с Бориса обвинение в подстрекательстве к убийству святого царевича Димитрия. Борис представлен у него светлой личностью, судьба которой без вины с его стороны сложилась трагически. Книга Платонова о царе Борисе — не только талантливо написанный, отличающийся тонким психологизмом исторический портрет, но и широкая панорама эпохи, которую автор этой книги знал досконально, наверно, как никто другой из историков. В 1925 г. вышла монография Платонова «Москва и Запад в XVI и XVII веках», в которой дан глубокий и убедительный анализ культурного развития в Московском государстве в контексте сложных отношений с Западной Европой, в которых со стороны Москвы соприкасались элементы притяжения и отталкивания.

Последней книгой историка стала биография первого Российского Императора — «Петр Великий. Личность и деятельность». Характеристика Петра у Платонова решительно расходится со славянофильской тенденцией, но не совпадает и с апологетическим официозом XVIII столетия или эпохи Николая I — Петр, по словам историка, «отдавал себя на служение государству и требовал того же от своих подданных. В его государстве не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных групп, а все были

уравнены в одинаковом бесправии перед государством» (цит. по: Вернадский Гергий, цит. изд., с. 256). Такая оценка Петра и петровской эпохи близка той, которую давал Ключевский.

Ученик Платонова С. В. Рождественский, жизнь которого также закончилась ссылкой через год после смерти его учителя, вошел в российскую историографию магистерской диссертацией «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века» (1897) и рядом позднейших работ по истории просвещения в России петербургской эпохи. В 1934 г., и тоже в ссылке, скончался другой ученик Платонова П. Г. Васенко, важнейшей работой которого было исследование, посвященное «Степенной книге», которую он подготовил для помещения ее в «Полном собрании русских летописей». Самый значительный труд еще одного ученика Платонова, А. И. Заозерского, вышел в 1917 г. под названием «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве» и был переиздан 20 лет спустя под заглавием «Царская вотчина XVII века». Труд ученика Платонова М. А. Полиевктова, вышедший в 1918 г., «Николай I. Биография и обзор царствования», может быть сопоставлен по тщательности и полноте исследования с работами великого князя Николая Михайловича, посвященными Александровской эпохе.

К числу учеников С. Ф. Платонова принадлежит и А. Е. Пресняков, который снискал признание в научной среде уже своей магистерской диссертацией «Княжое право в древней Руси». В этой работе исследуется правовой аспект во взаимоотношениях между князьями удельной эпохи, а также правовой и общественный статус древнерусского князя. Пресняков написал также капитальные труды, посвященные московскому периоду: «Московское царство» и «Образование Великорусского государства». А. Е. Пресняков полемизирует с концепцией Ключевского об образовании Московского государства из княжеской вотчины, считая, что тот переоценивает значение социального и экономического фактора в этом процессе, в то время как в действительности тогда решалась в основном политическая задача и политическими средствами — совершилось не столько объединение земли, сколько объединение, концентрация власти.

Разносторонний характер носили научные интересы современника Платонова А. С. Лаппо-Данилевского. Он занимался исследованием того, как складывалось крепостное право, его магистерская диссертация посвящена порядку взимания налогов

в XVIII веке — «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты и до эпохи преобразований». Ряд его монографий и статей относятся к истории XVIII столетия. Лаппо-Данилевский занимался также археологией и философией истории, а еще он был талантливым организатором научной деятельности: возглавлял археологический съезд в Новгороде в 1911 г., был членом Международного социологического института.

Ученик В. О. Ключевского М. М. Богословский свою докторскую диссертацию посвятил «Земскому самоуправлению на русском севере в XVII столетии». В ее основу положен был огромный актовый материал, почерпнутый из архива приказа Устюжской четверти. И в дальнейшем Богословского особенно занимали областная история и краеведение. В конце жизни, уже в советские годы, он писал многотомную биографию Петра Великого, которую не успел завершить.

Короткую жизнь прожил исключительно талантливый историк Н. П. Павлов-Сильванский, который скончался от холеры в 1908 г., задолго до смерти своего учителя по Петербургскому университету С. Ф. Платонова. Первые работы Павлова-Сильванского относятся к эпохе Петра Великого, но его имя в исторической науке более всего связано с оригинальной тогда концепцией о существовании феодализма в древней Руси; ее он развивает в двух монографиях: «Феодализм в древней Руси» и «Феодализм удельной Руси». Н. П. Павлов-Сильванский обнаружил в древнерусских грамотах следы основных институтов западного средневековья: патроната, бенефиций, иммунитета и, самое главное, смешения публичноправовых и частноправовых отношений. Утверждение о существовании феодализма в России стало потом общим местом советской медиевистики, и потому идеи Павлова-Сильванского воспринимались в советскую эпоху как шаг в верном направлении, но существенная разница его концепции и марксистского официоза заключалась в том, что он, конечно, не без натяжек пытался отыскать в строе древнерусского общества действительные черты того, что принято было называть феодализмом, а советская историческая наука суть феодализма усматривала в другом — главным образом, во внеэкономическом принуждении к труду земледельцев землевладельцами и потому обнаруживала феодализм в России даже в эпоху послепетровского самодержавия.

Великим ученым рубежа столетий был академик А. А. Шахматов, правда, он был прежде всего филологом и только потом

историком, но его вклад в историческую науку значителен, и связан он с исследованием летописей. Его схема происхождения «Повести временных лет» и затем всего летописного корпуса и по сей день остается непоколебленной в своих основаниях. При этом Шахматов изучал летописи не только как исторические источники, но и как памятники литературного творчества. Его перу принадлежит также замечательная работа «Древнейшие судьбы русского племени», в которой он, опираясь на диалектологический атлас, предлагает убедительную версию происхождения и сложных взаимоотношений восточнославянских племен и их дальнейшей эволюции, приведшей к образованию современных русских народностей.

М. Д. Приселков продолжил вслед за своим учителем А. А. Шахматовым изучение древних летописей. В 1913 г. он защитил магистерскую диссертацию «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков», в которой выдвинул ряд оригинальных и спорных идей, принятых однако некоторыми из историков. Одним из мало известных ранее источников для Приселкова послужил труд арабского хрониста Яхьи Антиохийского. Главной пружиной политической и церковной истории Руси киевского периода, по Приселкову, было противостояние русских князей византийским притязаниям на подчинение Руси и связанное с этим стремление князей добиться автокефалии Русской Церкви. Историк выдвинул гипотезу о тождестве митрополита Илариона и преподобного Никона Великого, подхваченную А. В. Карташевым. М. Д. Приселков продолжал исследования русского летописания в советские годы. Его научным подвигом был опыт реконструкции «Троицкой летописи», сгоревшей в московском пожаре 1812 г., отрывки из которой однако помещались в других, сохранившихся летописях и которую обильно цитировал Н. М. Карамзин.

Историк и политический деятель, один из лидеров кадетской партии А. А. Корнилов написал ряд работ, посвященных эпохе великих реформ, и среди них «Крестьянскую реформу» и «Общественное движение при Александре II», которые послужили ему основанием для солидного учебного курса «История России в XIX веке».

Современником М. Д. Приселкова был другой по-своему оригинальный историк М. Н. Покровский, который в предреволюционные годы написал «Историю России с древнейших времен»

в 4-х томах, а после революции переложил эту свою историю в сжатом виде для самого широкого читателя. Покровский был марксистом, и потому при большевиках стал одним из влиятельных чиновников, по сути дела с диктаторскими полномочиями в исторической науке. В основу своего обзора русской истории он положил экономический фактор и классовую борьбу. Это был своего рода перевод исторических сведений с языка академической науки на жаргон вульгаризованного марксизма. Кроме того, своей версией российской истории Покровский иллюстрировал хлесткую формулу о России — тюрьме народов. Великие государственные деятели и великие полководцы прошлого представлены у него прежде всего как совсем не великие личности и, кроме того, как защитники эксплуататорских интересов господствующих классов и душители угнетенных народов.

На Покровском лежит прямая вина за расправу над видными российскими историками: Платоновым, Любавским, Рождественским и Васенко. Он привел в катастрофическое состояние советскую школу, добившись удаления из учебных планов средней и высшей школы истории, которую заменили обществоведением. В конце жизни, а он умер в 1932 г., Покровский утратил контроль над советской исторической наукой. В конце 1930-х гг., когда советское руководство озаботилось патриотическим воспитанием общества перед лицом военной угрозы, нигилистическая концепция Покровского стала неуместной, и вскоре его имя приобрело в советском официозе злое, одиозное звучание и сближение с ним в послевоенные годы стало уже одним из способов заклеить того или иного историка или псевдоисторика, способом отлучения от научных занятий. А поскольку Покровский был норманистом, в послевоенные годы в советской историографии нормативное значение приобрела антинорманистская версия Ломоносова, на которого при этом полагалось ссылаться, и Иловайского, о котором, ввиду его «черносотенства» не упоминали.

Судьба другого историка-марксиста Н. А. Рожкова сложилась иначе, чем у Покровского, которого Ленин поставил в надсмотрщики над историками; Рожков, по его же настоянию, был выслан из России в 1922 г., причем его высылки Ленин требовал с особой настойчивостью, напоминая о ее безотлагательной необходимости, когда сам уже был тяжело болен и утрачивал власть. Рожков учился истории в Московском университете у Ключевского. Эволюция политических взглядов привела его в стан большевиков,

он подвергался арестам и ссылке, но вернувшись из нее в 1917 г., Рожков не поддержал октябрьский переворот. Сохраняя приверженность марксистской доктрине, он считал, что большевики ее извратили, что и навлекло на него принудительное отлучение от родины и, возможно, спасло ему жизнь.

До революции он написал книгу «Город и деревня в русской истории», насыщенную социологическими материалами. Свой главный труд, «Русскую историю в сравнительно-историческом освещении» в 12 томах, Рожков начал писать в России, а завершил его незадолго до смерти, наступившей в 1926 г. Последовательность исторических периодов у него сопряжена с марксистской схемой смены формаций от первобытного общества к феодализму, от которого он отличает эпоху господства дворянства после «дворянской революции», и затем, после буржуазной революции, к капитализму. Начала строительства социализма в России под руководством своих бывших товарищей по партии Н. А. Рожков не разглядел, за что и подвергся с их стороны остракизму.

В 1922 г. выслан был из России вместе с другими учеными и философами ученик Ключевского А. А. Кизеветтер, один из видных деятелей кадетской партии. Кизеветтер продолжал научную деятельность в эмиграции, в Праге, где прожил еще более полутора десятка лет, скончавшись в 1939 г., но его главные труды написаны были на родине. В 1903 г. вышла его магистерская диссертация «Посадская община в России XVIII столетия», основная мысль которой заключалась в том, что в послепетровской России продолжал существовать посадский мир Московской Руси. Докторская диссертация Кизеветтера, которую он защитил в 1909 г., посвящена «Городовому положению» Екатерины Великой; написана она на обширном и не исследованном ранее архивном материале. Кизеветтеру принадлежат также капитальные статьи о взаимоотношениях Александра I и Аракчеева и такие работы, как «Иван Пересветов», «Первое пятилетие правления Екатерины II», написанные и опубликованные уже в эмиграции.

В эмиграции завершилась жизнь и самого видного лидера кадетской партии и, как и Кизеветтер, ученика Ключевского П. Н. Милюкова. Уже его магистерская диссертация «Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого», которую он защитил в 1892 г., была солидным научным трудом с оригинальными и важными выводами, главный из которых заключался в том, что петровские реформы не были продуктом произвольного

заимствования, но вытекали из всей предыдущей истории России, что они назрели в самом русском обществе, — вывод, вписывающийся в западническую традицию русской мысли, приверженность которой Милюков сохранял на протяжении всей своей жизни.

Тем не менее в своем главном труде «Очерки по истории русской культуры», написанном до революции и потом основательно переработанном и дополненном в эмиграции, Милюков опирается на идеи позднего славянофила Данилевского, который рассматривал историю человечества как совокупность истории обществ с разнородными типами культуры. Исторические закономерности, по Милюкову, проявляются не столько во взаимовлияниях, сколько в параллельных явлениях, наблюдаемых в истории разных народов. Второй и третий тома «Очерков», посвященные школьному просвещению, общественной мысли России, литературе и науке, представляют большую информативную ценность, но не особенно оригинальны и написаны тенденциозно и ангажированно, выражая не поколебленную революцией догматическую приверженность автора либеральной идеологии. Красная нить этих томов — история так называемого освободительного движения.

Зато чрезвычайно ценен первый том «Очерков», в котором особое значение уделяется генезису русского народа, его обособлению из славянской общности, а также формированию самой этой общности, ее выделению из индоевропейской языковой семьи. Этот процесс П. Н. Милюков прослеживает с учетом последних достижений антропологии, лингвистики, этнографии и археологии. Милюков, вероятно, не прав, рассматривая вслед за большинством немецких ученых среднюю Европу как месторазвитие индоевропейской общности, но зато он вполне убедителен в локализации месторазвития (один из ключевых его терминов) славянского племени верховьями Эльбы, Одера и Вислы. Развивая идеи Соловьева и Ключевского, Милюков тщательно прослеживает этапы и пути колонизации, территориальной экспансии русского народа.

Современник Милюкова Е. Ф. Шмурло не выезжал из России как эмигрант. Русская революция застала его в Риме, откуда он вскоре после нее перебрался в Прагу, где и провел остаток жизни, скончавшись в 1934 г.. Шмурло — автор ряда монографий, в частности историографического «Очерка жизни и деятельности

К. Н. Бестужева-Рюмина», своего учителя по Петербургскому университету, «Петр Великий в русской литературе», «Восток и Запад в русской истории», «Россия и Азия в Европе» — две последние работы написаны уже в Праге. Там же Шмурло подготовил и два учебника по истории России, из самых взвешенных и объективных среди написанных до сих пор: «История России. 862–1917» и «Курс русской истории» в 2-х томах. Этот курс снабжен приложением под названием «Спорные и невыясненные вопросы русской истории».

В 1930–1940-е гг. в Белграде и Мюнхене вышла монография С. С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II», написанная с позиций апологетических по отношению к святому Венценосцу, тогда, конечно, еще не прославленному, но при этом и вполне объективно, академично, без идеологического пафоса, с вполне надежной фактографией и статистикой, и это, пожалуй, лучший труд по истории последнего царствования из появившихся донныне.

К новому поколению русских историков, оказавшихся в эмиграции в сравнительно молодые годы и написавших свои основные труды за пределами России, принадлежат такие ученые как С. Г. Пушкирев, М. М. Карпович, Г. В. Вернадский. Все трое завершили жизнь в Соединенных Штатах, писали там по-английски, преподавали русскую историю в американских университетах и по существу заложили основы американской историографии России. В биографиях Пушкирева и Вернадского есть и другие параллели: пребывание в Крыму при Врангеле и эмиграция вместе с побежденной армией и потом, в 1920-е гг., интенсивная научная деятельность в одном из центров русской эмиграции и русской послереволюционной науки — Праге.

Наиболее масштабным историком из них был Г. В. Вернадский, сын великого ученого, оставшегося в России. Тематика его научных исследований исключительно разнообразна: до революции он писал статьи по истории Сибири, по истории русской культуры XVIII века и, в частности, по истории масонства — в 1917 г. была опубликована его магистерская диссертация «Русское масонство в царствование Екатерины II». В 1920-е гг. Вернадский пережил увлечение евразийством, выпустив в 1927 г. книгу «Начертание русской истории с евразийской точки зрения». В этой работе не только европейская Россия, но и все евразийское пространство представлено как месторазвитие русского народа. В отличие

от большинства историков-медиевистов, Вернадский не разделял норманистскую концепцию. Этноним «русь» он отыскивал среди аланов. В своих работах по истории России Вернадский больше своих предшественников уделял внимание юго-западному краю, Украине. В Праге он написал ряд работ по византистике. С его византологическими научными интересами и евразийскими идеями связана статья «Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога», соприкасающаяся тематически и с русской историей. Самый капитальный труд Вернадского написан по-английски. Это многотомная «История России». Незадолго до своей кончины в 1973 г. Вернадский опубликовал на русском и на английском языках «Очерки по истории русской историографии»; эта книга вместе с «Очерками по истории науки в России» содержит основательный обзор развития отечественной исторической науки от XVIII столетия до середины XX века.

М. М. Карпович издал на английском языке «Императорскую Россию» (1932), в которой изложены и вдумчиво прокомментированы основные события политической истории Российского государства от Петра Великого до святого императора Николая II. Ему же принадлежат блестящие статьи по истории русской мысли и русской историографии, в том числе «Милюков как историк», «Владимир Соловьев о национализме», «Пушкин как историк». Научные интересы С. Г. Пушкирева охватывают разные периоды российской истории. Ему принадлежит синтетический курс «Россия. 1801–1917», в котором содержатся взвешенные, выверенные оценки исторического пути России в период, когда закладывались предпосылки пережитой ею катастрофы. Одна из его лучших книг, «Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности», опубликована по-чешски в 1938 г.

В эмиграции появился ряд солидных трудов по истории Русской Церкви. Последний обер-прокурор Св. Синода А. В. Карташев, занимавший эту должность при Временном правительстве, в изгнании написал свой самый капитальный труд «Очерки по истории Русской Церкви» в 2-х томах, в котором изложение церковной истории доведено до царствования императора Павла. «Очерки» Карташова написаны в журналистском стиле, броском, острословном, бьющем на эффект и небрежном, что совсем не характерно для церковно-исторического жанра, но тем

не менее это вполне научный труд. В интерпретации русской церковной древности Карташов недостаточно самостоятелен, воспроизводя с некоторыми вариациями концепцию Приселкова, но он становится вполне оригинален в изложении и интерпретации церковных событий и процессов XVIII века. В особенности удачно, с вдохновением и блеском и при этом с большой убедительностью, охарактеризованы церковно-государственные взаимоотношения этой эпохи.

И. К. Смолич, автор «Истории Русской Церкви (1700–1917)», написал самый обстоятельный на сей день обзор церковной истории синодального периода. Изданная впервые по-немецки, эта «История» опубликована ныне в переводе на русский язык, на котором и писал ее автор. Жесткий критик синодальной системы и государственной церковности, Смолич измеряет ее несовершенство, отталкиваясь не столько от традиционного для Православия византийского идеала симфонии, сколько в контексте либеральной идеи о свободной Церкви в свободном государстве. Ему же принадлежит содержательный труд «Русское монашество». В нем, с одной стороны, тщательно исследуются юридические и социально-экономические обстоятельства, в которые поставлены были русские монастыри в разные периоды своей истории, а с другой — особое внимание уделено старчеству, которому посвящена также отдельная его монография «Жизнь и учение старцев».

Одним из самых сильных мыслителей эмиграции был протоиерей Георгий Флоровский. Написанные им «Пути русского богословия», в которых с замечательной глубиной, трезвостью и при этом с позиций строго ортодоксальных представлена история русского богословия и религиозной философии, а также история российской духовной школы, явились весомым вкладом в историю русской мысли и получили самое широкое признание у читателей. Его удивительно меткие и виртуозно тонкие оценки и характеристики настолько выразительны и метки, что в среде религиозной интеллигенции получили почти нормативный статус.

В самой же России, ставшей Советским Союзом, историческая наука существовала в условиях приполярных, которые стали особенно суровыми в начале 1930-х гг., после расправы над С. Ф. Платоновым и его учениками. Хотя, с одной стороны, в середине 1930-х гг. были подвергнуты официальному ostracismу вульгарные крайности марксистской интерпретации истории в стиле Покровского, но с другой — приверженность марксизму

стала безысходной повинностью советских историков. Этой кабалы сумел избежать единственный из крупных историков, переживших середину XX века, С. Б. Веселовский, который так и не заявил, подобно своим коллегам по ремеслу, о переходе на позиции марксистской методологии.

В 1913—1915 гг. вышла 2-томная монография Веселовского «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения в Московском государстве», явившаяся результатом десятилетних архивных штудий. Это был шедевр научной добросовестности и доброкачественности, удостоенный Уваровской премии. В предреволюционные годы Веселовский написал и издал еще ряд статей по истории центрального управления и землевладения в Московской Руси. Один из его важнейших трудов советской эпохи — «Исследования по истории опричнины», в котором он возражает Платонову и Випперу, чья старая книга «Иван Грозный», написанная в апологетическом духе, пришлась ко двору идеологической конъюнктуры послевоенных лет и была тогда переиздана, утверждавшим, что репрессии Ивана IV направлены были главным образом против боярства и в особенности княжат. Веселовский, опираясь на обширный генеалогический материал, показал, что жертвами террора пали не только родовитые землевладельцы, но, в еще большем числе, люди незнатные, из низов, из черни, в то же время в опричнине, вопреки преобладавшим в исторической науке оценкам, значительную часть составляли выходцы из аристократических родов. Эта книга Веселовского могла быть напечатана только посмертно, в 1963 г.

В последний период своего научного творчества С. Б. Веселовский занимался по преимуществу российской генеалогией и обнаружил в своих трудах по генеалогической тематике колоссальную эрудицию. Причина того, что он ушел от тем экономической истории, которые его интересовали раньше и исследования по которым, казалось бы, должны были поощряться в Советском Союзе с его официальной доктриной исторического материализма, заключалась, очевидно, в совершенной невозможности уклониться от марксистской методологии в этой области истории, а генеалогические изыскания, с точки зрения официальных инстанций, были хотя и малополезным делом, своего рода досужим занятием, но при этом относительно нейтральным, почти только техническим, где присутствие идеологического элемента

не виделось столь же насущно необходимым, как в исследованиях на экономические темы.

Современник Веселовского Б.Д. Греков, не менее талантливый историк, в 1930-е гг. вынужден был приспособляться к идеологической конъюнктуре и заявить о своей приверженности марксистской методологии. Возглавляя с 1937 г. до конца своей жизни Институт истории Академии наук СССР, он занимал лидирующее положение в советской исторической науке и почитался за ее патриарха. В 1914 г. Греков защитил магистерскую диссертацию «Новгородский дом святой Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной вотчины». Но его главные работы появились уже после революции, и среди них такие капитальные труды, как «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века», «Культура Киевской Руси», «Киевская Русь». В них он остается настоящим ученым, великолепным знатоком и глубоким интерпретатором исследуемых материалов. Влияние официальной идеологии в этих трудах обнаруживается главным образом в том, что весь ход истории втискивается в прокрустово ложе смены общественных формаций. В русле этой схемы Греков в работе, посвященной истории крестьянства, с очевидными натяжками стремится вслед за Павловым-Сильванским отыскать в средневековом российском обществе феодализм, который он в отличие от своего предшественника обнаруживает не в сфере политических и юридических отношений, а в социально-экономическом устройстве, фактически отождествляя развитие феодализма на Руси с не имевшим к нему прямого отношения закрепощением крестьян. Греков занимался также археологическими исследованиями и изданием источников по истории древней Руси, в частности он подготовил к изданию «Русскую правду», судебники XV и XVII веков.

Крупным специалистом по источникам древнерусского церковного права был С.В. Юшков. Изучению славянских и русских редакций «Кормчей», а также княжеским уставам и уставным грамотам Церкви посвятил ряд монографий и статей современный ученый Я.Н. Щапов. Блестящим знатоком и исследователем летописей был М.Н. Тихомиров, продолживший изыскания Шахматова в области источниковедения русской истории. Среди последователей М.Н. Тихомирова — такие маститые историки, источниковеды и архивисты, как А.И. Рогов и ныне здравствующий С.О. Шмидт.

Неоценимый вклад в изучение средневековой истории Руси внес выдающийся археолог А. В. Арциховский, по существу открывший новый вид источников — новгородские берестяные грамоты. Их изучение радикально изменило представление о грамотности новгородцев и, вероятно, также жителей других русских городов, которая в действительности была гораздо более распространенной, чем это представлялось раньше, до этих находок. Археологические исследования в Новгороде продолжил ученик Арциховского Янин, который в наши дни почитается за патриарха российской истории и археологии.

После Б. Д. Грекова, во второй половине XX века, лидирующее положение в отечественной исторической науке занял один из крупнейших историков и археологов советской эпохи, исключительно талантливый ученый Б. А. Рыбаков. В отличие от Арциховского и Янина, регионом его преимущественных научных интересов был не русский северо-запад, а юг — Киевщина и Северное Причерноморье. Именно там он осуществил большую часть своих археологических раскопок. На юге он видел очаг русской государственности, и потому он всегда оставался противником норманизма, не доходя однако до фантастических версий о западнославянском происхождении Рюрика. В его многочисленных работах история древней Руси представлена в контексте взаимоотношений со всем славянским миром. Сферой интересов ученого были летописи и другие источники по истории древней Руси, в том числе такой своеобразный текст, как «Слово о полку Игореве», которому он посвятил ряд работ.

Б. А. Рыбаков с огромным увлечением изучал славянское и русское язычество, которому посвятил монографии «Язычество древней Руси» и «Язычество древних славян» и ряд статей. В этих своих исследованиях он опирался на этнографические и фольклорные материалы, на артефакты материальной народной культуры. Своим широким читательским успехом Рыбаков обязан литературному таланту, замечательному дару слова, умению писать увлекательно, так что он был еще и искусным популяризатором.

Впрочем, помимо неизбежной дани официальной идеологии, недостатком исследований Рыбакова является его излишнее доверие своим чрезмерно оригинальным идеям, которые часто расходятся со сложившимися и более обоснованными концепциями и представлениями. Так, не представляется убедительным отождествление Рыбаковым Геродотовых скифов-пахарей

Поднепровья с восточными славянами — очаг славянства во времена Геродота локализуется значительно более западным регионом. Другое дело, что антропологически и по преемству культуры скифы-пахари могут также считаться предками восточных славян, но только чрез их позднейшую ассимиляцию носителями славянского языка.

Русская историческая наука второй половины XX столетия представлена также такими крупными учеными как Черепнин, Зимин, Пашуто. Большой вклад в изучение летописей как исторического источника и одновременно как литературного жанра внес выдающийся филолог Д. С. Лихачев.

В настоящее время, уже в условиях свободы от идеологического диктата, с успехом ведутся исследования в области русского средневековья великолепным знатоком эпохи смуты Скрынниковым, автором монографии «Мятежный Новгород» И. Я. Фрояновым, Туриловым, специалистами по региональной истории и краеведению Покровским, Кучкиным и Алексеевым, источниковедом Н. В. Синициной, научные интересы которой концентрируются на теме Третьего Рима, медиевистами Б. Н. Флорей, Каштановым, Рогожиным, А. Н. Сахаровым, автором «Дипломатии Святослава», исследователем по взаимоотношениям Руси и Западной Европы в средневековье А. Назаренко.

Медиевистика в советскую эпоху обладала несравненно большей свободой исследований, чем история императорского периода, в области которой идеологический пресс не ограничивался принуждением к марксистской методологии — приоритеты и акценты, оценки исторических событий и политических деятелей этого периода, как правило, были заранее заданными, во многих случаях зависели даже от случайных высказываний Ленина или других диктаторов идеологической моды, тем более от их устойчивых симпатий и антипатий. История этой эпохи должна была строиться главным образом как история классово-борьбы, как история освободительного и революционного движения с его заранее отмеренными этапами. Поэтому серьезных достижений в этой области исторических исследований был минимум. И все-таки исследователь аграрных тем Дружинин, М. Я. Гефтер, Эдельман и даже идеологически закаленная М. В. Нечкина, которая имеет репутацию самого крупного специалиста по декабризму, обладали обширными знаниями реалий эпохи, которую они интерпретировали в своих монографиях и статьях.

Русской революции и советскому периоду отечественной истории посвящены монбланы литературы: публикации документов, бесчисленные мемуары, книги и статьи. Тем не менее полноценная история этой эпохи пока не написана, потому что все это еще слишком близко, слишком свежо в памяти, а большое, как известно, лучше видится на расстоянии, которого пока нет. Первые книги и статьи о революции, написанные авторами, потерпевшими в ней поражение, представляют собой скорее свидетельства о преступлениях и личных трагедиях, сливающихся в катастрофу национального масштаба, чем объективные исследования академических историков. Это своего рода «белые», «красные» или «черные книги».

Информативно содержательны 3-томные «Записки о революции» меньшевика И. И. Суханова, в которых содержится подробная хроника событий, происходивших в 1917 г., по замыслу автора — беспристрастная хроника, не могущая однако скрыть действительную политическую позицию историка — революционера, единомышленники которого были отодвинуты с авансцены более решительными и лихими товарищами.

«Историю русской революции» написал один из ее вождей — Л. Д. Троцкий, и написал с журналистским блеском, с незаурядным литературным талантом. Это однако крайне пристрастная книга, причем ее автор озабочен не только апологией Октября и большевизма, но еще и самоапологией, стремлением убедить читателей в том, что это он сыграл если не первую, на что он порой намекает, то во всяком случае вторую роль в свершившейся всемирно-исторической драме, и заслуженность этой своей серебряной медали, в общем-то, общепризнанную за границами СССР, он отстаивает с простодушным ребячливым задором.

Советская литература о революции, основы которой заложены были мифотворческим «Кратким курсом истории ВКП(б)», — это малосъедобное пропагандистское варево. Роль официального историографа «Великого Октября» возложена была на И. И. Минца, который на протяжении десятилетий успевал при каждой перемене идеологических веяний на кремлевских вершинах надлежащим образом переменить акценты в своем летописании революции.

Наиболее достоверный труд по истории революционной катастрофы написан в эмиграции — С. П. Мельгуновым; в 1953 г. в Париже вышла его книга «Как большевики захватили власть».

Ему же принадлежит еще одна капитальная работа о советском режиме «Красный террор в России», посвященная раннему периоду в истории советского государства

До сих пор непревзойденной книгой о Гражданской войне остается труд одного из главных ее участников, генерала А. В. Деникина, «Очерки русской смуты», отличающийся исключительной полнотой в отражении событий Гражданской войны, достоверностью и объективностью, разительно расходящийся в этом отношении с уже упомянутым сочинением другого участника событий — Троцкого, хотя тот был и более талантливым писателем.

Что же касается академической исторической науки, то наиболее солидные и взвешенные работы по советской эпохе принадлежат уже упомянутым здесь эмигрантам: Вернадскому, Карповичу, Пушкареву.

Работы западных ученых о советской истории, рассуждая отвлеченно, могли бы быть, ввиду отсутствия цензуры, и объективны и научны, но в действительности они не таковы, поскольку лучшие научные силы были мобилизованы на выполнение оперативных задач антикоммунистической борьбы. История Советского Союза стала советологией, кремленологией, будь то актуализированные аналитические исследования, подчиненные политическим задачам, или пропагандистские опусы. Солженицынский «Архипелаг» потому и вызвал тектонический сдвиг, в отличие от многочисленных пропагандистских поделок, содержащих в себе сведения о тех же или таких же фактах, которые ввел в свою книгу русский писатель, что он писал не по заказу вашингтонской бюрократии, продиктованному вполне прагматическими целями, а чтобы запечатлеть на века опыт жизни в стране коммунистического эксперимента, там, где был ее эпицентр — в ГУЛАГе, вынесенный им самим и миллионами его современников. И только тогда с глаз у тех, кого не убеждали опусы профессионалов от советологии, спала завеса.

Доброкачественней поделок функционеров от советологии были хотя и тенденциозные, но, по крайней мере, не заказные работы западных левых историков о советской эпохе — троцкистов, почитателей Бухарина или еще кого-нибудь из поверженных советских вождей, или менее идеологизированных, но все-таки левоориентированных авторов вроде А. Рабиновича с его книгой «Большевики приходят к власти в России», С. Коэна, автора политической биографии Бухарина, или Р. Таккера. Все-таки

искренняя ангажированность, даже самого вычурного свойства, для исторической науки не столь вредна, как чиновничий функционализм и служебный заказ.

Ввиду того, что американская стратегия холодной войны акцент делала не столько на антикоммунизме, сколько на борьбе за «освобождение поработенных народов России», у этой войны была еще и гротескная антирусская гримаса. Это обстоятельство придавало даже историческим работам, посвященным до-советской истории России, советологический, идеологический привкус. Парадоксальным образом опусы советолога антикоммуниста Р. Пайпса, который выполнял заказ на развенчание русского тоталитаризма, мало отличаются в оценке Московского и даже Петербургского периода российской истории от концепции марксиста и коммуниста Покровского. У того и другого Россия представлена как воплощение тирании, как агрессивная империя, как тюрьма народов. Одинаковым образом византийские корни российской цивилизации рассматриваются этими чиновниками конкурирующих пропагандистских служб как пагубные, в отличие от западных влияний, представленных у того и другого как благотворными для России.

Своими оценками исторического пути России от Р. Пайпса не многим отличается и французский политолог А. Безансон, несмотря на его несравненно более широкую эрудицию, несмотря на иной стиль его мысли и языка, не вульгарно-пропагандистский, как у его американского единомышленника, а щеголеватого глубокомысленный, с налетом рафинированного интеллектуализма. Специалист по коммунизму и его ядовитый и остроумный критик, А. Безансон, хотя и не считает коммунизм закономерным проявлением российской традиции, естественным и органичным результатом ее истории, разве только ленинский вариант осуществленной утопии Маркса, настаивает все же на том, что во всех своих фундаментальных проявлениях история России обнаруживает очевидную непринадлежность русских к европейской цивилизации, которая у Безансона, естественно, выставлена как ценностный эталон. Один из главных его аргументов при этом таков: «Поляки, венгры, прибалты — (надо бы, наверно, — люди прибалтийской национальности. — В. Ц.) — народы, принадлежность которых к Европе отрицать невозможно и которые знают на собственном опыте, что такое жить под властью России, — имеют на этот счет свое мнение... Они объяснят нам, что

“кожей чувствуют” нечто особенное, о чем им трудно говорить с вами именно потому, что вы — европеец и “вам не понять”» (с. 256). Тут Безансон, как кажется, совсем запутался и перестал понимать самого себя, может быть потому, что и он в некотором смысле тоже не совсем европеец. Насколько его можно понять, он считает, что стопроцентному западному европейцу тактильные ощущения прибалтов остаются все-таки не до конца понятными, по признанию самих лиц прибалтийской национальности. А что же все-таки чувствуют прибалты вместе с Безансоном своей кожей? Ответ на этот вопрос у него есть, он прост и ясен как солнечный день: по поводу разделов Польши политолог пишет, что критикуемый им М. Малиа «напрасно полагает, будто в этом отношении нет разницы между Россией и Австрией или Пруссией. Прусское и австрийское правительство сознавали, согласно знаменитому высказыванию австрийского министра, что они «защищают Европу от диких орд». В случае с Россией в роли защитника выступает сама орда. Поляки и прибалты ощущали это очень остро» (с. 261). Что ж, вот и Геббельс с Герингом тоже высказывались в том роде, что, устраивая Освенцим, они наилучшим образом защищают европейскую цивилизацию от диких орд. И некоторые прибалты, но не поляки, кожей чувствуют, насколько правы были Геринг и Кальтенбруннер.

Американский историк Мартин Малиа, в 1999 г. издавший книгу «Россия глазами Запада», с которой полемизировал Безансон, охарактеризовал позицию своего оппонента как «антирусскую точку зрения». Сам же Малиа склоняется к тому, чтобы минимизировать цивилизационное отличие России от Западной Европы, считая, что кажущиеся цивилизационными различия по преимуществу являются следствием исторического отставания России от Запада на несколько десятилетий. Взгляд, может быть, и несколько поверхностный, не придающий должного значения тому обстоятельству, что у европейской цивилизации России корни, отличающиеся от западноевропейских, связанные с византийским наследием, но, по крайней мере, нет оснований обвинять Малию в русофобском расизме, который в прикровенной форме празднует свой праздник в книгах и статьях плодovitого и модного Безансона.

Даже когда историк, соприкоснувшийся с заказной советологией, пытается избегать одномерности, когда он, как А. Безансон, способен оценить вершинные достижения русской культуры,

искусства, и даже если он, в отличие от Безансона, на русский национальный характер смотрит как будто и без брезгливого недоумения, все равно у него не получается доброкачественного академического исследования, а получается своего рода китч, который в отдельных случаях откровенно заявляется уже самим названием работы вроде «Иконы и топора» Билингтона. При этом надо иметь в виду, что Пайпс или Билингтон — это все-таки хорошо эрудированные и талантливые журналисты и некоторым образом историки. Дюжинные же публикации советологов и кремленологов мало отличаются по уровню от макулатурных изделий их советских коллег.

Но академическая историография России все-таки существовала на Западе, в особенности в Европе. Вполне научные труды по истории России написаны Д. Феннелом, Х. Баггером, Л. Мюллером, А. Поппе, Т. Вилланом и другими солидными академическими историками.

С историографией России и географически и содержательно, ввиду длительных контактов тюркских народов с Русью, соприкасается тюркология. Ввиду того, что территория расселения тюркских народов простирается далеко за пределы Европы, здесь уместно упомянуть только тех ученых, которые занимались исследованием истории тюркских народов Восточной Европы. Среди них в первую очередь следует назвать Артамонова, автора превосходной монографии «История хазар». Это исключительно надежный, достоверный труд, тем более ценный, что по его теме источники скудны и противоречивы.

Выдающимся учеником Артамонова был талантливый этнолог, географ и историк Л. Н. Гумилев, троекратный узник ГУЛАГа. Его читательский успех поразителен, его книги, которые стали печататься незадолго до кончины их автора, многократно переиздавались массовым тиражом. Своим успехом Гумилев обязан не только таланту увлекательного рассказчика, не только широте своей эрудиции, но и изумительной изобретательности на идеи, которые не всегда убедительны с точки зрения строгой науки, но по существу лежат в иной области — историософии, парафилософии. Это относится и к его концепции этногенеза, обусловленного биологическими факторами, и к изобретенному им термину «пассионарность», и к его версии смены фаз в истории любого этноса. При этом Л. Н. Гумилев не становится шарлатаном вроде адептов «новой хронологии», но остается профессиональным

тюркологом. Его историческая концепция представляет собой своеобразное развитие евразийских идей. Излюбленная тема Гумилева — взаимоотношения тюркских народов с Русью. Одна из его книг так и называется: «Древняя Русь и великая степь».

8. Медиевистика Запада

Первая хроника, включающая описание событий раннего Средневековья, написана испанцем Идацием. Она представляет собой продолжение «Хроники» блаженного Иеронима и охватывает эпоху от 379 до 469 г. В свою очередь Идация продолжил святой Исидор, занимавший Севильскую кафедру с 601 г. до кончины, последовавшей в 636 г., автор многочисленных сочинений на самые разные темы: от богословия до математики и географии. Ему усваивается также составленный в IX столетии канонический сборник, включающий подложные папские декреты. «Хроника» св. Исидора описывает события мировой истории, но она отличается особой полнотой и достоверностью в тех своих местах, которые относятся к Испании. Святой Исидор заканчивает свое изложение современными ему событиями, 625 годом, когда в Испании правил вестготский король Сизебут. Не меньшую историографическую ценность представляет его «История о королях готов, вандалов и свевов».

До Исидора Севильского, в середине VI века, книгу об истории готов написал Иордан, который, по версии некоторых исследователей, занимал Кротонскую кафедру. По происхождению он сам был из готов, хотя знаменитый романист Моммзен считал его аланом, жившим в среде романизованных готов и причислявшим себя поэтому к готскому племени. Точное название его сочинения — «О происхождении и деяниях гетов» («De origine actibusque Getarum»). В ней в основном речь идет о готах, но Иордан, опираясь на сходство этнонимов, придерживается фантастической версии о тождестве этих народов и в историю готов инкорпорирует события из жизни фракийского народа гетов, что, естественно, вносит путаницу, затрудняющую исследователей в реконструкции канвы действительных событий, относящихся к истории того и другого народа, к их датировке и географической привязке. В основу истории Иордана положена не сохранившаяся «История готов» первого министра остготского королевства из римлян, консула Магна Аврелия Кассиодора, который известен как Кассидор Сенатор. Русский историк

Е. Ч. Скржинская полагает, что Кассиодор не имел звания сенатора, а это было его личное имя. Сочинение Иордана заканчивается падением остготского королевства, разгромленного византийским полководцем Велизарием. Несмотря на свой искренний готский патриотизм, Иордан, будучи православным, видел в поражении арианского государства благоприятную перспективу для своего народа, включенного в состав православной Римской империи; он заканчивает свой труд хвалой победителю готов императору Юстиниану.

«Историю франков» — народа, историческая роль которого оставила в тени судьбы других варварских племен, обосновавшихся в западных пределах Римской империи, написал епископ Турский Григорий, который жил во второй половине VI века и был, как и большая часть клириков той эпохи, выходцем из галло-римской семьи, причем знатного рода и senatorского сословия. Но он рассказал историю народа, который завоевал Галлию и поселился в ней, постепенно ассимилируясь с местными романизированными галлами. В его «Истории» по традиции повествование начинается с сотворения мира, но затем сосредоточивается на событиях, происходивших во Франкском королевстве в ключевой период его истории, когда при Хлодвиге франки, до тех пор язычники, вместе со своим королем приняли православное христианство, в отличие от других германских народов, которые крестились раньше, но от ариан. Григорий сохранил для потомков ставшее хрестоматийным наставление новокрещенному Хлодвигу епископа Реймского святого Ремигия: «Покорно склони выю, Сигамбр, почитай то, что сжигал, сожги то, что почитал» (Григорий Турский. История франков. М., 1987, с. 51). Григорий называет Хлодвига новым Константином, но при этом он не скрывает его коварства, злопамятности и варварской жестокости в бытность того уже христианином. Внимание историографа главным образом привлечено к христианскому просвещению франков и истории Церкви, но он пишет также, и пишет с блестящим литературным талантом, с замечательной меткостью портретных характеристик, с увлекательным драматизмом, о битвах, политических интригах, о быте и нравах франков, о судьбах королей, вельмож, епископов, священников и простолюдинов. «История» Григория Турского заканчивается 591 г., таким образом, он довел ее до времени, свидетелем которого был сам писатель, скончавшийся в 593 или 594 г.

В VII столетии английский богослов, церковный гимнограф и историк Беда Достопочтенный написал «Церковную историю народа англов», которая впоследствии была переведена Альфредом Великим на англосаксонский язык. Эта книга является фактически единственным источником по истории Британии со времени ее завоевания англами, саксами и ютами, по истории их христианского просвещения и их Церкви. В сочинении «О шести эпохах мира» («De sex aetatibus mundi») Беда Достопочтенный употребил хронологическую систему Дионисия Малого — летосчисление от сотворения мира, принятое затем в западных хрониках.

Исторические изыскания поощрялись при дворе Карла Великого. Друг и министр императора Эйнгард написал на хорошей, почти классической латыни биографию Карла, опираясь в своих литературных приемах на наследие римских историографов. Эйнгард занимался также обработкой франкских хроник, которые велись в монастырях, сообщая им официальный государственный характер. Другой видный деятель каролингского ренессанса при дворе Карла Алкуин составил жизнеописания выдающихся церковных деятелей. Принадлежавший к этому же ученому кружку знатный лангобард Павел Диакон, завершивший свою жизнь в Монте-Кассинском монастыре, где он создавал богословские трактаты, собирал и редактировал церковные песнопения, которые поныне употребляются в Католической церкви, и исторические сочинения. Его «История лангобардов» написана настолько увлекательно, что получила широкое распространение и сохранилась в большом числе рукописей.

На рубеже IX–X веков аббат Регинон составил хронику, доведенную до 906 г. Повествование о древних временах представляет в ней сокращенную компиляцию предшественников, но она приобретает большую источниковедческую ценность, когда речь заходит о событиях, современных автору, в особенности о тех, что происходили в Лотарингии.

Епископ Кремонский Лиутпранд, совершивший по поручению Оттона Великого путешествие в Константинополь, где он просил для сына Оттона руки императорской дочери Феофано, был одним из немногих ученых людей Запада, кто знал греческий язык. Он — автор нескольких исторических сочинений, и среди них «Antapodosis», что значит в переводе с греческого «Воздаяние», содержащее историю Запада, в основном Германии, с 888 по 948 г., «О деяниях Императора Оттона

Великого», «О посольстве в Константинополь» («De legatione Constantinopolitana»). Книги Лиутпранда написаны увлекательно, драматично, с литературным блеском, с умением давать тонкие и выразительные портретные характеристики, но, как считают, порой ради литературных качеств текста автор жертвовал достоверностью.

На рубеже тысячелетий исторические сочинения, хроники, анналы составлялись при дворах, в монастырях и в крупных городах Западной Европы. Епископ Мерзебургский Дитмар написал «Хронику», в которой излагаются события, происходившие главным образом в Германии от Генриха I до 1018 г., свидетелем которых часто бывал сам автор. Особую ценность этой хронике придает то обстоятельство, что из нее почерпаются сведения о славянах, живших за Эльбой, в Мерзебургской епархии и за ее пределами.

Сочинения Адама Бременского — «Деяния Гамбургской pontификальной церкви» («Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum»), жизнеописания архиепископов Лимара и Адальберта, «Описание северных островов», составленное во второй половине XI века, отличаются достоверностью, тщательным исследованием воспроизводимых материалов. Излагая историю Гамбургской и Бременской епархий, Адам попутно сообщает ценные сведения о народах скандинавского севера и западных славянах.

Современник Адама Бременского бенедиктинский монах из Герсфельда Ламберт составил два замечательных труда: стихотворную эпопею об императоре Генрихе IV, которую называют также «Песнью о Саксонской войне» («Carmen de bello saxónico»), и Хронику, в которой кратко излагается всемирная история от сотворения мира до 1039 г., а затем, более подробно, современные историографу события, доведенные до 1077 г. По правильности и изяществу слога, по мастерству повествования, по выразительности литературных портретов исторических деятелей Ламберт не знает равных себе среди современников и принадлежит к числу лучших латинских писателей Средневековья. В своих привязанностях Ламберт не был устойчив. Восторженный почитатель Генриха IV, бросившего вызов папе, он после поражения императора перешел на сторону Григория VII.

Епископ Фрейзингенский Оттон, сын маркграфа Австрийского Леопольда IV, был самым значительным немецким историографом XII столетия. Ему принадлежит всемирная хроника,

доведенная до 1146 г., а также биография Фридриха Барбаросы. Исторические сочинения Оттона отличаются литературным мастерством, стремлением осмыслить исторические события провиденциально, обнаружить в них действие Божественного Промысла и разгадать Его логику. В то же время Оттона упрекают за вольное обращение с фактами, за искажения и натяжки в повествовании.

В XIII столетии в Германии появляются первые хроники на немецком языке, наиболее содержательной среди них была Саксонская.

Во Франции в XI веке в основном составлялись региональные хроники и анналы, посвященные истории отдельных епархий, монастырей, городов. В XII веке интерес историографов перекладывается на жизнеописание королей. Каждый из Капетингов этой эпохи имел своего биографа. Одна из лучших биографий столетия написана аббатом монастыря Сан-Дени под Парижем и правителем государства во время участия короля в крестовом походе Сугерием, и посвящена она Людовику VI.

Историю крестовых походов писали главным образом французы. Среди них выделяется архиепископ Тирский Вильгельм, который родился в Иерусалиме в 1130 г. и прекрасно знал Восток. Это был полиглот, владевший родным французским, немецким, латинским, греческим, сирийским и арабским языками. Он составил хронику крестовых походов, в особенности надежную как источник по 3-му походу, одним из инициаторов, организаторов и участников которого был сам историограф.

Во Франции писать на национальном языке стали позже, чем в Германии, поскольку французский долгое время воспринимался всего лишь как варварски испорченная латынь. Но в XIII столетии появились написанные по-французски мемуары одного из предводителей 4-го крестового похода маршала Шампани Жоффруа де-Вильгардуена под названием «Завоевание Константинополя» и, с таким же названием, воспоминания рядового крестоносца Робера де Клари, который, в отличие от Жоффруа, рассказывает о захвате и грабеже имперской столицы не с позиций политика, считающего своим долгом представить мотивы и действия крестоносцев в благовидном свете, а безыскусно, простодушно и оттого особенно достоверно. Жан де Жуанвилль, написал по-французски «Историю святого Людовика» IX, которая содержит в себе множество надежных сведений по истории Франции XIII столетия.

Вдохновенным, но несколько наивным певцом рыцарства был историограф и поэт Фруассар, который, сам принадлежа не к рыцарскому сословию, а к духовенству, много путешествовал, был знаком с папами, королями и знатными сеньорами, с выдающимися писателями своего XIV века Петраркой и Чосером, отличался незаурядной любознательностью и старался подробно расспрашивать выдающихся современников, потому что всю жизнь писал «Хронику Франции, Англии, Шотландии, Италии и Британии», охватывающую европейскую историю в период от 1325 по 1400 г. Книга Фруассара, как это видно уже по ее названию, исключительно широка по своему диапазону, насыщена многообразными историческими, географическими, этнографическими сведениями, но при этом не всегда надежна, автор ее тенденциозен и пристрастен. Самое важное в ней — воспроизведение придворного и рыцарского быта с его «частными» войнами, турнирами, дворцовыми праздниками. «Хроника» написана увлекательно, в ней живо передан драматизм описываемых событий, но в построении этого грандизного труда недостает продуманного, выверенного плана, повествование иногда не мотивированно, словно по случайной прихоти автора переносится с одного предмета на другой. Тем не менее Фруассар пользовался большим читательским успехом и его книга является одним из лучших источников по истории позднего Средневековья, в особенности по истории феодальной культуры ее позднего расцвета и последовавшего за ним упадка.

Эпигонами Фруассара в XV веке были де Кусси, Жак дю Клерк, Монстрелле, Шателлен, которые также писали о войнах, турнирах, придворной жизни, при этом дю Клерк уделяет внимание и правовым институтам, учреждениям и рыцарским обычаям — кутюмам.

Латиноязычными историографами Англии были такие писатели, как Вильгельм Сомерсетский, написавший историю английских королей с 449 г. и несколько книг по церковной истории, а также записки о своем времени, Матфей Парижский из Сент-Альбанса, Бенедикт Питербо, Вильгельм Ковентри. На английском языке написаны «Английская хроника», охватывающая период с 1377 по 1461 г., «Варквортская хроника» и «История восстановления Эдуарда IV», изображающие перипетии войны Алой и Белой роз с противоположных позиций, поскольку составлены были историографами из враждующих станов Ланкастеров и Йорков.

Крайне своеобразный характер носит средневековая историография Скандинавии, и прежде всего самое ценное в ней — исландские саги. Записаны они были в основном в XIII веке, но отраженный в них мир — это скандинавский север рубежа тысячелетий, в основном Исландия и родина переселенцев на этот лежащий на пределах обитаемого мира остров — Норвегия. Периферийно в сагах отражены события, происходившие и в других скандинавских странах, а также на западе европейского континента и на Руси. Одни саги содержат пересказ сюжетов древнегерманского героического эпоса — «Сага о Вольсунгах», другие, наименее интересные, вымышленные, романические и прямо сказочные истории, но наиболее характерны и ценны родовые саги — повествования о судьбах переселенцев на далекий и неуютный остров и их потомков в нескольких поколениях. Саги отличаются замечательной сухостью и деловитостью рассказа, строгим и суровым реализмом и, что особенно важно для истории, максимальной возможной достоверностью. Благодаря этим сагам, родословные простых исландских крестьян — бондов известны полнее и надежнее, чем генеалогии самых знатных родов феодальной и абсолютистской Европы, за исключением только императорских и королевских династий.

Особняком стоит составленный Снорри Стурлусоном, политическим деятелем Исландии XIII века и одновременно писателем и скальдом, сборник из 16 саг под названием «Земной круг», содержащий историю норвежских королей от древнейших времен до конца XII столетия — до Магнуса Эрлингсона. Это важнейший источник по политической истории не только Норвегии, но всей Скандинавии средневековой эпохи.

Одно из самых значительных исторических сочинений XVI века — 12-томные «Церковные анналы от Рождества Христова до 1109 года» кардинала Цезаря Барония. Написанный в эпоху контрреформации, этот труд, с одной стороны, отличается монументальностью, богатством содержания, а с другой — резко выраженной католической тенденцией, побуждавшей автора не удерживаться и от прямых искажений фактов. История Церкви представлена у Барония на фоне политической истории I тысячелетия от Рождества Христова, так что в русском переводе, вышедшем в Москве в 1719 г., сочинение Барония озаглавлено «Деяния церковные и гражданские». Но это в основном деяния,

происходившие на Западе, историю Восточной Римской империи Бароний оставляет в тени.

В эпоху гуманизма, реформации и контрреформации интерес к недавнему прошлому уступил место острому интересу к классической древности. А затем, уже в XVII веке, появляется медиевистика в собственном смысле слова. Само выделение этой, средневековой, эпохи связано с именем немецкого историка, географа и картографа Христофора Келлера (Целлария). В 1685 г. он предложил новую периодизацию мировой истории, которая получила потом всеобщее признание. Древняя история, по Келлеру, завершилась царствованием святого Константина, а средняя — завоеванием Константинополя османами в 1453 г., после чего началось новое время.

Для историков XVIII столетия ключевое значение в интерпретации средневековья приобретает понятие феодализма. Английские историки Давид Юм, автор «Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.», и Вильям Робертсон, написавший «Историю Шотландии в правление королевы Марии и короля Иакова VI», а также «Историю правления императора Карла V», сущность феодализма видели в политической раздробленности и теократии пап, господство которых проистекало из слабости светской власти. Французские историки Ш. Монтескье и аббат Мабли, одно из многочисленных сочинений которого озаглавлено «Наблюдения над историей Франции», характеризуют феодализм как юридическую систему феодалов и феодальной иерархии, выросшую из германского завоевания римских провинций.

В связи с разной интерпретацией этнического фактора в генезисе феодализма уже в XVIII веке сложились два направления: германистов и романистов. Крайним германистом был граф Генрих Буленвилье, сочинения которого вышли уже после его кончины, последовавшей в 1722 г. Буленвилье был апологетом феодальных порядков, разрушенных абсолютизмом. При этом он считал, что старое французское дворянство, от которого он решительно отделял новое дворянство мантии, — это потомки древних франков, которые, покорив галло-римлян, стали господствовать над страной. Этим потомкам франков, каковых он насчитывал в современной ему Франции около 100 тысяч, и должна по справедливости во веки вечные принадлежать во Франции власть. Оппонентом Буленвилье выступил аббат Жан-Батист Дюбо, автор «Критической истории учреждения Французской монархии

у галлов». Дюбо отрицал существенное значение германского завоевания Галлии и находил, что до конца X века во Франции и других странах Западной Европы сохранялись галло-римские институты, и только в X столетии разбойники-дворяне, частично германского происхождения, захватили власть и установили феодальный строй.

Последовательным романистом был итальянский ученый начала XIX века Энрико Поджи, который выводил феодализм из учреждений Римской империи. Романистической теории привержены были и французские историки Пересьо и Шампионньер, которые находили в юридическом и экономическом строе поздней Империи зачатки всех основных феодальных институтов: крупное землевладение, военный бенефиций под видом пограничных земельных пожалований, патронат, из которого вырос феодальный вассалитет, долгосрочную и вечную аренду как прообраз феода, или лена, и наконец, колонат, в котором уже проступали черты средневековой крепостной зависимости.

Но в первой половине XIX столетия в исторической науке преобладало германистическое направление. К этому направлению принадлежал и автор знаменитой «Истории цивилизации в Европе и во Франции» Гизо, который, освободив его от граничивших с благоглупостями крайностей Буленвилье, сообщил ему солидную теоретическую базу. Феодализм, по Гизо, сложился в результате германского завоевания римских провинций. Германцы всю землю сделали своей собственностью, поставив в зависимое положение местное римское и романизованное население провинций. У самих германцев в ту пору разлагался старый племенной строй, его разрушали дружины (банды) во главе с королями. Короли, осуществившие завоевание, раздали захваченные земли дружинникам. Так возникли аллоды. Значительная часть земель оказалась в собственности королей, которые потом стали раздавать участки земли во временное условное владение тем же дружинникам, из этих пожалований постепенно — Гизо, в отличие от старых германистов, как раз делает акцент на этой постепенности в развитии феодальных институтов — выросли бенефиции и феоды. Вследствие недостаточной власти короля над дружинниками — отношения между ними держались на добровольных началах, на личной верности, отличающейся от подданства, — дружинники в качестве феодальных сеньоров приобрели большую самостоятельность. Отсюда пошла феодальная раздробленность.

Существенные черты феодализма Гизо находил в условном характере земельной собственности, соединении собственности с политической властью и иерархических отношениях в феодальном сословии. В Великой революции Гизо увидел реванш потомков завоеванных галлов у франков — дворян.

Немецкий медиевист К. Ф. Эйхгорн внес существенные коррективы в концепцию Гизо о германских корнях феодализма. Он считал, что у германцев не только племенные вожди, но все главы сильных и многочисленных семейств могли собирать дружины. Такие дружины разрушали племя, предводители дружин становились своего рода аристократией, положение которой укрепилось после раздела завоеванных римских земель; с этой аристократией должны были считаться и короли. Таким образом, раздача земель в качестве бенефициев была, по Эйхгорну, вынужденной мерой для королей, и в конце концов она привела к умалению королевского домена.

Один из крупных французских историков первой половины XIX века Огюстен Тьерри написал ряд работ по истории Франции, в том числе «Рассказы о временах Меровингов», «Подлинную историю Жака Простака» («Histoire veritable de Jacques Bonhomme»), «Рассуждения об истории Франции», а также «Историю завоевания Англии норманнами». В концепции О. Тьерри ключевое значение в истории Франции придается вторжению варваров в пределы Римской империи. Завоевание вызвало расовый антагонизм пришельцев и покоренного народа. Современное дворянство произошло от дореволюционной аристократии, а та в свою очередь от феодальной знати, корни которой идут от франков Карла Великого — потомков сигамбров Хлодвиг. Этот антагонизм не исчез вследствие языковой ассимиляции, превратившись в классовую борьбу второго и третьего сословий, ставшую движущей силой развития французского общества. И эта борьба, считает Тьерри, еще не завершена: потомки поработанных галло-римлян с их трудовой моралью и демократической культурой еще не добились полного равенства с наследниками носителей морали завоевателей. Таким образом, у идей Тьерри был актуальный политический акцент.

Односторонность германистской и романистской теорий преодолевалась учеными, которые в генезисе феодализма видели синтез германских и римских элементов. Великий немецкий юрист К. Савиньи считал, что германское завоевание не уничтожило

«римский народ» как политическую общность. В городах Западной Европы продолжало действовать римское право, и только в сельской местности утверждалась правовая система, проистекающая из германского народного духа.

Немецкий ученый Г. Вайц, признавая германское завоевание существенным фактором формирования феодального общества, не придавал важного значения варварским дружинам. В монографии «История германской конституции» («Deutsche Verfassungsgeschichte») (1844) он представил основной клеткой германского общества и после расселения в римских провинциях общину с ее вечевой сходкой. При этом германцы, считал Вайц, не захватили всей земли, но только отдельные ее участки, мирно уживаясь с местным населением. Сложившаяся в меровингской Галлии практика королевских земельных пожалований способствовала укреплению крупного землевладения, существовавшего в империи до ее завоевания. Такую же раздачу земли стали затем осуществлять и частные лица, — в результате древнегерманская политическая организация рухнула и частнопрововые отношения оттеснили публичноправовое, государственное начало. Не имея возможности сохранить под своим прямым контролем государственные функции, короли из династии Меровингов стали передавать в частные руки сбор податей и судебную власть. Так, по Вайцу, складывались феодальные порядки в королевстве франков. Выводы Г. Вайца, взвешенные, чуждые идеологической односторонности, опираются на тщательный и всесторонний анализ источников.

Другой немецкий медиевист Ф. Рот, полемизируя с Г. Вайцем, отодвигал появление феодализма в эпоху Каролингов. В своих работах «История бенефициалитета от древнейших времен до X столетия» и «Феодализм и союз подданных» Рот настаивал на том, что германская марка была крепким институтом и не подверглась разложению в эпоху Меровингов. Завоевав империю, германцы обнаружили вполне здоровое понятие о государстве, в то время как разлагалось как раз государственное устройство Римской империи, и германское завоевание способствовало оздоровлению и сохранению государственных начал. Но Каролинги, нуждавшиеся в укреплении вооруженных сил, произвели секуляризацию церковных земель, которые они раздали затем своим слугам в качестве бенефициев, выделив их в качестве особого военно-служилого класса. Из этой реформы выросли феодалы, или

лены, и отношения вассалитета. А с другой стороны, не располагая достаточными средствами для управления своей империей, Карл Великий передал в руки землевладельцев исполнение государственных функций, таким образом создав «сеньорат», что привело вскоре к раздроблению государственной власти. Из этих начал и сложился затем феодализм.

Л. Г. Маурер в интерпретации генезиса феодализма преимущественное значение придавал не развитию юридических институтов, а социально-экономическим факторам. За отправную точку в своем исследовании происхождения феодализма он принимал германскую марку — сельскую общину с ее коллективным землевладением и экономическим равенством общинников. Эта марка начала разлагаться еще до великого переселения, когда появилось частное владение усадьбой, а потом и пашней. Общинные устои стали рушиться ввиду появившегося неравенства. Перерождались и формы политического союза: верховная власть, принадлежавшая вече, перешла в руки разбогатевших владельцев — сеньоров. В результате переселения германцев в римские провинции процесс усугубления неравенства и раздробления политической власти углубился, короли были уже не в силах его затормозить, и государство распалось на автономные частновладельческие сеньории.

Продолжателями Л. Г. Маурера, развивавшими его идеи о преимущественном значении экономических процессов, происходивших в германской марке, в формировании феодальной системы были его сын К. Маурер, К. Иннам-Штернегг, автор исключительно содержательного труда «История немецкого хозяйства», первый том которого вышел в 1876, а последний, третий, — в 1899 г., О. Гирке, К. Лампрехт, К. Бюхер, английские историки Т. Роджерс, В. Кеннингем.

Шедевром ученой педантичности и скрупулезности явился насыщенный исторической фактографией труд немецкого историка Фердинанда Грегоровиуса «История города Рима в Средние века». Его качество, правда, снижается своего рода фобиями — антивизантийской, антикатолической, в которых он, впрочем, не был оригинален на фоне протестантской историографии, не вышедшей к тому же из пленения у предрассудков, сложившихся под влиянием просветительской идеологии. В своих оценках Грегоровиус вполне подчиняется тенденциозной концепции Гиббона, и все же достойна всяческого уважения характерно немецкая

академическая добросовестность и щепетильность историка в отношении к фактам.

Великий французский историк Фюстель де Куланж, посвятивший средневековой тематике один из своих главных трудов — «Историю политических институтов Древней Франции», полемизируя с германистами, утверждал тезис о сохранении в средневековом обществе римских институтов, подвергшихся однако трансформации под влиянием германского переселения в римские провинции. Фюстель отрицал сам факт германского завоевания и поэтому отвергал германистическую концепцию происхождения феодализма из общины — марки. Хозяйственную клетку, из которой родилась феодальная вотчина — сеньория, он видел в позднеримской вилле. Частная земельная собственность, патронат — вот те институты римского общества, из которых, по мысли Фюстеля, постепенно, эволюционно вырос средневековый феодализм. Таким образом, Фюстель был последовательным романистом. Хотя он писал, что феодализм не был ни исключительно римским, ни германским явлением, но принадлежит человеческой природе как таковой, тем самым давая толчок к выявлению феодальных отношений вне западноевропейского региона, сам Фюстель вполне скептически относился к наблюдениям и выводам тех ученых, кто, занимаясь компаративистскими исследованиями, обнаруживал феодализм за пределами западной цивилизации.

Английский медиевист Ф. Сибом делал аналогичные выводы относительно средневековой Англии, не вполне убедительно настаивая на высоком уровне развития римской цивилизации в Британии, традиции которой сохранились и после переселения на остров англосаксов. К тому же, считал он, и у самих переселившихся в Британию германцев преобладало уже не общинное, но вотчинное хозяйство, весьма похожее по своему типу на позднеримское. Более того, Сибом обнаруживал у англо-саксов крепостные отношения в ту пору, когда они еще не переселились на остров. Таким образом, феодализм в Англии, по Сибому, сложился эволюционно, без политических, юридических и аграрных переворотов из позднеримской виллы и англосаксонского манора (вотчины).

В противоположность юридической и экономической интерпретациям природы феодализма, французский историк Ж. Флакк, автор двухтомного труда «Происхождение древней Франции» («Les

origines de l'ancienne France»), вышедшего в 1886–1893 гг., переносил акцент в область культуры и психологии. Суть феодализма он находил в системе личных связей между вассалами и сеньорами, в верности одних и покровительстве других — в отношениях, которые формировались под влиянием психологических факторов — потребности в защите, любви к своим и неприязни к чужим. Эти же отношения верности и покровительства, по Флакку, связывали не только феодалов между собой, но и землевладельцев с крестьянами. В своем труде историк широко использовал средневековую поэзию, фольклор, этнографический материал, дав пример комплексного изучения исторических тем.

Основоположник русской медиевистики Т. Н. Грановский, лекции которого по истории средних веков, читанные в Московском университете в 1840-е гг. и потом опубликованные, пользовались небывалым успехом не только среди студентов, но и во всем образованном московском обществе, не был самостоятелен в своих характеристиках и оценках. Он скорее знакомил слушателей с выводами западноевропейской науки, опираясь главным образом на Гизо, но его оригинальность проявлялась в особом акценте на угнетении, бесправии крестьян в феодальной Европе, что и сообщало его курсу особый общественный резонанс.

Научные достижения русской медиевистики относятся уже к концу XIX столетия и связаны с именами М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева и И. М. Гревса. М. М. Ковалевский, известный как один из лидеров российского масонства и политический деятель, по образованию был юристом, но испытал влияние позитивизма и в меньшей мере марксизма — он в молодости лично знал и Г. Спенсера и К. Маркса, — Ковалевский в своих исторических исследованиях более важное значение придавал экономическому и социальному факторам, чем праву. Впрочем, его первый научный труд, магистерская диссертация «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III», посвящена историко-правовой тематике, но в важнейших его трудах по западному средневековью, как это видно уже из их названий, — в докторской диссертации «Общественный строй Англии в конце средних веков», в трехтомной монографии «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» — акцент ставится на других аспектах. Свой метод М. М. Ковалевский характеризовал как описательную

социологию, считая его наиболее адекватным орудием построения новой науки о естественном росте человеческого общества.

Самым выдающимся русским медиевистом был П. Г. Виноградов, профессор Московского, а с 1903 г. также и Оксфордского университета. После революции он уже не возвращался из Великобритании в Россию. Его важнейшие работы — «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии» и «Исследование по социальной истории Англии в средние века», вышедшее в Великобритании в переработанном виде под названием «Крестьянство в Англии» («Villainage in England»). Происхождение феодализма в Англии и Италии Виноградов связывал не столько с развитием крепостных отношений, сколько с деградацией общественной организации свободной сельской общины. Приверженец позитивизма, П. Г. Виноградов стремился к комплексному изучению феномена феодализма, учитывая социальные, экономические, политические и юридические факторы. Что же касается его отношения к вопросу, который разделил историков на два направления, германистов и романистов, то Виноградов, как и другие русские медиевисты Ковалевский, Кареев, Гревс, Петрушевский, как французские ученые Глассон и Виолле, был приверженцем синтезной концепции, учитывающей влияние на генезис феодализма и германского завоевания и римских институтов. Но и Ковалевский и Виноградов делали вывод о том, что феодализм рождался из синтеза германских и римских элементов общественного устройства на Европейском континенте, а в Англии, — и в этом они решительно расходились с английским историком Сибомом, — феодальные отношения складывались без существенного влияния аграрного строя Римской империи.

Историк И. М. Гревс, ученик Фюстеля де Куланжа, занимался главным образом изучением древнего Рима, но он писал также работы о феодальной Франции, о раннем Ренессансе, о Данте. Его статья о феодализме, написанная для «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона, представляет по существу дела блестящее самостоятельное исследование с критическим изложением научной истории проблемы, с основательно продуманными и тщательно взвешенными оценками. Генезис и характер феодализма Гревс представил в этой статье на материале французской истории и находил, вслед за Фюстелем, корни феодализма в Римской империи. «Современный научный взгляд, — писал он, — разрушил старое представление об образовании феодализма на развалинах

Римской империи в качестве немедленного следствия германского нашествия. Теперь твердо установлено, что феодализм выработался гораздо позднее. Он вышел готовым лишь из социального кризиса, последовавшего за распадением монархии Карла Великого... Появление на исторической сцене германцев само по себе не могло породить феодализм... Зародыши феодализма в франкской Галлии надо искать в Римской империи, а условия их развития — в той комбинации исторических факторов, которая слагалась в жизни европейских народов от V-го до IX–X вв.» (Ив. Гревс. Феодализм. — Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб., 1902, с. 504).

Гревс не эмигрировал из России и скончался на родине в 1941 г. У него было много учеников, и среди них О.А. Добиа-ш-Рождественская, автор замечательного труда «Церковное общество Франции в XIII веке», за который она первой из женщин в России была удостоена степени магистра всеобщей истории, а также историк-медиевист, религиозный философ и патролог Л.П. Карсавин, высланный в 1922 г. за рубеж, присоединившийся в эмиграции к евразийцам и арестованный после включения Литвы, где он тогда жил, в состав Советского Союза. Карсавин скончался в каторжном лагере в Сибири в 1952 г. В молодости он опубликовал такие работы по медиевистике, как «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» и «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии». В эмиграции им написана книга «Философия истории», главная мысль которой заключается во всеединстве сотворенного Богом мира, участником которого является и человечество в его истории.

Ученик Виноградова Д.М. Петрушевский, как и И.М. Гревс, остался на родине, где и скончался в 1942 г. Его главные труды — «Восстание Уота Тайлера», «Очерки из истории Английского государства и общества в средние века», «Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века» — написаны были до революции. Все они посвящены средневековой Англии, но его выводы относительно природы феодализма выходят далеко за границы островного королевства. С одной стороны, Петрушевский отмечал разнообразие в соотношении римских и германских элементов в сложении феодализма в разных странах Европы, а с другой — он не рассматривал феодализм как исключительный продукт европейской истории, находя его элементы и в Древней Греции, и в Риме, и в странах

Дальнего Востока, и в России, указывая, в частности, на очевидные параллели между римским колонатом и крепостным правом в Московском государстве. «Феодализм, — писал Петрушевский, — не означает... разложения государственного единства, вполне совместим с широкой государственной организацией и даже представляет собой одну из ее разновидностей» (Вернадский Георгий, цит. изд., с. 224).

Поскольку концепция Д. М. Петрушевского об универсализме феодализма до известной степени сближалась с марксистской доктриной о феодализме как способе производства, который предшествует капиталистической формации и не имеет региональных или цивилизационных ограничений, в Советском Союзе его работы переиздавались. Мысль Петрушевского о существовании феодализма в России, Японии или Китае пришлось ко двору советской официальной идеологии, но обнаружение им феодальных отношений в античном обществе противоречило марксистской историософии и квалифицировалось уже как смертный грех модернизма. Еще менее приемлемой была его идея о двух феодализмах: политическом, заключавшемся в раздроблении верховной власти, и социальном, связанном с вотчинным хозяйством, тем более что впоследствии, в 1920-е гг., его концепция эволюционировала не в сторону марксизма, а в обратном направлении — отказавшись от идеи о двух феодализмах, он стал рассматривать феодализм уже как явление по преимуществу политическое и юридическое.

В этом он шел вслед за аналогичным поворотом в интерпретации феодализма на Западе: на рубеже XIX — XX веков в западной медиевистике обнаружилась резкая реакция на позитивизм предшествующей эпохи с его преимущественным вниманием к социальным и экономическим аспектам исторического развития. Первым бросил перчатку позитивистской истории немецкий историк Г. фон Белов, основоположник так называемого «критического направления» в медиевистике. В его концепции феодализм был представлен как феномен политической и юридической природы и его суть, по мысли историка, заключалась в политической раздробленности.

Идеи фон Белова развивал крупнейший австрийский медиевист рубежа столетий А. Допш, который считал феодализм своеобразной «системой управления», для которой характерно отчуждение верховной власти региональными властными центрами.

Допш отвергал генетическую связь феодализма как политической системы с социально-экономическими отношениями, с общиной, вотчиной или натуральным хозяйством, преобладание которого в средневековую эпоху он отрицал. Экономической основой средневековой вотчины, считал он, были капиталистические отношения. В русле этого же направления исторической мысли английский историк Ф. Мэтланд рассматривал феодализм как правовую систему, основанную на вассалитете и условном землевладении.

Односторонность концепции А. Допша критиковал бельгийский медиевист А. Пиренн, который придавал важное значение не только политическим и юридическим, но также экономическим и социальным факторам в феномене феодализма. А. Пиренн отстаивал тезис о континуитете в развитии европейского общества на границе античности и Средневековья. Германское нашествие не разрушило римских порядков и институтов, поскольку оно не затронуло главных путей торговли, проходивших через Средиземное море. Континуитет, полагал он, был нарушен позднее, в результате вторжения арабов, которое привело к упадку экономики, господству натурального хозяйства и в результате — к формированию феодализма.

В 1919 г. вышла книга нидерландского историка Й. Хейзинги «Осень средневековья», успех которой был поразительным; книга сразу была переведена на основные европейские языки, и круг ее читателей оказался значительно шире сообщества профессиональных историков. Отчасти это связано с литературным талантом ее автора, но также и с тем, что в «Осени средневековья» речь идет не о скучных неподготовленному читателю юридических или экономических материях, а об искусстве, о бытовой культуре позднего Средневековья. Поэтому больше, чем на архивные акты, Хейзинга в своей реконструкции эпохи опирается на религиозную и рыцарскую поэзию, на «Хронику» певца турниров Фруассара, на мемуары Дю Клерка и Шателена, на живопись Ван Эйка. При этом он пишет все-таки не искусствоведческую или этнографическую монографию, но большую историю позднего средневековья, и свой специфический материал выбирает не ради читательского успеха, а потому, что чрез него ему удастся воссоздать ментальность человека Средневековья, в которой ключ к наиболее глубокому пониманию этой эпохи.

Свою задачу историк формулирует уже в подзаголовке этого труда — «Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV века во Франции и Нидерландах». В этом отношении Й. Хейзинга идет по стопам Буркхарда, но в отличие от предшественника, который с восторженным интересом погружался в мир Ренессансной Европы, Хейзинга, выбравший предметом исследования XIV и XV столетия, в которых другие историки либо искали корни ренессанса, либо обнаруживали его уже сложившимся культурным феноменом, и не только в Италии, но и в Нидерландах, находит самоценной культуру позднего Средневековья. Сам он пишет об этом так: «Здесь делается попытка увидеть в XIV и XV вв. не возведение Ренессанса, но завершение Средневековья, попытка увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого полностью завершили свое развитие, налились соком и уже перезрели» (Й. Хейзинга. Осень средневековья. М., 1988, с. 5).

Географически предмет его исследований — Бургундия, в которую во времена Филиппа Доброго и Карла Смелого входили также и нидерландские провинции: Фландрия, Голландия, Брабант — своего рода эпицентр средневековой Европы, или Европа в виде миниатюрного прототипа, поскольку на этой земле не просто соприкасались, но образовывали сложное сплетение два больших европейских этноса — германский и романский — французский.

Открытие Хейзинги, которое вышло за границы его частной исторической темы, — это огромное значение игры как источника художественной деятельности, как отнюдь не периферийного, а скорее центрального феномена культуры. Игре Хейзинга посвятил еще один свой шедевр — написанный через два десятилетия после «Осени средневековья» философский трактат «Homo ludens» («Человек играющий»). Конечно, с точки зрения справедливой и придиричливой критики, требующей строгого соблюдения пропорций, запрещающей искажать исследуемый объект, Хейзинга преувеличивал значимость игры в культуре и ментальности общества, в том числе и позднесредневекового, но его гипербола, его парадокс оказались плодотворными для философии, истории и такой новой дисциплины, как культурология, у истоков которой стоит «Позднее средневековье».

В XX веке самый весомый вклад в медиевистику внесла школа французских историков, сложившаяся вокруг журнала «Анналы

экономической и социальной истории», основателями которого были Л. Февр и М. Блок, расстрелянный гестаповцами в 1944 г. как участник Сопротивления. М. Блок стремился к комплексному изучению истории общества, отвергая узко политический, юридический, экономический или исключительно культурологический подход, уделяя в своих исследованиях должное внимание и эволюции правовых норм, и экономическому аспекту, и ментальности общества. При этом он стремился быть предельно точным и корректным в своих наблюдениях и выводах, избегая далеко идущих обобщений, глобальных идей или схоластической систематики.

Важнейший труд М. Блока — 2-томное «Феодалное общество» — вышел первым изданием в 1939 и 1940 гг. Концепция Блока стоит близко к комплексу идей, которые развивал его старший современник А. Пиренн. Блок допускает существование элементов феодализма вне Европы, особенно в средневековой Японии, но только отдельных его элементов, и рассматривал феодализм как явление специфически западноевропейское, причем не охватывающее территориально всего Запада, так что за пределами его господства остались Скандинавия, Ирландия, Фрисландия, Сардиния и земли, лежащие к востоку от Эльбы. Блок также ограничивает феодализм узкими хронологическими рамками: от распада империи Каролингов, в которой феодализм и родился как сложившийся тип общественного устройства, до середины XIII столетия. При этом историк разделяет его на два периода, граница между которыми проходит через середину XI века, когда в Европе начался экономический подъем, рост народонаселения и расцвет средневековой культуры. В связи с отнесением начала феодализма к столь позднему в сравнении с концепциями большинства историков периоду М. Блок не считает адекватной саму постановку вопроса о преимущественном значении германских или римских элементов в генезисе феодализма — там, где впервые сложилось феодальное общество, в междуречье Сены и Маса, сплав галло-римского и германского, франкского, элемента произошел за несколько столетий до появления феодализма, обязанного своим рождением кризису Каролингского государства, отчасти вызванного набегами арабов, норманнов и венгров. При этом Блок вовсе не игнорирует в сложной ткани феодального общества ни романских рудиментов, ни германского, ни особенно кельтского наследия.

Сущность феодального общества историк характеризует следующим образом: «Зависимость крестьян, за неимением возможности оплачивать труд деньгами, вознаграждение за службу земель, что, по существу, и является феодем, превосходство сословия воинов-рыцарей, отношения повиновения и покровительства, связывающие человека с человеком в воинском сословии, являясь вассальными отношениями в наиболее чистом виде, провоцирующее беспорядок распыление власти, сосуществование с этими других социальных структур в ослабленном виде: государства и родственных отношений» (Марк Блок. Феодальное общество. М., 2003, с. 434).

Во французской медиевистике второй половины XX столетия продолжали доминировать историки, принадлежащие к школе «Анналов». Помимо Л. Февра и Ш. Броделя, важнейшие труды которых относятся преимущественно к новому времени, заслуживают упоминания такие ученые, как Ж. Эспинас, А. Сайу, А. Деманжон, Ш. Перенн, Р. Бутрюш, Ж. Ле Гофф, автор «Цивилизации средневекового Запада», в которой значительное внимание уделено не только социальной составляющей средневекового общества, но и его ментальности, и в особенности религиозному сознанию разных слоев народа, и написанного уже в XXI веке пространного эссе «Рождение Европы», а также Ж. Дюби, написавший превосходную работу по истории средневековой Франции — «Средние века (987—1460). От Гуго Капета до Жанны д'Арк». Пристальный интерес к антропологической составляющей исторического процесса вообще характерен для новейшего, третьего, как его называют, поколения «Анналов», например для Лена Руа Ладюри, чья книга «Монтайю, окситанская деревня», посвященная одной из деревушек южной Франции XIV века, повседневная жизнь которой в этой монографии представлена словно под микроскопом, стала бестселлером. Историки из школы «Анналов» продолжают традицию комплексного изучения средневекового общества, которая идет от М. Блока, а также от А. Пиренна.

Другая тенденция в западной медиевистике в том или ином отношении примыкает к «критическому» направлению А. Допша, развивая его идеи о политической природе феодализма. К последователям этого историка принадлежат американцы К. Стефтон, Р. С. Хойт, К. В. Холлистер, бельгиец Ф. Гансхоф, немецкие медиевисты Г. Миттайс и О. Бруннер. При этом одни из них (Ф. Стентон и К. В. Холлистер) рассматривают феодализм как исключительно

западноевропейский тип государственного устройства, другие же склонны находить феодальную политическую систему и за пределами Западной Европы. Для Г. Миттайса суть феодализма в том, что это ленное государство, основанное на ленном праве, и оно возникает там, где появляется необходимость политически организовать пространство, в котором отсутствуют развитые экономические отношения.

В советской медиевистике выжить могло только марксистское направление. Внедрение марксизма в медиевистику связано с А. И. Удальцовым, который в монографии «Из аграрной истории каролингской Фландрии» (1935) конкретным историческим материалом иллюстрировал идеи Ф. Энгельса о смене рабовладельческой формации феодальной в результате длительного социального переворота, основание которому было положено вторжением германцев на территорию Римской империи, разрушившим там рабовладельческие отношения и временно укрепившим первобытную общину, которая существовала у германцев во времена Цезаря и Тацита, а завершением этого переворота явился аграрный переворот VI–IX вв, когда земельная собственность из рук свободных общинников перешла к крупным землевладельцам.

Выводы советских медиевистов должны были помещаться в прокрустовом ложе этой схемы, тем не менее их исследования содержат конкретные наблюдения изучаемых явлений и представляют несомненную научную ценность. Это в особенности относится к таким крупным медиевистам первой половины XX века как блестящий знаток средневековой Англии Е. А. Косминский и Н. П. Грацианский, которые начинали свою научную деятельность еще до революции и марксистами становились из необходимости. В работах советских медиевистов, опубликованных в послевоенные годы, центральное место занимает крестьянская тема. Это видно уже из их названий. В 1956 г. вышла монография А. И. Неусыхина «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.». Пространный заголовок книги, в некотором роде в средневековом стиле, в сжатом виде раскрывает не только ее тему, но и концепцию. Н. П. Грацианскому принадлежит солидная монография «Бургундская деревня в X–XII столетиях», которая вызвала критику со стороны коллег, неукоснительно следовавших схеме Энгельса, за то, что в ней принижена роль бургундской общины-марки в процессе феодализации. Монография Е. А. Косминского

«Деревня в Англии XIII века» и другие его исследования по аграрной истории средневековой Британии обладают высокой научной ценностью и обнаруживают блестящую эрудицию их автора и его тонкий аналитический дар. В 1968 г., незадолго до кончины С. Д. Сказкина, вышел обобщающий труд этого маститого историка «Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века».

В стороне от магистрального русла советской медиевистики с ее акцентом на экономическую и социальную проблематику, с ее ведущей темой, классовой борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров — землевладельцев-феодалов — лежат работы Е. Ч. Скржинской, посвященные раннему Средневековью, византийской истории, а также славистике. Они отличаются тщательностью и глубиной анализа, корректностью оценок, чуждых идеологической предвзятости, и обнаруживают редкую эрудицию автора. Исследуемые Скржинской частные темы представлены на широком историческом фоне. Шедевром ее научного творчества стала публикация «Гетики» Иордана, снабженной тщательно выверенными комментариями, содержание которых выходит далеко за границы истории готского народа и проливает свет на события, происходившие в эпоху, когда на развалинах языческого мира складывалась христианская цивилизация Европы и Средиземноморья.

В позднесоветские годы от следования за марксистской схемой удалось уклониться А. Я. Гуревичу. Его работы «Проблемы средневековой народной культуры» и «Категории средневековой культуры» вышли в 1980-е гг. В 1990 г. опубликована его книга «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства». Гуревич обнаруживает в этих исследованиях приверженность методологии и концепциям историков из школы «Анналов», в особенности Л. Февра, делая особый акцент на опыте реконструкции средневековой ментальности. Характеризуя эволюцию своего подхода к истории Средневековья, Гуревич писал: «Я начал свою научную “карьеру” в качестве историка социальных отношений раннего средневековья... Поначалу я видел в крестьянах Франкского государства, англосаксонской Англии и Скандинавии преимущественно объект эксплуатации и транзакций феодалов, передававших церкви свои владения вместе с населявшими их подданными, а в экономической жизни — обособленную сферу, которую, как мне

казалось, вполне можно изучать изолированно от явлений духовной жизни эпохи. Постепенно, под воздействием сложного комплекса причин, мне стали все более ясными ограниченность и узость подобного подхода. От понимания общества как социологической абстракции я переходил к пониманию его как стратифицированной самоорганизации людей, мыслящих и чувствующих индивидов, поступки которых определяются не непосредственно самими внешними обстоятельствами существования, но их восприятием этих обстоятельств. Сфера ментальности, духовной жизни, культура стали представляться мне в качестве неотъемлемого ракурса социальной реальности» (А. Я. Гуревич. Средневековый мир. М., 1990, с. 376–377).

9. Историография Западной Европы нового времени

Рубеж между Средневековьем и новым периодом европейской и мировой истории датируют по-разному, но наиболее солидно аргументированной остается точка отсчета, предложенная еще Христофором Келлером: падение Нового Рима — Константинополя, 1453 г.

В таком случае уже к новой истории относятся «Мемуары» французского дипломата и политика Филиппа де Коммина, в начале своей полной приключений карьеры приближенного Бургундского герцога Карла Смелого, а после измены ему — советника его врага Людовика XI. «Мемуары» были написаны в конце XV столетия, а опубликованы уже посмертно, в 1524 г. и вскоре переведены на основные европейские языки, в том числе и на латынь. В отличие от исторических сочинений прошлого и недавнего прошлого, авторы которых часто пытались отразить в них всемирную историю, Коммин пишет только о тех событиях, участником или свидетелем которых он был сам. В этом отношении его «Мемуары» ближе всего стоят к написанным за два с половиной столетия до него сочинениям участников 4-го крестового похода Жоффруа де-Вильгардуена и Робера де Клари. Но Филипп де Коммин несравненно более глубокий писатель. Его наблюдения острее и проникательнее, его портретные характеристики выразительней и точнее, его интерпретация причин, характера и взаимосвязи событий продуманней и тоньше. И хотя современная ему Франция была, в отличие от Италии, еще средневековой страной, в авторе знаменитых «Мемуаров» узнается уже человек эпохи Ренессанса с гуманистической приземленностью

кругозора, с умением видеть изнанку вещей, с житейской трезвостью, прагматизмом и цинизмом. Коммину чужд нравственный пафос писателей высокого Средневековья, и его понимание мотивов человеческих поступков граничит с имморализмом: «Следует заключить, — пишет он, — что ни природный рассудок, ни наш ум, ни страх перед Богом, ни любовь к ближнему не предохраняют нас от насилия по отношению к другим и от захватов чужого имущества всеми возможными средствами» (Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1987, с. 409). Главную пружину истории человечества он видит в противоборстве стран, народов, политиков, но в этом противоборстве Коммин не склонен, подобно позднейшим просветителям, Гегелю, Марксу, Спенсеру или Конту, усматривать двигатель прогресса. Его идеи на этот счет ближе пафосу Ницше или социал-дарвинизму.

Своим имморализмом Коммин близок итальянскому мыслителю и историку Н. Макиавелли, автору историографического шедевра «Истории Флоренции». Портреты исторических деятелей, начертанные в «Истории Флоренции», отличаются не характерным для западных предшественников и современников Макиавелли мастерством психологически достоверных характеристик, сближая знаменитого флорентийца с такими древними историками, как Фукидид или Тацит, или с классиками византийской историографии Прокопием и Пселлом. В исторической концепции Макиавелли, которая составляет основу его блестяще начертанной панорамы флорентийской истории, представленной к тому же на фоне истории всей Италии, исключительно важное значение придается групповым интересам различных слоев общества, защита которых составляет в его системе взглядов главную интригу политической борьбы.

Учеником Макиавелли был еще один флорентинец Франческо Гвичардини, написавший историю Италии с 1492 по 1530 г., которая может рассматриваться и как продолжение «Истории Флоренции» его учителя. Вслед за Макиавелли Гвичардини видит движущую силу политических событий и тем самым исторического процесса в противоборстве политических партий и социальных группировок.

Италия эпохи Ренессанса была страной, в жизни которой чрезвычайно много значило ее великое искусство, и потому здесь уместно упомянуть и такой замечательный труд, как «Жизнеописания... художников, скульпторов и архитекторов» живописца,

зодчего и писателя из Ареццо Джорджо Вазари, завершенный в 1550 г. Значение этой книги выходит далеко за рамки истории искусств, в ней столько характерных и метких наблюдений над жизнью Италии периода раннего и высокого Возрождения, что она стала бесценным источником для любого историка Ренессанса, хотя бы прямой предмет его исследования лежал в стороне от искусствознания.

В Англии создатель метода индуктивной логики Фрэнсис Бэкон в самом начале XVII столетия написал «Историю правления короля Генриха VII», в которой он следовал историографическим традициям Макиавелли и Гвичардини. Бэкон не был вполне оригинален, он воспользовался трудами британских историков XVI века, которые уже описывали эпоху Генриха VII, причем Бэкон не ставил своей задачей ни критику источников, ни полемику с предшественниками. Но, в отличие от них, он значительное место в книге отводит истории законодательства и правовых институтов. К тому же его труд обладает блистательными литературными качествами.

Предводитель гугенотов после присоединения Генриха IV к Католической церкви герцог Генрих Роган писал мемуары, и среди них «Воспоминания о событиях, произошедших во Франции после смерти Генриха IV и до заключения мира в июне 1629 г.» («Memoires sur les choses advenues en France depuis la mort de Henri jusqu a la pais au mois de juin 1629»), которые представляют собой важнейший источник по истории Франции эпохи Людовика XIII и к тому же написаны пером талантливого писателя и умного, многоопытного и наблюдательного политика.

Еще выше литературные достоинства многотомных «Мемуаров» герцога Луи де Сен-Симона, в которых запечатлена уже эпоха короля-солнца Людовика XIV и последовавшего за тем регентства, причем в своих чрезвычайно колоритных и самых характерных чертах. Конечно, это в основном жизнь двора — Парижского и Версальского, но в «Мемуарах» отражены также войны, внешняя политика, деятельность правительства и перемещения в нем, придворные и политические интриги. Сен-Симон — писатель большого таланта, его «Мемуары» — это классика французской прозы. Написаны они уже опальным государственным деятелем, поэтому в них много язвительной желчи. Янсенист по религиозным убеждениям и человек беспримерных для его эпохи и его круга строгих нравов, он выступает в своем сочинении не как

беспристрастный бытописатель, но как охваченный нравственным пафосом обличитель затопившего двор разврата, лицемерно прикрываемого в пору старости Людовика XIV, который тогда демонстрировал свою сомнительную набожность, и совершенно открытого и разнузданного в малолетство его царственного правнука. Сен-Симона удачно назвали «французским Тацитом».

Одним из самых важных по своим последствиям событий европейской и мировой истории стала Великая французская революция, после которой предшествующая эпоха стала называться «старым режимом» («*régime ancien*»). Первые историографические отклики на нее последовали из стана ее противников, и самые убедительные — от Ф. О. Шатобриана, политика и писателя, творческое наследие которого лежит в основании французского романтизма, автора вдохновенно написанного «Гения христианства» и агиографической книги «Мученики, или Торжество христианской веры», роялиста по своим политическим убеждениям, которые, впрочем, не отличались устойчивостью.

Шатобриану принадлежат «Замогильные записки» — 12-томные мемуары, напечатанные в 1849–1850-е гг., в которых отразилась эпоха революции, империи и реставрации, увиденная глазами человека пристрастного и увлекающегося, не всегда корректного в передаче фактической стороны событий и при этом принципиального противника революции, которую он отвергает и как родовитый дворянин, и как легитимист, и, главное, как христианин. В революции писатель увидел бунт против самого Творца, Который поругаем не бывает. «Революция пожирает своих детей» — эти слова сказаны были после Шатобриана, но его изображение революции великолепно иллюстрирует эту максиму. Революция в глазах Шатобриана — это национальная и европейская катастрофа, оставившая после себя гекатомбы трупов — невинных жертв революционного террора и самих революционеров-террористов, погибших от рук их соучастников по преступлениям.

«Замогильные записки» — последний шедевр Шатобриана, но ранее он написал ряд исторических сочинений и эссе, и среди них — «Опыт исторический, политический и нравственный о революциях древних и новых» (1797), «О Бонапарте, Бурбонах и о том, что нам необходимо объединиться вокруг наших легитимных принцев ради благополучия Франции и Европы» (1814) — об этом памфлете Людовик XVIII сказал, что он стоил

целой армии для дела реставрации. При этом необходимо отметить, что отношения Шатобриана с последними монархами из династии Бурбонов складывались совсем не идиллически. Его резко критические оценки их отдельных акций навлекали на него королевскую немилость. Во времена июльской монархии, которую он отвергал с позиций строгого легитимизма, ему даже пришлось посидеть на скамье подсудимых, но суд его оправдал.

Задачу систематического изучения истории ставил перед собой немецкий ученый первой половины XIX века Ф. Х. Шлоссер. Его наследие обширно и разносторонне. Им написаны работы по античной, средневековой и новой истории, ему принадлежит «Всемирная история в связном изложении» в 9 томах, доведенная до 1815 г., но наиболее ценное его исследование — это 8-томная «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи с особенно подробным изложением хода литературы», переведенная на русский язык Н. Г. Чернышевским. В этой книге, написанной сумбурно, с многократными повторами одних и тех же мыслей, без какого бы то ни было литературного таланта, представлен XVIII век, главным образом со стороны общественных нравов, истории мысли, философских направлений, беллетристики. Шлоссер убедительно показал нравственное разложение французской аристократии старого режима, из которого единственным спасительным выходом, считает он, была революция. И такой вывод он делает, расходясь с расхожими оценками революции, принятыми в среде религиозных людей, к числу которых принадлежал этот историк.

Учениками Шлоссера были такие видные немецкие историки, как Г. Гервинус, Л. Гейсер, до известной степени О. Йегер, который вместе с Крейценахом переработал «Всемирную историю» Шлоссера, дополнив ее «Историей новейшего времени от Венского конгресса до настоящего времени» (1874–1875). Самим Йегером написан также сжатый очерк всемирной истории в 3-х томах.

Строго научный характер изучение новой истории приобрело в трудах немецкого ученого Л. Ранке и его учеников и последователей. Творческое наследие Леопольда фон Ранке грандиозно по своим масштабам. Его первый исторический труд «История романских и германских народов. 1494–1535» вышел в 1824 г., а в конце своей долгой жизни он продиктовал 7 томов «Всемирной истории», первый из которых был опубликован в 1880 г.,

и к которым добавлены были затем составленные по его черновикам еще 2 тома. А в промежутке, обнимающем большую часть XIX столетия, фон Ранке написал множество обобщающих трудов, монографий и статей, и среди них — «Князья и народы юга Европы», «Османь и испанская монархия в XVI и XVII вв.», «История пап» в 3-х томах, «История Германии в эпоху Реформации» («*Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*»), «12 книг истории Пруссии», истории Франции, Англии, Сербии, ряд работ по истории Пруссии и Австрии XVIII века и по Семилетней войне.

Ранке был религиозным человеком, протестантом, который при этом оставался добросовестным и корректным ученым и тогда, когда писал на темы, имеющие конфессиональное значение. Его «История пап» вызвала признание и со стороны католических историков. Политические взгляды ученого отличались консерватизмом и патриотизмом. Он поддерживал Бисмарка в его стремлении воссоединить Германию и был близок «железному канцлеру», но ни в одном из своих исторических трудов он не становился на путь политической пропаганды, оставаясь строго академическим историком.

Для научного метода Ранке характерен глубокий и аналитический интерес к источникам, умение за свидетельствами современников, неизбежно пристрастными или, по крайней мере, субъективными, разглядеть подлинные факты в их взаимосвязи, приблизиться к пониманию действительных мотивов поступков государственных, политических, церковных деятелей, полководцев. Ранке вообще высоко оценивал роль исторических деятелей и умел создавать их выразительные и убедительные портреты, оставаясь при этом предельно беспристрастным, не поддаваясь ни чарам великой личности, ни страсти развенчать кумира.

Одна из важнейших его идей, им самим в значительной мере реализованная, — создание всемирной истории. Ранке остро переживал взаимосвязь политических событий, относившихся к истории разных народов и происходивших в разные эпохи. Эрудиция историка была колоссальной. Его первым опытом составления всемирной истории был курс лекций, который он прочитал в 1854 г. баварскому королю Максимилиану II, не прибегая при этом к книгам, только по памяти. И этот его курс был настолько точен, продуман, выверен, что был не только напечатан по-немецки в качестве сжатого изложения мировой истории,

но и переведен на основные европейские языки, в том числе и на русский.

Французский историк и государственный деятель Тьер назвал Ранке величайшим немецким, а может быть, и европейским историком. Написание исторических книг Ранке сочетал с чтением лекций по истории Европы, истории Церкви и истории литературы в Берлинском университете, и он был блестящим, вдохновенным и своеобразным лектором. При чтении он так увлекался, что его речь приобретала стремительный темп и некоторые студенты утрачивали способность следить за его мыслями. Из учеников Л. Ранке вышли выдающиеся историки — Вайц, Зибель, Гизебрехт, Деннигес, Гирш. Его влияние вышло далеко за границы немецкой исторической науки.

Ученик Ранке Г. фон Зибель написал ряд монографий по медиэвистике, но также и по истории нового времени, в том числе «Принц Евгений Савойский», «Восстание Европы против Наполеона», «Клерикальная политика в XIX века», «Основание Германской империи Вильгельмом I», но его всеевропейская известность более всего связана с многократно переиздававшейся и переводившейся на иностранные языки «Историей революционной эпохи» («Geschichte der Revolutionszeit»), написанной на обширном архивном материале, с учетом общеевропейского контекста Великой французской революции, и отнюдь не с апологетических позиций по отношению к ней, но вполне объективно.

Революция, естественно, стояла в центре научных интересов ряда крупных французских историков, в том числе одного из самых одаренных среди них Л. А. Тьера, который известен также как политик, на протяжении многих десятилетий занимавший видное место на авансцене политической жизни Франции, а после низложения Наполеона III возглавлявший в течение 2-х лет Французскую республику и подавивший Парижскую коммуну.

Свой самый значительный исторический труд, многотомную «Историю французской революции с 1789 г. по 18 брюмера», Тьер написал в молодости, ее первое издание выходило в 1823–1827 гг., затем при переизданиях она исправлялась и перерабатывалась автором. Это чрезвычайно обстоятельная и построенная на строго документальной основе история, автор которой обнаруживает обширные специальные знания в области права, экономики, военного дела, к тому же написанная с большим литературным талантом. Тьер — апологет революции,

но не слепой, а трезвый, умный, критичный. За происходившими событиями он видит их внутреннюю логику, их закономерность, так что некоторые из его оппонентов обвиняли его в историческом фатализме. Политические деятели революционной эпохи представлены у него многомерно, революционеры — с сочувствием, но дозированным, соразмерным их политическим успехам. Изображая первый этап революции, Тьер стоит всецело на стороне Мирабо, однако по мере того как тот сходит с авансцены событий, сочувствие историка смещается в сторону побеждающих жирондистов. Затем, по мере успехов якобинцев, и симпатии Тьера переходят сначала к Дантону, потом к Робеспьеру. А в поражении якобинцев он обвиняет уже их самих, вполне оправдывая их казни, и наконец становится апологетом Наполеона, видя в 18 брюмера акт спасения Франции от анархии и распада. Лишь к одному из политиков Тьер сохраняет симпатию на протяжении всей своей многотомной истории — это герцог Шартрский Луи-Филипп, впоследствии король. Неизменной остается и неприязнь историка к старшей ветви Бурбонов.

И Маркс, и марксисты писали о Тьере, палаче Парижской коммуны, с бешеной злобой, как о монстре, не брезгая при этом и запретными приемами, эксплуатируя его внешнюю непривлекательность, его миниатюрный рост, но при этом марксисты ценили Тьера за то, что одну из пружин исторического процесса он усматривал в классовой борьбе. Великая революция была, по Тьеру, борьбой третьего сословия, буржуазии, против двух первых сословий.

Друг и единомышленник Тьера Ф.-А. Минье помимо ряда трудов по медиевистике писал книги и статьи, предметом которых была новая история Европы. Самая популярная его книга, как и у Тьера, названа «Историей французской революции» (1824). По своим оценкам причин и хода революции, ее деятелей Минье близок Тьеру. Но хронологические рамки его труда шире, он включает в себя и обзор наполеоновской эпохи, доводя изложение событий до 1814 г. Как и Тьер, Минье в революционных событиях видит классовые баталии, которые он изображает не как беспристрастный аналитик, но как пылкий ревнитель интересов третьего сословия.

Великой революции посвятил одну из своих книг Алексис Токвиль, политик и политолог, историк, теоретик права, самой

знаменитой книгой которого стала «Демократия в Америке». В конце жизни, в 1850-гг., он работал над исследованием «Старый режим и революция», собираясь написать 3 тома, но смерть прервала его труд над 2-м томом. Глубокомысленный аналитик, Токвиль попытался ответить на вопрос, почему революция во Франции, провозгласившая своими лозунгами свободу, которую автор считал величайшей ценностью, равенство и братство, преуспела только в установлении гражданского равноправия. Причину этого он находит в особенностях предреволюционной истории Франции. Токвиль делает вывод, что после того как процесс демократизации, начавшийся в средневековую эпоху, привел к краху феодальной системы и установлению к началу XVIII века королевского абсолютизма, во Франции продолжалось выравнивание сословий — дворянство разорялось, а буржуазия обогащалась. В то же время, разрушив феодальные учреждения, перестав созывать генеральные штаты, правительство замещало элементы самоуправления бюрократической системой управления, так что в канун революции во Франции уже были заложены основы юридического равенства, которое и было успешно реализовано в самом ее начале, между тем от свободы французское общество давно отвыкло. И провозглашенная в ходе революции свобода обернулась анархией, для подавления которой понадобился деспотизм, — и общество его приняло. Наполеон добился консолидации и сплочения нации на основе бессловесного строя и фактического равноправия, восстановив при этом старую бюрократическую машину.

Одна из самых больших знаменитостей во французской историографии — Ж. Мишле, плодовитый писатель, автор многочисленных исторических монографий, эссе, статей. Ему принадлежит многотомная история Великой революции, написанная пафосно, не в стиле научного исследования, а своего рода поэмы в прозе с ее главным эпическим героем — французским народом, воплощение лучших качеств которого он находит в Дантоне. Этой же эпохе посвящены его «Женщины революции» и «Солдаты революции». Мишле написал сжатую «Историю Франции», доведя ее до 1789 г., и отдельную работу по истории Франции XVI века. В конце жизни он принялся за капитальный труд по истории Европы XIX столетия, но успел написать только 4 тома, доведя изложение событий до сражения под Ватерлоо. Мишле интересовали и эзотерические темы. Им написано эссе под названием

«Ведьма», отчасти основанное на архивных документах, отчасти на игре воображения, и в духе пламенного антиклерикализма, с откровенной апологией средневековых шабашей как одной из форм народного протеста против угнетения.

Мишле — красноречивый, увлекательный рассказчик, но историк сомнительных достоинств с научной точки зрения. Написанное им носит слишком беллетризованный характер, риторический пафос его сочинений, то напыщенный, то сентиментальный, удовлетворит не всякий вкус. Его антиклерикальная и антимонархическая тенденция не представляет собой ничего своеобразного во Франции, но его пылкая нелюбовь к политическому и общественному строю дореволюционной Европы сообщает его книгам характер устарелой и потому не вполне уместной злободневности. Тем не менее и его соотечественники, и демократически ориентированные читатели за пределами Франции ставили Мишле на беспримерную высоту.

Видным французским историком второй половины XIX века был Ф. Олар, написавший еще одну апологетическую книгу о Великой революции — «Ораторы революции».

Поворотный момент в интерпретации причин Великой революции, ее хода и ее последствий обозначен во французской историографии трудом французского философа-позитивиста И. Тэна «Происхождение современной Франции», первая часть которого, вышедшая в 1876 г., озаглавлена «Старый режим», вторая, состоящая из 3-х томов, последний из них был напечатан в 1884 г., называется «Революция», а третья, которую он не успел дописать, — «Новый режим».

И. Тэн построил свое исследование на обильном документальном материале, добросовестный анализ которого не позволял делать выводы, подобные тем, к каким прибегали его предшественники, исполненные патриотического и революционного пафоса. При этом Тэн в своей нелицеприятной критике революции исходит вовсе не из идеологии адептов старого режима и апологетов христианства вроде де Местра или Шатобриана. Он не отвергает ценности идей, которыми вдохновлялись революционеры, но видит в них несостоятельных политиков, причем, при всем их идеализме и утопизме, не чуждых низменных и корыстных мотивов. Центральными фигурами революции, по Тэну, были якобинцы, сыгравшие в ней роль, подобную роли пуритан в английской революции, свергшей Стюартов. В якобинце

Тэн разглядел «зловредный политический тип», выросший из гипертрофированного властолюбия на почве анархии, порожденной первым этапом революции, и ставший убежденным сторонником государственного всемогущества. Впечатляет созданное Тэном изображение крайнего разорения и бесправия французского народа, оказавшегося под пятой свирепой тирании народопоклонников — якобинцев.

В последней части исследования Тэна главный персонаж — Наполеон, в котором историк увидел создателя современной Франции. Как личность Наполеон представлен у Тэна типом итальянского кондотьера эпохи Ренессанса, который сумел сохраниться на Корсике ввиду ее относительной изоляции от большой Европы, где подобные типы давно исчезли.

На историческую концепцию Тэна наложило отпечаток его понимание человеческой природы, решительно отличавшееся от господствовавшей тогда просвещенческой и, в частности, руссоистской идеи естественного человека. Позитивист Тэн, строивший свою антропологию на базе результатов археологических и социологических исследований доисторического, примитивного общества, писал: «По природе своей и по строению человек — плотоядное существо, его предки терзали друг друга с каменными орудиями в руках из-за куска сырой рыбы, человек все тот же — нравы его смягчились, но природа не преобразилась» (цит. по: В. Герье. Тэн. — Энциклопедический словарь. Т. XXXIV, СПб., 1902, с. 311). В революции, по Тэну, как раз и действовали плотоядные существа, способные терзать и убивать друг друга за кусок рыбы. Неудивительно, что со стороны сторонников революции это исследование было расценено как злобный памфлет реакционера, которым в действительности Тэн вовсе не был, потому, по крайней мере, что стоял далеко от роялистских и католических кругов и по своим политическим взглядам был либералом, противником насильственных переворотов, убежденным в благотворности эволюционного развития человеческого общества.

Своего рода эпопею французской истории в 27 томах, в центре которой была поставлена Великая революция, написал, составил и отредактировал Э. Лависс, который вместе с Рамбо написал монументальную, хотя и поверхностную «Всемирную историю».

На рубеже XIX и XX столетий в исторической науке Франции доминировало позитивистское, сциентистское направление, в рамках которого особый акцент делался на тщательном

исследовании частных и узких тем либо даже отдельных архивных документов, при этом широкие обобщения ставились под подозрение как поверхностные и ангажированные. Манифестом этого направления стало «Введение в изучение истории», написанное Ш.-В. Ланглуа и одним из учителей знаменитого М. Блока Ш. Собиньосом. Но подобная «историзирующая история», рассчитанная на интересы узких специалистов, эрудитов и знатоков, вызвала острую критику со стороны Ф. Симиана, ученик которого Э. Лабрусс, стоявший близко к школе «Анналов», возродил во французской историографии интерес к экономической и социальной тематике. В 1933 г. он выпустил монографию «Очерк движения цен и доходов во Франции XVIII века». Лабрусс предложил выделить в истории три уровня для исследований: экономику, общество, цивилизацию. По меткому наблюдению Лабрусса, исторические процессы на этих разных уровнях протекают с разной скоростью — быстрее всего в сфере экономики и особенно медленно на уровне цивилизации. Идеи этого ученого оказали прямое влияние на великого французского историка Ф. Броделя.

Самый известный британский историк XIX века — лорд Т. Маколей, по происхождению шотландец. Он был политиком-вигом и государственным деятелем, блестящим парламентским оратором и поэтом, но главное в его творческом наследии — это «История Англии от восшествия на престол Иакова II» (ее первый том вышел в 1848), в центре которой стоит «славная революция» 1688 г. Маколей — красноречивый апологет этой революции. «История Англии» написана умным и наблюдательным писателем, блестящим стилистом, но при этом не вполне профессиональным историком. Маколей не обнаруживает в ней критического отношения к источникам и смело использует исторический материал для иллюстрации и защиты своих умеренно-либеральных идей, иначе говоря, и к истории относится как политический оратор, отстаивающий позицию, принципы и ценности своей партии.

Одним из оригинальных продуктов британской исторической мысли стала книга ученого самоучки, не окончившего средней школы, но всю жизнь неустанно занимавшегося самообразованием. Речь идет об «Истории цивилизации в Англии» Г. Бокля, которая однако, несмотря на свое название, включает в себя также в первом томе, напечатанном в 1858 г., историю французской цивилизации, причем в более подробном изложении, чем ее английская часть, с XVI по XVIII век, а во втором, вышедшем

в 1861 г., — историю цивилизации в Испании и Шотландии. По своим философским убеждениям Бокль позитивист, последователь О. Конта, но ему было чуждо утопическое прожектерство французского философа. Бокль стремился построить строго научную историю человеческого общества, отыскать универсальные законы исторического прогресса. С этим связано то обстоятельство, что, с одной стороны, книга насыщена конкретным фактическим материалом, в том числе и статистическим, так что до известной степени ее автор может считаться одним из пионеров научной социологии, а с другой — в ней предприняты несколько наивные и в то же время тривиальные попытки усмотреть универсальные законы человеческого прогресса во влиянии климата, почвы, пищи и... ландшафтных красот на историческую судьбу населяющих тот или иной регион народов.

Крупным историком конца XIX века был С. Р. Гардинер, в центре его научных интересов стояли бурные события, происходившие в Англии в 1640-е гг, которые он рассматривает как религиозную, пуританскую революцию.

Одна из самых глобальных тем исторической мысли XIX столетия — генезис капитализма. Выше уже приводились концепции происхождения капитализма, выдвинутые К. Марксом и М. Вебером. Оригинальный характер носит и теория генезиса капитализма, принадлежащая немецкому социологу и экономисту рубежа XIX–XX столетий В. Зомбарту, которая изложена им в ряде трудов: «Торговая политика важнейших культурных государств», «Буржуа», «Роскошь и капитализм», «Война и капитализм», «Современный капитализм», «Евреи и хозяйственная жизнь». Истоки капитализма Зомбарт обнаружил уже в XIV веке, правда, с некоторой неуверенностью. Он писал: «Если я не ошибаюсь, как раз во Флоренции к концу XIV в. впервые встречается законченный буржуа» (цит. по: Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1., с. 546). В противоположность Марксу, он акцентировал внимание не на экономическом, но на ментальном аспекте в генезисе капитализма, однако, в отличие от Вебера, который возводил корни капитализма к аскетической этике и психологии пуритан, Зомбарт подчеркивал паразитический характер капиталистической ментальности, в то время как пуританская мораль, считал он, — это всего лишь скаредность мелких лавочников, из которой никакого капитализма родиться не могло. Тяга к безудержной роскоши, господствовавшая при дворах

западных государей, и в особенности в папском дворе в Авиньоне, была главным стимулом первоначального накопления капитала. Становление капитализма происходило под опекой абсолютистских государств. И одной из пружин его развития были войны, которые создавали острую нужду в деньгах.

Особую роль в зарождении капитализма в Европе Зомбарт отводил еврейскому фактору. Пребывая в христианской среде и следуя Талмуду, евреи считали допустимым в отношении с иноверцами не соблюдать этических норм, которые были обязательны для них в отношениях с братьями по вере, и со спокойной совестью занимались ростовщичеством, взимали хищнический процент, из чего и складывалась банковская сеть, ставшая кровеносной системой капиталистической экономики. Главные агенты капитализма, считал Зомбарт, — это еврейский меняла и еврейский купец. Сама психология капиталиста, с его меркантильностью, расчетливостью, прагматизмом, по Зомбарту, несет в себе родовые черты еврейства.

Еще одним механизмом происхождения капиталистической экономики, полагал он, была земельная рента, взимавшаяся землевладельцами-феодалами, которые в эпоху развивавшегося товарообмена превращались в капиталистов — версия, весьма слабо подтверждаемая историческими фактами. Превращение дворянина в буржуа, хотя бы и с сохранением дворянских привилегий, случалось, но статистически такие метаморфозы не представляли собой общественно значимого явления, в отличие от обратных превращений буржуа в дворянина, что замечательно проиллюстрировано уже названием знаменитой комедии Мольера.

Среди технических находок, внесших весомый вклад в становление капиталистической экономики, Зомбарт выше всего ставит изобретение Лукой Пачали в 1494 г. двойной бухгалтерии, о чем он писал со своеобразным пафосом: «Просто невозможно вообразить капитализм без двойной бухгалтерии, они соотносятся друг с другом как форма и содержание.. Двойная бухгалтерия родилась из того же духа, что и системы Галилея и Ньютона» (цит. по: Бродель, цит. изд., т. 2, с. 582).

Основными темами историков XX столетия, занимавшихся изучением нового времени, остаются генезис капитализма, английские революции XVII столетия, Великая французская революция и наполеоновская эпоха, а также промышленная революция, воссоединение Германии, итальянское риссорджименто.

Но к ним, естественно, присоединяются теперь такие глобальные темы, как Первая и Вторая мировые войны, история колониализма, либерализма, фашизма, коммунизма.

Если о Французской революции в XIX веке написана была целая библиотека книг, то в изучение причин, хода и последствий Английской революции более весомый вклад внесли ученые XX столетия, по преимуществу, естественно, британские. Фундаментальное исследование по Английской революции 1640-х гг. выполнено британским историком марксистской ориентации Кристофером Хиллом. Его работа... построена на тщательном изучении огромного количества источников, позволившем ученому отразить все значимые перипетии революционных событий. Хотя прямым предметом исследования была революция, свергшая Карла I, фактически в нем представлена история Англии за весь XVII век. При этом значительное место в книге уделено истории религиозных, политических, социальных идей, морали разных слоев общества. Как марксист, Хилл делает вывод о том, что революция была буржуазной по своей классовой сути и демократической ввиду массового участия в ней городской и сельской бедноты.

Поскольку влияние исследования Хилла на историографию Английской революции было настолько велико, что XVII столетие историки стали называть «веком Хилла», его оппоненты в британской историографии парадоксальным образом получили кличку «ревизионистов», подобно тому как в свое время ревизионистом был назван Э. Бернштейн, поставивший под вопрос некоторые из идей К. Маркса. В качестве «ревизионистов» выступили такие историки, как П. Лэслит, отрицавший саму характеристику событий 1640-х гг. как революцию на том основании, что социальные последствия этих бурных событий были ничтожными, А. Рутс, Д. Эйлмер, Х. Тревор-Ропер, Б. Коуард, который хотя и допускал правомерность квалификации тех бурных событий как революции, но при этом в статье, названной «Имела ли место в Англии в середине XVII века революция?», писал: «Последствия того, что произошло между 1640 и 1880 гг., были либо полностью негативными, либо слишком ничтожными, чтобы их принимать во внимание при объяснении того, что произошло в Англии позднее» (с. 36).

Одним из крупных и влиятельных британских историков XX века был Нэмир, автор блестящей монографии «Структура

политической жизни в начале правления Георга III» (1929). Его последователь Г. Баттерфилд в работе «Вигская интерпретация истории» (1931) изложил методологические принципы, которых придерживался он сам и его учитель Нэмир. Баттерфилд упрекает старую историческую школу, которую он называет «вигской», за то, что ее представители доверяли декларациям и словам политических деятелей, принимая их за чистую монету, в то время как важно увидеть их действительные, реальные интересы, которые можно выявить, исследуя их семейные отношения, их имущественное положение, их персональные конфликты. Таким образом, в основу исторического исследования ставится изучение биографий политических деятелей, но не официозных и лакированных, а выявляющих подноготные мотивы их поступков. К нэмировской школе принадлежали также такие видные историки, как Д. Пеннингтон, Д. Эйлмер, Дж. Нил, К. Фейлинг.

Особое место в британской историографии занимает Д. У. Черчилль, который был не только политиком и государственным деятелем, и не только военным журналистом в начале своей грандиозной карьеры, но и автором «Истории второй мировой войны», удостоенным за нее Нобелевской премии по литературе — случай был бы совершенно уникальным, если бы такой же премией не был награжден в самом начале XX века немецкий историк Т. Моммзен за свою классическую «Историю Рима». «История» Черчилля написана профессиональным журналистом и профессиональным политиком самого высокого класса и в то же время классически образованным эрудированным историком. Журналистская броскость опытного военного репортера сочетается тут с совсем не журналистским аналитическим проникновением в самую суть событий, с глубоким пониманием их политического смысла и их всемирно-исторического контекста. Идеологическая определенность позиции — империалистического либерала, верного традициям и заветам старой Британской империи эпохи королевы Виктории, — не мешает Черчиллю давать справедливые оценки, часто весьма высокие, и своим прямым военным противникам, и политическим конкурентам, оказавшимся в роли союзника — талантам и профессиональной выучке немецких генералов, политическому гению Сталина. Черчиллю принадлежит также адресованная широкому читателю написанная увлекательно, но при этом глубоко продуманная «История англоязычных народов».

Историки из школы «Анналов» по преимуществу занимались медиевистикой, но и в области новой истории, главным образом ее ранней фазы, вклад этих ученых исключительно велик. Один из основателей школы Люсьен Февр написал ряд мастерски выполненных биографий крупнейших деятелей эпохи реформации и гуманизма, в которых отразилась их эпоха в своих самых существенных чертах. Это «Судьба: Мартин Лютер», «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле», «Ориген и Дерперье, или Загадки кимвала мира». Через эти исторические портреты просвечивают важнейшие политические и военные события эпохи, в которую жили персонажи Февра, социально-экономическая эволюция, изменения в ментальности разных слоев новоевропейского общества, еще сохранявшего средневековую структуру, настолько прочную, по Л. Февру, что его оппоненты упрекали историка в медиевизации Ренессанса, особенно резко критикуя книгу, посвященную Рабле, в которой Февр демонстрирует историческую невозможность существования атеизма во Франции XVI века.

В качестве редактора «Анналов» Февр откликался на появление значительных трудов, и в этих своих откликах, в историографических рецензиях он обнаруживал и изумительную глубину критического анализа, и классическую французскую ясность мысли, и язвительное и меткое остроумие, но не беспристрастие. Им написаны, наверно, несправедливые, но умные статьи, посвященные его оппонентам в области исторической методологии — Шпенглеру и Тойнби, высвечивающие лазерным лучом беспощадного анализа поверхностные обобщения, броские, но не обоснованные выводы, очевидные натяжки этих писателей. Невысоко оценил он в одной из своих рецензий и фундаментальный труд П. Н. Милюкова по истории России, найдя в нем прежде всего отражение неумного раздражения потерпевшего поражение политика, пытающегося запоздало сводить старые счета с победившим противником и с прежними оппонентами из собратьев по политическому несчастью.

Но когда Л. Февр позитивно пристрастен, он более справедлив. Во всяком случае это относится к его восторженной рецензии на монографию Фернана Броделя «Средиземное море и средиземный мир в эпоху Филиппа II», задуманную до войны, написанную в основном в немецком лагере военнопленных и вышедшую в 1949 г.

В этом труде Февр находит великолепно удавшуюся реализацию методов, подходов, исследовательской техники, которые разрабатывались в школе «Анналов». Февр высоко оценил структуру исследования Ф. Броделя, первую часть которого тот озаглавил «Роль среды обитания», вторую — «Коллективные судьбы, единое движение» и, наконец, третью — «События. Политика. Люди». В связи с этим рецензент пишет: «Это не более и не менее как отражение в структуре книги новой концепции Истории. Истории, развертывающейся одновременно на разных этажах, на различных уровнях. Впрочем, они сообщаются между собой, это ясно без слов. Постоянно сообщаются, но различны... Поистине такое происходит впервые: историк, захватив в охапку огромный ворох собранных им фактов и документов, относящихся к очень крупной теме, — это поистине первый раз, что историк, доводя свою мысль до конца, осмеливается таким вот образом порвать с самыми старыми и почитаемыми традициями, заменив порядок хронологический, четкий и простой, или порядок систематический, чреватый опасностями, порядком динамичным и одновременно эволюционным — порядком, который не разъединяет то, что должно быть единым, но позволяет в каждый момент временной последовательности освещать различные уровни, на которых разворачивается действие, — одни через посредство других. Такой порядок не есть простое размещение как таковое, он иерархичен. Он идет от более глубокого и постоянного к более поверхностному и эфемерному. Впрочем, без пренебрежения к эфемерному». (Февр Люсьен. Бои за историю. М., 1991, с. 185–186).

Важнейший труд Фернана Броделя, который возглавил после смерти Л. Февра редакцию «Анналов», — «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» — печатался с 1967 по 1977 г. Его первый том назван «Структуры повседневности: возможное и невозможное», второй — «Игры обмена», и третий — «Время мира». Работа над ним продолжалась почти 30 лет. Это грандиозное исследование построено на базе огромного фактического материала, почерпнутого главным образом из архивов. Предмет исследования далеко выходит за границы Европы и европейской цивилизации и охватывает фактически весь мир, хотя европейские сюжеты в нем все-таки доминируют, не столько потому, что они лучше известны ученому, сколько по причине лидерства Европы в процессе сложения капиталистической экономики.

Первый том, пожалуй, наиболее оригинален — в нем автор исследует материальные условия человеческого существования: демографический фактор, такие темы, как питание и жилье, и в связи с этим техническую сторону экономической жизни, процесс урбанизации. В завершение своего труда историк сосредоточивает внимание на генезисе промышленной революции. Значительное место в исследовании Броделя отведено анализу духовной, культурной, ментальной составляющей в эволюции человеческого общества.

Своим пристальным интересом к экономической стороне исторического процесса Бродель сближается с марксистской школой, и он во многих местах своей книги отмечает меткость тех или иных экономических наблюдений и характеристик К. Маркса, но он не разделяет его схоластических доктрин относительно жесткого экономического детерминизма и последовательной смены формаций. Капитализм на языке Броделя — явление несравненно более частного характера, чем у Маркса. Это не одна из неизбежных формаций в истории человечества, а только экономическая структура, стоящая в одном ряду с такими, как товарообмен или рыночная экономика, которую Бродель часто противопоставляет капитализму. Капитализм, по Броделю, рождается в сфере обмена и только в эпоху промышленной революции вторгается в производство. Бродель не столько выводит капитализм из рыночной экономики, как это делают Маркс и его последователи, сколько противопоставляет его свободному рынку. Он пишет даже: «Если бы я обладал Зомбартовым пристрастием к систематическим и раз навсегда данным объяснениям, я охотно выдвинул бы вперед в качестве главного элемента капиталистического развития игру, спекуляцию. ...Могло бы показаться занятным создать историю капитализма как своего рода особый случай проявления теории игр» (Бродель, *цит. изд.*, т. 2, с. 587).

В 1978 г. была опубликована книга Ф. Фюре «Постижение Французской революции», в которой он далеко уклонился от ставшего уже общепринятым взгляда на социально-экономическую обусловленность этого переломного события в истории Европы, обнажив одновременно политическую и идеологическую ангажированность господствовавших в старой историографии яacobинских версий революции. Крупный современный французский историк П. Нора, в 1971 г. основавший издательскую серию «Библиотека истории», написал фундаментальный труд

«Памятные места», посвященный местам, к которым привязана историческая память французского народа. По его инициативе с 1984 по 1992 г. вышло семитомное издание «Мест памяти», посвященное таким эмблематическим темам французской истории, как «Жанна д'Арк», «Триколор», «Марсельеза», «Эйфелева башня», «Солдат Шовен».

В русской историографии первым ученым, кто наряду со Средневековьем и античностью, занимался новой историей, был ученик знаменитого Грановского П. Н. Кудрявцев, который читал лекции в Московском университете в 1840–1850-е гг. В творческом наследии этого рано скончавшегося историка значительное место принадлежит курсу лекций по истории гуманизма и Реформации, который оставался неопубликованным в течение почти полутора столетий. Во второй половине XIX века истории нового времени посвятил свои исследования профессор Киевского университета И. В. Лучицкий. В 1871 г. была опубликована его магистерская диссертация «Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции», которая получила высокую оценку в ученых кругах той страны, истории которой она была посвящена. Его докторская диссертация «Католическая лига и кальвинисты во Франции во второй половине XVI века», материалы для которой он собирал в архивах южной Франции, тематически примыкала к предыдущему труду.

В начале XX века были последовательно опубликованы магистерская и докторская диссертации А. Н. Савина «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация», в которых автор делает вывод о том, что при конфискации монастырских земель, проведенной после отпадения Английской церкви от Рима, большая часть их досталась высшему слою чиновников, составившему основу нового землевладельческого класса — лендлордов.

Работы плодовитого историка первой половины XX века Р. Ю. Виппера тематически разнообразны. Они относятся и к русской истории и к античности, но также и к истории нового времени. Ему принадлежит один из самых популярных гимназических учебников по истории нового времени. В 1900 г. Виппер опубликовал сборник статей под названием «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков в связи с общественным движением на Западе», в основу которых легли его лекции, прочитанные в Московском университете. В 1922 г. Виппер был выслан из советской России и обосновался в Риге, где он дожил

до ее присоединения к Советскому Союзу. Прожив более 90 лет, Виппер удостоился высших почестей, какие доступны были ученому в СССР главным образом, потому, что написанная им в 1922 г. книга «Иван Грозный», апологетическая по отношению к царю и опричнине, совершенно крамольная в свете идеологических установок советского режима 1920-х гг., попала в струю советской идеологии на ее новом государственническом вираже и была периздана в 1944 г. в Москве, где после войны был даже подготовлен к изданию ее английский перевод.

Блестящим знатоком истории Франции и Италии был самый талантливый из учеников Лучицкого по Киевскому университету Е. В. Тарле. До революции вышли его монографии «История Италии в средние века», «История Италии в новое время», «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени», «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», «Континентальная блокада». После революции, в 1928 г., он опубликовал книгу «Европа в эпоху империализма», в которой вина за развязывание мировой войны возлагается на Германию. Подобный вывод не мог прийтись ко двору ни советской официальной идеологии, исходившей из обоюдной вины империалистических блоков за развязывание всемирной бойни, ни советской внешней политике тех лет, базировавшейся на договоре, заключенном в Рапалло с дружественной Германией. В начале 1930-х гг. Тарле подвергся репрессии, его обвинили в принадлежности к вымышленной «промпартии» и даже в том, что ему предназначался заговорщиками портфель министра иностранных дел. Но уже в 1934 г. он получил возможность вернуться в Москву.

В предвоенные годы Е. В. Тарле написал две книги: «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию», в которых обнаружил и великолепную эрудицию, и тонкость политического анализа событий, стремительно менявших политическую карту постреволюционной Европы, и незаурядный литературный талант — умение создавать выразительные словесные портреты государственных деятелей и полководцев. Это относится прежде всего к Наполеону, но также и к наполеоновским маршалам, Талейрану, Фуше, императору Александру I, фельдмаршалу М. И. Кутузову. Опубликованные в советском издательстве, эти книги Тарле не чужды конъюнктурности. Тарле не стал патентованным марксистом — его рассуждения об империализме Наполеона, соответствующие

расхожим представлениям, не вписываются в идущую от Ленина политико-экономическую интерпретацию империализма как высшей стадии капитализма, но реверансы в сторону марксистской идеологии в этих книгах присутствуют. Конъюнктурность Тарле проявляется и более специфическим и пикантным образом: в книге «Наполеон» он, в соответствии с учением о классовой борьбе, пишет, что русские крестьяне часто доносили французским оккупационным властям на своих помещиков, а в работе «Нашествие Наполеона на Россию», напечатанную перед войной, когда в воздухе уже пахло военной грозой, акцент делается на всенародном единении в борьбе с врагом. В подтверждение и той и другой концепции можно было найти действительные факты, но из их множества историк выбирал в первой книге одни, а во второй — другие, очевидно, чтобы попасть в тон официозу, который эволюционировал. Последние работы Е. В. Тарле, посвященные Северной и Крымской войне, были напечатаны уже после смерти историка, наступившей в 1955 г.

В послевоенной советской историографии нового времени наиболее значительные достижения связаны с именами таких ученых, как М. А. Барг, В. М. Лавровский, Н. М. Лукин, В. М. Хвостов, А. З. Манфред, А. Л. Нарочницкий. Но успехи и дореволюционной российской, и советской науки в этой области очевидным образом уступают не только тому, что сделано было русскими учеными в области отечественной истории, но также в антиковедении, византинистике, медиевистике, востоковедении. А конъюнктурный характер советской трактовки истории XX столетия фактически лишал историков возможности проявлять в этой сверхполитизированной области исследований элементарно необходимую научную объективность.

Глава 2. Доисторическая Европа. Рубеж III–II тысячелетий до Р. Х.

1. Расовый состав европейского населения

По слову апостола Павла, Господь «от одной крови... произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (Деян. 17, 26). Единство происхождения человечества — это и догматическая истина, и бесспорный

вывод современной генетической антропологии. Однако под влиянием многих обстоятельств, в том числе и климатического разнообразия среды обитания, по своему внешнему виду, анатомически и даже физиологически люди различаются не только индивидуально, но образуют определенные типы, которые называются расами. Прежде всего выделяют четыре основные расовые группы: негроидную, австралоидную, монголоидную и европеоидную, а также переходные формы между ними, например эфиопскую расу, промежуточную между европеоидной и негроидной, или южносибирскую, которая сложилась в результате метисации европеоидов с монголоидами.

Коренное население современной Европы составляют европеоиды, иными словами, люди, принадлежащие к большой белой расе, исключение составляют монголоиды калмыки, проживающие на крайнем юго-востоке Европы, а также ряд народов Поволжья и Предуралья, относящихся к тюркской и угро-финской языковым семьям, которые имеют более или менее значительную примесь монголоидной расы, — это, в частности, так называемые лаппоноидная и сублаппоноидная расы европейского северо-востока. Впрочем, монголоидная примесь, хотя и в малой степени, присутствует и у других народов Восточной и Центральной Европы, и не только у славян, но даже у немцев, у итальянцев, живущих к северу от По, а также, естественно, у тюркских и реже у вайнахских и других автохтонных народов северного Кавказа. Присутствие некоторых черт монголоидной расы у европейцев — это результат миграций, происходивших при свете истории, в течение полутора с малым последних тысячелетий. А в остальном расовый состав европейского населения, насколько о нем можно судить по палеоантропологическим данным, не претерпел существенных изменений со времени позднего неолита и халколита. Во всяком случае это относится к эпохе, удаленной от нас четырьмя тысячелетиями, когда впервые в Европе появилось общество, перешагнувшее границу, отделяющую примитивные культуры от исторических.

Со времени появления критской цивилизации в канун второго тысячелетия до Р.Х. и до наших дней не только на уровне большой расы, но и при более дифференцированном обозрении эволюции расовой карты в Европе не произошло ничего подобного сейсмическому расовому сдвигу, пережитому Северной Америкой всего за два предпоследних столетия. Ни примитивным племенам доисторической Европы, при всей их пресловутой

кровожадности, вплоть до каннибализма, ни народам Европы исторической, воевавшим между собой почти непрерывно, не удалось сравниться с деяниями их бледнолицых братьев, переселившихся в Новый свет и истребивших там почти поголовно местные племена краснокожих.

На рубеже второго и третьего тысячелетия до Р.Х. в Европе приблизительно в тех же регионах, что и ныне, локализуются малые расы, на которые подразделяется большая европеоидная раса. В Британии, Скандинавии, на побережье Ла-Манша, Северного моря и Балтики, как это было и тогда, обитают северные европеоиды, отличительными чертами которых являются высокий рост, светлая окраска волос, глаз и кожи и долихоцефалия (длинноголовость), ранее преобладавшая, а ныне несколько потесненная. По берегам Средиземного моря, в особенности в Испании, Италии, на юге Франции и в Греции, в Причерноморье, но также на западе Франции сохранилась со времен неолита до наших дней южная долихоцефальная раса, отличающаяся от северной темной окраской волос и глаз, смуглой кожей, а также невысоким ростом. В оставшейся части Европы, образующей клин, сужающийся на западе и расширяющийся на востоке, ныне решительно преобладает умеренно брахицефальная (короткоголовая) или мезоцефальная (среднеголовая) раса. Во времена доисторические эта раса локализовалась приблизительно там же, но ареал ее распространения был не столь обширным — со временем ею были потеснены как северные, так и южные долихоцефалы. На севере Ирландии в доисторическую эпоху, в том числе и на рубеже III и II тысячелетий до Р.Х., зафиксировано присутствие исчезнувшей впоследствии долихоцефальной эскимойдной расы, характерной особенностью которой является стреловидный шов на черепе, идущий от лба к затылку. Эскимойды Ирландии не имели при этом монголоидных особенностей современных эскимосов и наравне с европеоидами средиземноморского типа отличались низким ростом и, вероятно, темной окраской волос и глаз.

В свою очередь брахицефальная европейская раса подразделяется на два характерных вида: альпийский и динарский, названный так по наименованию гор на западе Балкан, где как в древности, так и ныне распространен этот анатомический и физиогномический тип. Особенность брахицефалии альпийской расы в том, что она связана со значительной шириной черепа, а для динарской характерна скошенность затылка, которая также при

краниометрических измерениях дает брахицефальный индекс. Кроме того, носители типичных черт динарской расы отличаются высоким ростом и массивностью сложения, а люди, принадлежащие к альпийской расе, скорее приземисты и коренасты. Что же касается цвета волос, глаз и кожных покровов, то при большом разнообразии в этом отношении обе расы занимают по преимуществу среднее положение между северными и средиземноморскими долихоцефалами, но особенно часто среди брахицефалов и мезоцефалов Центральной и Восточной Европы встречаются кареглазые шатены.

Ареал динарской расы — в основном Балканы, в особенности их западная часть. С динарской расой характерным строением головы сближается кавказская раса, но для автохтонных кавказцев не характерен высокий рост, типичный для собственно динарской расы. Остальную территорию распространения брахицефалии занимает альпийская раса; наиболее характерные ее черты встречаются действительно в Альпах, а в направлении на восток и отчасти также на север, в сторону Баварии, у представителей этой расы более заметной становится монголоидная примесь в виде скуластости, узкого разреза глаз, в редких случаях даже с наличием эпикантуса. Брахицефалы и мезоцефалы альпийского типа населяли в древности и населяют ныне территорию центральной Франции, примыкающую к Альпам, а также, наряду со средиземноморскими долихоцефалами, Астурию и Кантабрию в Испании. Брахицефалов Восточной Европы, ввиду наличия у них некоторых признаков монголоидной расы, некоторые антропологи выделяют в так называемую остическую (восточную) расу — термин, скомпрометированный широким употреблением его расистами Третьего рейха.

Хотя брахицефалия альпийской расы сближает ее с монголоидной, носители которой, проникнув на восток и в центральную часть Европейского континента, оказали влияние на местный антропологический тип, тем не менее сама по себе она не может в большинстве случаев объясняться наличием монголоидной примеси, поскольку археологически зафиксирована значительно ранее первых исторически известных вторжений в Европу народов с монголоидными чертами.

Французский антрополог рубежа XIX и XX столетий И. Деникер в современном населении Европы выделял 6 рас: 1) северную — светловолосую, длинноголовую, очень высокую, она

распространена в Швеции, Дании, Норвегии, на севере Шотландии, на востоке и севере Англии, на северо-востоке Ирландии, в Голландии, на севере Германии; к этой большой расе примыкает вторичная раса — белокурая или шатеновая, мезоцефальная, высокого или среднего роста, с угловатым лицом и вздернутым носом — подобный тип встречается на севере Германии, в Прибалтике, в Финляндии, на западном берегу Шотландии; 2) восточную — белокурую, суббрахицефальную, малорослую, распространенную в Восточной Европе, в том числе в Белоруссии, в северных и центральных губерниях России, к этой расе исследователь относил также вторичную привисленскую расу — белокурую или шатеновую, мезоцефальную, очень низкого роста, характерную для населения Польши, Саксонии, Литвы, а также северной и центральной России; 3) иберо-островную, брюнетическую, долихоцефальную, малорослую, характерную главным образом для населения Пиренейского полуострова, Корсики, Сардинии, южной Италии, некоторых южных департаментов Франции; 4) западную — брюнетическую, брахицефальную, малорослую, типичную для населения центральной Франции, Прованса, Альп, южной Германии, долины По, Умбрии, Трансильвании, Венгрии, Моравии и Галиции; 5) прибрежную, или атланта-средиземную — брюнетическую, субдолихоцефальную и мезоцефальную, высокорослую, которая присутствует на Средиземноморском побережье — от Гибралтара до устья Тибра, а также на побережье Бискайского залива, в Болгарии, Македонии и Греции; 6) адриатическую, или динарскую — брюнетическую, брахицефальную, высокорослую, распространенную среди жителей Хорватии, Боснии, Сербии, некоторых местностей Румынии, а также Венецианской лагуны, Тироля, Бельгии, северо-восточной Франции.

Кроме того, Деникер выделил две вторичные расы, образовавшиеся в результате смешения носителей расовых признаков западной и динарской рас: северо-западную — долихоцефальную или мезоцефальную, с шатеновыми волосами, носители которой встречаются на западе Ирландии, на юго-западе Англии, на западе Бельгии и реже в Нормандии, и субадриатическую — суббрахицефальную, среднего роста, с шатеновыми волосами, распространенную в Шампани, Люксембурге, в прирейнской Германии, в Чехии, Словении и Ломбардии. (см.: А. А. Ивановский. Расы Европы. — Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2. М., 2004, с. 264–267).

Приведенная здесь расовая классификация европейского населения опирается лишь на самые очевидные анатомические различия внутри одной и той же большой белой расы. Расовая типология становится более дифференцированной и нюансированной, если учитывать такие, например, особенности, как форму носа, рта, ушных раковин, как соотношение длины корпуса с размерами ног и рук.

Связь выделяемых таким образом антропологических типов с определенными этносами, а еще больше с регионами устанавливается, но только статистически, потому что налицо множество индивидуальных различий. Как во времена доисторические и древние, так и ныне повсеместно наблюдается значительное присутствие индивидов, не типичных для туземной группы населения. Конечно, со временем масштаб индивидуальной дисперсии нарастал, но палеантропологические данные не позволяют делать заключение о существовании в обозримом прошлом исключительной расовой чистоты антропологических групп. Расовой чистоты лишены были даже неолитические племена, тем более ее нет у современных народов.

Во всяком этносе, в особенности многочисленном, существуют разные расы, лишь отчасти локализуемые, но эта их локализация в Европе сохраняется весьма устойчиво, несмотря на пережитые в течение четырех тысячелетий, если исходить из выбранной нами хронологической точки отсчета, великие переселения, ассимиляции и иные этнические сломы. Расовые типы имеют отношение к этногенезу, но весьма относительное, и обнаруживают более устойчивую соотнесенность с территорией, чем с этносом.

Так, во Франции среди этнических французов выделяются те же расовые типы и приблизительно в тех же регионах, что и за два тысячелетия до Р.Х. Стендаль, совершивший в 1837 г. путешествие по родной стране, которое он описал в «Записках туриста», сделал меткие наблюдения над антропологическими типами соотечественников, которые он, не без излишней категоричности, связывает с племенами времен покорения Галлии Юлием Цезарем. «Население Франции, — пишет он, — можно разделить на гэлов, кимров, иберийцев и метисов... Гэлы наиболее многочисленны. Они среднего роста. При чистоте типа у них круглая голова, большие, широко расставленные глаза, довольно прямой расширяющийся книзу нос, без малейшей горбинки, свойственной орлиному носу. Расстояние от кончика носа

до нижней челюсти подбородка равняется длине носа. Рот расположен немного ближе к носу, чем к нижней части лица. Скулы широкие, но не выдаются вперед. В целом черты лица округлые. Обычно волосы у них темные... Гэлы и теперь еще во множестве населяют Бургундию, Дофине, Савойю, Пуату». (Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 12, М., 1959, с. 120). Это, по существу, описание одной из разновидностей альпийского расового типа, который археологически выявлен на этой территории задолго до вероятного появления здесь гэлов, или галов.

Стендаль не ограничивается описанием внешнего вида этой расы, но характеризует и ее психологический тип: «Они жизнерадостны, насмешливы, беспечны». Писатель находит у гэлов также «отвагу, беспечную веселость» и «полную неспособность наживать деньги» (Стендаль, цит. изд., с. 120), по контрасту с их соседями кимрами, которые, по описанию Стендаля, «высокого роста, изящного телосложения, стройные... Голова у них удлиненной формы, расширенная сверху, череп очень развит, таким образом глаза находятся посередине лица, считая с маковки. Лоб у них высокий и широкий, глаза продолговатые, нос с горбинкой, крылья носа приподняты. Подбородок выдается, поэтому, как говорят в народе, у кимра нос глядит вниз, а подбородок вверх. Волосы у них белокурые, тогда как у гэлов темные... Кимры, — продолжает Стендаль, — весьма высокого мнения о себе, иногда эта черта перерастает в тщеславие и гордыню. Они лишены принужденности и добродушия гэлов, но им присуща необычайная выдержка. Кимры не могут похвастаться быстротой и легкостью соображения, тем не менее они очень смыслены и рассудительны... Кимры занимают север Франции, главным образом Нормандию и северное побережье Бретани» (Стендаль, цит. изд., с. 121). Наверно, древние жители этой территории складом характера решительно отличались от набросанного Стендалем психологического портрета типичного «кимра», возможно также, что описанные наблюдательным писателем физиогномические черты связаны не только с бритами (кимрами), переселившимися в Арморикю после завоевания их острова англосаксами, но и с обосновавшимися в раннее средневековье на севере Галлии норманами, тем не менее Стендаль начертил образ типичного северного европеоида, представителя «нордической расы», который археологически зафиксирован здесь уже в эпоху неолита.

Затем писатель переходит к характеристике долихоцефальной средиземноморской расы: «Баски, или иберийцы, встречаются в южной части Франции, вдоль Пиренеев. Во времена Цезаря они распространились до Гаронны и занимали также побережье Средиземного моря... Им же принадлежала большая часть западного побережья Франции... У иберийцев продолговатая узкая голова, особенно книзу. Дуга бровей выдается вперед, нависая над глазами миндалевидной формы. Нос резко очерчен, длинный, с горбинкой... Прямой подбородок, скуластое лицо... Волосы их иссиня-черные» (Стендаль, *цит. изд.*, с. 121–122).

Знаменитый психолог и психиатр Э. Кречмер дал более профессиональную характеристику расовой карты Европы, и по преимуществу Германии: «Нордический тип наиболее широко и в относительно наиболее чистом виде распространен на немецком побережье Северного и Балтийского морей, а кроме того — в Англии и Скандинавии, по мере продвижения к югу Германии он в среднем все сильнее смешивается с альпийским типом. Динарский тип, к которому относится часть населения немецкого Юго-Востока, мы исключаем из рассмотрения — прежде всего потому, что он пока недостаточно исследован в психологическом отношении. Таким образом, можно лишь очень грубо обсудить типологические различия между севером и югом Германии, исходя из того, что на юге в среднем сильнее примесь альпийского типа, тогда как северо-запад — сравнительно более чистая нордическая область. К северо-востоку от Эльбы этнический состав сложен — как вследствие колонизации из районов внутренней Германии, так и, главным образом, вследствие временного притока этнических элементов из обширных русско-азиатских пространств. С точки зрения антропологии нордический тип описывается следующим образом: высокий и гибкий, склонный более к худобе, чем к полноте, с длинными конечностями, череп длинный и узкий, сильная выпуклость затылка, лицо также удлинненное и узкое, нос выдающийся вперед, скулы узкие, утопленные, волосы мягкие и светлые, кожа бледная, довольно прозрачная. В отличие от него, альпийский тип описывается как среднерослый, плотный, приземистый, с короткими конечностями, склонный к полноте, череп округлый и короткий, лицо широкое и круглое, нос несколько уширен и курнос, кожа менее прозрачная, желтовато-смуглая, волосы и брови каштановые, волосы на голове густые и жестко-упругие, борода — негустая. Из этих телесных

типологических признаков подтверждены большой и точной статистикой только цвет волос и бровей, форма черепа и длина конечностей, все прочее — это, скорее, обобщение по впечатлению и, соответственно, не должно приниматься безоговорочно. Приведенные описания в силу известных соответствий дали основания предположить, что антропологические типы могут быть идентифицированы с определенными клинически изученными конституциональными формами — или наоборот — таким образом, что альпийский антропологический тип будет соответствовать пикническому (приземистому с округлыми формами) телосложению, нордический — лептосомному (сухопарому с узкой грудью), а динарский — атлетическому» (Кречмер Эрнст. *Гениальные люди*. СПб., 1999, с. 102–103); — и затем Кречмер, создатель конституционно-психологической типологии, замечает: «Для антропологической психологии это было бы большим удобством, поскольку психология конституциональных типов нам хорошо известна. Мы знаем циклотимические темпераменты пикников с их то весело-подвижным (гипоманиакальным), то флегматическим реализмом, и точно так же знаем шизотимический характер лептосомных, внешне холодных и прячущих в себе свою нервно-тонкую жизнь. Но сегодня вопрос об идентичности конституциональных и антропологических типов можно считать окончательно решенным, и именно в отрицательном смысле. Точные статистические подсчеты показали нам..., что пикники и лептосомные... отличаются друг от друга совершенно не так, как альпийский и нордический типы... Сохраняется, однако, возможность выявления у определенных чистых или смешанных антропологических типов повышенной — в процентном отношении — склонности в одном случае к пикническому, в другом — к лептосомному варианту телосложения. То есть, другими словами, это будут в таком случае не пикнический и лептосомный типы, а преимущественно пикнический и преимущественно лептосомный — и, в связи с этим, соответственно, преимущественно циклотимический и преимущественно шизотимический антропологический типы. Точно так же могут существовать и антропологические типы с повышенным процентом атлетических форм телосложения и, соответственно, вязких темпераментов, в этом плане привлекает к себе внимание динарский тип» (Кречмер, *цит. изд.*, с. 103–105).

Разнообразие расовых типов внутри одной национальности и устойчивое преобладание их на одной и той же территории

на протяжении тысячелетий можно наблюдать и в Германии, и в европейской части России, с той только оговоркой, что у населения Поволжья во второй половине первого тысячелетия от Р. Х. появилась и потом нарастала монголоидная примесь, распространившись оттуда, хотя и в незначительной мере, на запад, вплоть до Центральной Европы, — процесс, происходивший во времена исторические, очевидным образом связанный с вторжением тюркских народов.

Главный вывод, который вытекает из диахронных наблюдений над изменениями расовой карты Европы, заключается в ее высокой устойчивости. Происходили многочисленные известные и неизвестные истории вторжения иноязычных и часто также инородных в расовом отношении племен, радикальные перемены претерпевала лингвистическая карта, сменяли друг друга археологические культуры и цивилизации, а расовый состав европейского населения и его размещение менялись минимальным образом по меньшей мере в течение последних четырех тысячелетий.

Единственно разумным объяснением этого удивительного факта может быть только одно: вторгавшееся в тот или иной европейский регион племя, даже если оно подчиняло себе автохтонное население и в результате происходила смена культуры, даже если оно навязывало свой язык побежденным, все-таки в расовом, биологическом отношении, как правило, ассимилировалось численно превосходящим местным населением. Этот вывод тем более надежен, что некоторые из изменений, например роста окраски волос и глаз, со временем смещающейся в сторону более интенсивной пигментации, и даже распространение брахицефалии за счет долихоцефалии не всегда являются результатом метисации.

2. Археологические культуры Европы рубежа III и II тысячелетий до Р. Х.

На рубеже тысячелетий на Крите появляется первая развитая цивилизация Европы, иными словами, и в Европе часы истории начинают свой ход. В мире библейском это была эпоха отца народов Авраама. К тому времени на разных континентах обитаемой земли уже существовали высокоразвитые культуры по берегам великих рек — Нила, Тигра и Евфрата, Хуанхе и Янцзы, Инда и Ганга: египетская, шумеро-аккадская, китайская и индская с ее

урбанистическими центрами — открытыми археологами XX столетия городами Хараппе и Мохенджо-Даро. Европейское же человечество переживало еще эпоху неолита, халколита и ранней бронзы.

Неолит, который характеризуется, в отличие от предшествующих палеолита и мезолита, изготовлением шлифованных и полированных изделий, употреблением керамической посуды, а затем также гончарного круга, доместикацией животных и земледелием, значение которых вытесняет в хозяйстве роль охоты, рыбной ловли и собирательства, распространен был на большей части Европы, включая Британские острова, Скандинавию, а также значительную часть континентальной Европы на ее севере и востоке, но Европа не была одним из очагов зарождения неолитической индустрии, она распространилась в Европу с Ближнего Востока через Малую Азию и Балканы. На суровом приполярном севере Европы, включая и часть Скандинавии, на рубеже III и II тысячелетий еще сохранялись рудименты мезолитического общества — основным источником существования обитавших тут людей оставались охота и рыбная ловля, а земледелие вовсе не было известно. Впрочем, ввиду климатических особенностей крайнего севера оно и потом никогда не составляло там основы хозяйственной деятельности.

Халколитом, или энеолитом, называют эпоху, когда при преобладании каменной индустрии употребляли также изделия из цветных металлов — меди и золота. Энеолит продолжался относительно недолго, трансформируясь в культуру бронзового века, иными словами, на смену производству чистых металлов идет металлургия сплавов, основу которых составляет медь, смешиваемая с оловом, цинком, серебром или мышьяком.

Высокоразвитые мировые цивилизации третьего тысячелетия, в том числе и соседние для Европы египетская и шумеро-аккадская, в отношении индустрии не вышли за границы бронзового века, но изготовление бронзы возникло в это тысячелетие и в Европе в примитивных доисторических обществах на Северном Кавказе, на Балканах и на Пиренейском полуострове. На рубеже III и II тысячелетий бронзовая индустрия распространяется на большей части Европы, включая нижнее и среднее Поволжье, Поднепровье, Карпатский и Альпийский регионы, территорию современной Франции и Италии.

М. Элиаде предпринял опыт реконструкции парадигмы религиозных воззрений эпохи появления металлургии, которые

свойственны были разным народам: «Металлы “возрастают” в недрах земли. Пещеры и шахты уподобляются утробе Матери-земли... Повсюду в мире шахтеры практикуют ритуалы, включающие в себя очищение, пост, медитацию, молитвы и культовые действия. Ритуалы определяются характером предстоящей операции, поскольку они проникают в сакральную зону, признаваемую запретной... Заряженные этой мрачной сакральностью руды отправляются в печи... Печи выступают в роли своего рода новой утробы, где руды достигают своей зрелости... Metallург, как и кузнец, как и еще прежде гончар, — это «хозяин огня»... Вот почему в архаических обществах литейщики и кузнецы воспринимались как «хозяева огня» наряду с шаманами, знахарями и колдунами. Но амбивалентный характер металла, наделенного свойствами одновременно сакральными и «демоническими», передается и металлургам и кузнецам: их глубоко уважают, но в то же время боятся, сторонятся и даже презируют» (Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2008, с. 72–73).

Более дифференцированное представление о состоянии Европы на рубеже III и II тысячелетий дает синхронный обзор ее археологических культур.

На обширном пространстве северо-восточной Европы от Урала до Северного моря и Аланских островов, от Ледовитого океана до Оки в ту пору еще сохранялась сложившаяся здесь ранее культура ямочно-гребенчатой керамики с ее локальными вариантами: белевским, рязанским, каргопольским, карельским, беломорским. За Уралом эта культура распространялась по всей Сибири до Оби и Байкала.

Ее название связано с орнаментом на керамических сосудах яйцевидной формы, состоящим из комбинаций ямочек, которые предположительно наносились на мягкую глину зубьями костяного гребня. Материалом для изготовления орудий труда и других изделий, включая оружие, служили сланцы, кремьень, кварц и кости животных. В Карелии сохранились наскальные рисунки, изображающие охоту на лосей с лодок, морскую охоту на тюленей с применением гарпуна, лыжников. Судя по рисункам, носители ямочно-гребенчатой культуры сооружали лодки разных форм и размеров для плавания по рекам, озерам и морю, на охоте употребляли капканы.

В Норвегии обнаружено более 70 наскальных изображений, которые датируются рубежом III и II тысячелетий до Р. Х. Как пишет Х. Э. Дэвидсон, «один из видов рисунков (вероятно, наиболее ранний) представляет собой изображение силуэта огромного животного с глубоко вырезанными линиями. Вероятно, очертания высекались на поверхности скалы при помощи твердого острого камня... Эти рисунки свидетельствуют о том, что создавшие их люди не только были прекрасными художниками, но и внимательно наблюдали за поведением животных. Как правило, первобытным мастерам удавалось передать характерную именно для этого животного позу — северный олень оглядывается через плечо, шеи диких лебедей изогнуты, а лоси бегут галопом» (Дэвидсон Хильда Эллис. Древние скандинавы. М., 2008, с. 15).

Наряду с натуралистическими рисунками на скалах в Норвегии найдены также схематические и стилизованные изображения. Среди них встречаются силуэты антропоморфных существ. Сравнивая древние памятники с подобными им наскальными рисунками аборигенов Австралии, можно сделать вывод об их ритуальном и магическом назначении. По словам той же исследовательницы, «изображения животных на скалах Австралии и Южной Африки регулярно обновляются для того, чтобы эти звери не вымерли. Нам известны многие случаи, когда наскальные рисунки, изображающие животных, были сделаны шаманами, чтобы помочь охотникам и обеспечить плодородие их потенциальных жертв» (Дэвидсон, цит. изд., с. 17). Некоторые петроглифы в Карелии говорят также о существовании у племен ямочно-гребенчатой культуры анимистических верований: на одном из изображений представлено, как человекообразные существа выгоняют дичь к охотникам и рыбу к рыболовам.

В западных вариантах ямочно-гребенчатой культуры, на Аланских островах и на Скандинавском полуострове, фаунистический материал говорит о domestикации свиней, на некоторых сосудах сохранились отпечатки зерновых злаков, но в более восточных раскопках никаких следов существования скотоводства и земледелия не встречается.

На берегу реки Модлоны, впадающей в озеро Воже в Каргополье, открыты остатки поселения из наземных жилищ на сваях, в которых найдено много янтарных украшений, а также женский череп с воткнутом в него деревянным колом. Значительным своеобразием отличался один из локальных приокских вариантов

ямочно-гребенчатой культуры, названный по месту его обнаружения волосовским. Посуда там украшалась узорами в виде «отступающей гребенки» и беспорядочно нанесенных мелких ямок. Носители этой культуры жили в больших круглых землянках диаметром до 10 метров и глубиной до 2-х метров с длинными коридорообразными входами и с земляными нарами вдоль стен.

Южнее ареала ямочно-гребенчатой керамики, в зоне широколиственных и отчасти смешанных лесов, от Волги до Рейна, на рубеже III и II тысячелетий располагались разновидности культуры шнуровой керамики и боевых топоров. Среди ее локальных вариантов выделяют фатьяновский, названный так по деревне Фатьяново вблизи Ярославля, относящийся, впрочем, к несколько более позднему времени, чем выбранное нами в качестве исходного хронологического среза, — к первой половине II тысячелетия: культуру ладьевидных топоров в восточной Прибалтике, а также на юге Финляндии и Швеции; среднеднепровскую; одерскую; саксоно-тюрингенскую; культуры «рейнских кубков» и «одинокых могил» в Дании и Шлезвиг-Гольштейне.

Культура шнуровой керамики известна в основном по материалам захоронений, а не поселений. При этом самые характерные находки в могильниках — это керамические кубки, украшенные в верхней части орнаментом, нанесенным с помощью шнура или веревки. В мужских захоронениях часто обнаруживаются шлифованные ладьевидные боевые топоры, покрытые рельефным узором, которые могли также служить символом власти. В детских захоронениях иногда находили игрушечные топоры из камня или глины. В поздних могильниках этой культуры, в частности в фатьяновских, обнаружены и металлические изделия — бронзовые топоры, копья и украшения. При погребении применялась как кремация, так и ингумация в скорченном виде на боку, при этом труп покрывали красной охрой. Над могилами насыпали курганы, но этот обычай не был распространен повсеместно; фатьяновцы, например, никаких надмогильных сооружений не сооружали.

Отсутствие постоянных поселений у носителей культур шнуровой керамики в большинстве ее локальных вариантов является признаком особой подвижности населения. Некоторые исследователи считают его вообще кочевым. Но несомненно, что некоторые из региональных разновидностей этой культурной общности носили земледельческий характер. Это относится по меньшей

мере к носителям культуры ладьевидных топоров в Прибалтике и на юге Скандинавии, где на песчаных дюнах сохранились следы жилых помещений, а также к обитателям берегов Женевского и Невшательского озера в Альпах. По отпечаткам на сосудах, найденных в Бранденбурге, видно, что там выращивали ячмень, пшеницу и овес. В Дании существовало пахотное земледелие. В разных регионах носители культур шнуrowой керамики расчищали леса для пахоты, а также для пастбищ.

В Прибалтике основу хозяйства составляло скотоводство — разводили овец, коз и свиней, реже коров. По результатам анализа животных костей в могильниках западной Германии сделан вывод о том, что там в стаде преобладал крупный рогатый скот, — костные остатки свиней, овец и собак встречаются значительно реже. Носители культур шнуrowой керамики употребляли колесные повозки, в них запрягали быков или волов. Лошадь появляется лишь в более поздних вариантах этой культуры, впервые в Дании. Приморское население Прибалтики занималось рыбной ловлей и морским промыслом.

Несколько южнее региона шнуrowой керамики расположена территория, на которой на рубеже III и II тысячелетий еще сохранялась сложившаяся значительно ранее и генетически родственная ей культура шаровидных амфор. Артефакты этой культуры, и среди них самые характерные для нее, давшие ей наименование — керамические миски с расширенным туловом, имеющим форму, приближающуюся к шаровидной, названные амфорами, — также украшались шнуrowидным орнаментом. Самые древние памятники этой культуры найдены в бассейне Вислы, откуда она распространилась на запад, до Эльбы, и на восток — в Галицию, огибая с севера Карпатские горы. Некоторые из локальных вариантов этой культуры могут рассматриваться и как разновидности культуры шнуrowой керамики, это относится, например, к культуре «Злота» в Польше. Более того, «шаровидные амфоры» находили и в значительном удалении от региона этой культуры — в Фатьянове.

Отдельные поселения носителей культуры шаровидных амфор, несмотря на длительность ее существования, не имеют глубокого культурного слоя, что говорит о подвижности населения, давшей основание некоторым исследователям приписывать этой культуре номадизм. Скотоводство было главным занятием ее носителей, но они знали и земледелие: разводили

свиней, коров и лошадей, сеяли пшеницу, ячмень, бобовые. Культура шаровидных амфор находилась в основном на стадии неолита — металлические, медные изделия встречаются редко. Частыми находками являются украшения из янтаря. О синкретическом характере этой культуры говорит большое разнообразие могильников и погребальных обрядов: практиковались и кремация и трупоположение, покойников хоронили и в простых ямах и в каменных ящиках, над могилами насыпали курганы или оставляли их без каких бы то ни было наземных сооружений, найдены как одиночные, так и групповые захоронения.

На западе и в центре Европы на рубеже III и II тысячелетий существовала еще одна родственная культурам шнуровой керамики и шаровидных амфор культура колоколовидных кубков. У нее было три основных ареала: один охватывал юг Польши, Саксонию, Венгрию, Моравию, Чехию, Австрию и Баварию, другой — устье Рейна, Голландию, Англию, Бретань, запад и юг Франции, Португалию, третий — Сардинию и Сицилию. Название культуры связано с частыми находками в местах ее распространения отличающихся особым изяществом керамических кубков, напоминающих по форме колокола и украшенных шнуровым орнаментом. В раскопках обнаружено большое число изделий из меди: кинжалов, ножей, украшений. Носители этой культуры были по преимуществу скотоводами и имели конские табуны — костные остатки этих животных решительно преобладают в фаунистическом материале, обнаруженном при раскопках, проведенных на территории Венгрии по берегам Дуная. Помимо лошадей разводили коров, доля свиней и овец в их стадах незначительна. Их оружием был лук. Носители этой культуры были рассеяны среди преобладающей массы оседлых земледельцев, но, вероятно, господствовали над ними. В Португалии, Бретани и Англии преобладают групповые захоронения мегалитического типа, в центральноевропейском регионе этой культуры могильники лишены курганов — покойников погребали в скорченном виде, применялась также кремация.

Вторжение носителей культуры колоколовидных кубков в Англию в конце третьего тысячелетия потеснило, но не уничтожило сложившуюся на юго-западе острова, на Солсберийской равнине, древнюю мегалитическую культуру, центром которой было городище Уиндмилл-Хилл. В конце III тысячелетия там было воздвигнуто грандиозное погребальное сооружение, представляющее

собой насыпь длиной более ста метров, по обе стороны которой были вырыты рвы, в которых добывали мел для этой насыпи. Под насыпью находился коридор с погребальными камерами по сторонам. На смену длинным курганам Уиндмиллхиллской культуры пришли индивидуальные круглые курганы, принесенные носителями культуры колоколовидных кубков.

Вокруг знаменитого Стоунхенджа, воздвигнутого позже, уже в середине II тысячелетия, сохранилось около 350 мегалитических памятников разновременной постройки, в том числе и сооруженных на рубеже III и II тысячелетий и относящихся к культуре Уиндмиллхилла. Одно из них — святилище Вуд-Хендж, представляющее собой круг диаметром около 60 метров, огороженный рвом и внешним валом. Внутри круга находятся два камня, поставленных вертикально; выявлены также следы стоявших в круге шести концентрических колец из деревянных столбов. Исследователи связывают это сооружение с солнечным культом.

В степях между Волгой и Днепром начиная с XXIII столетия распространилась катакомбная культура, которая пришла сюда на смену более ранней ямной культуре, уступив в свою очередь в XVIII столетии на большей части своей территории место срубной культуре, но продержавшись в Приазовье и южнее, на Северном Кавказе, до конца II тысячелетия. Название культуры идет от своеобразного погребального обряда: для захоронения в стенке подкурганной ямы вырубалась особая камера — катакомба, ниже дна ямы, вход в которую из ямы перекрывался каменной или дубовой плитой. Подобные захоронения встречаются также на островах Эгейского моря, в Сицилии, на Кипре и в Сирии. Спорадически катакомбные захоронения обнаружены также в Польше. Еще одним характерным признаком этой культуры является употребление орнаментации в виде шнура или плетеной тесьмы на керамических сосудах, а также частые находки бронзовых изделий с рельефным спиралевидным орнаментом. Из бронзы, которую привозили с Кавказа, на местах поселений «катакомбников» изготавливали черенковые кинжалы, шилья, проушные колунообразные или плоские клиновидные топоры, спиралевидные височные кольца, круглые бляшки, которые нашивались на одежду, и другие украшения. Но при широком употреблении бронзы каменных изделий было все-таки больше, в особенности часто в местах поселения «катакомбников» находят орнаментированные сверленные и полированные топоры разнообразных форм.

Глиняная посуда представляла собой в основном лепные горшки и банки с узким горлом, украшенные параллельными линиями или елочками. Особый вид изделий представляют изготовлявшиеся, очевидно, для погребений вазы-курильницы на поддоне.

Поселения катакомбной культуры отличаются значительными размерами, обычно в несколько сот метров, и толстым жилым слоем, говорящим об их длительном существовании, а значит об оседлости их жителей. В этих поселениях занимались как земледелием (в раскопках найдены серпы с кремневыми вкладышами, мотыги из рогов и костей, зернотерки, а также зерна проса и ячменя), так и скотоводством — разводили коров, лошадей и овец — и ремеслами, в особенности литьем из бронзы. В донецких катакомбных захоронениях обнаружены следы жертвоприношений животных — ног и голов баранов, коров и лошадей и, возможно, также человеческих жертвоприношений.

В бассейне Днепра катакомбная культура соприкасалась с более древней и уже угасавшей на рубеже III и II тысячелетий трипольской культурой, названной так по селу под Киевом, где был открыт ее первый памятник. Первоначально регионом распространения этой культуры считали правобережную Украину до Галиции на запад и до Черного моря на юг, а также Остерский уезд на левом берегу Днепра, затем было установлено, что следы той же культуры сохранились в Молдавии, Румынии и на Балканах — во Фракии и Фессалии.

Характерная черта трипольской культуры — крашеная красноцветная керамика, которая сближает ее с высокоразвитыми культурами Месопотамии, Египта, Средней Азии и даже Китая, но, вероятно, за этим сходством не стоит какая-либо генетическая связь. Трипольская керамическая посуда разнообразных, иногда вычурных форм украшалась нарезным спиральным орнаментом. Трипольцы создавали статуэтки из глины — изображения зверей и людей в разных позах, сидящих и стоящих, но особенно часто женские фигурки, иногда внутри таких фигурок помещались зерна злаков. Если судить по аналогии с другими земледельческими культурами, это были, вероятно, изображения женского божества — покровительницы земледелия.

Трипольская культура, действительно, носила земледельческий характер. При раскопках обнаружены обмазанные глиной ямы, предназначенные для хранения зерна, изготовленные с этой же целью сосуды, большое число зернотерок, серпы с кремневыми

вкладами, мотыги из сланца или рогов, глиняные модели домов, и в одном из таких домиков обнаружена фигура женщины, склонившейся над зернотеркой. В местах раскопок археологами найдены целые кучи поджаренных пшеничных, просяных и ячменных зерен. Занимались трипольцы и скотоводством — судя по костным материалам, разводили коров, овец, свиней, охотились на благородного оленя, лося, косулю. Большое число найденных скребков и отсутствие глиняных пряслиц для ткачества говорит о том, что трипольцы носили одежду из выделанных шкур домашних и диких животных. Хронологические сопоставления показывают, что со временем значение скотоводства у них выросло за счет земледелия, а в стаде, где в третьем тысячелетии преобладал крупный рогатый скот, на рубеже тысячелетий увеличивается доля коз и овец. Трипольская культура в основном оставалась неолитической, но в раскопках найдены и изделия из металла — медные шилья, колечки, клиновидные топоры, которые изготавливались, вероятно, из металла, доставлявшегося с Карпат.

Трипольские жилища, о конструкции которых можно судить по керамическим моделям, имели прямоугольную форму и были значительных размеров — до 150 кв. метров. Разделенные на отдельные помещения, они предназначались для больших семей, в то время как составлявшие их малые семьи занимали отдельные помещения в доме. В каждом помещении ставилась отдельная печь из обожженной глины, около печи часто находилось глиняное возвышение, вероятно лежанка. Типичное расположение домов в селении — по кругу; возможно, что в центре круга размещался загон для скота. Вокруг некоторых поселений обнаружены остатки укрепленных валов.

Исследования могильников обнаружили большое разнообразие в погребальных обрядах. В отдельных случаях покойников погребали под полом жилого дома. Помимо бедных захоронений в ямах, совершались и пышные погребальные обряды: сооружались надмогильные курганы, иногда доходившие до 40 м в диаметре. В богатых захоронениях обнаружены медные кинжалы, проушные топоры, серебряные и медные височные кольца. В некоторых могилах найдены каменные бычьи головы — культ быка был распространен у современных трипольской культуре средиземноморских народов. Наряду с трупоположением у трипольцев, очевидно, существовал и обряд трупосожжения — в некоторых сосудах найдены обгорелые человеческие кости.

Одна из самых развитых культур III и II тысячелетий возникла на Кубани, и называют ее по месту, где в 1897 г. был раскопан огромный курган высотой более 10 метров, майкопской. Ареал этой культуры распространяется на весь предгорный запад северного Кавказа. Под Майкопским курганом обнаружены скелеты мужчины и двух женщин в скорченном положении, густо обсыпанные красной охрой. Могила была разделена на три камеры разделенных деревянными перегородками. Мужчина был погребен в самой большой южной камере. Его скелет усыпан золотыми пластинками в виде мастерски выполненных рельефных изображений быков и львов. В этой камере найдены также золотые и серебряные сосуды, украшенные искусной чеканкой. На одном из них рельефно представлена процессия зверей, на другом — лев, преследующий быка и лошадь на фоне Большого Кавказского хребта, на котором легко различаются вершины Эльбруса и Казбека и реки, стекающие с гор. Серебряные трубки, обнаруженные в кургане, поддерживали балдахин, под которым погребли покойника. На трубки были надеты сделанные из золота и серебра фигуры быков прекрасной работы, там находились также золотые ленты, бусы из сердолика и бирюзы. Под курганом похоронен вождь племени или предводитель военной дружины. Весьма вероятно, что женские скелеты — останки убитых при его погребении жен или наложниц.

Раскопаны и другие курганы майкопской культуры. В кургане около станицы Царевской найдена модель прямоугольной конструкции с перегородкой. В Ульском кургане обнаружена модель кибитки. Курган, воздвигнутый около Нальчика, был высотой более 10 метров, а в диаметре имел более 100 метров. Найдены также клады майкопцев, в одном из которых в серебряном сосуде хранилось 25000 золотых и серебряных бусин, а также бусины из лазурита, агата, сердолика, золотые розетки, серебряная статуэтка быка и золотая головка хищного зверя. Под Нальчиком раскопано поселение майкопцев, состоящее из хижин, обмазанных глиной, и с глинобитными полами. Поселение было окружено каменной стеной. Известны и другие поселения, которые располагались на труднодоступных скальных уступах — местах защищенных и удобных для обороны.

В хозяйстве майкопцев, судя по анализу материала, обнаруженного в раскопках их поселений, преобладало скотоводство — разведение коров и свиней, но занимались они также

и земледелием, хотя оно имело для них побочное значение. Наличие постоянных поселений не исключает того, что какая-то часть майкопского населения вела полукочевой образ жизни — во всяком случае модель кибитки, найденной в Ульском кургане, позволяет сделать такое предположение. В майкопских поселениях умели не только обрабатывать металлы, но также выплавлять бронзу из меди и мышьяка. Изображение горных вершин на сосуде из Майкопского кургана может быть свидетельством существования культа горных духов, который хорошо известен по позднейшим археологическим материалам Кавказа, а отчасти также выявляется этнографическими исследованиями.

Майкопская культура имела явные контакты с родственными ей культурами Закавказья, а через них также с Месопотамией. Но суждения об индоевропейской этнической принадлежности этой культуры, основанные на ее родстве с культурой индоевропейского народа хеттов, высказывавшиеся, в частности, одним из исследователей этой разновидности евразийской курганной культуры М. Гимбутас, не могут считаться более чем гипотезами. Вполне вероятным объяснением этого родства может быть несомненное присутствие в культуре и даже в самом этносе хеттов хурритского субстрата, родственного кавказскому.

На противоположном краю южной Европы, в юго-восточной Испании, выявлено существование еще одной высокоразвитой культуры бронзового века, сложившейся в середине III тысячелетия, — Мильярской, названной так по месту раскопок. Для этой культуры характерны укрепленные поселения. Засушливый климат плоскогорья повлек за собой сооружение цистерн для хранения воды и каналов, следы которых обнаружены при раскопках. Каналы, вероятно, использовались для орошения обрабатываемой земли путем регулирования паводковых вод. Мильярцы выращивали карликовую пшеницу, ячмень, лен. В раскопках обнаружены также следы выращивания основных культур Средиземноморья: маслин и винограда — оливковые и виноградные косточки. Таким образом, мильярцам, вероятно, были известны масло и вино. Занимались они и скотоводством. Существовала у них и медеплавильная металлургия, а также изготовление медных, золотых и бронзовых изделий. В раскопках найдены мастерские, в которых производились орудия из кости и камня. Миньярский регион поддерживал контакты с северной Африкой, откуда доставлялись слоновая кость и страусиные яйца,

скорлупа которых обнаружена при раскопках. У носителей миньарской культуры, судя по могильным сооружениям, существовал сложный ритуал погребений.

На Пиренейском полуострове существовала еще одна археологическая культура — Вила Нова, обнаруженная на юге Португалии, вблизи Лиссабона. Ее также характеризуют укрепленные поселения, плавка меди, изготовление медных, золотых и бронзовых изделий. Но культура Вила Нова сложилась не на плоскогорье, как родственная ей миньарская, а в долине, где условия для земледелия были более благоприятными ввиду плодородия почвы и влажности климата. Поэтому в ее хозяйстве земледелие играло более важную роль.

Высокого уровня развития на рубеже III и II тысячелетий достигла культура, археологические следы которой в изрядном числе керамических и бронзовых артефактов найдены на расположенных к северу от Сицилии Липарских, или Эоловых островах; человеческие поселения существовали там непрерывно с конца V тысячелетия до Р.Х. Некоторые черты этой культуры сближают ее с эгейским миром. Мифологическим и поэтическим отражением взаимоотношений между обитателями островов, второе название которых, «Эоловы», прозрачно указывает на их связь с одним из эллинских племен — эолийцами, стал включенный в «Одиссею» рассказ о гостеприимстве царя Эола, оказанном им заблудившемуся в поисках родной Итаки и странствующему по морям Одиссею.

Еще одним островным центром средиземноморской культуры была Мальта. М. Элиаде находил в ней черты, роднящие ее с мегалитическими культурами Британии и Пиренейского полуострова, заметив при этом, что «нигде, кроме как на Мальте, нет таких ярких образцов мегалитической архитектуры и таких выразительных свидетельств культа мертвых и почитания Великой богини. Раскопки обнаружили очень мало домов, но целых семнадцать храмов, и предполагается, что их было еще больше. Это подтверждает мнение некоторых ученых, что в период неолита Мальта была *isola sacra*. Большие эллиптические террасы, сооружавшиеся перед святилищами или между ними, явно предназначались для ритуальной хореографии и танцев во время процессий. Стены храма украшали чудесные спиральные барельефы; найдено также несколько каменных скульптур лежащих на боку женщин. Но самым сенсационным открытием была огромная

статуя сидящей женщины — несомненно, богини» (Элиаде, цит. изд., с. 151).

Культуры Майкопа, Липарских островов, Мальты, Миньяра и Вилы Новы на рубеже III и II тысячелетий опережали остальную Европу, но на самом высоком уровне развития стояли тогда народы, жившие на юге Балкан, на островах Эгейского моря и на Крите, культура которых имела очевидные генетические связи с Западной Анатолией. Там впервые в Европе и был совершен переход от примитивного общества к развитой цивилизации, от архаики к истории в собственном смысле слова.

3. Языки народов Европы рубежа III и II тысячелетий

В настоящее время коренные европейцы говорят на языках уральских, алтайских, нахско-дагестанских, абхазо-адыгских и изолированном баскском языке, а также, значительное большинство, — на индоевропейских языках.

За четыре тысячелетия лингвистическая карта Европы претерпела радикальные перемены, но о том, какой она была в канун появления первой европейской цивилизации, судить можно лишь весьма приблизительно. Только в начале II тысячелетия до Р.Х. в Европе у одного из ее народов, обитавшего на Крите, появилась письменность, которая однако еще не расшифрована. Прошли столетия, прежде чем на Крите и Пелопоннесе эта письменность, претерпев метаморфозу, приобрела новый вид, в котором она была недавно в основном разгадана, и это была уже письменность на раннегреческом языке. Хорошо известная письменность европейских народов Средиземноморья появляется только в первом тысячелетии до Христа. Письменные памятники более древних культур Востока не содержат сведений о европейских языках, разве только весьма скудные упоминания о европейских этносах. Так что языковая карта Европы рубежа III и II тысячелетий может быть только результатом умозрительных реконструкций и носить самый схематический характер.

Процессы появления новых языков и исчезновения ранее существовавших, происходившие в историческое время и происходящие в наши дни, делают в высшей степени вероятным предположение о существовании в Европе в прошлом, в том числе и за две тысячи лет до Р.Х., таких языков, которые исчезли без всякого наследства и безымянно и не имеют при этом родства с языками сохранившимися или с исчезнувшими, но факт существования

которых зафиксирован хотя бы в этнонимах их носителей вроде Геродотовых агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и будинов, обитавших в Восточной Европе, к северу от скифов.

Сопоставляя диахронически лингвистическую ситуацию в Европе в разные эпохи, а также учитывая великие и малые переселения, происходившие на протяжении веков, можно сделать вывод о том, что из существующих ныне в этой части света языковых семей только алтайская, которая включает в себя тюркскую, монгольскую и тунгусскую группы, не могла присутствовать в Европе в столь отдаленную эпоху — в III тысячелетии до Р.Х., ибо продвижение тюркских народов на запад происходило при свете истории и значительно позже. Есть все основания предполагать, что на языках, генетически родственных современным нахско-дагестанским и адыго-абхазским, говорили на северном Кавказе и четыре тысячи лет назад. Аналогичное заключение можно сделать и относительно языка басков применительно к юго-западной Франции, Пиренеям и, возможно, значительной части Пиренейского полуострова, при весьма вероятном предположении, что ареал распространения как кавказских языковых семей, так и языка или языков, к которым преемственно восходит язык современных басков, был значительно обширней.

Существует не лишенная оснований гипотеза о родстве баскского языка с языками Кавказа: нахско-дагестанскими, адыго-абхазскими и картвельскими, прямая генетическая связь между которыми также не вышла еще за границы гипотетических построений. Принятие этой гипотезы с неизбежностью влечет предположение о существовании сплошного пространства от Атлантического океана до Каспийского моря, на котором употреблялись отдаленно родственные языки, — пространства впоследствии разорванного вторжением носителей языков индоевропейской семьи.

На этой территории, отделяющей испанских иберов от автохтонных кавказских народов, один из которых, обитавший на западе Грузии и давший одно из наименований всей Грузии, также именовался иберами (иверами), в разные исторические эпохи проживали исчезнувшие впоследствии народы: лигуры — не только в современной итальянской Лигурии, но также на юге Франции, язык которых, бесспорно, не принадлежал к индоевропейской языковой семье, ретийцы в Альпах и этруски на Апеннинских полуостровах, языки которых также не были индоевропейскими, пеласги,

обитавшие на юге Балкан, лелеги и кавнии, которых античная историография сближает с создателями первой цивилизации на Крите, письменность которых не расшифрована, но говорившие на языке, о котором отрицательно известно только то, что индоевропейским он не был, наконец, хурриты в Леванте и урарты — на Армянском нагорье, языки которых состояли в убедительно доказанном отдаленном родстве с кавказскими языками, возможно также филистимляне, которые дали имя Святой земле — Палестине. И если даже непринадлежность некоторых из упомянутых тут языков к индоевропейской семье окажется мнимой, все-таки скудные и разновременные наличные лингвистические факты, включая выявленный неиндоевропейский языковой субстрат в известных индоевропейских языках, а также топонимические данные позволяют выделить большую средиземноморскую языковую семью. Некоторые исследователи при этом предполагают более тесную связь иберийских и кавказских языков внутри этой гипотетической обширной семьи.

Впрочем, дальнейшее родство упомянутых здесь живых и мертвых языков с языками индоевропейскими также имеет место. Выдающийся русский археолог и лингвист Н. Я. Марр, который, правда, склонен был к гипотезам слишком смелым, на грани с легкомысленным фантазированием, а в советскую эпоху компрометировал свои идеи безоглядным стремлением соответствовать идеологической моде и ради этого отвергал «буржуазную индоевропеистику», объединял индоевропейские языки с кавказскими и некоторыми другими из перечисленных здесь, выделяя яфетическую языковую семью, названную так по имени библейского Иафета. В более осторожном изложении концепцию Марра представил его ученик Ф. Браун, эмигрировавший в Германию.

Наконец, лингвистами из школы русского ученого Иллича-Свитыча доказано существование языковой макросемьи, получившей название ностратической, к которой, помимо яфетических языков, принадлежат также афро-азиатская (семито-хамитская), уральская, алтайская, дравидская языковые семьи и даже изолированные языки Дальнего Востока: корейский и японский.

Что же касается распространения уральских языков в Европе, то носители венгерского языка переместились в древнюю Паннонию всего только тысячу с малым лет назад, завершив в долине Дуная и Тиссы свой многовековой путь из дальнего Приуралья, где ранее, вероятно, обитали также близкородственные им манси

и ханты, которые продвинулись в восточном направлении и расселились в Сибири, в болотистых топях по притокам Оби, а собственно финские народы, вероятно, также населявшие некогда предгорья Урала, значительно раньше венгров выселились за пределы своего исконного очага и заняли обширные территории северо-восточной Европы, до Балтики на западе и по меньшей мере до Оки и верховьев Днепра на юге. Но это расселение бродячих охотников и рыболовов, в отличие от передвижения степняков и скотоводов венгров, не носило в себе ничего номадического и происходило исключительно медленно. Прафинны были носителями культуры ямочно-гребеночной керамики, которые четыре тысячи лет назад еще не выделились из уральской языковой общности. Ее дезинтеграция началась только в середине II тысячелетия до Р. Х. На крайнем севере Европы, равно как и в Сибири, расселились родственные им самодийские племена, четыре тысячи лет назад несомненно более многочисленные, чем их современные языковые потомки — ненцы.

Присутствие индоевропейских языков в Европе рубежа III и II тысячелетий сомнений не вызывает, но вопрос о европейской или азиатской прародине носителей индоевропейского праязыка остается дискуссионным. Очевидно также, что индоевропейские племена не занимали тогда в Европе всей той обширной территории, которую занимают их языковые и отчасти также биологические потомки в наше время.

4. Индоевропейские языки

Начиная по меньшей мере с рубежа II и I тысячелетий индоевропейские языки уже решительно преобладают в Европе, но их присутствие бесспорно имело место в этой части света и в конце III тысячелетия, после того как Европа пережила грандиозные перемещения человеческих масс, сопоставимые с великим переселением, обрушившимся на Римскую империю в IV веке от Р. Х.

Сам факт существования индоевропейской языковой семьи, которую называют также менее удачно индо-германской (в немецкой лингвистике) и арийской (некоторые англо-американские, а также немецкие филологи, главным образом во времена господства нацистов), в отличие от родства между близкородственными славянскими, романскими, тюркскими или семитскими языками, не очевиден непосредственным образом и потому явился открытием филологической науки, сделанным

на рубеже XVIII–XIX столетий английским ученым В. Джонсом, а также немецким филологом Ф. Боппом, доказательно обнаружившими родство санскрита, персидского, греческого, латинского и германских языков. Это открытие связано также с исследованиями датского лингвиста Р. К. Раска, который еще в 1817 г. опубликовал свой вывод о родстве греческого и латыни с германскими языками, с работами В. Гумбольдта, Ф. Шлегеля и Я. Гримма.

Впрочем, задолго до этого вдумчивые и наблюдательные ученые обращали внимание на отдельные факты языкового родства внутри этой семьи. Так, еще в конце XVI века Бонавентура Вулканиус обнаружил в немецком и персидском языках 22 одинаковых слова, что он наивно объяснял смешением немецкого языка с персидским.

Принадлежность к индоевропейской семье языков славянских и балтийских была выявлена в самом начале истории индоевропеистики, а вот принадлежность к этой семье также кельтских языков, грамматическая структура которых имеет существенные особенности, отличающие ее от остальных языков индоевропейской семьи, а также албанского и армянского ввиду многочисленных заимствований в первом из них из турецкого, а во втором — из турецкого и кавказских языков была выявлена лишь во второй половине XIX века. Наконец, уже в XX столетии были расшифрованы тексты, написанные на мертвых языках: близкородственных хеттском и лувийском, носители которых обитали в Анатолии, и тохарском, который в первом тысячелетии от Р. Х., по крайней мере, в VII столетии, когда на нем были написаны расшифрованные тексты, оставался еще в употреблении в Синьцзяне, где впоследствии поселились турки — уйгуры. И анатолийские языки и тохарский оказались также индоевропейскими. Расшифровка тохарского языка существенно изменила представление об ареале распространения индоевропейских народов.

Родство между индоевропейскими языками, помимо грамматических форм, в особенности очевидное в спряжении глаголов, обнаруживается также в лексике — прежде всего в личных и притяжательных местоимениях, в числительных, в словах, обозначающих родство, а также, в меньшей мере, в основных глаголах, в названиях животных, растений, орудий труда, охватывая примерно одну треть основного словарного фонда этих языков — живых и мертвых. В одних случаях эта общность лежит на поверхности, например русское «огонь» и латинский «ignis»,

в других — выявляется в результате филологических исследований — немецкое «Nacht», французское «nuit» из латинского «нох» и русское «ночь». При этом имеют место фонетические соответствия в словах разных языков, имеющих общее происхождение: так, в начале слова санскритскому bh соответствуют греческое ph, латинское f и немецкое, а также русское b (б) — bhratr, phrator, frater, Bruder, брат. Этимологически родственные слова в одних случаях имеют тождественное значение, как в приведенных выше примерах, в других их семантика разошлась. Так, русское слово «берег» имеет общее происхождение с немецким «Berg», которое однако обозначает гору.

От генетического родства следует отличать заимствования, как древние, так и позднейшие, которые не соотносятся с границами между языковыми семьями. Например, в русском языке много заимствований из не принадлежащих к индоевропейской семье тюркских языков, а также из языков латинского, греческого, немецкого или французского, хотя и принадлежащих к одной с русским языковой семье, но сам факт внедрения заимствованного слова от этого не приобретает никакого отношения к генетическому языковому родству, так что существование в русском языке слова «шлагбаум», одинакового с имеющим тот же смысл немецким словом, само по себе не является свидетельством действительно существующего родства наших языков. Впрочем, помимо заимствований относительно недавних или хотя и давних, но все-таки имевших место в уже историческое время, были и другие, восходящие к дописьменной фазе в истории языков и весьма древние, которые уже не всегда бывает легко отличить от проявлений генетического родства. Более того, это относится не только к лексике, но и к грамматическим формам, аналогии между которыми главным образом объясняются генетическим родством, но в некоторых случаях заимствованием либо параллельным развитием.

Индоевропейская языковая семья, как известно, разделена на группы языков, которые имеют между собой очевидное родство, воспринимаемое непосредственно, без каких бы то ни было лингвистических исследований, в том числе и филологически несведущим человеком. Если иметь в виду сохранившиеся поныне языки, то исчерпывающий перечень таких групп будет включать кельтскую, германскую, романскую, выросшую из латинского языка, который был некогда одним из итальянских

языков, славянскую, балтскую, иранскую, индоарийскую и нуристанскую группы, а также ныне изолированные внутри большой индоевропейской семьи языки: греческий, армянский и албанский. Благодаря прочитанным письменным памятникам, а также, при отсутствии памятников, благодаря сохранившимся в иноязычных текстах отдельным словам, благодаря топонимическому и ономастическому материалу, известно существование тохарского языка, хеттского с родственными и преемственно связанными с ним позднейшими анатолийскими языками: лувийским и лидийским, илирийской группы, к которой принадлежит и современный албанский, и, наконец, фракийских языков, ни один из которых не имеет доживших до наших дней преемников и представление о которых почерпается только по отдельным словам в иноязычных памятниках. Греческому языку был близок просуществовавший до эллинистической эпохи македонский язык, превратившийся затем в диалект греческого языка.

Некоторые из этих групп имеют особенно тесное родство, оно связывает балтские и славянские языки, так что вполне правомерно употребляется термин «балтославянские языки», а также иранские с индоарийскими и занимающими промежуточное положение между ними нуристанскими языками, на которых говорят немногочисленные жители гор северо-восточного Афганистана и примыкающего пакистанского пограничья. Языки этих трех групп принято называть индоиранскими.

Более тесные связи между другими языками и языковыми семьями, например греческим и итальянскими, славянскими и германскими, кельтскими и итальянскими, кельтскими и германскими, германскими и индоиранскими, армянским и иранскими, анатолийскими и индоарийскими, носят уже односторонний, а не универсальный характер. Проблематичность генетической природы этих связей не позволяет предложить еще один уровень классификации внутри индоевропейской семьи. Хотя некогда такой уровень классификации был общепризнанным в филологии.

Речь идет о разделении всей семьи на две основные ветви, идентифицируемые по фонетическим соответствиям — звук «с» или «к» в одной ветви соответствовал «s» в другой, и условно эти две ветви именовались по звучанию числительного «сто» в разных индоевропейских языках: одна ветвь именовалась кентумной — от *kentum* (*centum*) — на латинском языке, а другая сатемной — от «*satem*» — так произносилось слово «сто» на санскрите.

Все известные до начала XX века индоевропейские языки были в соответствии с этой классификацией объединены в две большие группы: в «сатемную» группу включили балтославянские и индоиранские языки, а также армянский и албанский, представляющий иллирийскую группу, и фракийские языки, известные в основном по топонимическим и ономастическим данным, остальные индоевропейские языки — германские, романские (италийские), кельтские и греческий — были отнесены к кентумной группе. В результате получилась классификация, которая, казалось, проливала свет и на историю расселения индоевропейских народов, потому что она находила соответствие в географии распространения этих языковых групп — за вычетом размещения народов на Балканах, где албанцы обитают западнее греков, в остальном получалась географически стройная картина: носители языков сатемной ветви живут на востоке, а кентумной — на западе индоевропейского ареала.

Но прочтение тохарских текстов опрокинуло прежнее представление о расселении индоевропейских народов. Оказалось, что тохары, жившие на крайнем востоке индоевропейского пространства, говорили на языке, относящемся к кентумной ветви, к ней же, как выяснилось, принадлежали и анатолийские языки, которые при этом однако обнаруживали значительную близость к индоиранским языкам, причем к санскриту большую, чем к иранским. Это обстоятельство заставило индоевропейцев критически отнестись к прежде принятой классификации, и в настоящее время большинство лингвистов уже не придает особенно важного значения фонетическому соответствию звуку «с» («к») и «s». Одной из версий интерпретации этого соответствия сторонниками сохранения ранее принятой классификации является гипотеза о том, что в период расщепления индоевропейского праязыка на диалекты произношение типа «сатем» характеризовало диалект, носители которого находились в центре ареала, а соответствующее ему «кентум, центум» было особенностью периферийных диалектов. Затем, когда в связи с территориальной экспансией диалекты превратились в отдельные языки, носители языков группы «кентум» оказались на крайнем востоке и западе обширной территории, населенной индоевропейцами, а языки «сатем» заняли срединное положение между ними.

Несмотря на позднейшие взаимные или односторонние заимствования и даже сближения между отдельными языковыми

группами, в целом эволюция индоевропейских языков, происходившая во времени, была, естественно, направлена в сторону углубления расхождений между ними. На более ранних этапах истории эти языки обнаруживают большее сходство, чем на более поздних. Так, древнегреческий, старославянский, готский и санскрит ближе друг к другу, чем современные новогреческий, болгарский, немецкий и урду. Но не следует представлять дело таким образом, что решающее значение имеет абсолютная хронология — это не так. Например, современный русский язык или современный исландский архаичнее, чем датский или болгарский, какими они были в XVII веке. Это связано с тем, что по разным причинам языки эволюционируют с разной скоростью. И, например, современный литовский язык по своей архаичности сопоставим только с санскритом, превосходя в этом отношении другие древние письменные языки — греческий и латинский — и даже недавно расшифрованный хеттский, на котором говорили во II тысячелетии до Р. Х.

Архаичность в данном случае обозначает близость к реконструируемому индоевропейскому праязыку. Трудными филологов-индоевропейцев этот праязык удалось реконструировать со значительной полнотой, отчетливостью и убедительностью. Впрочем, в последние десятилетия некоторые лингвисты скептически высказываются о самом факте существования индоевропейского праязыка, настаивая на гибридном происхождении языков, в том числе и тех, из которых выросли впоследствии известные индоевропейские языки, таким образом усматривая между ними скорее боковые связи, чем генетическое родство и решительно отвергая адекватность применения образа генеалогического древа для иллюстрации происхождения языков. Однако известные исторически факты языкового скрещивания происходили всегда таким образом, что один из языков доминировал при гибридизации: так, английский язык произошел из скрещивания древнеанглийского с французским, но грамматическую и лексическую основу гибрида — новоанглийского языка составил все-таки один из них — древнеанглийский. В румынском языке присутствует мощный пласт славянской лексики, и все же у этого языка латинская, романская основа. Так, очевидно, обстояло дело и с появлением в доисторические дописьменные времена новых индоевропейских языков — скрещивания имели место, но при этом индоевропейский праязык, а на следующих этапах

его трансформированные диалектные или уже совершенно обособившиеся самостоятельные варианты, составляли основу новообразованных языков, другие же языки, вступавшие в процесс гибридизации, выполняли роль языкового субстрата. А такие субстраты несомненно участвовали в формировании всех известных индоевропейских языков, составляя основной двигатель языковых трансформаций, хотя мало что можно сказать об этих исчезнувших и по большей части не оставивших отчетливо идентифицируемых следов субстратах.

Наилучшим образом сохранилась в лексике современных индоевропейских языков терминология родственных наименований и числительные. В праиндоевропейском не выявлено слова, обозначающего единицу, но дальнейший счет имеет следующий вид: *tuō*, *hrei*, *ketueor*, *penkte*, *sekhs*, *sephtm*, *okton*, *neuen*, *tekhm*. Праиндоевропейское слово *ken* значит род, родить и женщина, слово *photh* — муж и хозяин, *uidheu* — вдова. Ближайшее родство обозначается словами: *phther* (отец), *mahter* (мать), сын (*sunu*), *dhughter* (дочь), *bhrathr* (брат), *sesor* (сестра), *hanho* (дед), *han* (бабка), а также *sekruth* (свекровь) и *snuso* (сноха).

В основной словарный фонд праиндоевропейского языка входят также такие слова, как *sanhel* (солнце), *hasther* (звезда), *uet* (вода), *hoph* (богатство, имущество), *ghosth* (хозяин, гость, враг), *men* (мысль, разум), *aru* (молиться), *sakh* (священный), *khredheheh* (верить, буквально — класть сердце), *huei* (ветер, дуть), *seok* (видеть), *meĥ* (мерять), *phleu* (плыть), *pheth* (летать), *uesu* (хороший) *tus* (плохой), *legĥ* (легкий). Части тела на праиндоевропейском языке обозначались словами: *hauth* (лоб), *nas* (нос), *tuguh* (язык), *etont* (зуб), *mono* (затылок), *nob* (пупок).

Особый интерес с исторической точки зрения представляет та часть словарного фонда индоевропейского праязыка, которая позволяет делать некоторые предположения о месте обитания его носителей, условно говоря, праиндоевропейцев. Так географическую среду, в которой жили праиндоевропейцы или, если угодно, древние арийцы, характеризует наличие в праязыке таких слов как *hegr* (гора), *kel* (холм), *har* (река), *tek* (течь), *seu* (дождь), *sneigh* (снег), *gheim* (зима), *srik* (холод) *ter* (тепло). Фауна этой территории отражена в словах: *hrtko* (медведь), *ulko* (волк), *ulopek* (лиса), *khun* (собака), *khath* (кошка), *leuk* (рысь), *leu* (лев), *elen* (олень), *khas* (заяц), *ueiuer* (белка), *mus* (мышь), *eghi* (змея), *heor* (орел), *thether* (тетерев), *ghans* (гусь),

anth (утка), kherk (петух), bhei (пчела) и даже — ghnit (гнида) и khrmi (червь), а флора — в такой лексике, как deogu (дерево), bhergh (береза), perku (дуб), grobho (граб), hosp (осина), pheukh (сосна, пихта), meus (мох).

Праиндоевропейцы были скотоводами, поскольку в их языке присутствовала соответствующая лексика — houi (овца), qog (коза), guou (корова), ekuo (лошадь), su (свинья), porco (поросенок), temso (мясо), kreu (сырое мясо), sur (сыр), huln (чесать шерсть), pah (пасти), uester (пастух). Они знали колесный транспорт, используя повозки с запряженными лошадьми, об этом свидетельствует наличие в их языке слов: keoklo (колесо), uegh (ехать), iugom (ярмо, хомут, иго). В то же время они занимались и земледелием: к словарному фонду индоевропейского праязыка принадлежат слова had (зерно), pur (пшеница), ieuo (ячмень), lino (лен), amlu (яблоко), uoeino (вино), har (пахать), sehi (сеять), ham (жатва), mel (молоть), serp (серп), — и ремеслами, с которыми связаны такие правиндоевропейские слова, как huebh (ткать), siuh (шить), ues (одежда), haus (золото), aodhes (топор). И все же, как писал Гордон Чайлд, «в отличие от развитой пастушеской терминологии во всех индоевропейских языках сельскохозяйственные термины, общие для азиатских и европейских языков, встречаются крайне редко». (Чайлд Гордон. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2005, с. 109).

С пищей и ее приготовлением связаны слова et (есть), pherk (варить, печь), phur (огонь), sal (соль), selph (масло), medhu (мед). Жилища и поселения правиндоевропейцев характеризуют такие слова, как tom (дом), dhur (дверь) ueoikh (деревня, весь). В правиндоевропейском языке присутствует и военная лексика: rek (царь), iahuo (войско, народ), ensi (меч), seoru (добыча), uer (защищаться), phel (крепость).

На основании языковых и археологических данных, основательных и менее веских, либо исходя из национальных амбиций, прародину индоевропейцев искали в самых разных местах Европы и Азии. В XIX веке историки и филологи индоевропейцы, в частности Пикте, Шмидт, Роде, прародину ариев находили в степях Средней Азии, полагая, что оттуда одна группа переместилась в Европу, смешавшись там с доарийскими народами, а другая, собственно арии, на территорию Ирана и Индии. Отчасти эта версия объяснялась преувеличенными представлениями о древности санскрита, поэтому место обитания ариев виделось

в относительной близости к той территории, которая была потом завоевана ими. На рубеже XIX и XX столетий Куно, Бренер и О. Шрадер выдвинули гипотезу о северном Причерноморье как родине носителей праиндоевропейского языка, Зейбер находил ее в русской лесостепи. Немецкими учеными, лингвистом Хиртом, археологом Г. Коссиной, этнографом Мухом, была предложена экзотическая версия о севернонемецкой низменности как прародине ариев, подхваченная впоследствии нацистами и получившая официальный статус в Третьем рейхе. Между тем, казалось бы, здравый смысл должен был предостеречь от этой гипотезы — каким образом в лесах и болотах мог сложиться народ, по преимуществу скотоводческий и полукочевой, какими были действительные праиндоевропейцы. Зато эта мнимая прародина индоевропейцев была близка или даже совпадала с действительной прародиной древних германцев. Прародину арийцев отыскивали и в иных европейских странах — на юге Скандинавии — (Пеше, Пенк и Гордон Чайльд), в Англии — Тернам, на Балканах — Ратцель, на среднем Дунае, в Паннонии, — де Микелис, в Центральной и Восточной Европе — И. Тейлор.

Современные ученые, опирающиеся на результаты лингвистических, археологических и, в меньшей мере, антропологических исследований, прародину индоевропейских народов находят либо в Балкано-Карпатском регионе, либо в евразийских степях от Дуная до Алтая, либо в Передней Азии.

Наиболее убедительной представляется гипотеза В.В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе о локализации носителей индоевропейского праязыка в регионе, где соседствуют Южный Кавказ, Восточная Анатолия и Северная Месопотамия. Эта версия опирается на лингвистические данные, в особенности связанные с дендрологической и фаунистической лексикой в их сопоставлении с региональной палеозоологией и палеоботаникой, а также отчасти на результаты археологических исследований. Принятие этой гипотезы географически сближает прародину индоевропейцев с очагами формирования других древних ностратических языков — шумерского, афроазиатского, или семитохамитского, пракавказского, из которого выросли современные грузинский, нахско-дагестанские, абхазо-адыгские, а также древние хурритский, урартийский и, возможно, касситский языки и даже, в меньшей мере, дравидского праязыков. Такие праиндоевропейские слова, как *ekuо* (лошадь) *qog* (коза) *porco* (поросенок) *sur* (сыр), *medu*

(мед), *hvelena* (шерсть), *lino* (лен), *rughio* (рожь), *auig* (овес), *sel* (поле), *kulo* (колоть), заимствованы из языка прахурритов и прахатов. «Кроме того, — как пишет И. А. Емец, — часть своей земледельческой, скотоводческой и бытовой лексики индоевропейцы позаимствовали у прасемитов, шумеров и эламитов: *tauro* — бык, *agno* — ягненок, *sekur* — секира, *septm* — семь и другие» (И. А. Емец. Проблема происхождения индоевропейцев в свете новых данных. — Гордон Чайльд. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2005, с. 267).

Предположение этого автора, что контакты праиндоевропейцев с народами Ближнего и Среднего Востока имели место на Балканах и на территории Украины, представляется натянутым. Даже если создатели трипольской культуры могли быть носителями одного из перечисленных выше языков, то трудно вообразить, что все эти народы, включая шумеров, эламитов и даже прадравидов, оказались в V или IV тысячелетии до Р. Х. в таком удалении, причем все сразу, от исторически зафиксированных мест их обитания. Восточная Анатолия и Северная Месопотамия гораздо естественней подходят для роли региона языковых контактов и заимствований.

Наконец, версия В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе удобно согласуется с сохранившимися в памяти человечества и отраженными в Священном Писании воспоминаниями об Эдеме, который в книге Бытия топографически привязан к истокам Тигра и Евфрата, об Арарате, где высадился из ковчега праотец Ной, и с Вавилонской башней, где произошло смешение языков.

Индоевропейскую языковую семью, как известно, называют также арийской, а носителей индоевропейского праязыка — арийцами. В качестве самоназвания этот этноним зафиксирован у индийских и иранских народов, к нему восходит само название страны Иран, в трансформированном виде «иран» — он и поныне употребляется применительно к одной из ветвей осетинского народа. Этот же корень присутствует и в топониме Ирландия — Эйре. Ввиду географической удаленности Ирландии от Индии можно предположить, что этот этноним употреблялся в период существования индоевропейского праязыка, но было бы проявлением изрядного исторического легкомыслия и попрания принципа научной акривии утверждать, что самоназванием праиндоевропейцев было «арии». Ж. Дюмезиль употреблял этот этноним в его разных вариантах применительно к языковым и племенным

предкам индоиранских народов, но не к праиндоевропейцам: «Сначала, в доисторические времена, — писал он, — “член обширного коллектива *ari*” или “человек, обладающий правами и качествами типа *ari*» был назван *arua* без каких бы то ни было оттенков или сужения значения. На этой стадии развития остановились иранцы, утратив слово *ari*. *Arua* тогда означало в широком смысле «арий» в противопоставлении варвару непокоренных земель (*dasa*, *dasyu*), а вскоре и поработанному туземцу колонизованных земель (*sudra*)» (Ж. Дюмезиль. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986, с. 180).

Характеризуя структуру религиозных верований праиндоевропейцев, М. Элиаде писал: «Уже при начале исследований был выявлен индоевропейский корень *deiwos* — “небо” в терминах, обозначающих «бога» (лат. *deus*, санскритск. *Deva*, иран. *div*, лит. *dievas*, древнегермск. *tivar*), и в именах главных богов: Дьяус, Зевс, Юпитер. Понятие бога связывается с небесной сакральностью, т. е. со светом и «трансцендентностью» (высотой), а в широком смысле — с идеей полновластности и творчества в его прямом выражении, т. е. с космогонией и отцовством. Небо (или Бог Неба) прежде всего Отец: ср. индийский Дьяус-питар, греческий Зевс Патер, иллирийский Дайпатурес, латинский Юпитер, скифский Зевс Папай, фрако-фригийский Зевс Паппос. Поскольку небесные и атмосферные иерофании играют здесь главную роль, не удивительно, что известное число богов называется словом, обозначающим гром: германский Донар, Тор, кельтский Таранис (Танарос), балтийский Перкунас, протославянский Перун... Точно так же и огню, вызванному молнией, приписывается небесное происхождение. Культ огня — характерный элемент индоевропейских религий; имя одного из главнейших ведийских богов — Агни — повторяется в латинском *ignis*, литовском *ugnis*, старославянском огонь. Равным образом можно предположить, что солнечный бог занимал главное место в пантеоне еще с доисторических времен (ср. ведийск. Сурья, греч. Гелиос, древнегерм. *sauil*, старослав. Солнце — все эти термины обозначают солнце)» (Элиаде, цит изд., с. 235–236).

Ж. Дюмезиль, опираясь главным образом на текст «Ригведы», но используя также мифологический материал других индоевропейских народов, выдвинул концепцию триады уровней вселенной и функциональной триады богов, лежащей в основе праиндоевропейской мифологии: «Интересующий нас список богов

основан на трех функциях — отправлении сакральных действий, военная деятельность и экономика, — иерархизированная гармония которых необходима для жизни общества; именно эти три функции в разных точках индоиранского ареала (см., в частности, широко известную индийскую классификацию брахманы — кшатрии — вайшьи) привели к реальному или идеальному разделению членов общества на жрецов, воинов и производителей материальных благ» (Дюмезиль, цит. изд., с. 25). В пример можно привести также разделение кельтского общества на жрецов друидов, военную аристократию и свободных людей, или «владельцев коров» (*bo airig*). Ту же трехчастность иллюстрирует капитолийская триада богов: Юпитер, Марс и Квирин, а также скандинавская, или древнегерманская, религия с почитанием Одина, героического бога Тора и покровителя плодородия Фрейра.

Дезинтеграция единого индоевропейского праязыка на диалекты, обособившиеся затем в отдельные языки, могла начаться на прародине индоевропейцев, но затем происходила в несомненной связи с их расселением и метисацией с носителями инородных языков, проживавшими на тех территориях, куда переселялись отдельные группы индоевропейцев. Первичное расщепление произошло, весьма вероятно, в конце IV тысячелетия до Р.Х. и продолжалось в следующем тысячелетии, в результате чего на рубеже III и II тысячелетий, выбранном нами в качестве хронологической точки отсчета, уже существовали в качестве самостоятельных праязыки известных ныне индоевропейских языковых семей — кельтской, иллирийской, фракийской, на этом историческом рубеже, очевидно, еще не произошло разделения индоиранской и балтославянской языковых семей на соответственно индоарийскую и иранскую и балтийскую и славянскую семьи, хотя существует в индоевропеистике и иная точка зрения, не представляющаяся, впрочем, убедительной, о том, что близкое родство балтских и славянских языков не имеет генеалогической природы, а явилось следствием позднейших тесных контактов.

Можно также предполагать, что на рубеже III и II тысячелетий прагерманский и прабалтославянский языки еще не разошлись настолько далеко, чтобы их носители совершенно не понимали друг друга. Аналогичные предположения можно также делать относительно еще сохранявшейся в эту эпоху относительной близости праэллинского и праиталийского языков либо

праиталийского и пракельтского, но, как представляется, при этом одно предположение исключает другое.

В процессе своего расщепления праязыки индоевропейских семей в разной мере подвергались влиянию языковых субстратов, наименьшему — балтославянский язык, который поэтому на рубеже III и II тысячелетий может быть охарактеризован еще как поздняя форма праиндоевропейского языка, но объясняется это вовсе не тем, как это можно было бы предположить, что балтославяне остались на языковой прародине индоевропейцев, а скорее тем, что на территории формирования балтославянского языка присутствовали относительно малочисленные носители инородных языков, хотя это, конечно, всего лишь проблематичное предположение.

О передвижениях индоевропейских племен и их распространении на обширных пространствах Евразии судить можно, сопоставляя лингвистические, в том числе наиболее древние палеографические, данные с результатами археологических исследований и, в меньшей мере, также с палеантропологическими материалами, которые в настоящее время опираются и на исследования в области генетической антропологии. Всех этих данных однако недостаточно, чтобы в рассуждениях на эту тему выйти за пределы только гипотетических построений, поскольку связи между локализованными археологическими культурами и носителями тех или иных языков носят относительный характер, иначе говоря, с одной стороны, одна и та же археологическая культура часто создавалась разноязычными племенами, а с другой — носители близкородственных языков могли принадлежать совершенно разным культурам, примеры чего можно наблюдать во множестве и в эпохи исторические, в том числе и в наше время. Еще более относительна связь между носителями одного и того же языка и определенными расовыми типами.

Тем не менее один из возможных вариантов расселения индоевропейцев можно представить в виде такой схемы. После выселения большей части носителей индоевропейского праязыка из прародины, которое, как и позднейшие переселения, вызвано было, очевидно, главным образом климатическими изменениями либо перенаселением, затруднявшими в том и другом случае хозяйственную жизнь на исторической родине, в восточной Анатолии остался народ, языковым наследником которого стали хетты, переместившиеся затем в центральную и западную часть

Анатолии, и впоследствии лидийцы и лувийцы, возможно также митаннийцы, о языке которых судят по нескольким словам и, что более характерно, по именам божеств, почти совпадающим с именами из индоарийского пантеона. При этом субстратами хеттского и других анатолийских языков, способствовавшими их обособлению, стали кавказские праязыки, а также родственные им языки хаттов, хурритов и урартов. Версия о том, что предки хеттов не участвовали в позднейшей миграции основной массы индоевропейцев, имеет основания не только в области исторической географии, но и лингвистики. Как писал О. Р. Гарни, «там, где в языках прочих десяти ветвей образовались общие инновации, в хеттском языке сохранились следы архаических форм», и на этом основании им высказывается гипотеза, что «хеттская ветвь отделилась от праязыка раньше прочих» (О. Р. Гарни. Хетты. Разрушители Вавилона. М., 2009, с. 151).

Возможно, хотя это и более проблематично, что на прародине остались также языковые предки армян, переместившись впоследствии в противоположном направлении — на восток и север. Во всяком случае территория древнего Хаяса, несомненной прародины народа хайков, армян, расположена в зоне культурного влияния хеттской цивилизации. До известной степени этой версии препятствует значительная близость армянского языка с языками иранскими, хотя она, конечно, могла происходить из позднейших контактов уже на месте исторически зафиксированного расселения армян, а также предполагаемая некоторыми индоевропейцами принадлежность армянского языка к фракийской группе, ни один из языков которой, впрочем, ввиду отсутствия текстов не известен — лишь топонимические и ономастические данные и отдельные слова в иноязычных текстах позволяют относить фракийские языки к индоевропейским.

Предположение, разделяемое также В. В. Ивановым и Гамкрелидзе, о том, что носители эллинского и фракийского праязыков переселились из общей индоевропейской прародины через Босфор и Дарданеллы, а также через острова Эгейского моря на места их исторически известного обитания, встречает почти непреодолимые затруднения как ввиду хорошо известного передвижения дорийских племен по Балканам с севера на юг — не могли же дорийцы, чей язык имел лишь диалектные отличия от ахейского и ионического в течение многих веков обитать врозь с ними, в значительном удалении от ахейцев, — так и ввиду

несомненного тесного родства греческого языка с латинским, а того, в свою очередь, с кельтскими, для которых местом обитания до их переселения на исторически известные места расселения была Центральная Европа — Карпатский регион и север Балкан.

Основная масса индоевропейцев, включая также языковых предков эллинов, переселилась из Восточной Анатолии в евразийские степи, при этом даже, вероятно, не через Кавказский хребет, а обойдя Каспий с юга и востока. Промежуточной станцией на этом пути могли быть предгорья Копет-Дага на юге Туркмении с их древними культурными центрами в Геоксюрте и Анау, автохтонное население которых должно было в этом случае частично или полностью ассимилироваться праиндоевропейцами. Весьма возможно, что после передвижения на север большинства носителей индоевропейских диалектов какая-то часть их осталась на прежнем месте обитания, в предгорьях Копет-Дага, и была впоследствии ассимилирована иранскими племенами, выделившимися из индоарийской семьи, образовавшейся после раздробления индоевропейской общности.

В евразийских степях первоначальным местом обитания индоевропейцев была территория от устья Дуная или Днестра до южного Приуралья и Оренбургских степей — совпадающая с существовавшей здесь в III тысячелетии до Р.Х. древнейшей культурой. Потесненные впоследствии на западе носителями инородной катакомбной культуры, индоевропейцы, или, что то же, древнейшие племена, разделились на две ветви: восточную, расселившуюся на огромном пространстве от Алтая до Волги, занявшую большую часть современного Казахстана, южный Урал, и ввиду особенностей местной географической среды ставшую в большей мере, чем были их предки на прародине, скотоводами, полукошечниками и кочевниками, хозяйственный быт которых приближался к хорошо известному нам по античным описаниям образу жизни позднейших скифов и сарматов, — и западную, собственно европейскую ветвь, в хозяйственном быту которой преобладание скотоводства над земледелием было не столь тотальным.

При этом на севере своего ареала восточные индоевропейцы контактировали с праугро-финнами, на востоке с алтайскими народами, которые впоследствии разделились на тюрков, монголов и тунгузов, а на северо-востоке даже и с енисейцами (динли-нами китайских памятников), прямыми языковыми потомками

которых являются сохранившиеся поныне малочисленные кеты — в их языке есть некоторые параллели с праиндоевропейским языком. Во второй половине III тысячелетия восточная ветвь индоевропейцев разделилась на крайне восточную, переместившуюся впоследствии в Восточный Туркестан, или Синьцзян, — тохарцев, и индоиранскую, которая до середины II тысячелетия успела разделиться на индоариев и иранцев, а также нуристанцев. Этот хронологический рубеж выводится из того обстоятельства, что в разные угрофинские языки, которые выделялись из праугрофинской языковой общности именно в эту эпоху, заимствованы не индоиранские, а уже иранские слова. Из евразийской степи индоарии переселились в долину Инда, несомненно, ранее, чем это сделали западные иранцы, которые переместились на юг, перейдя через Копет-Даг, пройдя путем их дальних языковых предков в обратном направлении, оставив в евразийской степях своих ближайших собратьев — восточных иранцев, прямых предков массагетов, саков, а также скифов, сарматов, аланов, от которых произошли современные осетины и пуштуны. Ареал их обитания в середине II тысячелетия приблизительно совпадал с территорией распространения срубной культуры, носителями которой и были очевидно они, ассимилировавшие частично или полностью носителей катакомбной культуры. На своем пути на юг в горных долинах Гиндукуша остановились нуристанцы, языки которых восходят к еще не расчлененному индоиранскому языку.

Необходимо однако заметить, что предлагаемая здесь схема не объясняет значительной языковой близости индоариев и хеттов. Можно однако предполагать, что в какой-то период, в конце III или начале II тысячелетия, индоарии на своем пути из евразийской степи на юг соприкоснулись с хеттами — в этом случае самый маршрут их передвижения должен быть представлен не кратчайшим, но значительно отклоняющимся на запад, вплоть до Загросских гор, возможно также, что этот путь пролегал не по восточному, а по западному берегу Каспия и связан был с преодолением перевалов Большого Кавказского хребта. Своеобразным следом такого соприкосновения может служить гипотетический язык митаннийцев, известный исключительно именами своих царей и богов, почти идентичных с именами из индоарийского пантеона: Митрашиил, Урунашил, Индара и Насаттиана.

5. Этногенез в Европе

Западная ветвь индоевропейцев из ареала распространения древнеямной культуры переместилась на север — на территорию Белоруссии, Прибалтики, верховьев Днепра, Оки и Волги, а также в сторону Центральной Европы, расселившись в верховья Эльбы, Одера и Вислы, на Карпатах, в бассейнах среднего Дуная и Днестра и на севере Балкан — в регионе, частично совпадающем с ареалом культуры шаровидных амфор, где во второй половине III тысячелетия произошла дезинтеграция этой языковой общности на пракельтский, праиталийский, праиллирийский, прафракийский, праяллинский и прагерманский языки. Балтославянский язык этой эпохи представлял собой позднюю стадию развития праиндоевропейского языка, при этом значительная близость балтославянского, а еще более восточнославянского языка с иранским объясняется не генетической связью балтославянских и индоиранских языков, которая постулировалась в пору господства в филологии дихотомической концепции кентумной и сатемной ветви, а их позднейшими контактами в степях северного Причерноморья.

Не только возможно, но и вероятно существование также и иных индоевропейских языков и языковых семей, о которых ничего неизвестно положительным образом или известно слишком мало. Одним из подобных примеров являются венеты, если, конечно, не отождествлять их ни со славянами, ни с иллирийцами, ни с италиками, как это делают некоторые ученые. Во всяком случае, центральноевропейская гидронимика — Влтава, Сава, Драва, Морава — звучащая как родная речь для славянского уха и все-таки не славянская и не принадлежащая лексике ни одного из известных индоевропейских языков, хотя и несомненно индоевропейская, но в то же время не праиндоевропейская, — гипотетически может считаться венетской.

На рубеже III и II тысячелетия индоевропейские племена распространили ареал своего обитания во всех направлениях, заняв приблизительно ту территорию, которая археологически идентифицируется культурой шнуровидной керамики, шаровидных амфор, возможно также и колоколовидных кубков, культура которых сложилась однако вне индоевропейского языкового мира. Зона расселения индоевропейских племен в Западной Европе на рубеже III и II тысячелетий не охватывала еще европейского юга — большую часть Пиренеев, Апенинского полуострова

и Пелопоннеса — на западе континента ареал обитания индоевропейцев мог приблизительно совпадать с территорией культуры колоколовидных кубков, хотя принадлежность носителей культуры колоколовидных кубков к индоевропейцам сомнительна. Видный археолог Т. Пауэлл по этому поводу писал: «Принятое в Британии положение о том, что носители культуры колоколовидных кубков принадлежали к индоевропейской группе, часто служило основой для выдвижения различных лингвистических предположений, в настоящее же время представляется очевидным, что создатели смешанной культуры колоколовидных кубков и боевых топоров переняли речь скорее у своих восточных предков, нежели у западных» (Пауэлл Теренс. Кельты. Воины и маги. М., 2004, с. 36). На западе Европы решительно преобладали тогда еще не индоевропейские, а древнеевропейские языки, которые с осторожностью можно сближать с языками басков и кавказскими.

Видимо, ни одна из европейских археологических культур не была этнически и лингвистически монолитной, и во всех случаях можно постулировать лишь относительную связь носителей той или иной культуры с определенными этносами или группами этносов. Очевидно также, что этническая карта Западной Европы несводима к древнеевропейскому населению, родственному лингвистически с древними иберами и современными басками. На севере Германии, в Нидерландах, на северо-западе Франции, а также в Скандинавии обитали до прихода туда индоевропейцев племена, антропологически идентифицируемые как носители признаков нордической расы, которую некоторые антропологи и историки ошибочно отождествили с расовым типом древних ариев. Сближение арийцев с нордической долихоцефальной расой — плод аберрации, навеянной впечатлениями от позднейшего проникновения в Европу брахицефалов с примесью монголоидных черт. О языках действительных носителей признаков нордической расы ничего неизвестно, но гипотетически с этими языками можно связывать неиндоевропейский субстрат германских, а также кельтских языков.

Нет данных, которые бы позволяли выявить антропологический тип действительных праиндоевропейцев. Определенно можно сказать только то, что праиндоевропейцы в расовом отношении были европеоидами, и не более того. В Европе это был антропологически слишком тонкий слой, растворившийся в значительно

преобладавшей, если так можно выразиться, генетической массе автохтонного населения, расовый состав которого сложился до прихода индоевропейцев на запад и начала их языкового доминирования. Как верно заметил историк, лингвист и антрополог XIX в. И. Тейлор, «многие из фонетических и грамматических отличий, которыми различаются арийские языки, обязаны своим происхождением тому факту..., что народы арийского языка принадлежат не к одной расе, но ко многим расам, в отдаленные времена променявшим свой первобытный язык на язык арийских завоевателей» (Тейлор Исаак. Славяне и арийский мир. М., 2009, с. 247). А сам этот переход автохтонов на язык немногочисленных пришельцев явился одним из следствий чреды завоеваний, причина которых связана была, вероятно, с употреблением конницы в бою.

Еще одна из причин покорения индоевропейцами, или арийцами, автохтонов Европы, стоявших на более высокой ступени технологического прогресса и культуры, как считал М. Элиаде, заключалась в том, что психотип этих народов сохранил в себе черты охотников палеолита. «Через несколько тысячелетий после победы земледельческой экономики *Weltanschauung* (мировоззрение) первобытных охотников снова скажется в истории. Вторжения и завоевания индоевропейцев и тюрко-монголов будут предприняты исключительно под знаком охотника, “хищника”. Члены индоевропейских военных союзов (*Maennerbuende*) и кочующие всадники Центральной Азии вели себя в отношении оседлого населения, на которое они нападали, как хищники, — преследуя, душа и пожирая степных травоядных или домашний скот. Многочисленные индоевропейские и тюрко-монгольские племена носили эпонимы хищных зверей (прежде всего волка) и вели свое происхождение от териоморфного мифического предка. Воинские инициации индоевропейцев предполагали ритуальное превращение в волка: парадигматический воин усваивал поведение хищника» (Элиаде Мирча, цит. изд., с. 50–51).

Характерные черты культуры индоевропейцев, не исключительно им принадлежащие, однако типичные для этих народов, все-таки могут быть выделены — это солнечный культ, кремация трупов, сооружение погребальных курганов, преобладание скотоводства над земледелием и, наконец, не только хозяйственное использование лошади, но и боевое применение конницы. Антипризнаками для индоевропейских племен, по крайней мере

до их позднейшей культурной ассимиляции древнеевропейскими аборигенами, могут считаться культ богини-матери, употребление крашеной керамики, а также преобладание земледелия над скотоводством.

Европейские народы не остались вне поля зрения писателей Священных Книг Ветхого Завета. Среди библейских упоминаний этих народов особенную значимость имеет родословие потомков Иафета из книги Бытия (10-я глава). Так, имя сына Иафета Гомера можно сближать с этнонимом киммерийцев, которые, по одной версии, были носителями одного из иранских, по другой (Л. Н. Гумилев) — кельтского языка, в этом случае их отождествляют с древними кимрами, место обитания которых было значительно удалено от исторически известных киммерийцев, а по третьей (М. И. Ростовцев) — с фракийцами. Имя его брата Иавана связано с этнонимом ионийцев — одного из эллинских племен, и до сих пор переносимым на Востоке на весь греческий народ — на персидском языке и по-турецки Греция называется Янистаном, имя еще одного сына Иафета Фираса, вероятно, связано с фракийцами. Имя сына Гомера Аскеназ в позднейшем употреблении служило обозначением народов Западной Европы, по преимуществу германцев — отсюда идет и наименование европейских евреев ашкенази. Имя сына Иавана Елисы очевидным образом связано с эллинским племенем эолийцев, а имя его брата Киттима воспроизводит столицу древнего Кипра Киттион. В родословной Иафета перечисляются также имена его потомков, которые связаны с этнонимами индоевропейских народов, обитавших в Азии: так, сын Иафета Мадай прозрачным образом напоминает этноним мидийцев, сына Гомера Фогарму Моисей Хоренский считал родоначальником армян.

6. Демографическая ситуация в Европе

Доисторический период был, естественно, и достатистическим. Нет никаких сведений хотя бы о локальных переписях этой эпохи. Поэтому суждения о численности населения Европы рубежа III и II тысячелетий до Р. Х. и о его размещении, о плотности населения отдельных регионов могут быть лишь гипотетическими и крайне приблизительными. И опираются они исключительно на самые общие соображения относительно соотношения территории, минимально необходимой для прокорма населения,

занимающегося охотой, рыбной ловлей, а также примитивным земледелием и скотоводством, на демографические параллели с примитивными культурами и экономиками, сохранившимися в исторический период, в том числе и до наших дней — в центральной Африке, в бассейне Амазонки, в пустынях Австралии, жители которой, каковыми их застали поселившиеся там европейцы, стояли однако на несравненно более примитивной стадии культурного развития, чем большая часть европейского населения рубежа III и II тысячелетий, а также на некоторые фрагментарные статистические сведения, относящиеся к более поздней эпохе, когда в Европе уже существовали цивилизации, иными словами, к античному миру.

Численность всего человечества за два тысячелетия до Р. Х. оценивается приблизительно в 75 миллионов, при этом распределено оно было, как и ныне, неравномерно: в основном оно было сосредоточено в бассейнах Янцзы, Хуанхе, Ганга, Инда, Нила, Тигра и Евфрата. В Европе в ту эпоху не существовало сопоставимых по концентрации населения культурных центров. Поэтому все население Европы четыре тысячи лет назад едва ли достигало 10 миллионов, более реалистично оно может быть оценено в 7 миллионов. Большая часть его расселилась на теплом европейском юге — в предгорьях Кавказа, на Балканах, в Италии и в Испании, на средиземноморских островах. При этом около 2 миллионов человек могло обитать на территории современной Греции, в культурном отношении наиболее развитом уголке южной Европы, расселившись главным образом на Пелопоннесе, Крите и на островах Архипелага.

Глава 3. Критская цивилизация

1. География Крита и островов Эгейского моря

Очаг древнейшей европейской цивилизации — остров Крит, составляющий южный предел Архипелага и обращенный к северу, к островам, своими важнейшими гаванями. Вдоль всего острова протянулся горный хребет, вершины которого достигают более двух тысяч метров высоты над уровнем моря, а склоны покрыты лесом из кедра, сосны, кипариса и дуба, к северу и югу от хребта лежат равнины, пригодные для земледелия. Лето на Крите долгое и жаркое, а зима средиземноморски мягкая. Дожди выпадают редко — зимой и летом

небо чистое, солнечное, насыщенно голубого цвета. На равнине и на высокогорных плато издревле выращивают злаки, в особенности ячмень и пшеницу, а также оливки, на холмах и в предгорьях растут виноград, инжир и другие средиземноморские фрукты. На горных плато много удобных пастбищ. Прибрежные воды изобилуют рыбой, в особенности тунцом. С острова Милоса критяне ввозили обсидиан — легко расщепляющийся стекловидный вулканический материал, исключительно ценный в эпоху неолитической индустрии.

Климат и флора на лежащих к северу от Крита Кикладских островах, на Кифере, Родосе и Карпатосе, на Северных и Южных Спорадах, на Хиосе и Лесбосе, на островах, расположенных в северной части Эгейского моря, не многим отличаются от критских, но небольшие размеры этих островов делают их лучше проветриваемыми и не столь жаркими в летнюю пору. На некоторых из них добывают золото и серебро. Жителям мелких островов, ввиду отсутствия пашенной земли и пастбищ, оставалось только жить рыболовством.

Многочисленные острова Архипелага расположены в столь тесной близости друг от друга, что, путешествуя морем, путники всегда на горизонте видят кромку суши, так что морские пути в этой части Средиземного моря наименее опасны, даже когда пользуются технически примитивными судами. «В Эгейском море нет точки, удаленной от суши более чем на 60 км», при этом «под лазурным небом, в прозрачном воздухе глаз морехода различал гористый островок на расстоянии 150 км. Он казался ему “щитом, положенным на море” (Боннар Андре. Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. М., 1992, с. 35). Для мореплавателей большое удобство заключается также в существовании на островах многочисленных бухт, в которых можно укрыться не только от бурь, но и от пиратов или неприятелей. Острова удобно сближают континентальную Грецию с Малой Азией.

За пределами Эгейского моря и на расстоянии менее тысячи километров от Крита лежит самый большой остров восточного Средиземноморья — Кипр, богатый медными рудами, а за ним открывается Финикийское и Сирийское побережье с их древними цивилизациями; еще ближе к Криту расположены берега Ливии и Египта, культура которого в III и II тысячелетиях до Р.Х. стояла на самом высоком уровне в мире.

Острова Ионического моря — Керкира, Лефкада, Итака, Кефалления, Закинф — делают относительно безопасным морской путь от Крита до юго-восточных берегов Апеннин. Но самые короткие и удобные пути связывают Кипр с Архипелагом и материковой Грецией, и так было во все века его истории.

2. Доисторический Крит и Архипелаг

Начало критской цивилизации восходит к рубежу III и II тысячелетий до Р.Х., но этнические создатели этой цивилизации поселились на острове на тысячу лет раньше. По палеантропологическим данным это были коренастые, малорослые люди с долихоцефальными черепами и удлинёнными лицами. Такой же расовый тип преобладал тогда и на Кикладах. Судя по особенностям керамической индустрии этого народа, он вышел из Малой Азии. На Крите он ассимилировал туземное население, умевшее строить большие дома из обожженного и не обожженного кирпича, образовавшее агломерации полугородского типа и наделенное художественным талантом — древние обитатели Крита умели делать из камня и глины выразительные антропоморфные фигурки. Переселенцы селились по преимуществу около моря или прямо на берегу, они строили для себя такие же большие дома, как и критские автохтоны, с большим числом комнат, а для покойников сооружали двухкамерные гробницы. Эти же типы построек для живых и умерших сохранились на Крите и во времена расцвета критской цивилизации, вплоть до XIV столетия до Р.Х.

С новым этносом связано начало энеолита на Крите. Переселенцы изготавливали из меди, которая ввозилась с Кипра, ритуальные двойные топоры, кинжалы, пилы, зеркала. Из золота делали украшения и изящные печати. Ко второй половине тысячелетия относится переход от эпохи энеолита к бронзовому веку, появление оружия и орудий труда из бронзы. В это же время совершился переворот в керамической индустрии — у культурных народов Египта, Малой Азии или Сирии был заимствован гончарный круг. Около 2200 г. медленный гончарный круг уступает место быстро вращающемуся кругу. Археологами найдены на Крите изделия из слоновой кости и фаянса, стилистически близкие египетским артефактам. В III тысячелетии критяне возделывали оливковые плантации и виноградники, разводили длиннорогих быков.

Население Крита быстро росло в конце III тысячелетия — на востоке острова и на его центральной равнине, вокруг Кносса и Феста, на морских берегах создаются многочисленные новые поселения. В конце III тысячелетия в районе Феста появились новые пришельцы, для культуры которых характерны захоронения в круглых постройках диаметром до 12 метров — в каждой из них найдено было по несколько сотен скелетов; вероятно, это были родовые усыпальницы. Эти склепы напоминают более поздние ливийские мапалии, из чего можно предположить, что новые поселенцы были выходцами из Ливии, но заметного влияния на минойскую цивилизацию их культура не оказала, так что этот народ вначале представлял собой инородное и изолированное вкрапление на острове, а потом, вероятно, был ассимилирован местным населением.

Культура Кикладских островов III тысячелетия до Р. Х. обнаруживает родственные черты с критской. Жилища переселенцев на Киклады были меньше по размерам, чем на Крите, вероятно, это объясняется тем, что Киклады до поселения там выходцев из Малой Азии оставались безлюдными, а переселенцы на Крит научились строить большие дома у критских автохтонов. Кикладцы хоронили покойников, зарывая их связанными в землю либо полагая в маленькие склепы. Из мрамора и других камней они делали вазы и женские фигурки, подвергая их при этом искусной шлифовке. Из обсидиана, который добывался на Милосе и развозился по всем островам Архипелага, изготавливали орудия труда. Кикладцы строили многовесельные корабли с высоким носом, которые могли развивать быстрый ход, были искусными мореплавателями и бороздили на своих судах не только Эгейское море, но совершали и дальние плавания в Египет, на Кипр, к берегам Сирии и Финикии, до Сицилии и Апеннин. Ввиду скудости обрабатываемой земли на каменистых островах рыболовство, морская торговля и пиратство поддерживали существование людей не в меньшей мере, чем земледелие, разведение скота и ремесла.

В конце III тысячелетия на Кикладах и других островах Архипелага появляются городские поселения, причем, в отличие от критских городских агломераций, на островах вокруг них нередко воздвигаются массивные крепостные стены: такими были города Полиохни на острове Лемносе, Ферми на Лесбосе, особенно мощные циклопические крепости выстроены были на островах Сиросе, Кеосе и Наксосе.

В этническом отношении обитатели Кикладских островов отличались от критян, но, вероятно, все-таки принадлежали к родственным им племенам, равно как и жители континентальной Греции, с которыми они поддерживали тесные торговые отношения. Геродот отождествляет островитян с карийцами, которые ранее, по нему, назывались лелегами и которые в его времена обитали в Малой Азии, являясь в его представлении варварами, то есть не принадлежа к числу эллинов. В египетской терминологии это все были «народы островов», которые не только вели морскую торговлю с Египтом, но часто совершали против него разбойничьи набеги. Отсутствие надежных лингвистических данных не позволяет делать веские выводы относительно языкового родства этих народов с другими, жившими на примыкающих территориях, но общеисторический и археологический контекст позволяет с известной степенью осторожности сближать их с филистимлянами, тысячелетие спустя поселившимися на Святой земле, которой они дали одно из ее наименований — Палестина.

3. Начало минойской цивилизации на Крите

Крит — родина первой и в Европе. Переход к ней от примитивной культуры совершился здесь на рубеже III и II тысячелетий до Р. Х. Ее название — минойская — идет от полулегендарного царя Миноса, известного из античной греческой литературы и мифов, в которых, вопреки предубеждениям историков позитивистского направления с их гиперкритическим отношением к источникам и совершенным пренебрежением мифологией, занимательная фантастика расцвечивала достоверную историческую основу. Наряду с результатами археологических раскопок, сведениями, почерпаемыми из источников, принадлежащих к иным и несравненно лучше документированным культурам, прежде всего египетской, античная мифология, отразившаяся в поэмах Гомера и в античной историографии, служит одним из главных кладезей сведений о минойской культуре Крита.

Миф, в котором упомянут Минос и знаменитый критский лабиринт, пересказан Плутархом в его биографии полулегендарного Тесея, сына афинского царя Эгея. Во времена этого царя афиняне должны были раз в девять лет посылать на Крит могучему талассократу, правителю моря, Миносу страшную дань — семь юношей и семь девушек, которых запирали в огромном дворце — лабиринте, где их пожирало чудовище с головой быка

и туловищем человека — минотавр, родившийся от противостественной связи супруги Миноса Пасифайи с быком, которого Посейдон подарил талассократу.

Тесей решил отправиться с отобранными в жертву афинскими юношами и девушками на Крит, чтобы там убить Минотавра и навсегда избавить Афины от уплаты унижительной и губительной дани. Престарелый Эгей не хотел отпускать сына на, как ему казалось, верную гибель, но Тесей настоял на своем. На корабле с черными в знак скорби парусами Тесей прибыл на Крит. Там юношей и девушек отвели к царю. Прекрасного царского сына увидела дочь Миноса Ариадна, в сердце которой покровительница Тесея Афродита заронила любовь к нему. Узнав, что он собирается сразиться с минотавром, Ариадна решила помочь Тесею. Втайне от отца она дала ему острый меч и клубок ниток, которые он взял с собой, когда его вместе с афинскими юношами и девушками отвели на растерзание чудовищу в лабиринт с его бесконечными запутанными переходами, из которого невозможно было выбраться без такого клубка. Тесей привязал конец нитки клубка и постепенно разматывал его, пока шел по лабиринту, чтобы найти потом выход. Когда он дошел до помещения, где скрывался кровожадный минотавр, тот набросился на него со страшным ревом. Бой длился долго, наконец Тесей вонзил в грудь чудовища острый меч Ариадны. Убив минотавра, Тесей с помощью клубка вышел из лабиринта и вывел оттуда привезенных в дань пленников.

Потом он снарядил свой корабль для плавания и прорубил днища у вытащенных на берег критских кораблей, чтобы избежать преследования, и, взяв с собой охотно следовавшую за ним Ариадну, отправился в родные Афины. На пути домой Тесей остановился на острове Наксосе, где по повелению явившегося ему во сне Диониса он должен был оставить Ариадну, предназначенную в жены этому богу. Опечаленный утратой Ариадны, Тесей забыл переменить черные паруса корабля на белые, а между тем своему отцу Эгею он обещал поменять паруса, если благополучно вернется с Крита. Когда Тесей подплывал к Афинам, их царь стоял на высокой скале, вперив взор в море. Увидев вдали черную точку, он с напряжением всматривался в паруса, чтобы увидеть их цвет. Когда Эгей окончательно убедился, что на приближающемся корабле черные паруса,

он в горе бросился в море, которое с тех пор и стало называться Эгейским в память о нем. После погребения отца Тесей стал править в Афинах.

Раскопки в Кносе, предпринятые Артуром Эвансом и его последователями, подтвердили документальную достоверность многих обстоятельств этой истории. Открытый археологами огромный дворец с хаотической несимметричной планировкой, с множеством помещений и переходов между ними в глазах носителей более примитивной культуры, не знавших столь грандиозных сооружений, естественно, мог представляться безвыходным лабиринтом в нарицательном значении этого слова. Останки человекобыка минотавра не были найдены в Кносе — в этом отношении рассказанная Плутархом история легендарна, зато изображения минотавра часто встречаются на критских печатях — сцены тавромахии составляют один из главных мотивов прекрасных фресок Кносского дворца, а изображения бычьих рогов помещались в критских храмах и на крышах дворцов. Этих обстоятельств достаточно для того, чтобы с доверием отнестись и к преданию о данничестве Афин и Аттики Критскому царю, и даже к имени этого царя Минос.

На рубеже III и II тысячелетий центр критской культуры переместился с востока острова в его центр и на северный берег, обращенный к Балканам — около 1800 г., судя по археологическим данным, была основана критская колония на Кифере, расположенной вблизи Пелопоннеса. В этот период строятся дворцы на Кносе, в Фесте и в Маллии, которые археологами названы «ранними дворцами». Это были, очевидно, резиденции местных царей. Вокруг дворцов вырастают города, связанные сетью дорог со сторожевыми постами; на горных вершинах и в пещерах воздвигаются храмы.

Критяне выплавляли бронзу из меди и олова, изготавливали из нее мечи и орудия труда, полихромные керамические сосуды в стиле «камарес», названные так по названию критской деревни, где они были найдены впервые. Своей формой они напоминают бронзовые сосуды; эти сосуды украшены стилизованными растительными мотивами, создающими впечатление безостановочного движения и выполненными с поразительным вкусом. Примером для критских ремесленников могли служить египетские изделия, но изображения на критских сосудах отличаются натурализмом и чужды египетской иератичности, условности и усложненного

символизма. На рубеже III и II тысячелетий на Крите появляется пиктографическое письмо.

Отсутствие укреплений на острове говорит не столько о миролюбии критян, сколько о государственной организации критского общества, о прекращении соперничества между тремя царскими династиями в результате возвышения Кносса, царь которого стал господствовать над другими островными городами и поселениями и распространял свою власть за пределы Крита, вначале на Архипелаг, а потом, возможно, и на южную часть Балкан. С некоторых пор в Фесте и Маллии находились уже резиденции не суверенных правителей, а своего рода царских наместников, возможно, из прежних местных династов или, что более вероятно, из рода кноссского царя, которого греческие памятники называют талассократом, властителем моря.

Он был, наверно, верховным жрецом, главнокомандующим, обладателем высшей административной и судебной власти. В памяти эллинского народа остались особенно сильные впечатления от его судебной власти. В гомеровской «Одиссее» Минос представлен мудрым судьей подземного царства теней умерших — спустившийся в Аид Одиссей видел его восседавшим на троне с золотым скипетром в руке, а вокруг него души, ожидавшие его справедливого приговора.

Одним из факторов стремительного качественного роста культуры Крита и Кикладских островов, ее перехода от примитивной стадии на уровень цивилизации была скудость обрабатываемой земли, побудившей островитян совершенствовать ремесла, строить более устойчивые и вместительные суда для расширения масштабов морской торговли, заниматься пиратством, которое побуждало создавать сплоченные дисциплинированные банды с властными атаманами во главе, из которых, в результате подавления или подчинения слабых конкурентов более сильными и лучше организованными разбойничьими ватагами, вырастала государственная организация и царская власть, потеснившая прежнюю родо-племенную иерархию. Свидетельством упадка родовых связей является то обстоятельство, что в некрополях XIX и XVIII веков преобладают уже индивидуальные захоронения, вытеснившие прежний обычай устройства родовых усыпальниц. По мысли Тойнби, минойская цивилизация возникла как ответ на вызов моря, или, как образно выражается

историк, Посейдона (см.: А. Дж. Тойнби. Постигание истории. Сборник. М., 1991, цит. изд. с. 116–118).

Около 1700 г. и потом через 100 лет, около 1600 г. до Р.Х., дворцы и поселения Крита пережили две разрушительные катастрофы. Большинство историков считает, что они обе вызваны были землетрясениями, которые нередко обрушиваются на этот сейсмически опасный регион. Но некоторые ученые полагают, что причиной грандиозной катастрофы начала XVII века послужило вторжение ахейских племен на Крит.

Во всяком случае в период между этими двумя бедствиями дворцы в Кноссе, Фесте, в Маллии были восстановлены и расширены. Тогда же пиктографическое, или иероглифическое, письмо было заменено более совершенным, линейным письмом А, которое, подобно ассирийской клинописи, было слоговым. Его знаки писались чернилами на обнаруженных в раскопках глиняных табличках, а также, возможно, на утраченных папирусах. Начертание некоторых знаков этого письма представляет собой трансформацию прежних иероглифов. Расшифрованы только те знаки, которые обозначают числа, по ним видно, что критяне пользовались десятиричной системой счета. Язык этой письменности не был ни греческим, ни протогреческим, ни вообще одним из индоевропейских языков. Таким образом, если даже в ту эпоху и произошло вторжение на Кипр ахейян, они не оставили заметных следов в его культуре. А в Фесте был обнаружен глиняный диск с письменами, не имеющими ничего общего с минойским линейным письмом, принадлежащий народу мореплавателей и воинов, судя по изображениям корабля, лука и шлема на этом диске. В столетний промежуток между двумя катастрофами критяне поддерживали тесные торговые отношения с Кикладами и сирийским побережьем, населенным финикийцами.

4. Расцвет минойской цивилизации

Вслед за катастрофой 1600 г. последовал период высшего расцвета минойской культуры на Крите, который продолжался до конца XV в. до Р.Х. Вновь восстановлен был дворец в Кноссе. Великолепный дворец был сооружен на юго-востоке острова, в Закре. Значительно увеличилось число городских и сельских поселений, связанных густой сетью мощеных дорог.

В Гурнии и Псире раскопаны города с хорошо сохранившимися руинами строений. В Гурнии существовал типично

рыночный город, мощеные улицы которого располагались опоясывающими холм террасами, соединенными каменными лестницами. В центре города, на вершине холма, стоял большой дом, построенный из отесанных камней, бывший, вероятно, резиденцией городского правителя. Руины домов частных граждан дают хорошее представление об их устройстве: это были двухэтажные или даже трехэтажные особняки, выстроенные из камней, скрепленных глиной и деревянными балками, нижние этажи использовались в качестве подвалов и кладовых, окна размещались лишь на втором, жилом этаже, крыши домов делались плоскими, в центральной части дома находился световой колодец. Богатые люди строили трехэтажные жилища, в которых на втором этаже, над подвалом, размещались выходящие в центральный световой колодец гостиная, ванная и уборная, лестница связывала этот этаж с подвалом и верхним этажом, где располагались личные покои и спальни. В домах устраивалась канализация, для которой использовались глиняные трубы, скрепленные манжетами.

Фрески во дворцах и некоторых частных домах дают представление о внешнем виде и одежде критян минойской эпохи: это были широкоплечие и худощавые стройные люди невысокого роста, мужчины брили бороды; как и женщины, они отращивали длинные волосы, носили узкий пояс, набедренную повязку в виде передника, а иногда и короткую юбку; женщины также носили пояс и длинную юбку и надевали корсаж.

О праздничной и церемониальной стороне образа жизни критян выразительно говорят изображения на фресках акробатов и акробаток, кувыркающихся на спинах длиннорогих быков, боксеров в перчатках, пирующих сборщиков урожая, пьющих юношей, танцующих девушек и зрителей, мужчин и женщин, наблюдающих танцы и состязания. Весьма редки изображения воинских битв.

Немыми свидетелями религиозных верований и культа критян служат обнаруженные в многочисленных храмах и частных домах ритуальные предметы: двойные топоры, двойные рога, трехногие столики-алтари для принесения жертвоприношений. Главным предметом поклонения критян была богиня, изображения которой в минойском платье известны и по фрескам и по мелкой пластике. Ее атрибутами служили змеи, быки и голуби. В качестве ее прислужников изображаются звероголовые

люди. По словам Франсуа Виана, сам дворец в Кноссе «имеет сакральное значение, ибо он служит местопребыванием божественной владычицы и верховного жреца, являющегося посредником между нею и людьми» («Histoire des Religions», t. 1, p. 475). Среди критских артефактов встречаются также изображения бога в виде юноши. Предметом религиозного почитания был также бог, имевший вид человекобыка, — минотавр. Молящиеся люди изображались обыкновенно с воздетыми руками или ладонями, прижатыми к вискам.

Для надежной интерпретации религиозной системы крито-минойцев недостает литературных сведений, косвенные данные о ней почерпаются из лучше известных и современных минойской культуре малоазийских верований, из сопоставлений с религией Египта, из позднейших отголосков в религиозной мифологии античных эллинов. С большей или меньшей надежностью можно отождествлять женское божество критян с богиней-матерью, покровительницей деторождения и плодородия земли, повелительницей животных, царицей подземного мира, — образ, который в эллинский пантеон мог быть заимствован с именем Деметры или даже раздвоиться в мифологии на два лица — Деметру и ее дочь Персефону. По позднейшим сведениям из античной мифологии, царь Крита Минос был сыном Зевса и Европы, а его супруга Пасифайя дочерью Гелиоса, бога Солнца. Включение талассократа Миноса в контекст эллинских верований носит анахронический характер, а вот имя царя могло быть почерпнуто из реальной истории Крита, возможно также, что оно было одновременно и собственным именем и царским титулом, подобно египетским фараонам или римским цезарям и августам. На одной из фресок XV в. до Р. Х. в Кносском дворце изображен царь-жрец, возможно, это и есть Минос.

Суждения о других персонажах минойского пантеона в исторической литературе не опираются на надежную базу и носят лишь гипотетический характер. Несомненно критские корни у мифа о рождении супругой Миноса чудовищного, по греческим представлениям, но почитавшегося на Крите минотавра от могучего быка, подаренного Миносу Посейдоном, либо от самого Посейдона, явившегося царице в облике быка. Одиозная противоестественность и беззаконие его рождения — это уже, вероятно, греческая рецензия культа враждебного народа. Если верить эллинской версии мифа о минотавре, на Крите существовала

практика человеческих жертвоприношений. И все же один из открывателей минойской цивилизации Артур Эванс, характеризуя религию критян, находил, что в ней «превалирует духовное содержание», что в критском культе есть нечто, сближающее его с «верой, которая в последние два тысячелетия распространилась среди приверженцев восточных религий, таких, как иранская, христианская и исламская. Это связано с догматическим духом верующего, который далек от подлинного эллинского взгляда... Если в самых общих чертах сравнить ее с религией древних греков, то следует сказать, что в ней больше духовного содержания. С другой стороны, в ней больше личностного. На “кольце Нестора”, где символы воскресения представлены в форме куколки и бабочки над головой богини, она (богиня) явно обладает властью давать верующим жизнь после смерти. ...Общее заключение таково, что перед нами монотеистический культ, в котором женская форма божества играла центральную роль» (Evans, Sir Arthur. «The Earlier Religion of Greece in the Light of Cretan Discoveries». London, 1931, pp. 37–41). Заключение поспешное с точки зрения религиоведческой классификации, но, как кажется, указывающее на правильное направление в сопоставлении эллинской религии с критским культом, рудименты которого вошли в нее.

В эпоху расцвета минойской культуры Крит доминировал в Эгейском мире; на Родосе была основана критская колония, поселение критян существовало и на побережье Малой Азии — в Милете, влияние критской культуры обнаруживалось за пределами Архипелага, в городах Пелопоннеса, в Аттике и на Кипре.

Отголоски былого могущества Крита сохранились в античной историографии. Так, Геродот писал о господстве древних критян, которых он отождествляет с обитавшими в его время в Малой Азии ликийцами: «Карийцы пришли на материк (речь идет о Малой Азии. — В. Ц.) с островов. В глубокой древности они были подвластны Миносу, назывались лелегами и жили на островах. Впрочем, лелеги, по преданию, насколько можно проникнуть в глубь веков, не платили Миносу никакой дани. Они обязаны были только поставлять по требованию гребцов для его кораблей. Так как Минос покорил много земель и вел победоносные войны, то и народ карийцев вместе с Миносом в те времена был самым могущественным народом на свете» (Геродот, цит. изд., с. 65), и далее: «Ликийцы же первоначально пришли из Крита (весь

Крит в древности целиком занимали варвары). Когда на Крите сыновья Европы Сарпедон и Минос поссорились из-за верховной власти, то в борьбе верх одержал Минос и изгнал Сарпедона с его приверженцами. Изгнанники прибыли в землю Мириаду в Азии» (Геродот, *цит. изд.*, с. 65).

Сведения о минойском Крите, сообщаемые Фукидидом, лаконичнее, но, как всегда у него, отчетливее и более надежны: «Как нам известно из предания, Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев, поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 6).

Главным фактором могущества талассократов был хорошо оснащенный и вооруженный военно-морской флот. Военное превосходство на море позволяло Криту с выгодой для себя поддерживать торговые отношения с народами Кипра, откуда критяне вывозили добывавшуюся там медь и куда ввозили свою керамику и ювелирные изделия, Финикии, откуда критские товары переправлялись дальше на восток, в Месопотамию, где высоко ценились бронзовые мечи критян, Сицилии, Южной Италии и Испании, откуда, вероятно, доставлялось на Крит серебро. Геродот рассказывает о войнах критян против сикан в Сицилии (*см.*: Геродот, *цит. изд.*, с. 359).

Но для Крита в особенности важны были его связи с Египтом. Фреска из египетской гробницы времен царицы Хатшепсут и Тутмоса III (первая половина XV века) представляет иностранных послов с дарами, и некоторые из них, насколько можно судить по их одеянию и внешнему виду, были критянами, при этом надпись на фреске гласит: «Мирное прибытие великих людей Кефтиу и островов посреди моря» — какую страну называли тогда в Египте Кефтиу — неизвестно, но несомненно, что критяне в Египте считались одним из «народов моря», и ввиду своих значительных размеров Крит мог быть выделен из числа других островов в этой надписи и наделен названием. На фреске в гробнице Синнемут в египетских Фивах изображены послы, которые несут золотые и серебряные сосуды крито-микенской работы.

На фреске в Кносском дворце изображены чернокожие солдаты, которые могли быть наняты или куплены в качестве рабов в Египте. На кносских фресках встречаются также выполненные в местном, минойском стиле мотивы египетского происхождения — изображения кошек и обезьян, но не стилизованные по-египетски, а исполненные в натуралистической манере. Из Египта на Крит ввозились золото и слоновая кость, из которой критские ремесленники изготавливали изысканные изделия. В самом Египте обнаружено несколько золотых украшений и керамических сосудов в критском стиле «камарес». Своими богатствами Крит, очевидно, обязан был не своему местному земледелию или скотоводству, не добыче полезных ископаемых, которыми остров не богат, но обширной морской торговле и искусству своих ремесленников.

В период с середины до конца XV столетия до Р. Х. в столичном Кноссе существовала особая разновидность минойской культуры, приметы которой не обнаружены в других городах Крита. Ее характерной чертой являются следы тесного общения с континентальной микенской культурой. В кносских находках этой эпохи обнаружены микенские вазы, сосуды из алебаstra микенского стиля, в окрестностях Кносса обнаружены шахтные погребения микенского типа, в некоторых «воинских» погребениях найдены наконечники копий и бронзовый шлем, характерный для микенской культуры. Военный стиль, контрастирующий с мирным характером более ранних кносских фресок, обнаруживается и в новых изображениях в Кносском дворце.

Еще более красноречивым свидетельством тесных контактов Кносса с носителями ахейской культуры является расшифрованное линейное письмо В, на котором, в отличие от непрочитанных таблиц с линейным письмом А, записаны были тексты на греческом языке, идентичном с языком таких же таблиц, найденных в Микенах, Пилосе и Тиринфе. Таким образом, несомненным фактом является присутствие ахеев в Кноссе в XV веке до Р. Х. Ввиду более милитаристского характера микенской культуры, ахейцы, вероятно, господствовали в этот период на Крите, не составляя на нем однако значительной части населения, присутствуя исключительно или главным образом в столичном городе.

О том, почему и как появились на Крите микенцы, можно делать разные предположения — это могло быть и завоевание,

но в таком случае весьма легко достигнутое и относительно бескровное, поскольку, по археологическим данным, этот период не обозначен заметными разрушениями ни в Кноссе, ни в других критских поселениях, либо, что более вероятно, в Кноссе стала править династия ахейского происхождения, воцарившаяся здесь в результате брачного союза с туземной династией, окружившая себя военачальниками и воинами, чиновниками и слугами ахейского происхождения. Именно к этому периоду или к тому, который последовал за ним, относится, вероятно, и господство Кносса над некоторыми городами не только Пелопоннеса, но и Аттики, в частности и над Афинами, отраженное в греческом мифологическом предании о Тесее и минотавре. Критский Минос времен Тесея был, возможно, как и сам Тесей, также ахейцем, но при этом он носил имя-титул древних талассократов Крита. Геродот, не считая, правда, Миноса ахейцем, каковыми и не были древние, более ранние миносы, время его правления относит к эпохе, которая примерно на сто лет предшествовала Троянской войне — по его словам, «через три поколения после смерти Миноса разразилась Троянская война» (Геродот, цит. изд., с. 359), — следовательно, к XIV столетию до Р. Х.

Микенская культура Кносса XV века не была резко инородной по отношению к древней минойской культуре, во-первых, потому, что она была синтезом элементов минойской и микенской культуры, а главным образом потому, что сама микенская культур не была оригинально греческой, характер которой обнаружился в более чистом виде в культуре дорийцев, разрушивших в конце II тысячелетия микенский мир. Хотя ее прямые носители говорили по-гречески, но она выросла все-таки в основном из культуры покоренных ими древних обитателей Пелопоннеса, которая сложилась под решающим влиянием Крита, представляя собой лишь своеобразную разновидность минойской цивилизации.

Прочитанные эпиграфические памятники — таблицы с линейным письмом В, найденные на Крите, как и те, что были обнаружены на Пелопоннесе, использовались почти исключительно для записей административного и хозяйственного характера — о продажах и приобретениях собственности, о долговых обязательствах, о сборе налогов. Содержание этих записей, материальные памятники, а также суждения по аналогии с лучше документированными древними культурами

Средиземноморья позволяют составить некоторое представление о политическом, социальном и экономическом укладе критского общества. Большая часть критян жила в небольших городках либо в поселках и деревнях, которые часто размещались вокруг провинциальных дворцов. Во дворцах жили местные правители, в прошлом, возможно, это были цари или феодальные князья, позже, с распространением власти критского талассократа ставшие уже только чиновниками с полномочиями губернаторов или наместников.

Жителями деревень и городов были свободные крестьяне, в городах жили также ремесленники, торговцы, моряки, которые платили дань в казну и на содержание местных администраторов, главным образом натурой, но также и примитивными деньгами — металлическими слитками, в том числе в виде бычьей шкуры, что позволяет предполагать, что либо в более раннюю эпоху, либо одновременно со слитками в качестве эквивалента товаров при обмене употреблялись настоящие шкуры. Существовала, наверное, и трудовая повинность для крестьян и ремесленников, своего рода барщина, но скорее все-таки в рамках публичного права, чем в качестве частного обязательства, и, вероятно, без всяких элементов личной зависимости или закрепощенности.

Среди крестьян и ремесленников, судовладельцев и торговцев встречались состоятельные люди, о чем свидетельствуют большие трехэтажные дома многих критян. Еще богаче были, вероятно, жрецы, а также находившиеся на коронной, царской службе чиновники, подобные египетским писцам, главной обязанностью которых было взимание дани с подданных. К состоятельному классу принадлежали и потомки родовой аристократии, которые нашли для себя место в иерархии монархического Крита, и, несомненно, придворные чины. Об имущественном положении богатого критянина можно судить по раскопкам виллы в Агия-Триаде, вблизи Феста, где были найдены медные слитки в виде бычьей шкуры, многочисленные оттиски печатей, гири разного веса и 150 таблиц с записями о количестве продуктов, хранившихся в доме.

В персонал царского дворца входили, помимо прислуги, военной охраны, жрецов, администраторов и ремесленников, также дипломаты и переводчики, необходимые ввиду больших масштабов морской торговли и политических связей с государствами Средиземноморья.

В военное время обыватели становились воинами. Во флоте, очевидно, служили профессионалы — наемники или рабы.

Рабство на Крите имело ограниченное распространение — это было домашнее, патриархальное рабство. Изрядное число рабов содержалось однако в царском дворце, наверное, также и в резиденциях местных правителей. Возможно также, что из числа царских невольников рекрутировались отчасти и штаты грамотных чиновников. Основным источником пополнения рабов были войны. Рабами могли становиться и рождавшиеся в неволе дети. Более рискованным было бы предположение об обращении в рабство несостоятельных должников. Во всяком случае число рабов на Крите было ничтожным в сравнении со свободным населением.

Нет никаких положительных сведений о критской семье минойской эпохи, но почитание богини-матери, эллинский миф об Ариадне, дерзнувшей помочь опасному пришельцу победить минотавра и выйти из лабиринта, сюжеты дворцовых фресок с изображением женщин и девушек дают основание предполагать, что хотя семья была патриархальной, но едва ли полигамной, как в обществах Ближнего Востока — жены и дочери, в том числе и взрослые, не содержались ни в гаремах ни даже в гинекеях, как в классических Афинах, но могли свободно появляться в обществе, участвовали в праздниках, в официальных церемониях, в том числе религиозного характера. При этом нет никаких признаков существования на Крите ни частной, ни храмовой, «священной» проституции, столь типичной для Ближнего Востока. Несомненно, что некоторые черты, устойчиво, на протяжении веков и тысячелетий, характеризующие европейское общество по контрасту с вековыми традициями Востока, в частности более свободное и достойное место в нем женщины, восходят уже к минойской цивилизации.

Необходимо уточнить, что все эти соображения о социальном строе критского общества носят гипотетический, если не сказать спекулятивный, характер и опираются не столько на положительно известные сведения, сколько на аналогию с лучше изученными древними обществами Средиземноморья и Ближнего Востока. Для более достоверной интерпретации культура минойского Крита, ввиду крайней скудости текстов и чрезвычайной их лаконичности, все еще остается если не вовсе немой, то по меньшей мере косноязычной. Эта метафора тем уместнее,

что и расшифрованные тексты, записанные линейным письмом В, остаются полупрочитанным, поливариантными, во всех случаях сохраняется возможность существенно иного их прочтения.

О высоком совершенстве минойской культуры эпохи ее расцвета лучше всего можно судить по раскопкам Кносского дворца — знаменитого лабиринта, который многократно перестраивался и достраивался. Это был комплекс соединенных переходами сооружений общей площадью до 16 тысяч квадратных метров, состоявший из почти трехсот помещений. Дворец в основной своей части был двухэтажным, но отдельные его части состояли из 3-х и 4-х этажей. Этажи связывали лестницы, опорами для которых служили расширяющиеся кверху колонны. В центре дворцового ансамбля находился большой двор, вымощенный гипсовыми плитами, вокруг него размещались помещения, разделенные в свою очередь небольшими двориками, которые служили световыми колодцами. Под помещениями находились подвалы. Помещения были многофункциональными — парадные залы, святилища, жилые комнаты, кладовые, в которых стояли огромные пифосы с вином, маслом, оливками и другими продуктами, кухни, склады оружия, мастерские, помещения для прислуги.

Обитатели дворца пользовались комфортом, которого не знали ни античный, ни европейский средневековый мир: дворец был снабжен водопроводом и канализацией, ванными комнатами — в раскопках найдена терракотовая ванна, украшенная изображениями дельфинов, во дворце была устроена совершенная система вентиляции и освещения, состоявшая из продуманной системы световых колодцев, больших окон и открытых веранд.

Дворец представляет собой совершенно оригинальный памятник архитектурного искусства. Он не похож ни на отличающиеся тяжеловесной монументальностью египетские или месопотамские дворцы, ни на строго симметричные строения античной классики. Кносскому дворцу свойственна прихотливая асимметрия и декоративная красочность, но без вычурности, органически сочетавшаяся с функциональной продуманностью, логикой и естественностью.

Редким гармоническим совершенством отличается «тронный зал», пол которого покрыт красной штукатуркой. Рядом находился бассейн для ритуальных омовений, к которому вели ступени. Потолок зала поддерживали утолщенные кверху колонны.

По обе стороны от трона вдоль стены стояли гипсовые скамейки. Рядом с тронным залом размещалось святилище с алтарем.

Стены тронного зала расписаны фресками с совершенной цветовой гаммой. На красном фоне с белой полосой внизу и посередине, изображающей скалистый ландшафт с возвышающимися над ним, словно вырастающими из него расцветшими стеблями папируса, написаны бескрылые грифоны. Стены «коридора процессий» украшены изображением шествия юношей и девушек с сосудами и музыкальными инструментами. Фрески религиозного и бытового содержания сохранились и во многих других помещениях. Артистичной легкостью и живостью рисунка, утонченной красотой колорита отличаются морские пейзажи и садовые ландшафты, а также изображения животных: быков, львов, зайцев, кошек, куропаток, удонов.

Одним из шедевров мировой живописи является фреска, на которой представлены «придворные дамы в голубых платьях», отличающаяся особенно изысканной цветовой гаммой. Еще одна из самых совершенных фресок дворца — «Носители кубков»; на ней написаны юноши, несущие серебряные ритоны. Одеты они в парадные костюмы из ярко орнаментированной ткани, с золотыми и серебряными поясами, в ушах у них серебряные серьги, юноши украшены также ожерельями, серебряными запястьями и поножами.

На стенах дворца сохранились также фрески со сценами тавромахии — акробатические прыжки на спинах стремительно мчащихся быков, вероятно, религиозного, а не развлекательного действия, связанного с распространенным в доарийском Средиземноморье культом бога-быка, отраженным в греческом мифе о критском минотавре.

В дворцовых раскопках найдены большие вазы, расписанные осьминогами, ритоны в виде бычьей головы, очевидно, религиозного назначения, фаянсовая мелкая пластика с реалистичными изображениями людей и животных, выполненными с высоким мастерством, изящные ювелирные украшения, которые носили и женщины и мужчины, золотые перстни и печати из драгоценных и поделочных камней.

5. Падение минойской культуры на Крите

В конце XV века до Р.Х. Кносский дворец был разграблен и сожжен. В тот же период разрушениям подверглись и другие

дворцы и города Крита. Катастрофа не прекратила существование минойской культуры, но с доминированием Крита в Эгейском мире было покончено. Причина этих печальных событий не выяснена. Некоторые историки видят ее в восстании автохтонного населения против ахейских властителей острова, другие (Н. Хаммонд) — в нападении пиратов Восточного Средиземноморья пестрого этнического состава. По версии греческого археолога С. Маринатоса, критские дворцы погибли от извержения вулкана на острове Санторин, расположенного на юге Эгейского моря, поблизости от Крита.

Еще два столетия продолжалось постепенное увядание минойской цивилизации на Крите, окончательную черту под историей которой провело вторжение агрессивных дорийских племен на остров в конце XII века.

Смутная память о разорении и упадке Крита сохранилась в Греции в классическую эпоху. Геродот связывает опустошение Крита с неудачными войнами критян в Сицилии, с гибелью их флота от бури на обратном пути и с вынужденным поселением оставшихся в живых в Апулии, где они стали именоваться япигскими мессапиями. «А на опустевший Крит..., — пишет историк, — переселились другие народности, главным образом эллины», что произошло, по Геродоту, до Троянской войны, после которой «на острове начались голод и мор людей и скота, пока Крит вторично не опустел, теперь же на острове живет уже третье критское население вместе с остатками древних жителей» (Геродот, цит. изд., с. 359).

Глава 4. Микенская цивилизация

1. География континентальной Греции

Территория современной Греции приблизительно совпадает с той, на которой расселились древние эллины, пришедшие в эту страну и завоевавшие ее в начале II тысячелетия до Р. Х.

Континентальная Греция — горная страна, большую часть которой занимают южные отроги Балканских гор, протянувшиеся с севера на юг до Коринфского залива и далее по Пелопоннесу. Самая высокая вершина Эллады, пиерийский Олимп, куда религиозное воображение древних эллинов поместило небожителей во главе с Зевсом, достигает высоты около 3 километров над уровнем моря. Низменные места, в которых сосредоточена

большая часть населения страны, расположены на побережье. В удалении от него простирается лишь одна равнина значительных размеров — в Фессалии.

Характерная черта этой страны — чрезвычайно извилистая и потому протяженная береговая линия, образующая множество удобных для мореплавания заливов и бухт. «Нет точки на суше во всей Греции, которая отстояла бы от моря более чем на 60 км» (Боннар, цит. изд., с. 35). Ввиду крутизны гор и близости моря основные пути сообщения пролегают по воде. Климат в большей части континентальной Греции такой же мягкий и теплый, как и на островах Архипелага, но не столь жаркий летом и прохладный в зимнее время в горах, удаленных от берегов, в особенности на северо-западе, в Эпире, где он уже ближе к климату северных Балкан, чем Крита или Киклад. Вполне средиземноморским он остается там, где близко море, независимо от широты, так что на Аттике климат мало отличается от удаленных от нее Мессении или Халкидики, но заметно разнится с климатом расположенной поблизости, но высокогорной Беотии. Зимой в Греции дует влажный западный ветер, а летом — сухой и прохладный северо-восточный, поэтому восточная часть Эллады суше западной — дожди здесь летом крайне редки.

В материковой Греции, как и на островах, издавна сажали оливки, виноград, инжир, в долинах, в особенности на Фессалийской равнине, сеяли злаки — ячмень, пшеницу. В горах расположены удобные пастбища, где пасли коз, овец, коров. Долгое использование горных склонов под пастбища привело со временем к значительному сокращению лесных массивов.

Высокие горы разделяют континентальную Элладу на области — номы, границы которых оставались ввиду их ландшафтного характера почти неизменными на протяжении веков и тысячелетий, составляя издревле основу политического и административного деления страны.

На юго-востоке Пелопоннеса, между Лаконским и Аргонидским заливами, лежит Лаконика, значительную часть которой составляет плодородная солнечная долина, окруженная с запада и востока отрогами Парнона и Тайгета. С Тайгета стекает орошающая долину река Эврот, в болотистом устье которой расположены прекрасные пастбища для лошадей. В расположенной к западу от Лаконики Мессении южное тепло сочетается с частыми дождями, что делает ее землю удобной для выращивания

винограда, фруктов, маслин и зерна. Сухопутное сообщение Мессении с соседними номами затруднено из-за крутизны окружающих гор, но на берегу Ионического моря находится древний портовый город Пилос с удобной бухтой. Элида, расположенная к северу от Мессении, представляет собой в основном обширную заболоченную равнину с прекрасными пастбищами, удобную также для выращивания зерна в долине и виноградников в предгорьях. Центральную часть Пелопоннеса занимает Аркадское плоскогорье, где мало полей, зато прекрасные пастбища, на которых пасутся лошади, овцы, козы и свиньи. Через Аркадию протекает горная река Алкей, впадающая в Ионическое море. У ее устья, между Мессенией и Элидой, расположена крошечная Трифилия со священной для элинов Олимпией. На севере Пелопоннеса по берегам Коринфского залива простирается высокогорная Ахея, ущелья и узкие долины которой лишены плодородных земель, где бы можно было сеять злаки, но на горных склонах выращивают виноград, оливки и фрукты. Выше в горах растут прекрасные дубовые и хвойные леса. С внешним миром Ахея связана в основном портом в Патрах. Арголида, представляющая собой полуостров, разделена горой Арахной на две части: плодородную долину, лежащую на берегу Саронического залива, через который она соединена с Аттикой, и болотистые места вокруг Лерны и Тиринфа и по берегам Арголидского залива с пастбищами для лошадей и рогатого скота, с огородами, на которых сажают овощи.

Коринф с его окрестностями — Коринфией контролировал дороги, пролегающие через Истмийский перешеек и связывающие Пелопоннес с Аттикой и Беотией, а также волоки между Коринфским и Сароническим заливами. Значительную часть Коринфии покрывают известковые почвы с редколесьем, но на западе Коринфской равнины выращивают пшеницу и виноград.

Уже в древности Аттика пережила процесс денудации, оголения, ее пастбища истощились, но каменистая почва пригодна для выращивания оливок, а также винограда и инжира. Сердце Аттики — город Афины окружен горами Парнес, Гимет и Пентелик с его мраморными карьерами. Через переходы приморская равнина вокруг Афин соединена с Элевсинской и Марафонской равнинами. Ворота Аттики в Эгейское море служит расположенная поблизости с Афинами Пирейская гавань. Беотия с ее равнинами, разделенными отрогами горы Геликон, у подножья

которой расположены древние Фивы, со всех сторон окружена горами, летом она выжжена солнцем, а зимой увлажняется дождями. В Беотии уже в древности выращивали зерно, разводили лошадей, коров и овец. На севере Беотии лежит озеро Копанда, в которое впадает река Кефис, протекающая по гористой Фокиде. В центре Фокиды возвышается Парнасский массив с глубокими ущельями, в одном из которых на горном склоне находятся священные для древних эллинов Дельфы. Узкая долина Кефиса обильно орошается зимними дождями и плодородна. На берегу Коринфского залива к западу от Фокиды расположена Озольская Локрида, изрезанная горными хребтами, но с плодородными долинами между ними и по берегу моря. В Этолии, расположенной к северу-западу от Локриды, климат сухой, умеренно континентальный, в горах много пастбищ с богатым растительным покровом. К западу от Этолии простирается прибрежная Акарнания с ее средиземноморским климатом, весьма удобным для выращивания оливок и винограда. Поблизости от этого нома расположены острова Ионического моря — Левкада, Итака, Кефаллениа и к югу от них — Закинф.

Путь из Этолии, Локриды, Фокиды и Беотии на север, в прилегающую к Пагасскому заливу Фтиотиду, отделенную узким проливом от самого большого острова Архипелага Эвбеи, ведет через высокогорные перевалы или узкие Фермопильские ворота. В равнинной Фтиотиде теплый средиземноморский климат, и потому там выращивают типично средиземноморские культуры: оливки, виноград, инжир, — сеют хлеб. К северу от Фтиотиды находится отделенная от Эгейского моря Магнесией с ее невысокими горами на западе и прибрежной долиной на востоке равнинная Фессалия, со всех сторон окруженная горами, особенно высокими на севере, где на границе с Македонией, в Пиери, возвышается самая высокая вершина Греции — Олимп. Плодородные земли Фессалии орошает полноводный Феней, впадающий в Эгейское море. Фессалия — житница Греции, но ее умеренно континентальный климат позволяет, помимо пшеницы и ячменя, выращивать также виноград, фрукты и овощи. В предгорьях издревле разводили породистых лошадей, пасли коров, овец и коз.

На запад и северо-запад от Фессалии лежит гористый и в сравнении с центральной Грецией или Пелопоннесом холодный Эпир с его в прошлом по преимуществу скотоводческим населением; земледелие в Эпире преобладает над скотоводством лишь в его

юго-западной части, примыкающей к Амбракийскому заливу, где климат влажный и теплый и где поэтому выращивают злаки, фрукты, оливки.

2. Доэллинское население Греции

В III тысячелетии до Р.Х. на континентальную Грецию одна за другой обрушиваются волны переселенцев из Малой Азии, которые смешиваются с автохтонным европейским населением, культура которого, родственная культурам Триполья и нижнего Подунавья, не вышла за границы неолита. Пришельцы принесли с собой бронзовую индустрию, которая поставила этот регион на самый высокий уровень культурного развития в Европе. Одно из ранних поселений мигрантов, относящееся к первой половине тысячелетия, раскопано в беотийском Эвтресисе. Поселение состояло из трехкомнатных домов с ямами для хранения запасов и трубообразной впадиной в полу. В раскопках найдены изделия из меди, в том числе колющее оружие, полированная керамика красного цвета, особенно много было обнаружено своеобразных соусниц.

В Пелопоннесе, в Арголидской Лерне, на берегу Навплийского залива, с середины III тысячелетия стоял город, построенный на искусственно выравненной вершине холма — своего рода акрополь, обнесенный оборонительной каменной стеной с подковообразными башнями. Циклопическая кладка крепостной стены подобна по технике и архитектурным особенностям крепостям, которыми обносили некоторые поселения на Кикладских островах, в особенности на Сиросе. Помимо керамических соусниц, бронзового оружия, в раскопках Лерны найдено много глиняных печатей.

В XXV веке в центре акрополя был построен большой дом, украшенный изразцами. Вокруг него раскопаны дома меньших размеров апсидальной архитектуры. Эти жилища позволяют предполагать накопление богатств жителями Лерны и иерархическое устройство общества, включая существование в нем монархической власти.

В конце тысячелетия в Лерне строится уже настоящий дворец, двухэтажный и площадью 270 метров, с черепичной крышей. Дворец состоял из главного зала — мегарона и окружавших его помещений меньших размеров, соединенных коридорами и лестницами, которые вели с первого этажа на второй. В дворцовых

кладовых находились глиняные сосуды и деревянные ящики, которые, вероятно, опечатывались, потому что в раскопках найдено много печатей. В XXII столетии этот дворец погиб от пожара и уже не был восстановлен.

В этот период население Фессалии, Эпира и Македонии, видимо, не подвергшееся ассимиляции со стороны пришельцев из Малой Азии, все еще оставалось на неолитической стадии культурной эволюции.

Племена, которые принесли с собой в Грецию изготовление меди и бронзы, обнаруживают несомненную культурную близость с критянами и обитателями Кикладских островов. Поскольку и в антропологическом отношении они мало отличаются от них, есть все основания предполагать между ними этническое и языковое родство. Языки и наречия, на которых они говорили, неизвестны, но одним из этих языков был тот, который зафиксирован на критских таблицах с неразгаданным линейным письмом А. О словарном составе, морфологических и фонетических чертах этого языка или, вероятно, все-таки нескольких родственных языков можно судить по не-индоевропейскому лексическому субстрату греческого языка. Он присутствует в словах с суффиксами или окончаниями *os*, а во множественном числе — *enai*, что по-русски в собственных именах передается обычно как «ны». Эти слова употребляются часто в качестве топонимов, например, в единственном числе: Knossos (надо греческими буквами) (Кносс), Parnassos (Парнас), Hymettos (Гимет), и во множественном числе — Athenae (Афины), Micenae (Микены). Неиндоевропейская лексика присутствует и в греческих названиях средиземноморских растений: *kissos* (плющ), *olynthos* (дикий инжир), *terebinthos* (терпентиновое дерево), *hyathinthos* (гиацинт), *byssos* (хлопок), кипарис, нарцисс. Слово «талассос» (море) также заимствовано в греческий язык из языка автохтонов. Неиндоевропейская топонимика преобладает на Пелопоннесе, в Аттике, на островах Архипелага, но значительно реже встречается на севере Греции и в особенности в Эпире.

Греческая историография сохранила этнонимы древних, мийских, народов, которые, конечно, могут и не совпадать с их самоназваниями. Чаще всего в античной литературе встречается применительно к этим народам этноним «пеласги». В классическую эпоху еще сохранялись языковые островки, где обитали пеласги. У Геродота они названы варварами, что прежде всего

обозначает употребление ими не-греческого языка: «На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (город в Халкидике — на северной окраине эллинского мира. — В. Ц.).. и затем по тем пеласгам, которые основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте, а также и по тем другим городам, которые прежде были пеласгическими, а позднее изменили свое название.., то пеласги говорили на варварском языке» (Геродот, цит. изд., с. 27). В этом же месте Геродот упомянул тирсенов как соседей пеласгов в Халкидике. Между тем тирсенами греки называли народ, который сам себя именовал расенами, а для римлян это были этруски, или туски. Таким образом, одним из мест их обитания до переселения в Италию была северо-восточная Эллада.

Как и на островах Архипелага, в Греции, по меньшей мере, на Пелопоннесе, обитали лелеги — народ, который Геродот отождествляет с карийцами, жившими в его время в Малой Азии. Страбон, сближая лелегов с карийцами, не делает однако на этот счет категорического заключения: «Что касается лелегов, — пишет он, — то некоторые считают их одной народностью с карийцами, другие же, напротив, только близкими соседями и соратниками» (Страбон. География в 17 книгах. М., 1994, с. 293). Ссылаясь на Гекатея Милетского, Страбон пишет, что на Пелопоннесе до греков жили варвары, добавляя совершенно справедливо от себя, что «в древности во всей Греции жили варвары, как это можно заключить из самой традиции», — и затем он перечисляет ряд племен, обитавших по обе стороны Истмийского перешейка: «дриопов, кавконов, пеласгов, лелегов и другие подобные племена» (Страбон, цит. изд., с. 29). В классическую эпоху из числа этих народов сохранились также обитавшие на юге Малой Азии ликийцы, которых Геродот считает, в соответствии с существовавшей тогда традицией, выходцами с Крита.

В этой связи остается невыясненным вопрос о том, не сохранялся ли в эпоху зарождения микенской цивилизации в Греции народ, который говорил на языке древнего неолитического населения, родственного носителям трипольской культуры, и с каким этнонимом, известным из античной историографии, его можно отождествить. Логика этнических процессов навязывает, конечно, положительный ответ на этот вопрос, а вот наличный достоверный материал делает всякую попытку этнической

идентификации этого народа крайне гипотетической и едва ли плодотворной.

Другой вопрос связан с возможным присутствием в Элладе негреческих племен, которые тем не менее были носителями одного из индоевропейских языков. Специфический характер инородного субстрата греческого языка не позволяет идентифицировать его как язык индоевропейский, но это обстоятельство не исключает возможности того, что все-таки некоторые из индоевропейских племен пришли в Грецию ранее эллинов. Наиболее вероятным в таком случае было бы предположение о том, что это могли быть носители одного из анатолийских языков, иными словами, близкие языковые родственники хеттов, лувийцев и лидийцев. В науке существует версия о принадлежности почти неизвестного языка карийцев, которых древние историки сближают или отождествляют с лелегами и которые в Малой Азии были ближайшими соседями с лидийцами, к анатолийским языкам. Но в таком случае эти племена, карийцы и лелеги, вначале, в III тысячелетии, переселились вместе с неиндоевропейскими народами — создателями критской культуры, которых можно сближать с исторически известными по имени ликийцами или кавконами, а также заселившими континентальную Грецию и родственными критянам пеласгами — из Малой Азии на острова и на Европейский континент, а затем, после падения крито-микенской цивилизации, в конце II тысячелетия до Рождества Христова, переместились вместе с частью эллинов — ахейцев назад, на Малоазийское побережье. Возможно, что приблизительно так все и происходило.

3. Заселение Греции ахейцами

Начало крито-микенской культуры хронологически совпадает с переселением на юг Балкан греческих племен. При этом однако парадоксальным образом все-таки не они, а родственные критянам и островитянам ранее поселившиеся здесь варвары были главными создателями этой культуры, на формирование которой эллины лишь повлияли, придав ей своеобразные черты, отличающие ее от материнской культуры Крита и Киклад.

Появление первых грекоязычных племен на севере Эллады — в Эпире, Македонии и Фессалии относится ко второй половине III тысячелетия до Р. Х. В Беотии, Аттике и на Пелопоннесе по-гречески заговорили только в начале следующего тысячелетия.

Откуда пришел этот народ на юг Балкан? Очевидно, что из Центральной Европы, из региона археологической культуры шаровидных амфор, где во второй половине III тысячелетия произошло расщепление языка западных индоевропейцев на балтославянский, прагерманский, пракельтский, праиталийский, праиллирийский, прафракийский и праэллинский языки. При этом праэллинские племена до своего переселения в Грецию обитали, вероятно, в юго-восточной части этого ареала, может быть в прикарпатских верховьях и по среднему течению Прута, Днестра и Южного Буга, но не на северо-западном побережье Понта, поскольку само слово, обозначающее «море» (талассос), они заимствовали у автохтонов Элады.

В конце III тысячелетия до Р. Х. этот народ говорил на одном языке, не только не расщепившемся еще на хорошо известные из классической эпохи диалекты, но, вероятно, находившемся в одинаково материнских отношениях и с этими диалектами и с близко родственным им македонским языком. То обстоятельство, что дорийцы, которые, в отличие от ахейцев, еще тысячу лет оставались на севере Балкан, по Геродоту (см.: Геродот, цит. изд., с. 26), ранее, когда они поселились у Пидна, называли себя македнами, позволяет с большой долей вероятностью предполагать, что язык македонцев классической эпохи, подвергшийся меньшему влиянию наречий народов минойской цивилизации, сохранял значительную близость с праэллинским языком, каким он был сразу после переселения его носителей на север Греции.

Праэллины были в основном скотоводами, пастухами, земледелие служило для них второстепенным занятием; из их родовой памяти не исчезли воспоминания о прежнем кочевническом образе жизни, а разводили они не только коров, овец, коз и свиней, но и лошадей, которых употребляли главным образом для верховой езды. До переселения на юг Балкан они еще не были знакомы с мореплаванием. Их племена устроены были патриархально, держались на родовых отношениях, о чем свидетельствуют многочисленные слова, обозначающие разные степени родства, имеющие общую этимологию с соответствующими словами других индоевропейских языков. Во главе племен стояли вожди, которые именовались царями — ванактами, правившие совместно с советниками из числа родовых старейшин (агорой) и собранием всех свободных мужчин племени (демосом). Это был народ

воинов, употреблявших в бою бронзовые боевые топоры; сражались они и в пешем строю, и как всадники.

Праэллины поклонялись не матери-богине, как средиземноморские народы, но мужским богам — обитателями неба, потом также заоблачного Олимпа. С традицией праэллинов связан был в верованиях классической Греции культ Урана, Зевса, Арея, Аполлона, но не Деметры, Афродиты или Диониса, почитание которых имело автохтонные корни. По археологическим данным известно, что, погребая своих вождей, праэллины насыпали курганы, простых людей они хоронили в ямах.

Об их бытовой и военной культуре во времена переселения в Элладу, которое совершалось не единократно, но волнами нашествий, до известной степени можно судить по гомеровским «Илиаде» и «Одиссее», которые созданы были в совершенно иную эпоху и сюжеты которых также восходят к более позднему времени, отстоящему от покорения эллинами пеласгов более чем на полтысячелетия, но дело в том, что хотя ко времени завоевания Трои, описанного Гомером, Эллада стояла на значительно более высоком уровне культурного развития — это было время расцвета микенской цивилизации, однако между падением Илиона и воспевшего войну с ним Гомером пролегла эпоха дорийского нашествия на Аттику, Беотию, Фокиду и Пелопоннес, которое привело к глубокому регрессу и варваризации (не в греческом, а расхожем смысле этого слова) Эллады — дорийцы (македны) очевидно мало отличались от тех македнов, которые завоевали Грецию за много столетий до них. Но это замечание относительно отражения у Гомера культуры праэллинов имеет лишь ограниченное значение — все-таки в «Илиаде» и «Одиссее» запечатлены и воспоминания о подлинных чертах высокой микенской цивилизации, какой она была до ее разорения воинственными дорийскими племенами.

Трижды в истории обитатели Македонии и Эпира — горцы, привыкшие к суровой и скудной жизни и оттого мужественные и отважные воины, покоряли южан, стоявших на высшей степени культурного развития, усваивая вслед затем культуру покоренного народа. Так было при Филиппе Македонском, так было до него при завоевании Эллады дорийцами в конце II тысячелетия до Р.Х., так было и на заре микенской цивилизации.

Расселившись в начале II тысячелетия в Беотии, Аттике и на Пелопоннесе, праэллины покорили туземцев, навязали им

свою власть и со временем также свой язык, по крайней мере большая часть населения Эллады заговорила на нем, привнеся в него свою автохтонную лексику; но сложившаяся в результате ассимиляции пришельцев и автохтонов культура носила все-таки по преимуществу местные черты, роднящие ее с цивилизацией Крита. Но своим более мужественным и милитаристским, чем рафинированная культура Крита, стилем микенская культура обязана завоевателям. Несомненно, что численно пришельцы значительно, если не сказать многократно, уступали туземцам. По словам Геродота, «до своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны» (Геродот, цит. изд., с. 27). Вероятно, это соотношение пришлого и местного элемента в разных нотах Эллады было различным. Геродот, опираясь на древние предания, писал об ионийцах, которые в его время населяли не только эгейское побережье Малой Азии, но и Аттику: «Ионяне первоначально были пеласгийского происхождения, а дорийцы, — которых он в этом отношении противопоставляет ионийцам, — эллинского» (Геродот, цит. изд., с. 26).

4. Микенская Греция

Хотя у микенской цивилизации, как уже было сказано, по преимуществу местные, минойские корни, но сложилась она как своеобразная ветвь эгейской цивилизации из синтеза двух культур — в результате завоевания Греции эллинами, которые, впрочем, себя тогда так не называли. Самое большее, в микенскую эпоху этот этноним, равно как и топоним «Эллада», мог относиться исключительно к фтиотидам и Фтиотиде, подвластной во времена похода на Трою гомеровскому Ахиллесу. Употреблялись ли уже в ту пору в качестве наименований племен такие этнонимы, как ионийцы, эолийцы и даже дорийцы — сказать трудно, но гораздо вероятней, что уже существовали гомеровские ахейцы, данайцы и аргивяне.

Из них наиболее документированным этнонимом был «ахейцы», который известен и из хеттских памятников. К XIV веку до Р. Х. относятся хеттские тексты, в которых упоминается страна «Аххайива» или «Аххиява». В одном из египетских памятников того же столетия воспроизведена речь фараона, который в 1221 г. отразил нападение на его страну из Ливии. Вторгшиеся народы, по словам фараона, «снова прошли по полям Египта к великой реке, там они остановились на долгие дни и месяцы... Они

проводили время в сражениях и походах по всей земле за прокормом для своих животных... Они пришли в египетскую землю, чтобы насытить свои рты» (цит. по: Хаммонд Николас. История Древней Греции. М., 2003, с. 64). Фараон перечисляет имена этих народов: шакалша (выходцы из палестинского Сагаласса, турша (тирсены, этруски), лука (ликийцы), шардана (сардинцы) и акай-ваша (ахейцы).

Существование микенской цивилизации продолжалось с XVI до середины XII столетия до Р. Х. При этом археологический материал дает наиболее солидные основания для периодизации ее истории. Микенскую цивилизацию в рамках более масштабной археологической периодизации принято обозначать как позднеэлладский этап бронзового века, который продолжался с XVI до середины XII столетия. При этом на среднеэлладский археологический период, продолжавшийся с XXII по XVI век, приходится становление этой цивилизации, сопровождавшееся этнической ассимиляцией автохтонов пришельцами эллинами. В свою очередь, опираясь на смену стилей керамики, позднеэлладский этап подразделяют на более дробные периоды. Так, археолог У. Тейлор выделяет в нем I (с начала XVI века по 1500 г.), II (до 1400 г., на этот период приходится разрушение критского Кносса) и III периоды, подразделяя последний на подпериоды: А — до 1300 г., В, на который приходится падение Трои, — до 1200 г. и С — начало XII века, так называемый субмикенский подпериод, предшествующий протогеометрическому и уже выходящий за рамки собственно микенской культуры, которая тогда лежала в руинах.

Для керамической индустрии среднеэлладского периода характерны расписные матовые вазы. На светлую основу наносился геометрический орнамент матовой черной краской. В I позднеэлладский период геометрический орнамент заменил натуралистический декоративный рисунок красного или блестящего черного цвета. По своей форме вазы этого периода отличались приземистостью и мешкообразностью. Материалом для них служила уже не только глина, но и алебастр. Для II позднеэлладского периода характерно изготовление кувшинов и больших ваз так называемого дворцового стиля, заимствованного у Крита. Подражая критским мастерам и в то же время привнося в заимствованный стиль оригинальные черты, микенцы выработали свой собственный стиль — эфирский, названный так по названию города,

на предполагаемом местоположении которого были впервые найдены вазы, выполненные в этом стиле. На двух сторонах таких ваз с двумя ручками наносился растительный орнамент. У этих ваз была тонкая стеблеподобная ножка.

В III позднеэлладский период снова начинает широко использоваться геометрический орнамент. Если же сосуды декорировались натуралистическими мотивами, то рисовали не только растения и цветы, но также животных — стилизованных быков, оленей, птиц, осьминогов. Изделия этого периода отличаются не только изяществом и элегантностью, но и высоким техническим качеством — отборную глину тщательно растирали в мелкий порошок, чрез обжиг ей сообщали необычайную твердость, так что при простукивании она звенела. После обжига поверхность сосуда приобретала глянцевый вид. Роспись наносили коричневой, красной или черной краской. Производство керамических изделий разнообразных форм, размеров и назначения приобретает в этот период в материковой Греции массовый характер, ориентируясь не только на внутреннее потребление, но и на экспорт в страны Средиземноморья. При этом тонкие стилистические отличия, которые сменяли друг друга, позволили в III периоде выделить подпериоды А, В и С.

Привязка относительной хронологии микенской цивилизации, основанной на смене стилей керамических изделий, к абсолютной основана главным образом на находках микенских артефактов в Египте с его выверенной хронологией. Так, микенские керамические изделия стиля I A обнаружены в деревне Тель-эль-Амарна, где короткое время, с 1360 по 1350 г. до Р. Х., находилась выстроенная знаменитым религиозным реформатором Аменхотепом IV столица Египта, заброшенная после него.

Своим названием Микенская культура обязана расположенной в Арголиде столице гомеровского царя Агамемнона, впервые открытой Г. Шлиманом. В 15 километрах от Микен, вблизи морского побережья, раскопан город Тиринф, в котором обнаружили руины дворца. Исключительную ценность представляют находки, сделанные в приморском Пилосе — столице гомеровского Нестора, расположенной в Мессении; это глиняные таблицы с линейным письмом В. В Мессении раскопан город Перистерия, в Лаконии обнаружены такие города микенской цивилизации, как Лас и Амиклы, в Трифилии — Каковатос, вне Пелопоннеса крупные городские центры находились в Этолии — Термон,

в Фессалии — Иолк, в Беотии — Фивы, Гулас и Кадмея, в Аттике — Афины и Элевсины.

В этих городищах нашли не только руины дворцов, домов простолюдинов, погребальные сооружения, но и, что решительно отличает критскую культуру от микенской, мощные крепостные стены. Дворец в Микенах, расположенный на склоне холма, окружен циклопическими стенами из грубо отесанных огромных известняковых камней, при этом толщина стен достигает 6 метров. Подступ к воротам в крепость прикрывал бастион. Сами ворота представляют собой проход шириной более двух с половиной метров, окруженный четырьмя каменными монолитами. Фронтон над воротами украшен изображениями двух львиц, положивших лапы на пьедестал колонны. От этих Львиных ворот широкий пандус вел к царскому дворцу.

Дворец представлял собой комплекс помещений различного назначения, в нем находился парадный зал — мегарон с приподнятым над уровнем пола очагом в его центре, окруженным четырьмя деревянными колоннами, отделанными бронзой. Стены мегарона украшены фресками с изображениями боевых колесниц в сражении, коней с конюхами и прогуливающих женщин. В северной, самой высокой части дворца находилось святилище с круглыми алтарями, рядом с которыми была найдена скульптурная группа из двух богинь и ребенка, выполненная из слоновой кости. Плоская крыша дворца из глины, укрепленной тростником, держалась на балках. Под мощеным полом дворца были устроены дренажные каналы для отвода воды. Вне дворца в Микенах нашли остатки водопровода и цистерны, предназначенной, вероятно, для хранения воды на случай осады.

Мощные циклопические стены защищали также дворцы, воздвигнутые на акрополях в Тиринфе и Афинах. Своеобразие Пилосского дворца в Мессении — в отсутствии акрополя и сильных бастионов. Оборонительные стены, окружающие дворец гомеровского Нестора, не производят впечатление мощной крепости. Как и в Микенах, в центре дворца находился мегарон. Стены мегарона и примыкавшего к нему вестибюля покрыты фресками со сценами битв, торжественных процессий и геральдическими грифонами. В прилегающих к мегарону помещениях, в том числе кладовых, найдены обломки 6 тысяч сосудов, и среди них кувшины, стеклянные килики и утопленные в землю пифосы, предназначенные для хранения масла. В одном

из помещений обнаружена огромная ванна из терракоты с изысканной отделкой.

Вокруг цитаделей и дворцов в Микенах, Тиринфе и Пилосе, а также в других городских центрах микенского мира стояли жилые дома частных лиц. Эти дома располагались террасами, причем для выравнивания улицы использовались насыпи. Для сообщения между террасами делали ступени и пандусы. Большой пандус в Микенах, поддерживаемый стеной из больших необработанных камней, служил дорогой, по которой можно было ездить в экипаже. В незначительном удалении от столицы, на холмах, окружавших крепость, располагались небольшие поселения, которые также входили в состав полиса, отсюда идет и частое употребление множественного числа в названиях городов, воспроизводимого и в русской транскрипции этих топонимов — Фивы, Микены, Афины.

Особенно ценные находки сделаны в погребальных сооружениях в Микенах, в Дендре, расположенной поблизости от Микен, в Элевсине, в Лерне, в Пилосе и в других городах Мессении. Еще Г. Шлиман открыл около Микенской цитадели 6 шахтовых гробниц — это были склепы прямоугольной формы, высеченные в скале и прикрытые сверху каменными плитами. Впоследствии другими археологами были раскопаны иные гробницы шахтного типа, и не только в Микенах. В XIV веке до Р. Х. в Микенах появляются погребения нового типа — коридорные гробницы с толосами — купольными сооружениями. Погребальная камера в них круглая, перекрытая сверху конусообразным куполом. Внутрь камеры ведет дромос, или коридор. В Микенах обнаружено 9 таких гробниц, наиболее совершенные из них получили названия «Сокровищницы Атрея» и «Гробница Клитемнестры». В микенских гробницах найдены керамические сосуды, бронзовые мечи с роскошной отделкой, цепочки, диадемы, кольца, браслеты, серебряный ритон в виде головы быка, золотые маски, в том числе знаменитая погребальная «маска Агамемнона» из электрона. Большая часть гробниц была разграблена до археологических раскопок, и многие предметы из тех, что полагали вместе с покойником, утрачены.

Лучше других сохранилась одна из гробниц в Пилосе. В круглой могиле диаметром 5 с половиной метров найдено 23 захоронения, некоторые покойники погребены были в пифосах из обожженной глины, которыми обыкновенно пользовались

для хранения запасов, другие — в кувшинах. В одном из пифосов найдены бронзовые котелок, булава, кинжал и тонкий золотой кружок, в другом — бронзовые булавки, которые, вероятно, использовались для закалывания савана, котелок, серебряный сосуд и кремневые наконечники для стрел. Кинжалы, закладки, котелки найдены и в других захоронениях пилосской гробницы.

В еще одной хорошо сохранившейся купольной гробнице в лаконийском городе Вафио обнаружены золотые кубки, украшенные сценами охоты на быков, золотые перстни и ожерелье из 80 аметистовых камней, а также железное кольцо на пальце одного из покойников — это было первое найденное железное изделие, относящееся к микенской эпохе, когда импортное железо ценилось наравне с золотом.

У. Тейлор, по материалам раскопок многих захоронений, предпринял опыт реконструкции царского погребального обряда. Погребальная колесница с телом царя в сопровождении плальщиц медленно ехала по длинному дромосу, который вел в середину холма. Все более высокие стены коридора постепенно закрывали солнечный свет. Колесница останавливалась перед дверным проемом с аттаблементом, опиравшимся на высокие полуколонны, и тогда распахивались бронзовые двери с золочеными выступами. Свод гробницы, украшенный бронзовыми полосами, сверкал при свете факелов, которые держали в руках приближенные царя. Носилки с телом снимали с колесницы и ставили на пол, устланный златотканым покрывалом. Покойник был в парадном одеянии, с короной на голове, с кинжалом у пояса. Вокруг тела ставили сосуды с едой, вином, благовонными мазями, а также клали личное оружие — рапиры, кинжалы, копья, лук и колчан со стрелами. «Одна рапира, — пишет Тейлор, — выполняла особые функции. Под пение магических заклинаний ее отделяли от остального оружия и ломали, чтобы заключенный в ней дух освободился и отправился на битву за своего хозяина, защищая его от демонов, мешавших добраться до царства мертвых» (Тейлор. Микенцы. Подданные царя Миноса. М., 2003, с. 102). Слуги закалывали лошадей, которые привезли колесницу, их трупы укладывали так, чтобы морды были обращены друг к другу. Затем в жертву приносили баранов и других животных. Снаружи зажигали костры, на которых жарили жертвенное мясо для поминальной трапезы. После удаления участников погребения из гробницы ее бронзовые двери затворялись и каменщики

замуровывали вход. Затем вход в дромос запирался огромными каменными блоками.

Повторные и последующие погребения в той же гробнице совершались уже не столь торжественно. В этом случае приходилось прежде всего открывать вход в дромос и потом размуровывать вход в саму гробницу. Из-за запаха тления, концентрировавшегося в гробнице, зажигали многочисленные ароматические курильницы. Останки прежде погребенных покойников собирали вместе и зарывали в землю около стены склепа. Некоторые из драгоценных предметов могли при этом уносить из гробницы близкие родственники тех погребенных лиц, которым они принадлежали.

Погребения частных лиц сопровождалось подобным же ритуалом, только в зависимости от статуса и имущественного положения семьи покойника все происходило скромнее и проще.

Погребальные обряды были связаны с религиозными верованиями, которые представляли собой сплав минойских и ахейских элементов. При этом археологический материал в большей мере запечатлел туземное начало, а позднейший гомеровский эпос, сюжеты которого восходят к микенской цивилизации, имена богов и мифологию, привнесенную грекоязычными пришельцами. Сохранившиеся фрагменты фресок, изображения на вазах, мелкая пластика свидетельствуют о том, что у микенцев сохранялся родственный критскому культ богини-матери. От минойской цивилизации унаследован был хтонический культ Диониса, связанный с обожествлением матери-земли, почитание Афродиты, в которой сконцентрировалась эротическая сторона из древнего культа богини-матери, и Деметры, к которой перешло материнское начало из культа этой богини, в то же время почитание верховного бога Зевса, а также Ареса, представляя собой своеобразную трансформацию более древнего общеарийского культа, принесли в Элладу завоеватели — ахейцы. Сонм сугубо антропоморфных олимпийских богов во главе с их предводителем Зевсом, подобным многими атрибутами и нравом, как он отразился у Гомера, племенному вождю, несет в себе черты воинской дружины. Культ некоторых божеств микенцев был заимствован у других народов. Так, хорошо прослеживаются фригийские и лидийские корни почитания морского божества Посейдона. Малоазийское и, вероятно, лидийское происхождение обнаруживается и у культа Артемиды, великой эфесской богини. Происхождение

культа Аполлона связано с хеттами. «В хеттской надписи, найденной недалеко от анатолийской деревни, ученые смогли расшифровать имя “Апулунас”, “бог врат”, которым, как напоминает нам Нильссон, Аполлон был в классической Греции» (Элиаде, цит. изд., с. 334).

Как и в классическую эпоху, общенародное почитание всего пантеона сочеталось с локальными племенными или полисными культами отдельных божеств — Афины в одноименном городе, Посейдона в Пилосе или Аполлона в Дельфах. На микенских табличках упоминаются Зевс, Гера, Посейдон, Дионис, Афина, а также, предположительно, Аполлон, именуемый Пиавоном, и Арес под именем Энуалиоса (см.: Тейлор, цит. изд., с. 77).

В микенскую эпоху не существовало больших храмов, местами поклонения служили пещеры, гробницы, святилища, устраивавшиеся в дворцах и, вероятно, также в частных домах состоятельных людей. Святилище было обнаружено во дворце гомеровского Нестора в Пилосе. Кроме того, культовые предметы находились там и в мегароне, где стоял алтарь, сделанный из бутового камня и раскрашенный геометрическим орнаментом. В тронном зале дворца найдены миниатюрные чаши ритуального назначения, при этом возле трона была выдолблена канавка с резервуаром в виде блюдца в конце ее. Весьма вероятно, что ритуал возлияний, о котором выразительно говорят эти находки, совершался не особым жрецом, но царем, в обязанности которого входило и жреческое служение. Жреческие священнодействия заключались, помимо произнесения молитв и заклинаний, в жертвоприношениях и возлияниях. Помимо пластических и живописных изображений божеств, культовыми предметами символического значения служили унаследованные у автохтонной минойской религии двойные топоры и священные рога, которые обнаружены при раскопках в значительном числе.

О религиозной психологии микенцев судить затруднительно, некоторый свет на нее проливают гомеровские поэмы, но ввиду их значительно более позднего происхождения вполне отождествлять религиозность героев «Илиады» и «Одиссеи» с религиозными идеями и чувствами микенского мира значило бы впадать в грубый анахронизм.

И все же гомеровские поэмы воспроизводят некоторые черты и религиозной психологии, и нравов, и повседневного быта микенской эпохи, хотя, конечно, существенно трансформированные

впечатлениями, унаследованными от позднейшего периода дорийского завоевания Эллады. В «Илиаде» есть место, где Ахиллесу во сне является душа его верного друга Патрокла, убитого в битве Гектором, — «призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный, та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый. Стала душа над главой и такие слова говорила: Спийшь, Ахиллес. Неужели меня ты забвению предал? Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь? О, погребви ты меня, да войду я в обитель Аида. Души, тени умерших, меня от ворот его гонят и к теням приобщиться к себе за реку не пускают, тщетно скитаюсь я перед широковоротным Аидом... Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный: “Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?.. Рек, и жадные руки любимца обнять распростер он, тщетно: душа Менетеида, как облако дыма, сквозь землю с воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем, и руками всплеснул, и печальный, так говорил он: ‘Боги, так подлинно есть и в Аидовом доме подземном дух человека и образ, но он совершенно бесплотный’. В этих гомеровских стихах отразились представления о загробном бытии, которые, очевидно, сложились уже в микенскую эпоху.

О нравах микенцев, об их своеобразной этике можно судить по характерному эпизоду из “Илиады”, когда безобразного видом насмешника Ферсита, который «каркал один празднословный, в мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи. Вечно искал царей оскорблять, презирая пристойность, все позволяя себе, что казалось смешно для народа», проучил «Одиссей многоумный», который вначале сурово укорил его за неуважение к царям, а потом еще и «скиптром его по хребту и плечам он ударил. Сжался Ферсит, из очей его брызнули крупные слезы, вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого, вздулась багровая, сел он, от страха дрожа и от боли, вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах. Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись». Толпа воинов, которая до вмешательства Одиссея, вероятно, с услаждением и не без сочувствия слушала сатирические речи Ферсита, а потом злорадно потешалась над побитым насмешником, удивительно напоминает свору простодушно лукавых и жестоких подростков, хотя, возможно, обнаружившаяся здесь простота нравов ахейцев отражает позднейшую эпоху дорийского завоевания с ее более грубыми солдатскими нравами.

«Илиада» двоится и в том, как отразилась в ней материальная культура народа, одни черты которой восходят к высоко развитой цивилизации бронзового века, а другие воспроизводят хозяйство и быт позднейшего железного века дорийцев. Во всяком случае знаменитое гомеровское описание изготовленного Гефестом щита Ахиллеса и нанесенных на него изображений передает по преимуществу черты рафинированной микенской культуры. Вот как представлены на щите сцены городской жизни — брачный пир и суд: «Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске, брачных песней при кликах, по стогам градским провожают. Юноши хорами в плясках кружатся, меж них раздаются лир и свирелей веселые звуки, почтенные жены смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных. Далее много народа толпится на торжище, шумный спор поднялся, спорили два человека о пене, мзде за убийство, и клялся один, объявляя народу, будто он все заплатил, а другой отрекался в приеме. Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить. Граждане вокруг их кричат., вестники шумный их крик укрощают, а старцы градские молча на тесаных камнях сидят, средь священного круга, скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголовых, с ними встают и один за другим свой суд произносят. В круге пред ними лежат два таланта чистого золота, мзда для того, кто из них справедливее право докажет». Это был, очевидно, своего рода залог, подобный *sacramentum* из римского права.

Представлены на этом щите и идилии сельского земледельческого труда на пашне и в винограднике, где «и девицы и юноши, с детской веселостью сердца, сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах». Гефест представил на щите и стадо «волово, воздымающих роги, их он из золота одних, а других из олова сделал... Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые, и за ними следуют девять псов быстроногих... Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный... Юноши тут и цветущие девы, желанные многим, пляшут... девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы светло одеты., тех — венки из цветов прелестные всех украшают, сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых». Золотые ножи не употреблялись ни во времена Гомера, ни в железный век дорийского завоевания Греции, они — реалии более ранней эпохи, воспоминаниями о которой и вдохновлялось воображение поэта.

Не столь пластический, зато более надежный материал, характеризующий хозяйственный быт, социальный строй и политическую структуру микенского общества, дают глиняные таблички. По данным археологических раскопок, гомеровских поэм и из текстов табличек видно, что в микенскую эпоху, как и в классическую, в Элладе существовало множество отдельных государств. Во главе них стояли наследственные правители, цари, которые в таблицах именуются ванаками. Употребление этого титула также и по отношению к богам является свидетельством высокого статуса правителя, хотя само по себе это обстоятельство не позволяет делать вывод о том, что его власть была неограниченной, подобной египетским фараонам. Эти цари обладали, очевидно, полным суверенитетом, но один из них, правивший в самом значительном городе ахейского мира — Микенах, возвышался над другими настолько, что в случае совместных военных предприятий он, как это было в известном из «Илиады» походе на Трои, признавался верховным командующим соединенными войсками ахейских царей. В иные времена ванаки воевали между собой. Мощные циклопические крепости континентальной Греции, контрастирующие в этом отношении с микенским Критом, лишь подтверждают эту черту из жизни микенского мира.

И из поэм Гомера, и по археологическим раскопкам известно, что Микены были самым крупным городом Греции, но тексты табличек, среди которых самые многочисленные найдены в Пилосе, дают наиболее полное представление о политическом и социальном устройстве того государства, где во времена похода на Трои царствовал гомеровский Нестор, в табличках однако ни разу не упомянутый.

Вторым после ванака лицом в государстве был лавагет — командующий войском, который, как и царь, имел свою личную стражу — теменос. Это же слово употреблялось и для обозначения царского домена — его земельных владений. На следующей ступени иерархической лестницы стоял терета, что значит «управляющий землей» — чиновник, который ведал внутренними делами государства. Из того обстоятельства, что впоследствии, в классическую эпоху, титулом верховного жреца было телестас, можно сделать предположение, что терета пилосских табличек выполнял также жреческие обязанности. При этом властные полномочия принадлежали не только царю, но и народному собранию.

Во всяком случае раздача земли в аренду, судя по текстам пиловских табличек, осуществлялась от имени народа.

Вся территория Пилосского государства была разделена на 16 округов, которые находились под управлением коретеров, чьей обязанностью было взимание налогов в виде золота, бронзы и сельских продуктов в дворцовую казну. Отдельные поселения внутри округов, а также отдельные хозяйственные службы при дворце находились в ведении басилеев. В гомеровских поэмах бацилей становится титулом, аналогичным с анактом (ванактом), и обозначает уже царя — в этом, конечно, обнаруживается след глубокой трансформации греческого общества, которую оно пережило в результате дорийского завоевания.

Из пиловских табличек видно, что существовали как частные, так и государственные земли, которые частично раздавались в аренду. В некоторых надписях упоминаются общественные горные пастбища, предназначенные для выпаса быков. Часть земли принадлежала богам, и, значит, она использовалась для содержания храмов, жрецов и для устройства всенародных религиозных празднеств. Размеры земельных владений даже самых высокопоставленных лиц были не велики, что объясняется скудостью пашенной земли в горной стране. Единицей измерения земли служили меры зерна, которое выращивалось на ней. Темен царя измерялся 1800 мер, земельный надел лавагета составлял 600 мер, крупные частные владения насчитывали от 50 до 500 мер, большинство участков земли, принадлежавших людям со скромным достатком, измерялось 10 мерами. Существовала также практика аренды земли у государства, причем арендаторами бывали как состоятельные лица, так и крестьяне. Крупные арендаторы и землевладельцы имели рабов или использовали наемных работников. В аренду сдавались и земли, собственниками которых считались боги. Арендаторы этой земли именовались в табличках Божиими рабами, но, вероятно, рабами в собственном смысле слова они при этом не являлись, поскольку из табличек видно, что, получая землю в аренду, они заключали сделку и брали на себя обязательства.

В сельском хозяйстве занято было большинство населения. О его продуманной организации говорят тексты табличек, которые содержат записи о доставке и распределении продуктов к царскому двору, о налогах и платах, о пожертвованиях на храмы, о долгах и недоимках. Крестьяне выращивали пшеницу,

рожь, маслины, виноград, лен, пряности. Важным продуктом, часто упоминаемым в табличках, была овечья шерсть. Причем из документов видно, что шерсть, наравне с маслом и вином, шла не только на внутреннее потребление, но и на экспорт. Волы использовались главным образом не на мясо, но как рабочая скотина, на пашне. В то же время воловьей шкуры выполняли функцию денег в товарообмене — служили единицей измерения богатства. В более поздний период в качестве денег использовались медные болванки, которые отливались в виде воловьих шкур. Много таких болванок найдено при раскопках.

В хозяйстве микенской эпохи значительное место принадлежало труду ремесленников; некоторые из них состояли на службе при царских дворах, другие свободно продавали свои изделия либо нанимались состоятельными владельцами. Существовали также рабы, которые заняты были ремеслами: в табличках упоминаются кузнецы, обрабатывавшие бронзу, столяры, резчики по камню, шорники, шерстобиты, парфюмеры, изготавливавшие ароматические притирания и мази из масла и пахучих растений. В одной из табличек упомянут врач. Женским делом почиталось прядение, ткачество и шитье.

Рабы упоминаются в разных табличках. Судя по некоторым записям, можно предполагать, что в хозяйстве и службах дворца пилосского ванакта было занято до 3 тысяч рабов и главным образом рабынь. Из табличек видно, что рабы доставлялись с островов Лемнос, Книд, а также из Киферы, расположенной к югу от Пелопоннеса. Рабы покупались на невольничьих рынках, в рабство обращали также пленных противников, некоторые рабы уже рождались в неволе. Никаких упоминаний о долговом рабстве в найденных табличках нет. Хотя рабский труд и рабские услуги составляли заметную часть хозяйства микенских государств, но несомненно, что значительно преобладал труд наемных работников, арендаторов, а также крестьян и ремесленников, обладавших собственностью на землю и орудия труда.

Торговые отношения связывали микенские государства не только между собой, но и с дальней периферией. Будучи замечательными мореплавателями, унаследовав это искусство от минойской цивилизации, микенцы имели интенсивные торговые контакты с жителями Фракии, Македонии, островов Эгейского архипелага, Кипра, Сицилии, Италии, Испании, Малой Азии, Кавказа, Сирии и Египта.

На вазе среднеэлладского периода из Иолка в Фессалии обнаружено изображение корабля. Именено там был построен мифологический корабль «Арго», и оттуда Ясон отправился за золотым руном в Колхиду. На изображении видно, что корабль приводился в движение веслами, а управлялся большим рулевым веслом, которое закреплялось на приподнятой корме. Продолжением килля служил таран, так что корабль мог использоваться не только для перевозок, но и для морского боя. Изображения кораблей на некоторых перстнях-печатках дают основание предполагать, что в отдельных случаях на судовой палубе устраивалась каюта и иногда употреблялся парус. В плавании корабли обыкновенно держались вблизи берега, во время волнения и шторма они укрывались в бухтах. Но и это не гарантировало их от крушения. У мыса Гелидония найдены остатки судна, потерпевшего катастрофу. Этот корабль перевозил в основном медь — ее на судне оказалось до полутонны. Обнаружены также изделия из бронзы, несколько египетских скарабеев, плетеные корзины, домашняя утварь и часть продовольственных запасов команды — рыба. Кораблекрушение датируется XIII веком до Р. Х.

Контакты микенцев с внешним миром носили не только мирный торговый характер, но и военный. Еще чаще, очевидно, случались войны между отдельными микенскими государствами. Археологические данные с очевидностью говорят о том, что ахейцы были несравненно более воинственным народом, чем минойцы. На некоторых погребальных стелах микенской эпохи сохранились изображения колесниц, в которых погребенный царь торжественно проезжает мимо погибших противников. На одном из серебряных ритонов представлена осада и покорение вражеской крепости. Сохранившиеся фрагменты фресковой живописи изображают массовые сражения и поединки.

Воинская повинность, вероятно, лежала на всех свободных гражданах государства, как это было впоследствии в античную эпоху. Под началом царя и лагавета состояли бекетай, которые во время войны возглавляли отдельные отряды воинского ополчения; эти отряды в пиловских табличках именуются оками. Воевали в основном в пешем строю, но главной ударной силой войска были колесницы, в которые запрягалась пара коней. Судя по сохранившимся изображениям, на каждой колеснице восседало по два воина — один из них управлял конями, а другой стрелял из лука. Кроме боя, колесницы использовались

также для доставки знатных воинов на поле битвы и для того, чтобы быстро увезти их после сражения, когда оно складывалось неудачно.

Возницы колесниц были безоружны, поэтому для защиты они надевали панцири, или своего рода кольчуги. Эти доспехи изготавливались либо из бронзы, либо из гораздо более дешевой кожи. Микенские таблички не упоминают ни щитов, ни лат, однако их употребление подтверждается не только гомеровской «Илиадой», но и сохранившимися изображениями. На фресках во дворце в Тиринфе представлены щиты воинов, сделанные из бычьей шкуры. Еще одним защитным доспехом служил шлем, наиболее архаичным его видом собственно ахейского происхождения был шлем, сделанный из клыков кабана, впоследствии их изготавливали из кожи или бронзы. Боевым оружием микенцев были луки, копья, а также мечи, рапиры, кинжалы и сабли. Колющее и режущее оружие, а также наконечники для стрел изготавливались из бронзы, в более раннюю эпоху использовались обсидиановые или кремневые наконечники. На рукоятках некоторых из найденных кинжалов нанесены драгоценные украшения тонкой работы из золотых и серебряных инкрустаций.

Цари — ванакты микенцев были не только правителями, но также воинами и полководцами, героями позднейшей античной мифологии. Прочитанные глиняные таблички не содержат их имен, но есть основания доверять Гомеру и вообще исторической мифологии, которая сохранила имена царей эпохи Троянской войны и предшествующего ей периода, хотя такое доверие в восприятии позитивистской исторической критики с ее безграничным скепсисом по отношению к мифам и легендам заслуживало в свое время самой презрительной иронии. Руководствуясь топографией «Илиады», Шлиман не ошибся в установлении мест раскопок, не ошибались и его последователи, которые выбирали эти места по подсказке Гомера. Достоверность эпоса в передаче топонимов и места расположения городов дает основание доверять Гомеру и вообще античной литературе, черпавшей сюжеты из исторического мифа, и в том, что касается имен знаменитых царей. Не стоит принимать за чистую монету действительно фантастические обстоятельства из жизни и подвигів этих царей и героев, связанные с их общением с богами Олимпа, но присутствие в мифах языческого суеверия, а также поэтическая фантазия в отразивших мифы поэмах и трагедиях не принуждают

трезвого историка к ребяческой скоропалительности в тотальном отрицании исторической основы мифа.

Поэтому, пренебрегая скепсисом гиперкритической историографии, позволительно допустить реальное существование Персея, царствовавшего в Аргосе, не принимая при этом за действительные события ни рождение его от Зевса, который оплодотворил его мать Данаю, явившись ей в виде золотого дождя, ни пребывание его младенцем вместе со своей матерью в деревянном ящике, носимом морскими волнами, ни их чудесное спасение из пучины, ни убийство им медузы Горгоны. Предполагая, что и за фантастическими эпизодами из приключений Персея стоит нечто реальное, мы однако не обладаем средствами для надежного выщелачивания из них подлинных фактов и обстоятельств. С аналогичными ограничениями можно отнестись и к преданию об основателе и царе Коринфа Сизифе, не принимая однако за непреложный факт его происхождение от бога, повелителя ветров Эола, усматривая в этой его знатной генеалогии скорее некую связь с устойчиво ветреной погодой в Коринфе, выстроенном на узком перешейке и окруженном морем. Нет причин отвергать достоверность предания о царствовании в Афинах Эгея и потом его сына Тесея, о правителе фессалийского Иолка Ясоне, сыне Эсона, что, конечно, не заставляет нас заодно верить мифологическому преданию о том, что его воспитателем был кентавр Хирон.

Основателями некоторых царских династий микенской Греции были, согласно мифу, иноземцы. Так, фиванскую династию основал финикиец, сын сидонского царя Кадм, и это обстоятельство нашло замечательное подтверждение, хотя, конечно, только косвенного характера, в археологической находке — обнаруженной при раскопках фиванского дворца печати финикийского царя Бураббуриаса II, правление которого относится к середине XIV века до Р. Х.

Приблизительно к этому времени, или, лучше сказать, к эпохе, начало которой восходит на столетие раньше, а завершается Троянской войной, и относятся цари и герои, имена которых сохранил античный миф, воспроизведенный в греческом эпосе и трагедии, в античной историографии. Построив свои хронологические выкладки на счете поколений царей, историк Н. Хаммонд приходит к такому выводу: «Эпаф из Египта основал династию в Аргосе за девять поколений до Троянской войны, а Кадм

из Финикии основал династию в Фивах за пять поколений до Троянской войны. Если в среднем оценить продолжительность поколения в 30 лет, то эти династии были основаны где-то около 1470-го и 1350 гг., первая в спокойный период до разграбления Кноса, а вторая — после крушения критского морского могущества» (Хаммонд, *цит. изд.*, с. 72).

К более позднему времени, XIII столетию до Р.Х. — кану Троянской войны, относятся многочисленные имена царей и соединенных брачными союзами царских династий, упомянутых в гомеровских поэмах. Причем в основном это были новые династии, происходившие от недавних захватчиков царских престолов. Так, Нелей, выходец из Фессалии, овладел Пилосом, оставив после себя правителем состарившегося ко времени Троянской эпопеи мудрого Нестора. На трон Аргоса вззошел пришелец из Этолии Тидей.

История двух династий микенской эпохи потрясла и завоорожила воображение эллинов, составив сюжет великих трагедийных циклов и оказав влияние на всю европейскую культуру.

Одна из этих династий — потомки первого царя Фив финикийца Кадма, сыном которого был Полидор, а внуком Лабдак. Лабдаку в свою очередь наследовал его сын Лай. Однажды Лай был в гостях в Писе у царя Пелопса и там похитил царского сына Хрисиппа. В горе Пелопс проклял Лая, пожелав, чтобы боги наказали его смертью от руки собственного сына. Вернувшись в Фивы, Лай женился на дочери Менойкея Иокасте. Опечаленный долгой бездетностью, Лай отправился в Дельфы, чтобы там спросить у бога Аполлона о причине своего несчастья. Пифия Аполлона ответила на вопрошание Лая, что у него будет сын, но он станет убийцей отца. И когда сын действительно родился, Лай, чтобы предотвратить свою гибель, связал ноги младенца ремнями, проколол ему ступни и велел рабу выбросить его в лесу на склонах Киферона. Но раб не исполнил приказа царя, а передал ребенка слуге коринфского царя Полиба. Бездетный царь Коринфа решил усыновить младенца и назвал его Эдипом из-за ног, распухших от ран.

Эдип вырос, не подозревая о своем настоящем происхождении, но однажды на пиру один из его друзей назвал его найденышем. Эдип обратился за разъяснением к Полибу и его жене Меропе, которую считал своей матерью. Но они ничего не сказали ему о тайне его появления в Коринфе. Терзаемый сомнением

и тревогой, Эдип отправился к дельфийскому оракулу и там услышал от пифии страшное предсказание, что он станет убийцей отца и женится на собственной матери. Чтобы избежать этой участи, юноша навсегда покинул Коринф и решил стать вечным скитальцем. Уходя из Дельф, он выбрал первую попавшуюся дорогу, которая вела к Фивам.

На этом пути, у подножья Парнаса, он встретил на дороге колесницу, на которой восседал величественный старец со свитой. Глашатай грубо накричал на Эдипа, приказав ему уйти с дороги и замахнулся на него бичом. Эдип вступил с ним в драку. Разгневанный старец ударил юношу посохом по голове. В ответ Эдип с такой силой поразил старца своим посохом, что тот замертво выпал из колесницы. Затем Эдип перебил всех его рабов, кроме одного, которому удалось бежать. Убитым старцем был фиванский царь Лай, который ехал в Дельфы, чтобы узнать от Аполлона, как избавить свой город от Сфинкса — чудовища, родившегося от Тифона и Ехидны, которое пожирало жителей Фив и собиралось оставаться около города на его погибель до тех пор, пока кто-нибудь не разрешит загадку: кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех. Подойдя к Сфинксу, Эдип разгадал загадку, перед которой вставали в тупик другие отважные и остроумные фивяне, пытавшиеся ее разгадать и становившиеся жертвой чудовища. Это человек сказал Эдип; и Сфинкс оставил город.

В Фивах Эдип был провозглашен царем, потому что временный правитель города Креонт, брат царской вдовы Иокасты, постановил, что царем станет тот, кто спасет Фивы от Сфинкса. Взойдя на престол, Эдип женился на Иокасте, от которой имел сыновей Этеокла и Полиника и дочерей Антигону и Исмену. Несколько лет царствование его продолжалось благополучно и безмятежно, но потом на город обрушилась новая беда. Люди во множестве стали гибнуть от моровой язвы и голода. Тогда Эдип послал Креонта в Дельфы, чтобы тот спросил оракула о том, как избавиться от несчастья. Оракул передал через Креонта повеление Аполлона изгнать из Фив убийцу Лая. Чтобы найти убийцу, Эдип обратился к слепому прорицателю Тиресию, который, зная тайну, долго не хотел отвечать ему, но принужденный к ответу угрозами, сказал, что убийца — это он, Эдип, и к тому же он женат на собственной матери. Царь не хотел верить Тиресию. Вскоре отыскивали раба, который в свое время

должен был погубить младенца, но пожалел его; тут же из Коринфа пришел вестник, сообщивший о смерти Полиба, чтобы призвать Эдипа на царствование в Коринфе, этот вестник и был ранее тем самым рабом Полиба, который принес спасенного от смерти мальчика бездетному царю. Истина открылась вполне. В ужасе от содеянного Иокаста повесилась, а Эдип ослепил себя, и был изгнан из Фив, обретя приют в пригороде Афин Колоне во время правления сына Эгея Тесея; там и закончилась его жизнь, исполненная страданий.

А в Фивах стали править сыновья Эдипа Этеокл и Полиник вместе со своим дядей Креонтом. Но Этеокл вскоре изгнал из Фив старшего брата Полиника. Изгнанник пришел в Аргос, где правил Адраст, и женился на дочери Адраста Деипиле. Адраст решил помочь Полинику отвоевать семивратные Фивы. Войско аргосцев устремилось против могущественных Фив. В сражении под стенами города в поединке погибли оба брата Этеокл и Полиник, но аргосцы были разгромлены.

Через 10 лет выросшие сыновья героев, погибших у семивратных стен Фив, — эпигоны предприняли новый поход против этого города. Возглавил войско сын Адраста Айгиалей. В этом войске был и сын Полиника Ферсандр. Защищал Фивы царь Лаодамант, сын Этеокла. В боях у городских стен пал Айгиалей, погиб и убивший его Лаодамант. Фиванцы потерпели в сражении жестокое поражение, но еще укрывались за неприступными стенами родного города. По совету мудрого слепца Тиресия они тайно от осаждавших вышли из города и поселились в Гестиотидах в Фессалии. По дороге в изгнание умер прорицатель Тиресий. Фивы были разрушены, что вполне достоверно подтверждается археологическим материалом — по результатам раскопок, разрушение Фив почти на столетие упреждает гибель других центров микенской цивилизации. Победители эпигоны поделили между собой добычу, а править в городе стал сын Полиника Ферсандр, который и восстановил разрушенный город.

Не все, конечно, в этом мифе отражает действительную историю, во всяком случае участником этой истории не мог быть Сфинкс с головой женщины, телом льва и с крыльями, но имена героев, скорее всего, достоверны, а многие из этих мифологизированных событий, в особенности военных, несомненно, имеют историческую основу, — в какой мере искаженную мифологическим преданием, — сказать трудно.

Другая и самая влиятельная династия правила в самих Микенах — важнейшем городе той цивилизации, которой они дали свое имя. Незадолго до Троянской войны в Микенах воцарилось потомство выходца из лидийского города Сипила Пелопса, сына Тантала, которому миф усваивает происхождение от самого Зевса. Не веривший во всеведение олимпийских богов Тантал, чтобы посрамить их, угостил олимпийцев прекрасно сваренным мясом своего сына Пелопса, но боги узнали о его злодеянии и не прикоснулись к ужасной трапезе, за исключением только Деметры, которая, поглощенная скорбью о похищенной дочери Персефоне, в рассеянности съела плечо мальчика, так что после того как боги оживили Пелопса, Гефесту пришлось изготовить ему протез из слоновой кости, отчего потомки Пелопса носили на правом плече родовую метку в виде белого пятна.

Воцарившись в Сипиле, Пелопс потерпел поражение от троянского царя Ила, после чего со всеми своими сокровищами на корабле покинул родину и, переплыв Эгейское море, высадился на южной оконечности полуострова, который от него принял название Пелопоннеса. Там Пелопс женился на прекрасной Гипподамии, дочери царя Писы Эномае, которую он приобрел коварством. Эномай объявил, что отдаст свою дочь в жены тому, кто победит его в состязании на колесницах, но если жених потерпит поражение, ему придется заплатить жизнью. Когда Пелопс пришел к Эномаю, он увидел головы женихов, прибитых к дверям царского дворца, но Пелопса это не устрасило. Чтобы добиться своего, он вступил в сговор с царским возничим Миртилом, обещав ему богатый дар — полцарства, если тот не вставит чек в ось колесницы Эномая перед состязанием, и тот, польстившись на посулы, так и сделал. Во время состязания колеса соскочили с оси царской колесницы, и Эномай разбился насмерть. Пелопс завладел царством Эномая и его дочерью. Но когда Миртил стал требовать условленного вознаграждения, Пелопс заманил его на высокий берег моря и столкнул со скалы. Падая, обманутый Миртил проклял Пелопса и все его потомство.

У Пелопса и Гипподамии родились два сына Атрей и Фиест. Совершив убийство Хрисиппа, которого родила отцу их Пелопсу нимфа Аксиона, они оба бежали от гнева отца в Микены, где тогда правил сын Персея Сфенел, женатый на их сестре Никиппе. Сфенел принял беглецов в своем дворце. После смерти Сфенела и его сына Эврисфея властителем Микен стал Атрей. Брат

его Фиест позавидовал Атрею и стал требовать передать царство ему, но в этом не преуспел и вынужден был бежать от гнева брата и жителей Микен, которые поддержали Атрея.

В изгнание Фиест взял с собой похищенного племянника — сына Атрея Посфена, которого он воспитывал как родного сына и выдавал ему себя за отца. Полисфена Фиест хотел сделать орудием мести брату. Когда он вырос, Фиест послал его в Афины убить Атрея, и тот в неведении о своем происхождении попытался сделать это, но был убит рукой своего отца. Когда истина открылась Атрею, он ужаснулся содеянному и решил отомстить брату. Атрей сделал вид, что хочет помириться с Фиестом, и пригласил его вернуться в Микены. Приняв это предложение, Фиест не расстался с мыслью об убийстве брата. На его стороне оказалась жена Атрея Аеропа, которая строила вместе с ним козни против мужа. Между тем Атрей, чтобы отомстить Фиесту за сына, велел схватить и умертвить юных сыновей Фиеста Полисфена и Тантала. Из их тел была приготовлена трапеза для угощения их отца. Когда Фиест насытился угощением, он, терзаемый тревожным предчувствием, спросил брата о своих сыновьях, и тот велел слугам показать ему их головы и ноги. В горе Фиест просил брата отдать ему их тела для погребения. В ответ Атрей сказал, что они уже погребены, но не в земле, а в нем самом. Обезумев от горя, Фиест проклял брата и все потомство Атрея и бежал из Микен в пустыню, долго скитался там, а потом нашел приют у царя Эпира Феспрота.

После совершенного Атреем злодеяния неурожай и голод обрушились на его владения. Царь велел спросить оракула, и тот ответил, что бедствие прекратится только после того, как в Микены возвратится Фиест. Тщетно искали его по всей Элладе, но найти удалось лишь его юного сына Эгисфа, которого Атрей взял в свой дворец и воспитал племянника как родного сына.

Много лет спустя сыновья Атрея Агамемнон и Менелай открыли убежище Фиеста и доставили его в Микены. Но Атрей не примирился с братом и велел бросить его в темницу, а Эгисфу, который считал его за родного отца, он приказал убить узника. В темнице Фиест тотчас узнал сына и открылся ему. Вместе они обдумали план мщения Атрею. Выйдя из темницы, Эгисф доложил царю, что выполнил его приказ. На радостях Атрей отправился на берег моря, чтобы там принести жертвы олимпийским богам. И во время жертвоприношения Эгисф ударом кинжала

в спину поразил дядю, после чего из темницы, выведен был Фиест, и они оба завладели Микенами. А сыновья Атрея Агамемнон и Менелай вынуждены были спасаться бегством, обретя пристанище и защиту у царя Спарты Тиндарея.

Они оба женились там на дочерях Тиндарея — Агамемнон на Клитемнестре, а Менелай на прекрасной Елене. После смерти Тиндарея Менелай стал править в Спарте, а Агамемнон, вернувшись в родные Микены, сверг и убил Фиеста, став царем самого могущественного города и государства Эллады, от которого, очевидно, зависели другие государства ахейцев.

Достоверность этого мифа представляется более убедительной в той своей части, которая связана уже с Микенами, но весьма вероятно также иностранное, не ахейское, а лидийское и, значит, в некотором роде хеттское происхождение новой микенской династии, пришедшей на смену той, которая восходила к царю соседнего Аргоса Персею. Поражение, которое, согласно мифу, потерпел некогда лидийский предок Агамемнона от троянского царя Ила, могло быть одной из причин воспетой Гомером войны не менее, чем похищение прекрасной Елены Парисом.

5. Троянская война и упадок микенской цивилизации

Осада и падение Трои, или Илиона, составляют сердцевину исторической мифологии греческого народа. Воспетая в гомеровской «Илиаде», Троянская война воспринималась античными писателями как вполне надежная отправная точка истории своего народа. Эратосфен вычислил дату падения Трои — 1184 г. до Р. Х., но в историографии нового времени и Троя с ее царем Приамом, и Агамемнон и все вообще гомеровские герои, и вся эта война почитались за поэтическое баснословие, однако раскопки, проведенные Шлиманом в Троаде, на месте гомеровского Илиона, как оно с большой топографической точностью указано в «Географии» Страбона, убедительно опровергли скептиков. После Шлимана не осталось разумных причин сомневаться в исторической основе гомеровского эпоса. Правда, раскопки Трои, следовавшие за Шлиманом, показали, что гениальный дилетант от археологии ошибся с идентификацией слоя, который он отождествил с Троей Приама. Этот слой и знаменитые его находки из золота относятся к более раннему периоду. Современные археологи, в частности Блеген и Тейлор, Илион Приама, разрушенный полчищами Агамемнона, отождествляют с Троей-VIIA.

Тейлор считает дату падения Илиона, установленную Эратосфеной, слишком поздней, поскольку на рубеже XIII и XII веков Микены и другие города Эллады пережили археологически очевидным образом фиксируемый упадок, вероятно, связанный с началом дорийского нашествия, после которого ахейцы уже не были в состоянии предпринять столь грандиозный и успешный поход против мощного государства, владения которого простирались на обширных территориях по обе стороны Геллеспонта. Привлекая для определения даты падения Трои сохранившиеся в египетских анналах сведения о нападениях «людей моря», которых Тейлор сближает, с одной стороны, с сорванными со своих мест дорийским переселением ахейцами, а с другой, — с побежденными Рамзесом III и поселившимися вскоре после этого на юго-восточном побережье Средиземного моря филистимлянами, давшими свое название стране Палестине, он датирует падение Трои 1260–1250 годами до Р. Х. (см.: Тейлор, *цит. изд.*, с. 218).

Своим богатством Троя, которая, впрочем, в «Илиаде» чаще именуется Илионом, обязана была торговле, разведению лошадей на плодородных пастбищах, о чем столь часто напоминает Гомер, а также выявленным раскопками развитым текстильным производством: «Количество обнаруженных там веретен и прясл значительно превышает аналогичные находки в других местах» (Тейлор, *цит. изд.*, с. 215).

Значительный интерес представляет вопрос об этническом составе народа, проживавшего в царстве Приама и во владениях зависевших от него союзных царей. А состав этот был, очевидно, пестрым. Древний географ Страбон, опираясь на гомеровский текст, обнаруживает во владениях Приама и его союзников ликийцев и лелегов, восходящих к доарийскому населению Эллады, Эгейских островов и Малоазийского побережья. Находясь на границе могущественной Хеттской империи, Троянское царство включало в число своих подданных лиц, принадлежавших к хеттам и родственным им лувийцам и лидийцам и иным народам анатолийской языковой семьи.

Большая часть современных историков склоняется к тому, чтобы основное население Трои считать тождественным с ахейцами или близкородственным им. Очевидно, что в европейских владениях Илиона могли проживать македны, или дорийцы, весьма вероятно, что они же, или прямо ахейцы жили и на азиатском берегу Геллеспонта — во всяком случае в «Илиаде» нигде

нет и намек на нужду в переводчиках, когда троянцы и ахейцы беседуют между собой. И все-таки даже если ахейская речь была хорошо понятна в Трое или была родной для большинства троянцев, это допущение все-таки не устраняет впечатление не междоусобной, а говоря современным языком, межнациональной вражды, которой дышат гомеровские строки. Поэтому невозможно удовлетвориться простой констатацией близкого языкового родства, до взаимопонимаемости, или совершенного этнического тождества врагов, сражавшихся у стен Илиона — в такой версии название города несомненно принадлежит эллинской лексике.

Ключом к разгадке этнической принадлежности троянцев, инородных ахейцам, может быть столь обычный у Гомера этноним «дарданцы», именование Приама Дарданидом. Исторический миф связывает это прозвище с прапрадедом Приама Дарданом, сыном Зевса, который пришел из Аркадии. Название родины Дардана как будто бы только подтверждает эллинские и даже прямо ахейские корни Илиона. Но хотя бы гипотетически этноним «дарданцы» и прозвище Дарданид позволительно сблизить с хорошо известным из позднейшей эпохи этнонимом одного из илирийских племен, проживавших на берегах Дуная, в самом центре Балкан, и хотя переселение балканских народов, главным образом фракийских — фригов и мизийцев, относится ко времени, которое последовало за Троянской войной, но вполне допустимо предположить, что и ранее некоторые фракийские и даже илирийские племена прорывались в Малую Азию, в Троаду. О таком перемещении через пролив косвенно говорит уже само его название «Дарданеллы», употреблявшееся и в древности наравне с эллинским топонимом «Геллеспонт». По меньшей мере представляется вполне вероятным, что даже при эллиноязычии троянцев, господствующий слой в этом царстве был связан происхождением с варварами-завоевателями, с выходцами из илироязычной балканской Дардании.

О состоянии ахейского общества до похода на Трою и о самом походе Фукидид писал со свойственной ему трезвостью и реализмом, отчасти в тон позитивистской историографии нового времени: «После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников, заселил большую часть находившихся под их властью островов (это относится к состоянию эгейского мира в XV веке до Р.Х. — В.Ц.). И некоторые приморские жители, которые

теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле... окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Трою они выступили лишь спустя много времени. «Агамемнон, — продолжал историк, — полагаю я, вовсе не потому стал во главе похода, что женихи Елены, которых он вел с собой, были связаны клятвой, данной Тиндарею, а оттого, что он был могущественнее всех своих современников» (Фукидид, цит. изд., с. 8), что, добавим, вполне достоверно подтверждается раскопкам Микен и других городов Эллады микенской эпохи. «Конечно, — писал далее Фукидид, — живя на материке, Агамемнон не мог бы владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло быть много), если бы не обладал значительным флотом» (Фукидид, цит. изд., с. 8). «Троянский же поход, — замечает историк, искусно минуя опасность уклониться в сторону Сциллы наивного легковерия или Харибды чрезмерного скепсиса, — следует признать самым важным из всех происходивших ранее, но уступающим теперешним походам, если опять-таки верить поэмам Гомера, хотя Гомер как поэт, вероятно, преукрасил и преувеличил это событие» (Фукидид, цит. изд., с. 9).

Затем Фукидид пытается определить число воинов, отправившихся в поход, опираясь на «Илиаду»: «Поэт называет 1200 кораблей, на кораблях беотийцев, он говорит, было по 120 человек матросов, а на кораблях Филоктета — по 50. Поэт, видимо, выбирает самые большие и самые маленькие корабли». В своих калькуляциях историк учитывает и то обстоятельство, что «все люди на кораблях были и воинами и гребцами, поэт ясно указывает» на это «при описании кораблей Филоктета. Действительно, всех гребцов он называет лучниками. Невероятно также, чтобы на кораблях были, кроме гребцов, какие-либо лишние люди, исключая царей и знатнейших вождей, тем более что воинам приходилось переплывать море с военным снаряжением. К тому же у кораблей не было верхней палубы, и строились они по стародавнему обычаю скорее на манер разбойничьих судов». Фукидид не приводит окончательный результат своих выкладок, но на основе приведенных им примеров и высказанных им соображений всех участников похода было, очевидно, около 100 тысяч.

Историк грандиозной Пелопоннесской войны находит это число незначительным, «если иметь в виду, что они были посланы совместно всей Элладой. Причиной этого был не столько недостаток в людях, сколько скудость денежных средств» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 9), — заключает он.

Исключительную историческую, если не сказать прямо документальную, ценность представляет гомеровский список кораблей, городов, племен и вождей, которые участвуют в походе. Фактическая достоверность этого списка подтверждается тем обстоятельством, что могущественными городами в нем представлены те, которые подтвердили этот свой статус по материалам раскопок, проведенных в конце XIX и в XX веке, между тем в эпоху, к которой относится текст «Илиады» в его литературной редакции, они превратились в незначительные деревни — Микены, Пилос, Тиринф, в то время как один из двух политических центров архаической и классической Эллады Спарта упомянута в этом списке вскользь, между соседними Фарой и «стадам голубиным любезной Мессой». Из этого обстоятельства Н. Хаммонд делает резонный вывод: «Троянский список отражает историческую ситуацию, существовавшую в XIII веке, но не позже, иными словами, троянский список Гомера восходит к перечню, сочиненному во время Троянской войны или вскоре после нее. Это подлинное свидетельство, сохранившееся от бронзового века» (Хаммонд, *цит. изд.*, с. 76)

Список племен с их городами и царями начинается с упоминания «рати беотийских мужей», которых «предводили на бой воеводы: Аркезилай и Лент, Пенелей, Профенор и Клоний». Среди прочих упоминаются затем племена фокеев, локров, «народы эвбейские», «мужи, населяющие град великолепный Афины», «суда саламинские» во главе с «мощным Аяксом Теламонидом», затем «жившие в Аргосе мужи, населявшие Тиринф крепкостенный», «живущие в Микене, прекрасно устроенном граде, и в богатом Коринфе», воины из Пилоса, из Аркадии. «Царь Одисей предводил кефалленян, возвышенных духом, живших в Ифаке мужей и при Элите трепетolistном», «рать из племен этолийских Фокс предводил Андремонид», «критян же Идомений предводил», «Тлиподем Гераклид, как отец, и огромный и мощный гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса».

Перечень племен и городов начинается с центральной Греции, за нею следует Пелопоннес, потом — Ионические острова

и западная Эллада, затем Крит и Эгейские острова и, наконец, северо-восточная Греция, где самым могущественным из царей был Ахиллес, которому миф и Гомер приписывают рождение от богини Фетиды. Приведенные здесь имена царей и племен — это только отрывки из обширного списка, в котором отражена вся география Эллады микенской эпохи, очевидно, не без некоторых анахронизмов — наслоений позднейших времен.

Илиада переполнена батальными сценами. Особенно выразительны описания единоборств героев из стана ахейцев и из Илиона, но с исторической точки зрения важнее описания массовых сражений. Вот одно из них: «Тою порой укрепилися снедью ахейские мужи, быстро по кущам и в битву оружием все покрывались. Трои сыны на другой стороне ополчались по граду в меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться... Все растворились ворота, из оных зареяли рати конные, пешие, шум между толп их воздвигся ужасный. Рати, на место одно устремляясь, быстро сошлись, разом сразилися кожи, сразилися копья и силы воинов, медью одетых, выпуклобляшные разом сшиблись щиты со щитами, гром поднялся ужасный. Вместе смешались победные крики и смертные стоны воев губящих и гибнущих, кровью земля заструилась. Долго, как длилось утро и день возрастал светоносный, стрелы и тех и других поражали — и падали вои».

Гомер описал только один эпизод войны у стен Илиона, относящийся к ее 10-му году: от распри между предводителем соединенных войск ахейцев Агамемноном и самым могучим воином Ахиллесом из-за плененных наложниц и до погребального костра и тризны по убитом Ахиллесом Гекторе, сыне троянского царя Приама, но исход войны известен — Илион пал.

Возвращение ахейских воинов из-под стен павшей твердыни было сопряжено со многими бедствиями. Многомудрый Одиссей, которому предстоял особенно долгий путь вокруг Пелопоннеса, заблудился в море и пережил приключения, фантастически отразившиеся в другой гомеровской поэме — «Одиссее», и возвратился на родину, когда уже возмужал его сын, оставленный им на Итаке младенцем.

Особенно тяжела была участь предводителя похода Агамемнона. Во время отсутствия царя его жена Клитемнестра сошлась с его двоюродным братом Эгисфом, убийцей Атрея. Сговорившись с любовником, она убила мужа, набросив на него, когда он выходил из ванны, длинное покрывало, в котором царь запутался

как в сети, после чего она поразила его ударами секиры. В Микенах воцарился Эгисф. Мстителем за отца стал впоследствии его сын Орест, который действовал с помощью своего друга Пелида и сестры Электры, возненавидевшей мать за коварное убийство отца. Орест собственными руками убил Эгисфа и потом свою мать Клитемнестру возле трупа ее любовника.

Но падение Трои явилось проклятием для победителей не только потому, что судьбы многих из них сложились печально. Разрушение мощного государства, преграждавшего путь через Босфор и Дарданеллы, создало своего рода сквозняк, в который устремились фракийские народы, вторгшиеся в пределы Малой Азии, что в конце концов привело к гибели могучей Хеттской империи. Переселение народов затронуло Кипр, Египет и Сирию. В движение пришли и греческие племена, обитавшие к северу от той территории, где расцвела микенская цивилизация, вскоре после падения Трои погибшая под ударами дорийцев. Археологические раскопки свидетельствуют о разрушении Микен, Пилоса и Тиринфа, следовавшем через несколько десятилетий после падения Трои.

Глава 5. Эллада в эпоху дорийского завоевания

1. Этническая карта Европы в конце II тысячелетия

За время, которое протекло от зарождения первой европейской цивилизации до падения Трои, — за 8 столетий бронзового века, — население Европы в результате освоения необжитых ранее территорий, развития земледелия с широким использованием металлических орудий, образования государств на Крите, Эгейских островах и на юге Балкан, остановивших массовое кровопролитие в нескончаемых межплеменных войнах, по меньшей мере удвоилось, составив уже около 15 миллионов, одну шестую или седьмую долю численности всего человечества, какой она была более 3-х тысяч лет назад.

Демографический рост был особенно значителен в цивилизованной части Европы, в Элладе, население которой в канун падения Микен могло достичь 4-х миллионов. Можно также с большой уверенностью предположить, что и в других южно-европейских регионах с их развитыми культурами, давно уже вступившими в бронзовый век — на северном Кавказе, в Италии и Испании, — проживало по одному или по два миллиона человек в каждом регионе.

В конце II тысячелетия до Р.Х., возможно, уже большинство европейцев составляли народы, говорившие на индоевропейских языках, но в Европе оставались еще регионы, арийское присутствие в которых не зафиксировано. На северо-востоке Европы, на пространстве от Скандинавии до северного Урала, равно как и в Зауралье, в Западной Сибири, по-прежнему обитали охотники и рыболовы, значительную часть которых можно отождествить с предками угро-финнов.

Автохтонные кавказские племена, родственные закавказским иберам и месхам, а также урартам и ближневосточным хурритам, оставались на своей исконной территории — на северных склонах Кавказских гор и на Кубани. Туземными народами были также тавры и меотийцы, населявшие Крым и Приазовье. Во второй половине II тысячелетия индоевропейцы не проникли еще за Пиренеи, где существовали высокоразвитые культуры бронзового века. В Скандинавии уже появились германцы, а в Британии кельты, но они составляли там меньшинство. На юге Франции, а также в Лигурии и Пьемонте обитали автохтонные лигурийцы, на отрогах Альп жили реты. В ту пору, вероятно, еще большая часть Франции, ее запад и юг заселены были народами, говорившими на языках древней Европы.

Апеннины подвергались уже интенсивному заселению со стороны переправлявшихся через Адриатику итальянцев, венетов и иллирийцев, но несомненно, что и там оставались еще автохтонные южноевропейские племена, к тому же среди переселенцев в Италию были не только индоевропейцы, но и потомки пеласгов, часть которых оставалась в Греции, оказавшись там в окружении индоевропейских ахейцев. Туземные народы, занимавшие Сардинию, Корсику, Мальту и Балеарские острова до конца II тысячелетия еще не встретились с агрессивными индоевропейскими пришельцами, но проникновение италиков, возможно также иллирийцев и греков, на Сицилию в эту эпоху уже началось.

Острова автохтонного населения сохранялись и в тех регионах, где доминировали индоевропейцы — в Западной, Центральной и Восточной Европе, например по среднему течению Днепра, на стыке между балтами и ираноязычными кочевниками, где впоследствии обитали геродотовы невры — вероятные наследники древних трипольцев, в Карпатах, по берегам Северного моря, куда уже проникли кельты и германцы.

Преобладание в восточной и центральной Европе индоевропейцев означает, конечно, не истребление ее более древних обитателей, а их покорение и ассимиляцию — при том, что палеантропологический материал, соотносимый с современными антропологическими данными, однозначно свидетельствует о том, что биологическими предками позднейших и современных европейцев остались по преимуществу древние европейцы, а не вторгшиеся арийцы, расовый тип которых практически не поддается идентификации ввиду того, что он растворился в значительно преобладавшей биологической массе автохтонного населения, многообразие типов которого подверглось незначительным модификациям в результате многократных переселений народов.

Поэтому понятие «индоевропейцы» в минимальной степени связано с расой, значительно больше с археологическими культурами — в середине II тысячелетия до Р. Х. это была, например, культура курганных погребений, названная так по характерным для нее курганам, которые насыпали над могилами; эта культура находится в генетическом родстве с более ранней культурой шнуrowой керамики, арийский характер которой сомнений не вызывает. Но главным образом понятие «индоевропейцы» относится даже не к археологии, а к лингвистике.

Глубокая дифференциация индоевропейского праязыка в конце II тысячелетия привела к его окончательному разделению на праязыки известных ныне кельтской, германской, италийской, иллирийской, фракийской, балтской, славянской, иранской, нуристанской, индийской, тохарской и анатолийской семей, прагреческий и праармянский язык, а также гипотетический язык венетов. Взаимное понимание речи на одном из этих языков носителями другого стало окончательно невозможным — это в полной мере относилось тогда, в отличие от ситуации, сложившейся на рубеже III и II тысячелетий до Р. Х., к балтам и славянам, а также к тем, кто говорил на праиранском и праиндийском языках.

Более того, на исходе II тысячелетия уже произошло глубокое расщепление иранского праязыка на язык, который употребляли племена, кочевавшие в евразийской степи, и язык народа, который, наряду с традиционным для него скотоводством, осваивал земледелие в регионе, расположенном к югу от Каспийского моря и Копет-Дага и по берегам Персидского залива. С большой долей вероятности можно предполагать аналогичную ситуацию

с кельтским праязыком, разделившимся на языки, которые в лингвистике обозначаются буквами Q и P — к первому из них восходит современный гэльский язык, культивируемый в Ирландии и употребляемый также в горной Шотландии, а ко второму — языки валлийский и британский. Возможно также, что расхождения между наречиями италийских, фракийских, иллирийских и анатолийских народов переступили в конце II тысячелетия до Р.Х. меру диалектной дифференциации.

Но славянский праязык еще долгое время, может быть более полутора тысячи лет, протекших после обозначенного здесь рубежа, не подвергался языковой дивергенции — это очевидным образом вытекает как из значительной близости современных славянских языков, так и из того обстоятельства, что в текстах эпохи начала славянской письменности по сути дела зафиксированы лишь диалектные различия. Вероятно также, что дифференциация внутри германского и балтского праязыков в конце II тысячелетия не вышла еще за пределы диалектных различий.

Армянский и греческий языки существуют и в настоящее время в качестве изолятов в большой индоевропейской семье, не имея близких родственников. Аналогичное одиночество современного албанского языка имеет иную природу, став следствием исчезновения других иллирийских языков, носители которых были ассимилированы соседними народами. Хорошо известно о существовании в античную эпоху македонского языка, близкородственного греческому, но из исторических данных представляется вероятным, что этот язык был ранее тождественным наречию дорийцев и грекоязычных обитателей Эпира, каким оно оставалось до их переселения на территорию микенской цивилизации, где, подвергшись влиянию ахейской речи, оно составило основу для диалектной дифференциации классического греческого языка.

Археологический материал, анализируемый в комплексе с лингвистическими, в частности с топонимическими и даже ономастическими данными, позволяет с большой надежностью локализовать в Европе конца II тысячелетия ареалы народов и племен, говоривших на различных индоевропейских языках.

Центральную часть Восточной Европы от Вислы и Балтики до верховьев Волги и Оки, включая всю территорию современной Белоруссии, занимали племена балтов, язык которых может считаться прямым продолжением праиндоевропейского, поскольку

он подвергся минимальному влиянию инородного языкового субстрата. В XIII веке до Р.Х. здесь начинается местное производство из бронзы — наиболее характерными изделиями были удлиненные боевые топоры, воспроизводившие модели каменных топоров неолитического века, а также булавки и браслеты. Главным богатством края являлся янтарь, который вывозился отсюда в разных направлениях — в Центральную Европу, в Италию, Грецию и на Кавказ, где его меняли на бронзовые, серебряные и золотые изделия и на руду, которая употреблялась уже самими балтами в их бронзовой индустрии.

Принадлежность фатьяновцев, обитавших во II тысячелетии до Р.Х. на территории Ярославской губернии, и даже носителей более восточных балановской и абашевской культур к балтам, на чем настаивает крупнейший знаток балтских древностей М. Гимбутас, не представляется бесспорным ввиду отсутствия на этой территории, в отличие от обозначенного выше региона, балтской гидронимики. Учитывая явные расовые отличия в палеоантропологическом материале фатьяновской и позднейших балановской и абашевской культур, уместно сделать вывод и о ее этническом плюрализме. На этой территории могли присутствовать и носители праиранского языка, очевидно также, что фатьяновцы разместились в местах обитания финских племен, которые, вероятно, впоследствии их поглотили, обогатив свою культуру достижениями своих ассимилированных соседей; возможно также, что одним из результатов контакта явилось выделение из угро-финской общности собственно угров, подвергшихся более глубокому воздействию иранцев.

Археологи М. Гимбутас и Б. Рыбаков локализуют прародину славян территорией, расположенной к югу от поселений балтов, южнее Припяти и в верховьях Днестра, по правому берегу Днепра и даже, у Рыбакова, по его левому берегу, отождествляя ее с комаровской и более поздними чернолесской и белогрудовской культурами, а Рыбаков также и с восточным ареалом тшинецкой культуры. Но принимая эту версию, трудно объяснить многочисленные заимствования в финских языках из иранского, поскольку при столь восточной локализации первоначального расселения славян предельно сокращается возможная зона контактов финнов и иранцев.

Эта концепция предполагает также отождествление со славянами позднейших геродотовых скифов пахарей, что до Гимбутас

и Рыбакова делал уже крупнейший археолог и этнограф Л. Нидерле, для чего однако, как кажется, нет достаточно убедительных археологических, ономастических и гидронимических оснований. При этом Нидерле, в отличие от М. Гимбутас, западную границу славянской прародины отодвигал дальше на запад и помещал в верховьях Вислы и по ее среднему течению. Поэтому к высказанной в начале XX века позиции Л. Нидерле восходит как концепция восточной прародины славян, представленная Рыбаковым и Гимбутас, так и локализация праславян на юге современной Польши, от Западного Буга до Одера, в ареале тшинецкой культуры, просуществовавшей с XV по XII век до Р. Х., которая восходит к польскому археологу С. Носеку, чья точка зрения представляется более убедительной.

Находки артефактов тшинецкой культуры восточнее этого региона могут, конечно, свидетельствовать не только о вывозе изделий, но и о присутствии славяноязычного элемента на территории Волыни, Подолья и в Поднепровье, которая впоследствии им действительно была занята, но эпицентр этой культуры, с которым связано компактное расселение праславян, относится по преимуществу к верховьям Одера, к междуречью Вислы и Западного Буга, к северным склонам Карпат. Во всяком случае массовое заселение славянами Поднепровья несомненно относится к более поздней эпохе, и есть основания считать, что ранее проникшие в этот регион праславяне были затем ассимилированы фракийцами и иранцами.

К западу от ареала тшинецкой культуры, в Силезии и в междуречье Одера и Эльбы, расположена область более развитой Лужицкой культуры. Ее начало восходит к середине II тысячелетия до Р. Х. и территориально она почти совпадает с более ранней унетицкой культурой, ареал которой однако простирался дальше на юг, занимая значительную часть современной Чехии. Большая часть археологов и этнографов связывает лужицкую культуру с иллирийским этносом. Польский ученый В. Хенсель, не исключая присутствия в регионе лужицкой культуры иллирийцев, по преимуществу сближает ее с индоевропейским народом венетов, которые локализуются и в других регионах — на северо-востоке современной Италии — в основном на побережье Венецианской лагуны, на северо-западе Балкан, на западе Анатолии и даже в Арморики, или Бретани. Этот этнос впоследствии исчез, был ассимилирован итальянскими, кельтскими и германскими

племенами, но в месте своего основного расселения, в ареале лужицкой культуры, его поглотили продвинувшиеся на запад славяне, на которых с тех пор их соседи, главным образом германцы, и перенесли этноним венеты, или венды.

Прародина германцев находилась на южном побережье Балтики, по обоим берегам Эльбы — от устья Одера до устья Рейна, а также в Ютландии. Некоторые германские племена уже в конце II тысячелетия переселились на скандинавский полуостров, в южную Швецию. В культурном развитии германцы, подобно славянам и балтам, таким же прямым наследникам и продолжателям культуры шнуровой керамики, уступали индоевропейцам Центральной Европы — носителям лужицкой культуры, то есть венетам, а также кельтам и иллирийцам.

От верховьев Дуная и Рейна до Среднедунайской равнины во второй половине II тысячелетия простирался регион «полей погребальных урн»; название этой археологической культуры связано с захоронениями кремированных останков в биконических урнах, без насыпания курганов. Как писал Т. Пауэлл, «в середине 2-го тысячелетия до н.э. очень важное влияние на население этого региона оказала минойско-микенская цивилизация эгейцев» (Пауэлл, *цит. изд.*, с. 40). Притоки Тиссы были золотonosными, в Трансильвании добывалась медь. Металл и изделия из него были, очевидно, главным предметом торговли с микенцами, от которых носители культуры полей погребальных урн перенимали технологию бронзовой индустрии. Эти люди занимались главным образом земледелием, а не скотоводством, в отличие от своих восточных соседей и своих более ранних арийских предков, переняв этот образ жизни, вероятно, от автохтонного древнеевропейского населения, покоренного индоевропейцами и ассимилированного ими. Они «основывали поселения и жили в прямоугольных деревянных домах, окруженных садами» (Пауэлл, *цит. изд.*, с. 38). Лужицкая культура — это тоже разновидность культуры полей погребальных урн, но с элементами, унаследованными от предшествующей унетицкой культуры.

В ареале «полей погребальных урн» присутствовали разные этносы. Верховья Дуная и Рейна с его притоками Некаром, Майном и Мозелем, северные склоны Альпийских гор — это прародина кельтов, часть которых, продвинувшись на запад, на территорию Франции, и ассимилировав носителей культуры колоколовидных кубков, расовый тип которых отличался брахицефалией, составила

ту ветвь кельтов, которая лингвистически связана с языком Q, в то время как другая ветвь этого народа оставалась на месте первоначального расселения, восточнее и южнее, а потом продвинулась и на запад и на восток — эти кельты в расовом отношении обнаруживали по преимуществу долихоцефалию и говорили на языке Р. Археологических, топонимических и лингвистических данных недостаточно для языковой идентификации культуры строителей знаменитого Стоунхеджа, воздвигнутого в первой половине II тысячелетия до Р. Х., но представляется большой натяжкой предположение, что это были проникшие в Британию кельты, а не более древние насельники острова. Возможно, Стоунхедж был творением носителей культуры колоколовидных кубков до их кельтизации.

На территории современных Австрии, Венгрии, Хорватии и Словении обитали иллирийские, а южнее итальянские племена, которые уже начали переселяться в Италию, но не через Альпы, как это предполагали археологи и историки XIX века, в частности Моммзен, а из Далмации через Адриатику. Иллирийцы, прародина которых расположена была в регионе унетицкой культуры, южнее Праги, постепенно заселяли западную часть Балкан, но передвигались и дальше в разных направлениях: в Италию — как и италийцы, через Адриатическое море, в области, занятые фракийцами на востоке Балкан, и даже вместе с фракийцами через Босфор и Дарданеллы в Малую Азию.

Евразийские степи оставались местом обитания ираноязычных скотоводов, кочевников и полукочевников, прямых преемников носителей ямной культуры, а также культуры курганных погребений. В степях от Днепра до Урала, в северном направлении до верховьев Дона и Средней Волги локализуется срубная культура, носителями которой и были эти иранцы. В прямом соприкосновении с ними и на восток от них, на территории современного Казахстана, простирался огромный регион андроновской культуры, созданной, возможно, носителями тохарского языка, но после перемещения тохарцев на восток, в Синьцзянь, их территорию заняли ираноязычные племена, близкородственные носителям срубной культуры. В среднем Поволжье, в Приуралье и Зауралье срубники соседствовали с абашевцами — родственные связи этих культур очевидны, но не настолько тесны, чтобы можно было безоговорочно утверждать ираноязычие абашевцев. В бассейне средней Волги и в Заволжье ираноязычные

скотоводы соседствовали с угро-финскими племенами охотников и рыболовов.

В северном Причерноморье в течение многих веков жил народ, имя которого зафиксировано в греческих и ближневосточных памятниках — киммерийцы, принадлежность которых к ираноязычным народам вероятна, но не бесспорна. Некоторые историки, в частности М. И. Ростовцев, сближают их с фракийцами. В книге Бытия упомянут сын Иафета Гомер (10, 2), который большинство экзегетов отождествляет с известными из ассирийских текстов народом гимераи, а некоторые также и с кимврами Цезаря, то есть с народом германского или кельтского происхождения — в Библии среди сыновей Гомера назван Аскеназ, чье имя в еврейской литературе служило патронимом германцев. И все-таки предположение о кельтском характере киммерийцев, — а такой точки зрения придерживался известный этнолог Л. Н. Гумилев, — представляется экзотическим.

Многочисленные фракийские племена во второй половине II тысячелетия до Р. Х. обитали в Паннонии, Трансильвании, на западных, восточных и южных склонах Карпатских гор, в северном Причерноморье — от Прута до Днепра, а также на востоке Балканского побережья и на азиатском берегу Босфора и Дарданелл. Их собственные этнонимы нам отчасти известны, поскольку они отразились в гомеровском эпосе — в «Илиаде» упомянуты фракияне и мисяне, гомеровские имена других фракийских племен вроде гиппемолгов и абиев (XIII, 5–6), этимология которых греческая, не могут, естественно, считаться самоназваниями этих народов. В культурном отношении фракийцы, контактировавшие с микенскими греками и с анатолийцами, включенными в мир хеттской цивилизации, стояли выше своих северных соседей, приближаясь к порогу, за которым начинается уже фаза цивилизации.

2. Племена Северной Греции

К югу от фракийцев и илирийцев, в Эпире и Македонии, во второй половине II тысячелетия обитали македны и иные близкородственные им племена, которые однако в культурном отношении обнаруживали большую связь с носителями культур погребальных урн, чем со своими ближайшими языковыми родственниками — ахейцами, а те, в свою очередь, мало отличались от них, когда до своего вторжения в область распространения

минойской цивилизации в Греции в начале II тысячелетия до Р. Х. они обитали в Македонии, Эпире и Фессалии.

Македны были по преимуществу скотоводами, в особенности те из них, что вели в гористом Эпире полукочевую жизнь, разводили коров, овец, свиней. Жители Фессалийской равнины с ее плодородной почвой и благоприятным для выращивания злаков климатом занимались не только земледелием, но и коневодством. Своими военными успехами македны обязаны были использованию в бою конницы, что не было типично для микенской стратегии. Керамические изделия македнов, или дорийцев, — с этим именем они стали известны ахейцам и с ним они вошли в историю, — были одного типа с керамической индустрией луизицкой культуры. Это значит, что достаточно однородная культурная зона простиралась в Центральной Европе с севера до южных Балкан, исключая только Пелопоннес и примыкающий к нему с севера регион — Аттику, Беотию, Фокею и другие номы, принадлежавшие микенской цивилизации, включив в свою орбиту разноплеменные народы, в том числе и носителей некоторых греческих диалектов.

Македны, или дорийцы, употребляли изделия из бронзы, в том числе и бронзовое оружие. Убеждение русского историка В. С. Сергеева, что «они уже были знакомы с обработкой железа», что «железное оружие сыграло не последнюю роль в успехе дорийского вторжения на территорию Средней и Южной Греции» (В. С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963, с. 98), во всяком случае применительно к первой волне этого вторжения, а значит, и к техническому уровню дорийского общества до начала его экспансии, не представляется обоснованным. Железные изделия в XIII веке изготавливали в Малой Азии, в империи хеттов, в Европе же оно было продуктом импорта — одинаково и в центрах микенской цивилизации, и вне ее — и употреблялось в основном или даже исключительно в виде предметов роскоши, для экзотических украшений.

Распространение кремации в Греции после дорийского вторжения говорит о том, что до переселения на юг македны сжигали останки умерших. Отражение именно этого способа погребения в «Илиаде», не находящее археологического подтверждения в ареале микенской культуры, явилось, очевидно, наслоением позднейших воспоминаний об эпохе дорийского завоевания на древний сюжет троянской эпопеи.

Весьма вероятно, что самоназванием одного из многих вторгшихся племен было эллины: редко употреблявшийся в микенской Греции этноним, — у Гомера в списке кораблей предводителем эллинов, вместе с мирмидонами, назван Ахиллес, — становится в архаическую эпоху самоназванием всего греческого народа. Но, по Аристотелю, первоначальная Эллада располагалась во круг горы Додоны в Эпире.

3. Дорийское завоевание микенской Греции

Военное вторжение дорийцев в ахейскую Грецию происходило одновременно с переселением других народов Балканского и Малоазийского регионов, одной из отдаленных причин которого стало падение Трои. Новый Илион, выросший на развалинах сожженного полчищами Агамемнона города Приама, судя по археологическим находкам, далеко уступал прежней Трое и уже не мог служить заслоном для фракийского народа фригов, которые, перебравшись через проливы, разрушили империю хеттов и обосновались в Малой Азии. За ними в Малую Азию последовал еще один фракийский народ — мисийцы. Народы островов, как их называют древние египетские источники, разрушили древние цивилизованные города Тарс, Угарит, Сидон, опустошили Кипр и вторглись в Египет. Один из этих народов, филистимляне, обосновался на юго-восточном побережье Средиземного моря, потеснив евреев и хананеев.

Вероятной причиной переселения македнов на юг было давление со стороны иллирийских народов, которые передвигались из центра Европы в теплый край, в среднее Подунавье, на Балканы. В памяти эллинов вторжение, под ударами которого пали процветающие центры ахейской цивилизации Микены, Аргос, Тиринф, Пилос, приписывается дорийцам. Между тем этот этноним в своем первоначальном значении относится к жителям Дориды, расположенной к северу от Фокиды, на границе микенского мира, откуда пришли захватчики, в свою очередь вытесненные пришельцами из Македонии, так что наиболее вероятным исконным самоназванием хотя бы части дорийцев было все-таки македны, которое было удержано их соплеменниками, оставшимися на родине, вплоть до классической эпохи и до Александра Македонского. Дорийцев эллинское историческое предание сближает с потомками Геракла — гераклидами, которые, однако, по тому же преданию, были изгнанниками из ахейского

мира, вернувшись на родину своих предков вместе с полчищами иноплеменников отвоевывать свое наследие, незаконно отнятое у них Пелопсом и его потомками. В известной мере и этот миф может отражать действительные события, прототип которых тысячекратно повторялся в истории разных народов и эпох.

Фукидид, у которого исторические события, предшествовавшие Пелопоннесской войне, отражены крайне лаконично, имея характер предисловия к собственному содержанию его «Истории», так характеризует эпоху переселения: «После Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. Ведь запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города. Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона вытесненные фессалийцами из Арны, поселились в современной Беотии, прежде называвшейся кадмейской землей (часть их, конечно, уже раньше жила в этой стране, и к ним принадлежали беотийцы, отправившиеся под Илион), а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес. Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны» (Фукидид, цит. изд., с. 10).

Фукидид — исключительно надежный и трезвый историк. Его изображение бурных событий XII и XI столетий до Р. Х. верно, но, судя по археологическим данным, действительность носила более драматический характер — прекрасно отстроенные города были разрушены, и прежняя высокоразвитая цивилизация умерла, уступив место варварству не в специально греческом, а в общепотребительном значении этого слова. Гибели избежали только Афины и некоторые из окраин микенского мира.

После падения главных центров микенской цивилизации победоносные пришельцы расселились на ее территории. Наиболее полное представление об этом расселении дает диалектологическая карта Греции архаической и классической эпохи. Все позднейшие диалекты явились результатом сплава двух наречий завоевателей — дорийского и северо-западного — с родственными им местными ахейскими диалектами микенцев. Захватчики пользовались, вероятно, двумя диалектами, один из которых составил

основу собственно дорийского наречия архаической и классической эпохи и который распространен был ранее в Македонии и Фессалии; носители другого, северо-западного диалекта до переселения на юг обитали в Эпире. При этом образовались такие новые диалекты, как дорийский в собственном смысле слова, который основательно известен по текстам классической эпохи и который, конечно, отличается от гипотетического наречия пришельцев, каким оно было до их смешения с автохтонными ахейцами; северо-западный, о котором можно сказать то же самое; и еще три диалекта: аркадский, эолийский и ионийский, разновидностью которого является аттический диалект, на котором говорили в Афинах и на котором написаны лучшие памятники греческой драматургии и философии. В этих трех диалектах сильнее выразились черты местного ахейского языка микенской эпохи, в особенности это относится к аркадскому диалекту, употреблявшемуся в горах в центре Пелопоннеса, где долго продолжалось сопротивление захватчикам, причем если иметь в виду влияние наречий пришельцев, то эолийский ближе к северо-западному, а ионический диалект, и в особенности его аттический вариант, — к дорийскому.

Северо-западный диалект был в употреблении в Этолии, Дориде, Фокиде, на островах Ионического моря Итаке и Кефалении, а также на Пелопоннесе: в Ахее и Элиде; дорийский — на Иstmийском перешейке, в южной и восточной части Пелопоннеса — в Арголиде, Лаконии, Мессении, а также на Крите, Родосе, в дорийских колониях на юго-западном и южном побережье Малой Азии; эолийский диалект — в Фессалии и Беотии, на некоторых островах Архипелага, и среди них на Лесбосе, в Эолиде — северной части Малоазийского побережья; близкий ему аркадский диалект — не только в Аркадии, но и на далеком Кипре, куда эмигрировали ахейцы, пережившие разрушение микенской цивилизации; ионический — в Халкидике и, главным образом, в городах на малоазийском берегу Эгейского моря, а также на большинстве островов Архипелага: на Хиосе, Самосе и Наксосе; и, наконец, аттический — в Аттике и на Эвбее.

Диалектная карта, наряду с археологическими следами и отрывочными историческими преданиями эллинов, позволяет с известной долей проблематичности восстановить последовательность событий, связанных с дорийским завоеванием микенского мира. Наиболее убедительная версия такой реконструкции

принадлежит современному английскому историку Н. Хаммонду, который писал: «Через 60 лет после гибели Трои, т. е. около 1140 г., фессалийцы во главе с Гераклидами перебрались из Феспротии в южном Эпире в юго-западный ном Фессалии, который отныне назывался Фессалиотида. Они выгнали обитавших там беотийцев, которые ушли на юг и соединились с другой ветвью этого же племени в Кадмее, получившей с тех пор название Беотия. 20 лет спустя (ок. 1120) дорийцы во главе с Гераклидами, выйдя из Дриопиды., достигли северного побережья Коринфского залива. Переправившись через него в союзе с пришельцами из западной Этолии, они захватили надежный плацдарм на северном берегу Пелопоннеса. После первого успеха союз распался: дорийцы вторглись в Арголиду, а прочие — в северо-западный Пелопоннес. Еще позже дорийцы повернули на север, победили этолийскоязычные народы Коринфии и заняли Истм» (Хаммонд, цит. изд., с. 88).

Этнонимы «фессалийцы» и «беотийцы» Н. Хаммонд считает самоназваниями завоевателей, а имя дорийцев, по его версии, покоренные ахейцы дали пришельцам, вторгшимся из Дориды, которая в свою очередь ранее, при начале их продвижения на юг, была завоевана ими. На своей же родине, у подножья Пидна, они назывались македнами. Западная группа завоевателей, как пишет далее историк, шла «из горных областей северо-западной Греции, расположенных между Доридой, Фессалиотидой, западной Македонией и Феспротией. Однако их вожди были уже хорошо знакомы с морем. Это ясно из того, что их первые поселения возникли на Крите, Родосе, Нисиресе.... Мореплаванию они могли научиться в Амбракийском заливе или на западном побережье Феспротии» (Хаммонд, цит. изд., с. 89).

По версии Хаммонда, фессалийцы заселили всю Фессалийскую равнину, где 9 государств микенской эпохи сменились четырьмя со столицами в Ларисе, Кранноне, Фарсале и Ферах. Беотийцы в своем продвижении на юг разделили на две части государство локров, так что с тех пор локров стали разделять на опунтийских и озолийских. Главными поселениями беотийцев стали Херонея, Платея, Фивы. На Пелопоннесе западная группа агрессоров поселилась на плодородных равнинах Элиды, а их восточная ветвь, дорийцы, заняли богатые земли на востоке и юге Пелопоннеса. «Пока главные силы дорийцев штурмовали микенские твердыни в Арголиде, Лакедемонии и Мессении,

другие отряды отправились за море захватывать острова и объединились со своими предшественниками на Крите, Родосе, Нисиром и других островах» (Хаммонд, цит. изд., с. 91). Дорийцами колонизовано было и юго-западное побережье Малой Азии, где одним из крупных городских центров стал Галикарнас. Вытесненные из Фессалии, Беотии и Фокиды эолийцы, ранее представлявшие собой одно из ахейских племен, отправились в поисках убежища за море. Так появились эолийские поселения на островах Тенедосе и Лесбосе, на северо-западном побережье Малой Азии, около Троады.

Не затронутая первой волной нашествия Аттика стала прибежищем для беженцев, среди которых были ионийцы из Ахеи — первоначально так могло называться одно из ахейских племен или даже один из родов ахейцев, а также потомки Нелея из Пилоса — нелеид Мелантий и стал, по эллинскому преданию, царем Афин — «в списке афинских царей и в генеалогии Нелеидов Мелентий числится в четвертом поколении после гибели Трои, следовательно, время его правления очень приблизительно можно датировать 1080 г.» (Хаммонд, цит. изд., с. 97).

При новом натиске дорийцев обороняться пришлось и афинянам — защитников города возглавил сын Мелантия Кодр. Затем, при его младшем сыне Нелее, в конце XI века до Р. Х., произошла эмиграция части афинян и жителей других городов Аттики через Эгейское море на острова Архипелага и на Малоазийское побережье, где, впрочем, и раньше присутствовало грекоязычное население, составляя там дальнюю периферию микенского мира, — это и была ионическая эмиграция, в результате которой появились такие полисы Малой Азии, как Милет, Смирна, Эфес.

В результате дорийского завоевания произошло смешение автохтонных греков, а также живших бок о бок с ними пеласгов с завоевателями — дорийцами и выходцами из Эпира северо-западными грекоязычными племенами фессалийцев и беотийцев, но господствующее положение в Греции везде, кроме Аттики, удержали за собой завоеватели. Коренных жителей равнин они поработили, как это сделали спартанцы с илотами, а горцев поставили в зависимое положение периеков. Но речь покоренных племен и захватчиков, оказавшихся на одной и той же территории, во время завоевания существенно различавшаяся, хотя и взаимопонятная, постепенно сливалась в единый диалект,

и эти диалекты сохранялись на протяжении многих веков в своих основных чертах без существенных изменений.

4. Эллада в эпоху дорийского господства (XI–IX века до Р. Х.)

Завоеванная дорийцами Эллада переживала глубокий упадок, одним из проявлений которого был демографический кризис. Численность населения сократилась в результате гибели одних, массовой эмиграции других, а также голода, который неминуемо последовал за хозяйственным разорением, вызванным разрушениями городов, превращенных в развалины, ограблением покоренных, распадом прежних устоев общественного строя. На пике упадка, которым завершилась последняя волна нашествия и который можно приблизительно датировать концом XI века до Р. Х., численность населения Эллады сократилась не менее, чем в два раза, вернувшись, вероятно, к исходной точке, с которой в первой половине II тысячелетия началась история микенской цивилизации, составляя едва ли более 2 миллионов человек. Но с тех пор как отгремели бурные события завоевания и жизнь в Элладе вошла в берега, в начале I тысячелетия до Р. Х. численность населения возобновила свой рост.

Наиболее надежную основу для периодизации нового периода в истории Греции дает археология. Особой иллюстративностью отличается смена стилей археологических находок на афинском кладбище в Керамике — квартале горшечников, имя которого стало названием самой индустрии. Дело в том, что Афины, разоренные менее других городов, — археологи не обнаружили следов разрушения древнего Акрополя, от пожаров пострадали только поселения, окружавшие его, — дают обильный материал, удобный для хронологической типизации. В результате обобщения керамических находок в Афинах выделены следующие периоды: субмикенский, который датируется концом XII – серединой XI столетия до Р. Х., протогеометрический — от середины XI (в Афинах уже с 1075) до середины X века и, наконец, геометрический, который продолжался до конца VIII века до Р. Х.

В субмикенский период на смену изящным керамическим изделиям позднемикенской эпохи приходит более простой и грубый гранарский стиль. Изделия гончаров были украшены примитивным и маловыразительным орнаментом, главным и почти единственным мотивом которого служила спираль, унаследованная

у предшествующей микенской керамики. В этот период исчезают скульптурные фигурки, столь характерные для микенского искусства. Прежние грандиозные гробницы уступают место камерным единичным или двойным погребениям. Частыми находками в этих гробницах становятся длинные бронзовые булавы, браслеты и изысканные фибулы — закладки для плащей, которые употреблялись дорийцами или, что более вероятно для жителей Афин и Аттики, были заимствованы у них автохтонным населением, культура которого в субмикенский период представляет собой не принципиально новый тип, а скорее вульгаризацию, упрощение древней микенской культуры.

Но более крупные бронзовые изделия — оружие, орудия труда — встречаются редко. Эллада страдала от недостатка бронзы. Дело дошло до того, что снова, как в каменном веке, стали употребляться наконечники для стрел и лезвия для ножей из обсидиана. Некоторые исследователи причину этого видят в иссякании местных источников добычи олова и в изоляции страны от внешнего мира или, может быть, в том, что разоренная нашествием страна не располагала средствами для эквивалентной оплаты импорта. Но в этот же период появляются бронзовые ножи с железными вкладышами. Вероятно, они ввозились из Кипра и из Сирии.

В субмикенский период кремация употреблялась редко, но в позднейший, протогеометрический, она уже преобладает и становится почти исключительным способом захоронения — его принесли с собой дорийцы, и он был заимствован потомками ахейцев, в Аттике остававшимися большинством. Пепел сожженных трупов хоронили в урнах. Кремация стала вытесняться ингумацией лишь на рубеже IX и VIII столетий до Р. Х.

В протогеометрический период в урны с прахом кремированных покойников нередко клали железные мечи и кинжалы. Заимствованная в Азии, выплавка железа стала в X веке до Р. Х. одной из важнейших отраслей производства в Греции. На смену роскошным и дорогим изделиям бронзового века приходят более примитивные и дешевые изделия железного. Эти изделия имели однако функциональное преимущество перед бронзовыми — они лучше рубили и резали, и это важно было не только в бою, но и для лемеха в плуге — железный плуг был не только дешевле и доступней бронзового, но и более производителен. Ввиду того, что железная руда встречается несравненно чаще меди и олова, из которых выплавляли бронзу, металлические изделия

получили теперь более широкое употребление, чем в бронзовый век, так что дефицит олова и обнищание страны в конечном счете подтолкнули греческое общество к радикальной смене типа индустрии, к техническому перевороту и способствовали позднему прогрессу и процветанию, который однако полноценные плоды принес только в эпоху архаики. До тех пор железный век Эллады обнаруживал свою убогость в сравнении с величием микенского бронзового века, из технологии которого греки дорийской эпохи унаследовали парусный корабль, колесную повозку, гончарный круг, плуг, а также все известные виды оружия — меч, кинжал, копье и лук.

Сравнивая крито-микенскую цивилизацию с культурой разрушивших ее дорийцев, А. Дж. Тойнби нашел тут одну из иллюстраций своей мысли о том, что технический прогресс часто сопровождается «отступлением цивилизации»: «Минойское общество не вышло за пределы бронзового века. Последним и наиболее разрушительным нападением континентальноевропейских варваров постминойского движения племен был приход дорийцев, племен — носителей техники железа. Однако победа вооруженных железом дорийцев над вооруженными бронзой минойцами была победой Варварства над Цивилизацией. Железный меч, равно как и стальной танк, подводная лодка, бомбардировщик или любая другая машина уничтожения, может быть символом победы, но не символом культуры. Дорийцы, освоив технику железа, не перестали быть варварами» (Тойнби, *цит. изд.*, с. 227–228).

Новейшие археологические исследования не подтверждают распространенного ранее представления о том, что дорийцы пользовались железным оружием до покорения микенцев: железный век пришел на Балканы в эпоху, наступившую уже после дорийского завоевания микенского мира. Но несомненно, что и вступив под влиянием технологических заимствований из Малой Азии в железный век, Эллада оказалась на низшем уровне культурного развития, даже в технологической области, чем тот, на котором стояла предшествовавшая микенская культура. Особенно убедительным образом бедность железного века выразилась в удручающем падении строительной техники. Не только жилые дома, но даже храмы этого периода — и так это оставалось вплоть до архаической эпохи — строились из сырцового кирпича, крыша подпиралась деревянными столбами, а храмовый цоколь

делался из каменных плит — об этом говорят раскопанные руины храма Артемиды в окрестностях Спарты и храма в этолийской Терме. Жилые дома, даже знати, строились из дерева, полом служила утробованная земля, а дым очага выходил через отверстие в крыше.

Вазы протогеометрического стиля покрывались геометрическим орнаментом, который составлялся из кругов, полукругов, ромбов и пересекающихся линий. Этот стиль достигает совершенства на рубеже тысячелетий — изделия этого времени отличаются замечательным чувством ритма, пропорций, изяществом отделки. Протогеометрическая вазопись появилась в Аттике, в Афинах. Керамик, где обнаружены наиболее ранние изделия этого стиля, находился за пределами города — там хоронили своих покойников переселенцы, беженцы из разоренной Ахеи и Элиды, которые, вероятно, и явились создателями этого стиля. Из Аттики протогеометрическая керамика распространилась затем по Эгейскому побережью, по островам Архипелага, а также в малоазийских поселениях ионийцев.

Начало собственно геометрического стиля также связано с Афинами. Наиболее характерными изделиями этого стиля стали амфоры и кратеры из Дипилонского некрополя близ Афин — огромные сосуды высотой до человеческого роста, которые первоначально употреблялись в качестве надгробных памятников афинской знати, поэтому они украшены поясами росписей, изображавших погребальные обряды: оплакивание покойника, поминальную тризну, погребальные игры. На этих вазах изображались также всадники, колесницы, батальные сцены, корабли — все, что имело отношение к жизни покойников. Эти изображения составлялись из упрощенных фигур, приближенных к геометрическим — повернутый вершиной вниз треугольник представлял человеческое тело, руки и ноги изображались почти прямыми линиями, голова на этих рисунках неизменно имеет форму круга, непропорционально малого по отношению к корпусу, и неизменно повернута в профиль — это был своего рода древний кубизм.

В эпоху дорийского завоевания искусство письма, привязанное к нуждам дворцового хозяйства, было утрачено. Но помимо археологических материалов о жизни греческого общества этого периода можно много узнать из гомеровских поэм, которые приобрели свой окончательный вид уже в эпоху архаики. При чем образ этого времени лучше отразился в фантасмагорической

по своему сюжету «Одиссее», чем в «Илиаде», творец которой всецело погружен в древнее предание о героическом общенациональном подвиге — победоносной войне под стенами Илиона.

Воспоминания о роскоши микенских дворцов, исчезнувших в мареве давно минувшего, отличаются в «Одиссее» сказочными преувеличениями до неправдоподобия, а вот скудость царского быта позднейших темных веков представлена в поэме достоверно и убедительно, ее зримые черты почерпнуты не из фантазии, а из живых наблюдений. Дворец феакийского царя Алкиноя так предстает изумленному взору «стойкого в бедах» Одиссея: «Стены из меди блестящей тянулись и справа и слева внутрь от порога. А сверху карниз пробегал темно-синий. Двери из золота вход в крепкозданный дворец запирали, из серебра косяки на медном пороге стояли, притолка — из серебра, а дверное кольцо — золотое. Возле дверей по бокам собаки стояли. Искусно из серебра и из золота их Гефест изготовил... В доме самом вдоль стены, прислоненные к ней, непрерывно кресла внутрь от порога тянулись: на них покрывала мягко-пушистые были наброшены... Юноши там золотые стояли на прочных подножьях, каждый в руке поднимал по пылавшему факелу, ярко комнаты дома в ночной темноте для гостей освещая».

В сравнении с великолепием дворца Алкиноя запущенный за время отсутствия хозяина дом самого Одиссея представляется жилищем частного человека — помещика или богатого крестьянина: «Это, Евмей, не иначе, как дом Одиссея прекрасный! Даже среди многих других узнать его вовсе не трудно. Все здесь одно к одному. Зубчатой стеною искусно двор окружен, и ворота двустворные крепки на диво... Пес, лежавший близ двери, вдруг голову поднял и уши... лежал он в куче огромной навоза, который обильно навален был от коров и от мулов пред дверью, чтоб вывезти после в поле, удабривать им Одиссеев пространный участок. Там он на куче лежал, собачьими вшами покрытый... в двери вошел для жизни удобного дома и к женихам достойным направился прямо в палату... Свинопас огляделся и взял табуретку. Кравчий обычно на той табуретке сидел, раздавая мясо... Вошел Одиссей многоумный... на ясеневый порог внутри у дверей он уселся, о кипарисный косяк опершился спиною, который плотник выстругал гладко, пред тем по шнуру обтесавши».

Гомеровский эпос дает ясное представление о хозяйственной жизни железного века. Греки сеяли пшеницу, ячмень и полбу.

Тягловой силой на пашне служили волы и мулы, поля вспахивали железным плугом — в «Одиссее» чаще, чем в «Илиаде», упоминается как раз железо. Зерно мололи на ручных мельницах. Важной отраслью земледелия было огородничество, виноградарство и садоводство — выращивали оливки, яблоки, груши, гранаты, смоквы. В земледелии широкое применение находили оросительные каналы, которые не раз упоминаются как в «Илиаде», так и в «Одиссее». Но главным богатством был скот. Одиссей владел стадами быков, овец и коз. Когда злополучные женихи Пенелопы уже основательно расточили его имение, у него оставалось еще 360 кабанов, которых свинопас содержал в 12 закутах: «В те закуты по пятьдесят запирались привыкших по грязи валяться маток свинных. А самцы кабаны ночевали снаружи... Звероподобные псы там лежали, свиней охраняя». В «Одиссее» упоминаются также кони, ослы и мулы.

Хозяйство эпохи дорийского господства было в основном натуральным. Земельный участок семьи именовался клером, что значит жребий. Возможно, что распределение земли по клерам имело общие черты с землепользованием в русской крестьянской общине — мире. Выраженные в клере продукты потреблялись в самом хозяйстве — икосе. Разорившиеся бесклерные общинники нанимались работниками, фетами, или, по-русски, батраками к состоятельным хозяевам. Собственные владения василевсов именовались теменами, которые составляли некоторое подобие средневековым европейским доменам. Предметом обмена была в основном военная добыча, особенно обращенные в рабов пленники, а также изделия из драгоценных и цветных металлов, из железа. Денег в собственном смысле слова эта эпоха не знала, но в качестве единицы обмена служили быки или бычьи шкуры, а также слитки из железа, бронзы, серебра или золота определенного веса, треножники и топоры.

Купцами в Элладе были в основном иноземцы — финикийцы, которые, помимо торговли, в том числе и продажи невольников, занимались еще морским разбоем. Репутация их у греков была вполне определенной: «Как-то причалили к нам финикийцы, народ плутоватый». В сравнении с лукавыми финикийцами греки считали себя доверчивыми и простодушными людьми.

Василевсы и знать владели рабами, а еще чаще рабынями, но число их было невелико — в доме гомеровского василевса Одиссея содержалось всего лишь 50 рабынь. Рабство носило

домашний, патриархальный характер. Рабыни часто бывали наложницами господина, в гинекеях они занимались ткачеством, пряжей, порой вместе со своими господами, которые также не чурались рукоделия — так, повседневным занятием царицы Пенелопы было тканье савана для своего престарелого свекра Лаэрта, при этом она, правда, ночью распускала все, что соткала на станке за день, чтобы иметь предлог для отлагательства нового замужества. Рабы часто ели вместе со своими владельцами, спали в одном помещении с ними. Одиссей считал преданного ему раба свинопаса Евмея своим другом, теплые чувства испытывал он и к любящей его кормилице Евриклее.

Но жизнь рабов была в руках их господ. Над козлопасом Меланфием и рабынями, вступившими в преступный сговор с женихами Пенелопы, сын ее Телемах учинил жестокую расправу: «Канат корабля черноногого взявши, через сарай тот канат перебросил, к столбу привязавши. После вздернул их вверх, чтоб ногами земли не касались... Так на канате они голова с головою повисли с сжавшими шею петлями, чтоб умерли жалкою смертью. Ноги подергались их, но не долго, всего лишь мгновение. Выведен был и Меланфий на двор чрез преддверие зала. Уши и нос отрубили ему беспощадною медью, вырвали срам, чтоб сырым его бросить на пищу собакам, руки и ноги потом в озлоблении яром отсекли».

Основу политического устройства Греции эпохи дорийского господства составляла община — демос, которая составляла полис. Островные полисы окружены были морем, континентальные — морем или горами. Полис — это и укрепленный город, в ту пору совсем малых размеров, и зависевшее от него государство, в состав которого входила также сельская округа — хора, состоявшая из деревень — комэ (у дорийцев) и дами — в Элиде. В них жили земледельцы и скотоводы, которые, несомненно, преобладали над знатью, ремесленниками и рабами. По дальней периферии полиса разбросаны были пастушеские хижины и загоны для скота.

Центром полиса был дворец, или, лучше сказать, дом василевса, которого называют по-русски царем только потому, что василевсами греки именовали действительных царей восточных народов, а также позднейших византийских императоров. Но не случайно для правителей этих полисов стало употребляться слово, которое в ахейскую эпоху обозначало местных администраторов, а отнюдь

не царей — ванактов. Размеры полисов темных веков были настолько ничтожны, что они действительно соответствовали тем территориальным округам, которыми управляли василевсы микенского мира, но ахейские василевсы были чиновниками, а василевсы дорийской эпохи суверенами. Это были наследственные племенные вожди, власть которых главным образом обнаруживалась на войне, когда они брали на себя командование народным ополчением, в котором участвовали способные к употреблению оружия свободные и принадлежащие к демосу мужчины. В мирное время василевсы выполняли в основном жреческие и судейские обязанности. Распоряжаясь хозяйством своего темена, василевсы порой и сами не чуждались физического труда. Так, Одиссей, похваляясь своей телесной силой, говорил: «Если б с тобой, Евримах, состязаться пришлось мне в работе в дни весенней поры, когда они длинны бывают, на сенокосе, и нам по косе б, изогнутой красиво, дали обоим, чтоб мы за работу взялись и не евши, с ранней зари дотемна траву луговую косили, если бы также пахать на волах нам с тобою пришлось, — огненно-рыжих, больших, на траве откормившихся сочной... ты бы увидел, плохую ль гоноу борозду я на пашне».

Советниками василевса были родовые старейшины — геронты, которые вместе составляли герусию, или буле, своего рода аналог римского сената. Лишь геронтам принадлежало право высказываться на народном собрании — агоре, в которое входил весь демос. От агоры, или демоса, требовалось получить согласие на особенно важные предприятия — войну, заключение мира, выселение за пределы полиса части народа для устройства колонии. Народ выражал свое одобрение на агоре криками или бряцаньем оружия.

В «Одиссее» описан созыв народного собрания на Итаке сыном василевса Телемахом: «Встал с постели своей возлюбленный сын Одиссея, в платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил... и приказанье отдал глашатаям звонкоголосым длинноволосых ахейцев тотчас же созвать на собранье. Очень скоро на клич их на площади все собрались. После того как сошлись и толпа собралась большая, вышел на площадь и он, с копьем медноострым в ладони. ...За ним две резвых собаки бежали... Сел он на месте отцовском, геронты пред ним расступились. Встал благородный Египтий и речь пред собранием начал...: “Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я! Не созывались у нас

ни совет, ни собрание народа с самой поры, как отплыл Одиссей на судах изогнутых”. Телемах жаловался собранию — агоре на бесчинства женихов его матери, но не преуспел — народ покорился одному из этих знатных женихов, который прекратил собрание, приказав: «Ты же, народ, расходись! К своим возвращайся работам!.. И по жилищам своим разошелся народ из собрания».

В состав демоса входили, очевидно, только те, кто принадлежал к завоевателям, а не потомки покоренных жителей полисов, периеки, хотя бы те и оставались лично свободными, но существовали, конечно, какие-то возможности для получения и ими гражданских прав, однако об условиях, порядке и процедурах подобной «натурализации» в эпоху дорийского господства нет определенных сведений. Автохтонное население Аттики, а также ахейцы, переселившиеся на Ионические острова, на Малоазийское побережье, на Кипр — словом, племена, не подвергшиеся порабощению со стороны дорийцев и выходцев из Эпира, образовывали, естественно, собственные демосы, в отличие от их покоренных соплеменников, которые оказались вне демосов своих завоевателей.

Политическое устройство эпохи дорийского господства носило ярко выраженный родовой характер — демос, своего рода союз племен, делился на филы, а филы на фратрии, каждая из которых состояла из нескольких родов (генос). При этом все дорийские демосы непременно делились на три филы — гиллейцев, диманцев и памфилов. Так было в Спарте, Коринфе, на Крите, Кифере и Родосе. В основе этого разделения лежал древний союз трех племен, сложившийся еще до вторжения в микенскую Грецию. Возможно, что одно из них имело инородное — фракийское, илирийское или даже италийское происхождение. О памфилийцах, которые составили население малоазийской Памфилии, Страбон писал, что они происходят от «народностей, предводимых Амфилохом и Калхантом, какой-то помеси племен, которая последовала за ними из-под Трои» (Страбон, *цит. изд.*, с. 624). При этом он ссылается на Геродота, который однако определенно называет памфилийцев элинами (Геродот, *цит. изд.*, с. 337). Там, где дорийцы приняли в свой демос потомков покоренных племен, те составили четвертую филу.

Религиозные представления дорийской эпохи претерпели существенные перемены в сравнении с теми, что существовали в микенском мире. Хотя имена некоторых богов и богинь

были унаследованы у предшествующей цивилизации, в том числе и у доэллинского Крита, но они приобрели теперь новый иерархический порядок. Центральное место в пантеоне занял воинственный и патриархальный бог Зевс, подобный василевсу олимпийцев. Былое почитание женского божества как верховной богини, заимствованное микенцами у критян, с одной стороны, отодвигается на второй план, а с другой, дифференцируется, превращается в культы Геры, Афродиты, Деметры, Афины, Артемиды. В честь богов совершались жертвоприношения — сожигался животный жир — тук, возливалось вино. Гомеровские поэмы представляют склад жизни, нравы и образ мыслей олимпийцев весьма похожими на обычаи и нравы греков, отличавшихся от них только своими немощами и смертностью.

Одним из святилищ эллинов стали Дельфы, средоточие культа Аполлона; туда приходили, чтобы поклониться богу и услышать от пифий оракул — туманное изречение, которое содержало в себе ответ на вопрошание и повеление относительно надлежащих действий, чаще всего политического характера — войн и заключения мира, реформ государственного строя и управления. Аполлон был общеэллинским богом, но особым почитанием под именем Аполлона Карниоса он пользовался у пелопоннесских дорийцев: «карнос» значит баран — чрез это имя прозрачно проступает пастушеское прошлое почитателей Карниоса, завоевавших Пелопоннес.

Содержание

Предисловие	5
Введение	10
1. География Европы	10
2. Христианская цивилизация Европы	13
Глава 1. Историографический очерк	29
1. Обзор историософских идей	29
2. Историография эгейской цивилизации	58
3. Историография античной эллинской цивилизации	61
4. Историография древнего Рима	77
5. Византология	117
6. Славистика и балканистика	140
7. Историография России	146
8. Медиевистика Запада	196
9. Историография Западной Европы нового времени	219
Глава 2. Доисторическая Европа.	
Рубеж III–II тысячелетий до Р. Х.	240
1. Расовый состав европейского населения	240
2. Археологические культуры Европы рубежа III и II тысячелетий до Р. Х.	249
3. Языки народов Европы рубежа III и II тысячелетий	262
4. Индоевропейские языки	265
5. Этногенез в Европе	281
6. Демографическая ситуация в Европе	284
Глава 3. Критская цивилизация	285
1. География Крита и островов Эгейского моря	285
2. Доисторический Крит и Архипелаг	287
3. Начало минойской цивилизации на Крите	289
4. Расцвет минойской цивилизации	293
5. Падение минойской культуры на Крите	303

Глава 4. Микенская цивилизация	304
1. География континентальной Греции	304
2. Доэллиническое население Греции	308
3. Заселение Греции ахейцами	311
4. Микенская Греция	314
5. Троянская война и упадок микенской цивилизации	335
Глава 5. Эллада в эпоху дорийского завоевания	341
1. Этническая карта Европы в конце II тысячелетия	341
2. Племена Северной Греции	349
3. Дорийское завоевание микенской Греции	351
4. Эллада в эпоху дорийского господства (XI–IX века до Р.Х.)	356

Протоиерей Владислав Цыпин

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

Том I

Истоки европейской цивилизации

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com

Оптовая книжная торговля: (495) 628-8210

Магазин «Сретение»: (495) 623-8046

